

תאם נובעזנו

תאם נובעזנו

Nous avons eu de la chance avec les

Wir hatten Glück mit der

We lucked out with

ר עונם עלז מ ונלוי ה

*Посвящается 50-летию
народной киностудии «Юность»*

Ган повежа

УДК 791.43–92:378.4
ББК 85.37:74.58
Н 24

Авторский коллектив:

Геннадий Пивняк, Леся Степовичка, Тая Зорина, Марлен Матус,
Елена Хованская, Светлана Графская, Надежда Гринько, Валентина Шабета,
Лев Попов, Анатолий Ирза, Борис Цегельницкий, Владимир Моложен,
Анатолий Косолапов, Тамара Беляева, Ким Левин, Сергей Деркач,
Семен Бурда, Вячеслав Бабич, Анатолий Гороховский, Анатолий Маценко,
Анатолий Пасынков, Виталий Герман, Анатолий Калущий,
Ефим Гальперин

Нам повезло... / под ред. Е. Гальперина и А. Косолапова.
Н 24 – Д.: Национальный горный университет, 2013. – 276 с.

Книга посвящена 50-летию Народной киностудии «Юность» Национального горного университета. В ней собраны отзывы друзей киностудии, а также воспоминания студийцев разных лет. Рассказано об истории создания и развития киностудии, приведены архивные документы и фотоматериалы.

Адресовано широкому кругу читателей.

УДК 791.43–92:378.4
ББК 85.37:74.58

СОДЕРЖАНИЕ**О НАС**

К ЧИТАТЕЛЮ	7
Геннадий Пивняк «ЮНОСТЬ» – ШКОЛА КИНОИСКУССТВА НГУ	11
Леся Степовичка LATERNA MAGICA В НГУ	17
Тая Зорина ЛЮБИТЬ – ЭТО СЕРЬЕЗНО	21
Марлен Матус ЭТО БЫЛО ДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...	40
Елена Хованская ОНИ СНИМАЛИ КЛАССНОЕ КИНО	45
Светлана Графская ТРОПА НАЧИНАЛАСЬ ТАК...	48
Надежда Гринько и Валентина Шабета СТУДИЙЦЫ НОВОГО ВЕКА	55

МЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ	67
Лев Попов ВРЕМЯ НЕ ПОВЕРНУТЬ ВСПЯТЬ	72
Анатолий Ирза ЗАПОМНИЛОСЬ...	82
Борис Цегельницкий ОГЛЯНУТЬСЯ В ПРОШЛОЕ	90
Владимир Моложен ЖИЗНЬ – ЭТО ТО, ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ	100
Анатолий Косолапов НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ	105
Тамара Беляева ...ХОХОТАЛИ КАК СУМАСШЕДШИЕ	125

СОДЕРЖАНИЕ

Ким Левин	
ПЕЩЕРНОЕ КИНО	129
Сергей Деркач	
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ	134
Семен Бурда	
СЛАДКОГОЛОСАЯ ПТИЦА "ЮНОСТИ"	156
Вячеслав Бабич	
И ТОГДА Я ОПЯТЬ ДОГАДАЛСЯ...	168
Анатолий Гороховский	
ПУТИ, КОТОРЫЕ ЖДУТ СВОИХ ПРОХОДИМЦЕВ	176
Анатолий Маценко	
И БЕСКОНЕЧНЫЙ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТРЕП...	184
Анатолий Пасынков	
"ПИСЦЫ" ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ	190
Виталий Герман	
И ВЫ МНЕ ПОВЕРИТЕ!	198
Анатолий Калуцкий	
НЕНАРОКОМ...	203
Ефим Гальперин	
ПРИВИДЕЛОСЬ...	212
НЕКОТОРЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ГАЗЕТЫ КИНОСТУДИИ...	281
ФИЛЬМОГРАФИЯ СТУДИИ «ЮНОСТЬ»	310
СЦЕНАРИИ И ДИКТОРСКИЕ ТЕКСТЫ	329
НАГРАДЫ КИНОСТУДИИ	358
БЛАГОДАРИМ	

К читателю

Эта книга, уважаемый читатель, выпущена к 50-летию киностудии «Юность» Национального горного университета.

Название книги «Нам повезло...» выбрано не случайно, потому что нам, студийцам, действительно повезло.

Сначала повезло связать свою жизнь с Днепропетровским горным институтом им. Артема, повезло, что в институте была создана студенческая киностудия, благодаря которой в нашей юности появилась особая страничка – «Юность».

С теми незабываемыми временами, преломленными через индивидуальность каждого из нас, ты, дорогой читатель, сможешь познакомиться на страницах раздела «Мы» этой книги.

Нам повезло на необыкновенных и замечательных людей, которые в разное время и словом, и делом поддерживали киностудию, искренне интересовались ее деятельностью, участвовали в организационном и творческом процессе.

Их воспоминания и мысли, изложенные на страницах этой книги в разделе «О нас», стали еще одним подарком к юбилею киностудии.

И, наконец, нам повезло с тобой, дорогой читатель, любознательно открывший эту книгу. Приглашаем тебя соприкоснуться с нашей «Юностью», ее трогательными и прекрасными моментами. Но для этого позволь немного рассказать о том, как все начиналось, и как это было...

В 1963 году комитетом комсомола горного института было принято решение об организации любительской киностудии. Инициатором этого начинания стал Лев Попов, студент механико-машиностроительного факультета.

В приспособленном для проявки и монтажа киноплёнки помещении бомбоубежища общежития № 2 стали собираться студенты. Они обучались основам киноискусства, пытались снимать свое кино. Среди них были Анатолий Ирза, Борис Цегельницкий, Александр Мельников, Владимир Ковальчук, Геннадий Мазур и многие другие. Именно в этом авторском коллективе родился первый фильм о геологической практике студентов в Крыму «Тропой романтиков». Потом были фильм «Здравствуй, будущее» и «Киносборники» – хроника событий в родном институте.

В 1966 году киностудию возглавил студент Ефим Гальперин. Тогда же пришло пополнение: Валерий Бродский, Ким Левин, Владимир Моложен, Анатолий Косолапов, а немного позднее Семен Бурда, Сергей Деркач, Анатолий Калуцкий, Анатолий Пасынков, Вячеслав Бабиц и другие.

Первым большим успехом киностудии был снятый в 1967 году фильм «Галка-профессор» о подвиге днепропетровской подпольщицы Галины Андрусенко в годы Великой Отечественной Войны, отмеченный Золотой медалью Республиканского конкурса любительских фильмов в г. Киеве. Эта лента собрала большое количество медалей, призов, премий, среди которых приз ЦК ВЛКСМ «За лучший фильм о советской молодежи», «Приз прессы», диплом 9 Международного фестиваля молодежи и студентов в Софии.

В этом же году был снят фильм «Наш Семеновско-Головковский» о рабочих угольного разреза, признанный лучшим хроникально-документальным фильмом года. В 1968 году появились фильмы «Больно» и «Мадонна», которые были удостоены высоких наград: Приз Всесоюзного кинофестиваля, посвященного 50-летию ВЛКСМ и Диплом на международном фестивале UNICA в Белграде.

По распоряжению руководства института киностудия за такие достижения получила новое просторное помещение, а также средства на закупку новых кинокамер, технологического оборудования, пленки и химикатов.

Ежегодно киностудия «Юность» принимала активное участие во всевозможных фестивалях и конкурсах любительских фильмов. Киноленты «Что ты знаешь о солнце...», «Пароль – Родина!», «Мы – геодезисты», «Птицы большие и маленькие», «Море в двух шагах» и другие удостоивались высоких наград и признания зрителей.

Фильм «Забота», рассказывающий об армейских сборах студентов, будущих офицеров танковых войск, на 8-м Республиканском фестивале любительских фильмов получил Первый приз, был тиражирован на Киевской кинокопировальной фабрике и запущен в сеть республиканского кинопроката всех кинотеатров Украины.

В 1971 году решением украинского совета профсоюзов самодеятельной студенческой киностудии «Юность» было присвоено звание «Народной». Это наивысшее признание заслуг коллектива в творчестве и развитии любительского кино.

До конца 80-х годов в Советском Союзе проводились смотры-конкурсы любительских фильмов и киностудия «Юность» была их постоянным участником. «Как объяснить тебе...», «Дочери ее и сыновья», «Прислушайся и ты услышишь вновь...», «Один из нас» – это фильмы, которые были представлены нашими студийцами на фестивалях и конкурсах.

В 90-х годах студия стала активно сотрудничать с Днепропетровским и Всеукраинским телевидением. Сюжеты для телевизионных программ «Возрождение», «Пороги», «Живое слово», «Богдановими шляхами», «Пізнаємо світ, світ пізнає нас», «Истоки Победы» часто подготавливали операторы Владимир Коренной, Дмитрий Шакович, Александр Мусинов, Андрей Ботов, Кирилл Буц.

Яркий и интересный опыт студийцам принесла работа с тележурналистом и генеральным директором Днепропетровской областной телерадиокомпании, выпускником ДГУ Николаем Павленко, главным редактором общественно-политических передач Владимиром Луценко, главным редактором молодежных программ Ириной Лизавенко, редакторами авторских передач Виктором Ожогиным, Владиславом Войцеховским, Фиделем Сухоносом, режиссером Луизой Щегловой.

Последние два десятилетия идейным вдохновителем киностудии «Юность» является заслуженный журналист Украины Галина Андреевна Пивняк – профессионал и человек, влюбленный в свое дело. Неисчерпаемый энтузиазм создателя, творческое горение и огромное воодушевление она щедро передает студийцам. Благодаря ее неумолимой энергии, любви к людям и беспокойству о сохранении исторической памяти, народных традиций и промыслов Украины, в киностудии родились уникальные по своей самобытности сюжеты и фильмы.

Нельзя не вспомнить творческий коллектив пресс-центра НГУ. Его журналисты Ольга Бондаренко, Наталья Руссу, Надежда Черевко, Валентина Шабета, Людмила Брега, Наталья Лесневская, Дарина Бутко, Ирина Соболев, Наталья Андрищенко вместе с нами создавали различные фильмы и сюжеты о мероприятиях, происходящих в университете. Несколько таких работ получили признание на международном кинофестивале «Днепр-Cinema».

Новые времена – новые веяния. Новая генерация молодых приемников пришла в «Юность» в 2000-х годах. Нынешнему руководителю и одновременно старожилу киностудии Анатолию Калущкому удалось сплотить вокруг киноискусства талантливую молодежь. Ребята работают в основном в информационном жанре, снимают и монтируют сюжеты на тему дня, размещая эти ролики на университетском сайте. Среди них – «Шотландская вечеринка в НГУ», «Бал в Горном», «Здесь юности нашей липы цветут»,

«Чайная церемония по-японски», «Изобретатели НГУ» и многие другие, всего не перечислить.

Как видите, наша «Юность» не стареет, несмотря на свои полувековые седины, а идет в ногу со временем. Радует, что в летописи ее истории много ярких кино-страниц прошлого и современности. Ведь интересная студенческая жизнь в этом коллективе сыграла свою роль в личностном, профессиональном и карьерном росте многих студийцев. В каких только сферах экономики, где только не трудятся сегодня наши коллеги! Воспоминания в эту книгу слетались из разных городов и стран. Потому что «Юность» в НГУ – это состояние души, подаренное нам на всю жизнь...

Вот теперь, дорогой читатель, когда ты совершил небольшой экскурс в историю Народной киностудии «Юность» Национального горного университета, перелистай страницы этой книги дальше, чтобы убедиться, почему и как нам действительно повезло...

*«Юность» - школа
киноискусства в НГУ*

*Геннадий Пивняк,
академик Национальной академии наук Украины,
ректор Национального горного университета*

В начале 1967 года на моей лекции по предмету «Электрические сети и системы», которую я читал третьему курсу специальности ЭП, обнаруживаю на задней парте аудитории двух студентов, мужественно борющихся со сном. Это были Анатолий Косолапов и Владимир Моложен. Ребята были успешными студентами, с хорошей репутацией и вдруг спят... Чуть громче произнесенная мною фраза привела студентов в чувство, и они в свое оправдание пояснили, что ночью была съемка...

– Какая съемка?

– А мы из киностудии «Юность».

О любительской киностудии при нашем горном институте мне было известно. И с ее организатором – студентом Львом Поповым я также был знаком – мы оба увлекались фотографией. Видел первые фильмы «Юности» «Тропой романтиков» и «Здравствуй, будущее», где авторы очень непосредственно рассказали о геологической практике во время учебы. В то время я считал, что кинолюбительство – прерогатива геологов-романтиков, которые всегда готовы в путь «за туманом и за запахом тайги». Об этом тогда свидетельствовал и состав студии – почти все были студентами геологоразведочного факультета.

А тут вдруг... кинолюбители, но «эпэшники» – прагматики, представители точных наук... Уже после лекции разговорился с ребятами и узнал, что студию «Юность» возглавил студент механико-машиностроительного факультета Ефим Гальперин и стиль студии меняется. Больше внимания уделяется общественно значимым темам. А съемки ночью в коридорах второго общежития – это как раз эпизод из нового фильма.

Пройдет совсем немного времени и меня пригласят на премьеру фильма. «Галка-профессор» – десятиминутный фильм, который прославил студию «Юность» и Днепропетровский горный институт. Трогательный кинорассказ о комсомолке Галине Андрусенко будет удостоен золотых медалей на республиканских, всесоюзных и международных фестивалях любительского кино.

Спустя год в Доме ученых состоялся первый творческий вечер-отчет киностудии «Юность». И ребятам было что показать. К этому времени появилось еще несколько фильмов, отмеченных наградами республиканских и всесоюзных фестивалей. В просмотре и обсуждении киноработ участвовали молодые ученые и маститые профессора горного института. Вспоминаю, с каким интересом воспринимали творчество наших студентов и мой учитель – профессор Сергей Андроникович Волотковский, и его коллеги-профессоры Николай Яковлевич Биличенко, Владимир Алексеевич Мурзин, Борис Александрович Кузнецов, Виталий Иванович Кармазин и многие другие.

В спорах и мнениях при обсуждении фильмов становилась невидимой грань – студентам можно было не соглашаться с мнением профессора и отстаивать свое...

Так в стенах нашего горного института буквально на моих глазах возник новый культурологический центр – настоящая школа киноискусства. В составе студии были и мои студенты: Владимир Моложен, Анатолий Косолапов, Семен Бурда, Алексей Мартыновский, Савелий Лин, которым я читал курс лекций «Переходные процессы», затем руководил их дипломными проектами. Так что о жизни студии знал много.

В коллективе сложилась удивительная атмосфера доброжелательности и «соревновательности» во всем: от умения выстроить сценарный ряд, зарядить кинокамеру, правильно поставить свет на съемочной площадке, проявить киноплёнку, смонтировать и озвучить фильм до написания стишков в родной стенгазете с рискованым названием, шуток, подколов и дружеских розыгрышей.

Царила выручка и взаимопомощь при создании фильмов: более опытные студийцы обязательно помогали советом и делом начинающим, приобщая своих коллег к миру кино.

На первом творческом вечере-отчете киностудии «Юность», 1968 г.
доцент Г.Г. Пивняк, профессор С.А. Волотковский и студент А.Ф. Косолапов

Участие студийцев «Юности» в республиканских и всесоюзных фестивалях стало нормой. Обычно на такие смотры от области представлялся максимум один фильм. Но наша «Юность» довольно часто была исключением. Например, в 1969 году во Всесоюзном фестивале самодеятельного кино участвовали и получили несколько наград сразу три фильма киностудии ДГИ.

Хотелось бы особенно подчеркнуть – студия не была отъединенной от общества, т.е. занятой только своими узкими интересами. Творческая дружба связывала ее с институтским студенческим театром эстрадных миниатюр, известным вокально-инструментальным ансамблем «Террикон», литературной студией «Уголек». В студии можно было встретить студентов госуниверситета и института инженеров транспорта, медицинского и металлургического институтов.

Студийцы активно укрепляли общественные контакты, сотрудничали с областной прессой, обкомом комсомола. Их гостеприимно принимали областные радио и телевидение. На творческие вечера «Юности» приезжали тележурналисты из Киева и Москвы.

Не будем забывать, что наши кинотворцы были еще и студентами ДГИ.

И никто не мог отменить для них ни лабораторных работ, ни лекций, ни курсовых проектов, ни экзаменов, ни производственных практик. Ведь так или иначе они должны были стать грамотными инженерами. И, должен сказать, ребята были очень успешными студентами.

Принимаясь за съемку очередного фильма, студийцы никогда не просили освободить их от посещения лекций или от каких-либо учебных заданий.

Как им удавалось все совмещать – непонятно. Но удавалось! Позже они признавались, что на любимое хобби у них уходило все свободное время – перемены между лекциями, выходные и каникулы.

Еще один удивительный феномен, о котором хотелось бы упомянуть. Вокруг студии всегда существовал круг болельщиков из числа студентов и преподавателей. Кино они не снимали, стихов не писали, но регулярно приходили на посиделки, которые устраивались в студии: просмотр фильмов Тарковского или Параджанова, обсуждение новых книг прозы или стихов.

К примеру, захаживал в студию, не проявляя никакого интереса к процессу киносъемки, студент Владимир Штенгелов. И только спустя пять лет после окончания института он взял впервые в руки кинокамеру. Сегодня Анатолий Штенгелов – один из ведущих телеоператоров Днепропетровщины. Или студент Саша Хургин. Заходил, разговоривал... Теперь – это известный писатель Александр Хургин.

Нельзя не сказать о важной роли студенческой киностудии в развитии образования и науки родного вуза. Речь идет о важном вкладе студийцев – использование киносъемки в научных разработках кафедр и учебном процессе. С помощью студийцев была налажена цейттраферная съемка – снимались скоростные процессы. Эти фильмы-исследования неоднократно становились составной частью докладов наших ученых на научных конференциях, использовались при разработке новых систем и механизмов. Был снят целый ряд учебных фильмов по заявкам кафедр для визуализации учебных курсов. Некоторые из них до сих пор используются в учебном процессе.

Признаюсь, в чем-то я даже завидовал студийцам. Ведь сам увлекался фотографией и мечтал о кинокамере. Но, увы, в коллектив студии не влился. Очень хотелось, но еще большим было увлечение научными изысканиями, желание внедрить в производство научные разработки, работа над докторской диссертацией... Да и общественных нагрузок было много. Поэтому остался болельщиком, очень неравнодушным болельщиком. Однако всегда находил время пообщаться со студийцами и был в курсе их начинаний. Видел, как просто на глазах взрослеют и мужают ребята, как они, опережая время и ломая стереотипы, приобретают полезные навыки в жизни и творчестве, как расширяется их кругозор.

Когда, уже работая ректором, пришлось искать кандидатуру на должность проректора, пригласил одного из своих бывших студентов – активного студийца Анатолия Федоровича Косолапова. И вот уже двадцать пять лет, работая с ним, каждый день убеждаюсь в правильности выбора и в том, что студия существенно помогала вузу «ковать» серьезные кадры!

С удовольствием продолжаю решать проблемы киностудии и оказываю посильную помощь в ее развитии, укреплении материальной базы, создании новых фильмов. Пятидесятилетняя история киностудии писалась на моих глазах и с моим участием.

Немаловажная роль в развитии киностудии принадлежит замечательному человеку, моему другу, директору библиотеки – Наталье Александровне Фоменковой, которая на протяжении многих лет шефствовала над киностудией как член парткома института, отстаивала их интересы, заботилась о студийцах, как о своих детях.

Студию знали в стране и признавали профессионалы отечественного кино. В числе самых первых в СССР нашей студии «Юность» в 1970 году присвоено звание «Народная», учрежденное ВЦСПС, ЦК комсомола и Союзом кинематографистов СССР. Еще бы – наши фильмы были постоянными лауреатами всех фестивалей: «Забота» (рассказ об учебных военных сборах студентов); «Один из нас» (посвящен памяти выпускника горного института Андрея Грязнова, о водружении флага страны на Эльбрусе); «Как объяснить тебе...» (о студенческом строительном отряде); «Дочери ее и сыновья» (об удивительной судьбе матери-героини Марии Лысенко и ее сыновей); «Прислушайся, услышишь вновь...» (о нашем поэте-земляке Михаиле Светлове).

Оглядываясь назад, понимаешь, что заслуженные призы и сами фильмы были лишь материальными свидетельствами признания студии, так сказать, верхушкой айсберга той кипучей полнокровной творческой жизни коллектива единомышленников, в которой были созданы все условия для раскрытия дарований студентов – литературных, художественных, организационных.

И неудивительно, что среди бывших студийцев есть и министры, и режиссеры, и руководители, и педагоги, и ученые. Например, Владимир Моложен стал известным специалистом в мире информационных технологий; Ефим Гальперин – кинорежиссером и продюсером, автором известных художественных и документальных фильмов; Семен Бурда – поэтом, автором нескольких поэтических сборников; Анатолий Косолапов – проректором и преподавателем в родном горном; Олег Коротенко – кинопродюсером, секретарем союза кинематографистов Украины, профессором; Анатолий Гороховский – и вовсе лицом духовным, раввином в Иерусалиме, преподавателем в иешиве (теологическое высшее учебное заведение);

Сергей Деркач – педагогом-наставником детской мультстудии «Веснянка», чьи фильмы пользуются признанием на международных конкурсах детского творчества.

Сегодня киностудию «Юность» возглавляет Анатолий Калущий, который остается преданным студенческому увлечению. Его команда вместе с журналистами информационно-аналитического центра НГУ создают

На фотовыставке работ Г.Г. Пивняка

множество сюжетов и фильмов о деятельности университета. Идей для новых кинорешений никогда не бывает мало. Ведь в горном жизнь бьет ключом.

Это касается и научной сферы, и международной деятельности, и гуманитарной составляющей вуза.

Приятно, что нить поколений студийцев не обрывается. В «Юность» по-прежнему приходит много желающих обучиться киномастерству. И корифеи студии с радостью обучают этому ремеслу студентов НГУ.

Я и сам увлеченно отношусь к творчеству киностудии, которая стала для меня источником вдохновения. Вот уже двадцать лет подряд в любые свои поездки я беру видеокамеру. Съемка позволяет по-другому увидеть мир. Самые простые вещи в объективе преобразуются, становятся прекрасными. Поэтому понимаю: люди, снимающие фильмы, наделены особым даром.

50-летний юбилей киностудии «Юность» – знаменательная дата для Национального горного университета. Роль студии в деле духовного

развития молодежи трудно переоценить. Студия является брендом горного университета, имеет высокий рейтинг среди студентов, а это значит, что «Юность» – по-прежнему живой организм, и еще не одно поколение студийцев будет мечтать и творить. Их работы откроют уже новые страницы из жизни университета, страны и мира.

Laterna Magica в ІКТУ

*Леся Степовицька,
голова Дніпропетровської обласної
організації Національної спілки
письменників України (2002-2012),
засновник і головний редактор
літературно-мистецького часопису
«Сігеслав» (2004-2012),
заслужений працівник культури України.*

Творчість – це коли чогось в природі не було, а тепер сотворилося. Ти – творець, якщо до тебе цього не існувало, а відтепер є, будь то науковий винахід чи книга, вишита народним орнаментом сорочка чи талановито зварений запашний український борщ. Іскринкою, ні, це мало сказано, вірусом творчості просякнута вся атмосфера Національного гірничого університету, що викликає щирий подив і захоплення. Ти ідеш коридором НГУ, підхоплюєш цей вірус, яким наелектризоване повітря в академічних стінах, і раптом відчуваєш, як ростуть крила за спиною, як і тобі хочеться долучитися до цієї епідемії творчості, сотворити щось, чого до тебе ще не було – написати акровірша, скласти пісню, злетіти, хоч на хвилю, в небеса радісного творення.

У цьому виші творять науку, творять із юнаків і юнок фахівців гірничої справи, різнобічно обдаровану особистість, творять співпрацю з іноземними спеціалістами, творять літераторів у студії «Вуглик», творять дружбу з митцями і поетами. І увічнюють свою творчу працю у мистецтві фотографії та кіно. Хто в місті й області не знає відомої серії телепередач «Пізнаємо світ, світ пізнає нас», героями яких були і є славні люди Придніпров'я, працівники міста і села, студенти, вчені, митці?

Безцінним джерелом пізнання себе та історії нашого народу стали цикли передач «Пороги», «Живе слово», присвячені славетним сторінкам історії Запорозької Січі, козацтва, унікальному феномену лоцманів, мистецтву кобзарів. Назабутній сюжет про презентацію в НГУ книги останнього лоцмана Григорія Омельченка «Лоцмани порогів дніпрових», на якій були присутні представники родини першого отамана лоцманів Мусія Півторацького, демонструвався в «Порогах». До речі, праправнучка Півторацького в 5 поколінні Надія Черевко є редактором прес-центру НГУ, автором багатьох сюжетів кіностудії «Юність».

Редактором названих серій передач, генератором плідних ідей, втілених кіностудією НГУ «Юність» у низку телефільмів, була й залишається жінка-ентузіаст, фаховий журналіст з дипломом Київського державного університету, залюблена в кіно та в людей рідного краю Галина Андріївна Півняк зі своїми помічниками і колегами.

«Laterna magica» – з латинської дослівно означає «магічний ліхтар». У долюм'єрівську епоху з допомогою такого фантоскопу творили перше «кіно», яке базувалося на грі світла й тіней. Відтоді цей вислів використовують загалом для означення всякої сінема.

Сьогодні народна кіностудія НГУ «Юність» відзначає свій 50-літній ювілей. За ці роки сотні гірників навчилися робити аматорське кіно, долучилися до мистецтва «чарівного ліхтаря». Нехай вони не стали професійними кіношниками, але пристрасне кінозахоплення освітло їм життєвий шлях, уяскравило юність і продовжує світити й зігрівати душу у зрілості. Ці люди стали провідними зірками науки, гірничої справи, і хоч доля розвела їх по різних континентах, дружба гірників-кіношників триває.

Дивовижно, що й сам ректор НГУ, академік Геннадій Григорович Півняк, захопившись фото- і кіномистецтвом, зробив

це хобі практично другим своїм фахом. Геннадій Григорович привозить кіносюжети із закордонних службових відряджень, насамперед, із Фрайберзької гірничої академії (ФРН) та Краківської гірничої академії (Польща). Їх ми з цікавістю дивилися в серії телепередач «Пізнаємо світ, світ пізнає нас» на обласному телебаченні.

Незабутні враження залишила виставка фотографій Г.Г. Півняка, яка експонувалася в стінах НГУ, здається, у 2010 році. Світлини, зняті пристрасним фотографом на тлі рідної української природи, а також у різних столицях і містах світу, супроводжувалися поетичним підписом, уривком із віршів дніпропетровських, українських та світових авторів – від Віктора Коржа до Уільяма Шекспіра.

Слава захопленим аматорам, безкорисливому аматорству, воно є тим бульйоном, у якому кипить думка, варяться нові ідеї, твориться новий продукт справжнього мистецтва, відомий вже далеко за межами Дніпропетровщини, адже телефільми кіностудії НГУ «Юність» демонструються і отримують найвищі призи на рівні республіканському.

Складаю сердечну подяку митцям кіностудії «Юність» і керівництву НГУ за особливу увагу і підтримку письменників, адже всі наші літературні ранки і вечори в Центрі культури української мови імені Олесея Гончара, наші творчі зустрічі зі студентською аудиторією, презентації «Січеслава» завжди підтримувалися фото- і кіносупроводом, що створювало атмосферу значущості, святковості і неординарності цих подій. Ось деякі значні кіносюжети, з любов'ю створені кіномайстрами «Юності» НГУ:

- відкриття Центру культури української мови ім. О. Гончара у 2003 році (автор сценарію Надія Черевко);
- урочистості з нагоди 85-річчя Олесея Гончара в НГУ, у яких взяли участь Валентина Гончар, народна артистка України Лариса Кадірова, письменниця Наталя Дзюбенко-Мейс;
- урочистості до 90-ліття Олесея Гончара, у яких взяли участь Валентина Гончар, поет Іван Драч, проректор Національного

Полтавського університету, професор М. Степаненко, письменники Дніпропетровщини (автор сценарію Ірина Соболев);

- літературно-мистецька акція «Дмитро Павличко в Січеславі»;
- приїзд і виступи в НГУ поета Бориса Олійника;
- творча зустріч з письменником Степаном Горлачем (Канада), презентація його роману «Максим»;
- творча зустріч з онукою О. Гончара Лесею Гончар та Русланом Найдюю;
- творчі вечори письменників О. Ратнера, М. Миколаєнка, В. Коржа, С. Бурлакова, М. Чабана, Л. Степовички, Л. Залати та ін.;
- презентації журналу «Січеслав» з відзначенням дипломантів премій імені І. Сокульського, ім. В. Підмогильного, В. Ніколенка, О. Вусика, Ю. Шковири, М. Маменка та П. Маменка;
- зустрічі з головним редактором газети «День» Ларисою Івашиною;
- щорічні сюжети «В гостях у Олександри Терентіївни Сови, сестри Олесея Гончара»;
- сюжет про життя, наукову та ректорську діяльність академіка Г.Г. Півняка «Вимір часу» (автор Наталя Андрющенко), та багато інших.

Ці кіносюжети демонструють студентам в Центрі культури української мови ім. О. Гончара, на заняттях мовного клубу «Джерело», транслують на обласному телебаченні. Таким чином, діяльність кіномитців НГУ та їх кінопродукція сприяє популяризації творчості майстрів пера Придніпров'я, розвою плідної співпраці гірників і поетів, за що сердечна подяка незмінному від 1982 року керівнику народної кіностудії «Юність» НГУ Анатолію Миколайовичу Калущькому та його колегам, редакторам прес-центру НГУ і авторам сюжетів Надії Черевко, Валентині Шабеті, Ірині Соболев, Наталії Андрющенко.

Окрема подяка генераторам ідей і модераторам активної кінодіяльності в НГУ Галині Андріївні Півняк та директору інституту гуманітарних проблем, професору Віктору Юхимовичу Пушкіну. Зі святом вас, з півстолітнім ювілеєм нестаріючої «Юності»! Нехай не міліє джерело Вашого натхнення, нехай Вам прибуде снаги невтомно творити прекрасне!

Мені пригадався давньогрецький філософ Діоген, відомий своїм гострим розумом та епатажною екстраординарністю, який, інколи полишаючи свою знамениту бочку, ходив вулицями міста Синопа і світив ліхтарем навіть вдень. Коли його спитали, чому він це робить, він відповів: «Я шукаю людину». Чоловік з відеокамерою, оператор Геннадій Григорович Півняк, за сумісництвом ректор НГУ, не тільки по-діогенівськи шукає, а й віднаходить Людину, багатьох людей, робить їх друзями університету, соратниками, однодумцями, увічне у своїх сюжетах та фотопортретах, робить надбанням сотень і тисяч глядачів.

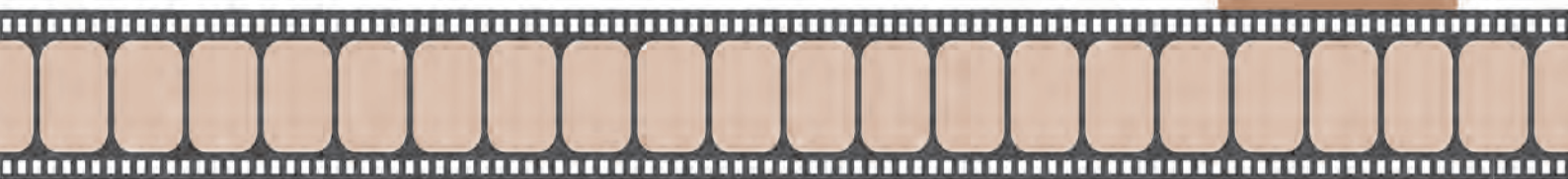
Сяєво «чарівного ліхтаря» висвітлює гармонію талановитої душі, духовне багатство кіно- і фототворців НГУ, тих шляхетних людей «за кадром», чий імена ми не завжди знаємо і чия творчість збагачує наше життя новими знаннями, розцвічує новими яскравими фарбами, несе глядачам величезну втіху та естетичну насолоду.

Любить – это серьезно

Татьяна Зорина,

*кинодраматург, главный редактор Днепропетровской
экспериментальной лаборатории по производству
технических средств обучения (1963 – 1986 г.),
автор и ведущая телевизионной программы «Муза
и дети» Днепропетровского областного телевидения*

Кто бы мог сказать пятьдесят пять лет назад, когда я окончила Днепропетровский горный институт по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых», что сегодня я буду писать вот эту самую статью для книги, посвященной 50-летию студенческой киностудии «Юность»?

Ну, разве что бывший директор студии «Юность» Толя Косолапов, с которым я познакомилась в послевоенном детстве в уютном доме его бабушки и дедушки на большом семейном празднике с новогодней елкой. Помню, как сейчас, какой она была нарядной, пахнувшей хвоей и мандаринами. По праву «старшенькой» я водила хороводы и читала «младшеньким» стихи о кошке, для которой сшили противогаз!... Может быть, уже тогда Толя увидел в какую-то волшебную подзорную трубу, что мы будем учиться в одном институте, одинаково сильно любить одного поэта – Владимира Маяковского, да еще и в силу общих привязанностей к кино окажемся коллегами по работе в Днепропетровской экспериментальной лаборатории по производству технических средств обучения.

...Как-то я слишком быстро шагнула вперед. Нужно было обо всем по порядку. Тем более что разговор у нас о любви. Ведь самый главный кинолюбитель – это зритель! И здесь уж как кому повезет.

Думаю, моим сверстникам повезло. Моя киношкола началась с фильма «Белеет парус одинокий». Сама я еще не умела читать, мама читала мне Катаева, по этой книге я училась складывать буквы в слова. И тут – подарок: только что прочитанное с мамой я увидела на большом экране в фильме Владимира Легошина.

Увидела Гаврика, Петю, дедушку, впервые увидела настоящее живое море. Это было открытие совершенно нового мира, новых чувств, переживаний, радостей. Но вдруг все это вмиг оборвалось. Война. Так совпало: только-только началась такая захватывающая жизнь с кино – и сразу закончилась.

Мне было шесть, когда лучи прожекторов решетили черное небо, были сирены и с ними заодно, встав на задние лапы у подоконника, был наш испуганный пес. Привычное сознание о покое ночи, сна, отдыха – опрокинулось. Все сломалось, перевернулось. Спать уводили под землю, в вырытые щели, где что-то холодное сыпалось за шиворот, пахло погребом и червями. Я запомнила жуткую дрожь от страха и непонимания происходящего. Дальше – страшнее.

На какой-то станции во время эвакуации нам преградил путь на Урал разбомбленный состав. Развороченные вагоны, расстрелянные тела, непонятно деловая кровавая кутерьма с носилками, санитарными сумками, противогАЗами, с резкими выкриками команд и тихими всхлипываниями. Взрослые из нашего эшелона помогали как могли, а дети были просто свидетелями ужасающих картин опрокинутого мира. Страх сжимал горло.

Только вчера там, дома в Днепропетровске, я плакала, прощаясь с любимыми книжками, с моим зайкой, мишкой, слоником, а здесь... Здесь плакать не было времени, все спешили освободить путь для нашего эшелона с важным оборудованием завода им. Ленина. Это оборудование уже ждали в городе Каменске Уральском. Там срочно строился новый трубопрокатный цех, который должен был выпускать военную продукцию – гильзы для снарядов.

Я так подробно вспоминаю давно минувшее, потому что двадцать лет спустя именно эти эпизоды детства послужили материалом для первой письменной творческой работы «Этюд на заданную тему» во время моих конкурсных вступительных экзаменов на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК).

Война оборвала безмятежное детство. Мы как-то сразу повзрослели и, признаюсь, кино сыграло очень большую роль в осмыслении событий того времени. Книжек не было, библиотека очень далеко. Но рядом в соцгороде есть холодный деревянный клуб, где показывают, все-таки показывают (!) кино. Боевые киноальбомы, выпуски кинохроники перед фильмами. Родители, круглосуточно занятые работой, отпускали нас на дневные киносеансы, а вечерами мы пересказывали им увиденное. Фильмы помогали

нам как-то выстраивать разные «поперечные мысли», надеяться, мечтать. Вперемешку со сказками Роу и Птушко, которые согревали душу, мы смотрели совсем взрослые картины. Хорошо помню «Богдана Хмельницкого» Игоря Савченко, замечательную трилогию Марка Донского «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты», «Летчики» и «Машеньку» Юлия Райзмана, «Путевку в жизнь» Николая Экка, «Секретаря райкома» Ивана Пырьева. А его фильм «Свинарка и пастух» неделями не уходили с экрана. Нас, детей, билетеры часто пропускали в зал без билетов. Спасибо им за эту радость.

Конечно, мы не очень обращали внимание на титры, хотя пытались даже вслух читать их, но имена актеров каким-то образом оседали в памяти. «Семеро смелых» с Алейниковым и Макаровой, «Александр Невский» с Черкасовым и Абрикосовым, «Моя любовь» со Смирновой, «Цирк» с Орловой, «Фронтовые подруги» с Федоровой и Алешиной, незабываемые кадры с Марецкой в фильме «Она защищает Родину» – все это наши зрительские зачеты в первых двух классах начальной киношколы, которую я прошла на Урале.

Первая учительница у нас была замечательная – Алла Викторовна Кожевникова. Она каждую неделю расспрашивала нас, что читали, какие фильмы смотрели, что понравилось и почему. Помню, как она поздравляла нас, эвакуированных детей заводчан, когда ранним утром Левитан сообщил по радио об освобождении Днепропетровска.

В освобожденный Днепропетровск я возвратилась в 1944 году и пошла в третий класс школы № 67 остриженной «под 0», потому что ехали мы с Урала целых три недели, мыться было негде.

...В городе полно разваленных, сгоревших домов, домашние уроки делали при коптилках, но в кинотеатры свет давали! Мы теперь уже культпоходами, всем классом, ходили в кино. Пока не построили кинотеатр «Октябрь», наш кинозал был на улице Дзержинского, где потом долгое время размещалась областная филармония, а теперь пышно сверкает вывеска «Grand Opera».

Это были самые замечательные дни: нас снимали с последнего урока, чтобы успеть на дневной сеанс. Первый фильм в Днепропетровске я хорошо запомнила на всю жизнь – «Два бойца» с Борисом Андреевым и Марком Бернесом. Потом – потрясающая картина Марка Донского «Радуга» с Ниной Алисовой. Фильм Л. Арнштама «Зоя», «Жила-была девочка» В. Эйсымонта с маленькой Наташей Зацепиной. Зажигался свет, и мы прятали заплаканные глаза. Когда же выдохнутся эти проклятые фашисты, когда закончится война?

И она закончилась! Пришла Победа! Господи, какой праздник кипел под огромным тополем возле общежития горного института! После демонстрации под теплым майским ливнем никто не хотел прятаться в домах. Мы, дети, тыкались между взрослыми, танцевали и пели вместе с ними. Гармони и аккордеоны соревновались без передышки, зажигали знакомыми мелодиями.

...В нашу киножизнь пришел с фронта «Ющей Бессмертный» Александра Роу с любимым Георгием Милляром. Фильм и впрямь пришел с фронта: его первые копии в срочном порядке были отправлены в районы боевых действий, чтобы поддержать силы бойцов перед решающим наступлением. Есть воспоминания фронтовиков о том, что эта известная сказка подымала дух уставших от войны солдат.

А в школе мы начали писать изложения по фильмам «Сын полка» Василия Пронина, «Человек № 217» Михаила Ромма, «Молодая гвардия» по роману Александра Фадеева, главы которого мы еще недавно слушали по радио, припав к репродукторам. Картина Сергея Герасимова потрясла наши неокрепшие души, все изложения-сочинения были для нас очень трудным испытанием. Ведь мы любили героев, о которых писали, и по-настоящему страдали за них. Недаром фильм «Сельская учительница» с Верой Марецкой имел еще и второе название – «Воспитание чувств».

Мы говорили об этом на встрече с Александром Фадеевым, которого мне, председателю пионерской дружины, удалось пригласить в школу. Он обещал прийти. И пришел. Перед самым отъездом из Днепропетровска (тогда он собирал

материалы о металлургах для новой книги). Мы целой толпой отправились провожать его на вокзал, к удивлению тогдашних партийных чиновников. Это была такая пионерская инициатива, смелая по тем временам, о которой не знала ни директор школы, ни учителя. Я поделилась своей идеей только с завхозом дядей Митей. Он жил с семьей при школе и помогал нам во всех детских делах. Дядя Митя не выдал секрета, а его жена в то воскресное утро к приходу детей и высокого гостя добела вымыла наш дощатый пол в зрительном зале.

...Шли годы, мы выросли. Выросли и фильмы о войне. Их будет еще много. И именно эти фильмы сыграли решающую роль в моей жизни – после окончания горного института (с его студенческим театром, великолепным хором, эстрадными обозрениями), поработав на кафедре геофизики, я все-таки решила сменить профессию. Сейчас вспоминаю, как шла к этому решению.

«Дом, в котором я живу» Кулиджанова, «Летят журавли» Калатозова, «Память сердца» Лиозновой, «Судьба человека» Бондарчука, «Баллада о солдате» и «Чистое небо» Чухрая, «Мир входящему» Алова и Наумова – это фильмы-события, каждый из них, как ступени при восхождении, отзывался во мне памятью моего сердца. Я поняла, наконец, насколько прав был Ромен Роллан с его «Очарованной душой»: «Истинная жизнь – жизнь внутренняя».

Мечта сделать фильм о моем военном детстве и привела меня во ВГИК, который я закончила в 1967 году с присвоением квалификации – «кинодраматург», «литературный работник телевидения».

Вот тут-то, чуть позднее, и произошла моя встреча с авторами фильма «Галка-профессор». Я в это время вела на Днепропетровском областном телевидении свою авторскую программу «Пионерская кинопанорама».

Готовила я ее в сотрудничестве с руководителями детских киностудий шести союзных республик (спасибо советской почте, она работала очень ответственно, ни один фильм не затерялся).

Очевидно, благодаря этой работе последовало предложение от литературной редакции – взяться за подготовку и ведение передачи «Киносправочник» с анонсами новых фильмов, зрительской почтой, дискуссиями и обзорами работ аматорских киностудий Днепропетровщины. В основном по результатам традиционных кинофестивалей и семинаров.

Т. Зорина на съемках программы «Пионерская кинопанорама»

Т. Зорина на съемках программы «Киносправочник»

Надо сказать, что в 60–70-е годы прошлого столетия о любительском кино заговорили с большим интересом. И в прессе, и на телевидении. При всей бедности в обеспечении пленкой, аппаратурой, рабочими помещениями творческий народ не сдавался и к решению своих проблем подходил тоже творчески.

Фильм «Галка-профессор» авторской группы в составе Е. Гальперина, В. Бродского, Т. Моложена, А. Мартыновского, снятый на узкой пленке, отпечатанный в одном экземпляре, завоевал одну за другой несколько почетных наград.

... Галина Илларионовна Андрусенко

Член ВЛКСМ

Год рождения 1924

Год бессмертия 1943

Это надпись на памятнике, самые первые кадры и самый точный текстовый посыл в этот «год бессмертия»:

«...В школе ее называли профессором (из воспоминаний одноклассника). Очень Галка до знаний была жадная.

Ее расстреляли на рассвете...»

Текст Ефима Гальперина очень бережно организует тот скупой изобразительный материал, который авторам удалось собрать. Скорее даже не собрать, а наскрести, скрепляя документы истинной жизни этой девятнадцатилетней девочки игровыми эпизодами, восстанавливающими трагическую правду ее гибели.

«...Скрипнула открывающаяся дверь, и грубый голос бросил в темноту «Андрусенко». Эхо понесло по темному коридору «Андрусенко».

Эхо – это живая волна: памяти, надежды, сострадания, даже нашей зрительской иллюзии, что еще не все потеряно. Галка жива. И в следующую секунду – новый удар в сумрак камеры: «Выходи!». Значит все. Прощайся с друзьями и иди по коридору».

Эта покадровая запись текста может быть началом внутреннего монолога героини, равно как и монолога рассказчика, проживающего вместе с ней время, которое еще осталось, но вот-вот оборвется.

«...Длинный, очень длинный коридор. Сзади идет человек, совсем чужой – враг – и насвистывает: «Вир зольдате марширен, мишдас метхен шлацирен». Вот и пришел твой час, Галка. Ты ведь знала, что предстоит. Помнишь, ты подумала об этом тогда, когда ребята пронесли тебе пишущую машинку. Ты залила больше масла в снарядную гильзу, протерла литеры на машинке и зарядила первые четыре листа под копиру...»

Отчетливо до сих пор помню эти кадры:

...Сумрак длинного коридора.

Кадры из фильма
«Галка-профессор»

Звуки шагов. Насвистываемый надоедливый мотив «Вир зольдатен марширен...»

...Тусклый свет впереди.

...Пишущая машинка, ряды родных букв, листы бумаги, готовые принять строчки слов.

...Снова темные стены, тусклый свет.

Авторское слово заставляет каждый предмет, каждый звук свидетельствовать о произошедшем четверть века назад. Так ли это было? Так, конечно, так.

И Галка знала, что ей грозит, но она видела, как хозяйничает враг на ее земле. Видела вереницу рядов военнопленных, гонимых на смерть. Видела глаза матерей, провожающих их. Видела повешенных на улицах Днепропетровска. Видела и слышала полицаев, «своих», ставших врагами.

Вот как об этом у Гальперина:

« – Галка-профессор, выбей большую букву «Т». С этой буквы начинается слово «Товарищ».

Стучит, как пулемет, Галкина машинка. Бей, Галка, бей. Зови: «Рідні мої земляки! Ворог на нашій землі». Вкладывай, Галка, силу в каждое слово.

Слово – патрон. И всаживай, как в обойму, слова в строку: «Смерть фашистським загарбникам!».

Ты знаешь, Галка, возле окон
Стучат фашистов сапоги.
Идет к востоку враг жестокий,
Есть путь борьбы и нет других.

Пусть станут крепостью руины,
Пусть станет дзотом каждый дом,
Пусть станет наша Украина
Врагов сжигающим костром.

«Двоится огонек свечи, пальцы дрожат от усталости. Но утром придут ребята за листовками. И забыт сон, забыта смерть».

Но смерть пришла и пропитым голосом рявкнула: «Відчиняй! Поліція!»

Дальше все известно. Обыск и Галкины мысли о предательстве. Тех, кто вот так рыщет, вынюхивает, переворачивает все в доме вверх дном...

И еще в этом длинном и темном коридоре хватит времени, чтобы прокрутить пленку назад...

... «Вежливый следователь со своей коробкой конфет:

«Бите фройляйн».

И тут же эти руки бьют по лицу, глушат резиновым шлангом. Бьют, бьют.

... – Она стонала и все хотела потерять сознание. Но сознание было крепким, оно не терялось.

... Губы шептали: «Я, только я, никто другой. Отпустите остальных...

Галка-профессор, ты не можешь иначе. Ты зачеркиваешь свою жизнь, чтобы жили друзья. Но ведь эти звери все знают».

Кадры из фильма
«Галка-профессор»

– «Ребята, я задачу решила!»

Это она вспомнила, потому что ступеньки в конце коридора напомнили ей другие, школьные ступеньки, по которым она тогда влетала в класс.

А теперь так трудно подниматься, когда болит избитое тело...

Господи, опять за спиной: «Вир зольдате марширен, дас медхен шлацырэн».

– «Скоро твои «медхен» будут плакать, потому что ты когда-то начал маршировать!»

Сереет небо. Блестит снег. Рассвет встает над землей. «Галка, тебя все-таки вталкивают в машину!

ПОДОЖДИТЕ, ОСТАНОВИТЕСЬ!

Галка-профессор, ты, может быть, стала бы врачом, ты была бы хорошим врачом. Ты, может быть, стала бы учителем, ты была бы хорошим учителем... Ты, может быть,... Главное: ты – ЧЕЛОВЕК, ГАЛКА!

... А машина не останавливается... Едет по рассвету. Потом стоп: «Выходи». Она вышла. «Иди!».

... Болит тело, холодно, под босыми ногами тает снег. Галка, это твой последний рассвет. Твои последние шаги по земле. Выпрямись, держи высоко голову!

С каждым шагом ближе темная пропасть обрыва, готового тебя поглотить, а сзади скрипят сапоги конвоя.

Конвой. Рассвет. Ветер поднимает снег, плетет снежные цепи, бросает комья снега в глаза под касками, свистит в стволах автоматов. Ветер борется за тебя, Галка, и, чувствуя, что не остановить ему шаг смерти, гудит прощально у тебя в ушах...

... А жить хочется. Ведь еще не любила, не встречала ты первую настоящую весну. И вот – край обрыва. Нет!

Не оглянись,
Ты точно знаешь,
Что сзади серый, вражий строй...
Они в смятенье –
Ты шагаешь, как будто крылья за спиной.
Им кажется, что ты, поднявшись,
Сейчас взлетишь в небес простор.
Они, команды не дождавшись,
Начнут стрелять почти в упор.

В грохоте выстрелов затихнет ветер и последним шелестом девичьих губ пронесется: «Ухожу».

... И опять памятник и надпись:

... Галина Илларионовна Андрусенко

Член ВЛКСМ

Год рождения 1924

Год бессмертия 1943

Не знаю, как определить жанр этого фильма. Может быть, это ода. Может быть, баллада о радости бесстрашия, когда страшно, баллада о радости жить.

Искренность, человечность, достоверная манера, не исключая поэтичности, даже пафоса, и благодарная память, которые отличают этот фильм, всегда будут волновать зрителей любого возраста так же, как и в 1967 году, когда эта работа получила:

- Золотую медаль II Республиканского конкурса любительских фильмов.
- Диплом I степени, звание лауреата и приз ЦК ЛКСМ Украины «За лучший фильм про радянську молодь», г. Киев.
- Диплом I степени, звание лауреата и приз ЦК ВЛКСМ «За лучший фильм о молодежи» II Всесоюзного фестиваля любительских фильмов, посвященных 50-летию Советской власти, г. Москва.

• I премию III Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы советского народа, г. Ленинград.

На областное телевидение приходили благодарственные письма в адрес авторов фильма «Галка-профессор». И сегодня я не могла спокойно читать сценарий, потому что решила максимально подробно процитировать его. Ведь это было начало почетного восхождения киностудии «Юность» после фильмов 1963–1965 годов: «Тропкою романтиков», Киносборники № 1 и № 2 об институтской жизни, «Здравствуй, Будущее» – о профессии геолога.

Стоп.

... Как интересно выстраивает Космос временную спираль событий. Вот прямо сейчас в памяти высветилась матрица: «Почерк кинолюбителей». Я сейчас же найду в старой папке (там все сложено по датам) свою статью с этим названием. Я помню, что полвека назад писала уже о фильме «Галка-профессор». Так вот, «Днепровская правда» от 3 сентября 1969 года. Интересно сравнить. Я писала о дебютантах областного фестиваля, о предстоящих фестивалях в Ленинграде, Туле и заключительном – в Москве.

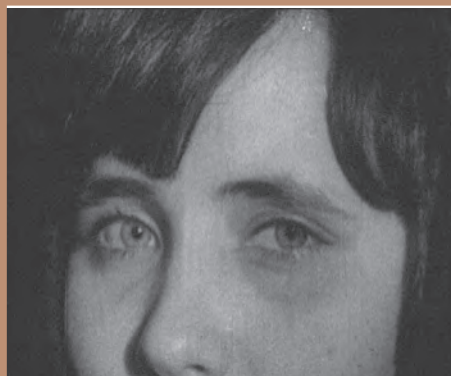
Не в обиду, а справедливости ради, жюри областного фестиваля отмечало, что нашим фильмам на республиканском и Всесоюзных смотрах придется нелегко. Очень уж робко мы продвигались вперед. Уж очень «операторскими» были картины в то время, даже самые лучшие из них: «Через пять перевалов» (В. Племенюк, студия «Никофильм»), «Здесь начинается хорошее настроение» (В. Буянов, студия «Нашфильм»), «В объективе – дети» (П. Гулитов, студия «Шинник»), фильм студии ВНИТИ «Два дня по путевке месткома», «Не за тридевять земель» – широкоэкранный фильм студии «Рута», г. Марганец...

Операторы уже работали в цвете, под водой, на широком экране. Для них сам процесс съемок был увлекательным, но зрителей этим не удивишь. Зритель тоже любит кино. Он хочет большего. Хочет знать твои мысли, разделить твои волнения, он хочет понять, во имя чего ты захотел овладеть языком кино. Пусть тема будет не новой, важен авторский взгляд, авторская мысль.

Вот тут-то я и написала, вспомнив 1967 год: «Все же «классическим» до сих пор остается фильм студии «Юность» Днепропетровского горного института «Галка-профессор». Этому фильму аплодировали в Москве и Житомире, в Ленинграде, Киеве и Софии. Ребят поздравляли, радовались вместе с ними и ждали, что они покажут свои новые работы.

Нет, не лишне иногда вовремя вспомнить минувшее. Новые фильмы не замедлили появиться. Новеллы «Мадонна» и «Больно» (с объединяющим названием «Этюды») в какой-то мере по своему образному строю стали продолжением фильма «Галка-профессор». Авторы увидели в центре этих новелл тоже документальные события, только «свидетелей» их не было.

Кадр из фильма «Мадонна»

Кадр из фильма «Больно»

Обобщенный образ «Мадонны» подсказан конкретным именем одной из первых комсомольских лидеров Днепропетровщины – Ольги Гвязды. Время революционных событий на Украине «выдвинуло» немало героев и героинь, смотрящих в лицо смерти. Хотя никто не хотел умирать.

«Никто не хотел умирать». Именно так назывался фильм о жестокой классовой борьбе Витаутаса Жалакявичуса (главная премия Всесоюзного кинофестиваля, 1965 г., главная премия Ленинского комсомола, 1966 г., Государственная премия СССР, 1967 г.), который я тогда посмотрела в Москве.

Я не случайно вспомнила встречу во ВГИКе с режиссером этого фильма после его просмотра. Время получения премии Жалакявичусом совпадает с событийными датами киностудии «Юность». Совпадает и тематика. Есть, конечно, разница в форматах картин. Но Ольга Гвязда – имя, вошедшее в героическую историю комсомола, и имя замечательного актера Донатаса Баниониса звучали в Житомире и в Москве просто в одно время, потому что ВЛКСМ награждал тогда лучшие фильмы, посвященные 50-летию Ленинского комсомола. Сходство – не тождество, но авторская мысль и в одном, и в другом фильме работала в унисон, создавая свой масштабный силовой эгрегор (в оккультизме эгрегор – сущность, взаимодействующая с человеческим разумом). Развязка в этих фильмах тоже сходная. Нелепая смерть от вражеской пули.

Как погибла Мадонна?

Пусть об этом расскажет автор! Есть в этом фильме щемящая нота.

... Девушку свалил сон. Она уснула, уронив голову на руки, за столом в мастерской старика-фотографа. Преследователь настигает ее там. Убита красота, молодость, любовь. Безысходность, бессмысленность, жестокость гражданской войны, любой войны...

Рядом с этой новеллой – вторая. Также о смерти. Только в мирное время. На улице бьют, убивают человека. И нет никого, кто бы восстал против этого. Больно! И название новеллы – «Больно».

Эти этюды получили I место на Днепропетровском городском фестивале, посвященном 50-летию ВЛКСМ, диплом IV Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы советского народа и приз прессы Всесоюзного фестиваля, посвященного 50-летию ВЛКСМ в Житомире.

Понятно, что заданность тем фестивалей с посвящением определенным датам и событиям в какой-то мере ограничивала выбор и сюжетов, и героев, но так или иначе у «Юности» тема войны, тема борьбы за Человека не уходила. Она прорастала в авторском осознании себя Свидетелем Всего. Всех страшных несовершенств мира людей. А ведь это – один из вариантов Просветления и в наше время и, к сожалению, более частый. Если мы не можем что-либо изменить, то мы можем хотя бы поставить вопросы, заявить о всечеловеческой ответственности, и о своей в том числе. Чтобы не уронить достоинства и уважения к себе.

Каждый из нас сам выбирает главный для него способ познания себя. Творчество, его итог – это, собственно, позволение получать тот опыт, который мы считаем для себя наиболее важным.

И тут я очень осторожно подхожу к территории фильмов «Пароль – Родина!» и «Забота». Именно для того, чтобы быть правильно понятой и никого не обидеть, я и решила рассказать о военном детстве, начав таким образом собственное летоисчисление узнавания мира и воспитания чувств.

Мне очень по-человечески близки все, кто ставил перед собой цель средствами кино говорить с людьми. А студийцы «Юности» особенно. Ведь мы – выпускники Днепропетровского горного института им. Артема, с той только разницей, что все мои сокурсники сегодня в мире социальном определены как «дети войны» (такой горький статус, но от него никуда не деться), а авторы фильмов студии «Юность» – в большинстве своем из первого послевоенного поколения.

У меня так и не вышло сделать фильм о военном детстве. По-хорошему позавидовала Жене Евтушенко, когда посмотрела его «Детский сад». Наверное,

неосуществленная мечта и толкнула меня на такой исповедальный тон этих моих заметок. Хочу быть предельно справедливой, впрочем, я всегда старалась следовать этому принципу: и когда приходилось вести семинары для кинолюбителей, и когда представляла фильмы, выходящие на экран, в прессе и на телевидении, и когда выполняла работу по программам Всесоюзного бюро пропаганды советского киноискусства. Были, правда, моменты «вынужденного умолчания», обидной недосказанности. Хотя бы для того, чтобы потом статью не резали по живому, чтобы не было осложнений у редактора и режиссера, готовящих передачу.

Почему я сегодня об этом говорю?

Потому что, как и много лет назад, сегодня мне очень трудно касаться таких тем, как «Зарница», всем запомнившаяся своими масштабами, количеством участников, огромной работой взрослых и детей.

Сколько «Зарниц» я видела на фестивалях аматорского искусства! Не счесть. И все они – удивительно похожие, как родные сестры, из года в год безрадостно повторяли самое себя. Конечно, это были ленты, снятые по строго определенному сценарию всесоюзной военизированной игры, которая должна была стать событием для каждого ее участника. Но вот беда – этого не получалось. Гораздо большим событием для детей было то, что их снимают в кино. И они увидят себя на экране.

В ряду очень редких исключений из печального опыта оказался фильм студии «Юность» режиссера-оператора Сережи Деркача «Пароль – Родина».

... Звуки утренних курантов «прописывают» время смены караула:

– Пост сдан!

– Пост принят!

...Реплика пробегающего перед камерой паренька, как бы случайно брошенная: «Командир вызывает!»

...Мы слышим вопрос: «Ты Женя Дегтярева? Говорят, петь любишь? Спой, попробуй!...»

... В рассветной тишине без всякого музыкального сопровождения слышим хорошо знакомые слова.

– А город подумал,

а город подумал,

а город подумал – ученья

идут...

Да, идут ученья. И звучит песня девочки. Одинокий, трогательный голос...

... Строй на марше.

... Стрельба по мишени. Простреленные сменяются на новые. Новые выстрелы.

... Строчки письма: «Здравствуйте, мама и папа! Всего четыре дня...»

... Дозор. Крупный план мальчишки, выглядывающего из укрытия с лопуховыми листьями. Озорной взгляд.

Реплики в эфире:

– Квадрат 432.

Кадры из фильма
«Пароль – Родина»

– Я – одиннадцатый! Вышел на рубеж атаки...

Это фрагменты из фильма, передающие его атмосферу.

Подробно, обстоятельно разработанная звуковая канва скреплена покадрово расписанным действием с обилием продуманных крупных планов, спокойно и выразительно снятых в естественных для героев ситуациях. Так на глазах у зрителей создается совершенно особое пространство лесного лагеря и выделенных для заданий площадок под крышей огромного неба, о котором поет Женя Дегтярева.

Привычного (служебного) текста нет. Нам ничего не рассказывают, не комментируют. Нам показывают увлеченных серьезной игрой ребят с их живой реакцией при выполнении поставленных задач, о которых мы узнаем благодаря командам и отдельным репликам, звучащим в эфире...

– Я – первый! Вас понял, Буря!

– Где двенадцатый? Повторяю: Я – одиннадцатый. Где – двенадцатый?

Я несу потери!

– Я – двенадцатый! Форсирую болото...

... Нам покажут носилки с «пострадавшими», которым санитары оказывают помощь. Нам покажут и ночной дозор: «Стой, кто идет? Пароль?»

И будет ответ: «Родина!»

... Новое утро:

– Я – первый! Приказ: в походном порядке выйти к опушке леса.

– Я – двенадцатый! Вступаю в бой.

... Растерянный парень. Озирается и огорченно докладывает – прямо на камеру:

– А меня убили!

Если подумать, это не смешно. Потому камера переходит на общий план. Теперь мы вслушиваемся в голос мальчика:

– Говорили еще дома – не берите Клименко. Он не везучий.

И вдруг в эфире:

– Знамя части сохрани!...

– Первый, я – одиннадцатый!

– Я – десятый!

– Я – двенадцатый. Высота взята.

Я с волнением пересматривала этот добрый черно-белый фильм и ловила себя на том, что помню многие его детали. Он и через много лет – смотрится!

Сейчас прозвучат слова:

– Я – первый! Десятый, одиннадцатый, двенадцатый!

Сворачивайтесь и двигайтесь в лагерь!

Внимание всем! Игра закончена!

И фильм заканчивается. Повтором интервью с генералом, который руководил игрой.

Очень нежный, талантливый, обаятельный человек Сережа Деркач – может быть благодаря «Зарнице» и еще одному, не менее доброму фильму – «Море в двух шагах» – о детской флотилии, о речном походе по Днепру от Киева до Херсона, – в конце концов и нашел свое призвание в работе с детьми, помогая им духовно расти в замечательном творческом коллективе нашего областного детского киноцентра «Веснянка». Это мое «смелое» допущение, сугубо личное. Ведь ничего случайного не бывает. У Сергея была своя зарница в «Юности» – начало пути на всю взрослую жизнь...

А теперь – по сути вопроса, который я затронула, предваряя разговор о фильме «Пароль – Родина».

Скажите, кто и что порождает «фюреров» разных мастей, которые, вырастая над собой, бредят идеями вершителю судьбы всех земель? Почему мировое человеческое сообщество позволяет тратить столько средств, научной энергии и конструкторской мысли на то, чтобы создавать «орудия защиты»? Защиты от кого? От чего?

Разве духовный потенциал землян, строящих фундамент Мироздания –

активно или пассивно, но строящих! – не мог созреть для осознания других возможностей защиты от всех бед – идейных и физических? Разве сила духа человеческого, разве согласие Воли и Совесть, Любви и Света творческих озарений не может быть защитой от любой темной силы?

Вопрос этот огромный – для всех, кто способен мыслить. Мне он не дает покоя всю сознательную жизнь. Именно потому мое существо восставало против идей всех этих игр с красивым названием «Зарница».

Гитлер тоже начал бомбить нашу родную землю на заре, когда «город подумал – ученья идут»...

На всех семинарах и конференциях я старалась отстаивать идею воспитания детей и юношества силой личного примера работы духовной – во имя расширения сознания людей.

Как формируется человек? Вдумайтесь, как развивалось человечество, если знаменитый Энрико Ферми после испытания атомной бомбы в Аламогодро возмущался: «Не надоедайте с вашими муками совести! Это, прежде всего, великолепная физика». Все хорошо знают, что было потом. И что есть сейчас.

Нестерпимо больно (как и в фильме с названием «Больно») в контексте сегодняшнего дня осознавать свое бессилие в противостоянии террористическим актам, когда горе приходит в семьи просто «ниоткуда», когда идут постоянные сообщения о насилии и жестоких расправах с жертвами, когда среди бела дня расстреливают кому-то неугодных людей...

Телевизионный экран изо дня в день набит ужасающей информацией об убийствах – на улицах, в подъездах домов и автомобилях, в залах дискотек и кинотеатрах! И в повседневной жизни, и в игровых фильмах и в длинных телесериалах – силовые разборки, сцены кровавых акций, похищения людей, часто – детей, насилия с убийствами. Это ломает психику не только зрителей, но и исполнителей ролей. Ведь каждый кадр насилия отзывается в жизненном пространстве Мироздания разрушающими потоками негативной энергии и привыканием видеть все это как нечто неотъемлемое от реалий каждого дня на планете людей. И никому не страшно, что дети со своими игрушечными пистолетами и автоматами стреляют прямой наводкой в лица друг друга.

... Я думаю об этом, вспоминаю, как годами в нас воспитывали будто бы патриотические чувства целенаправленными «играми» – в «Зарницах», при сдачах норм ГТО, на стрелковых полигонах, а теперь – возрождая боевые традиции казачества. Такая «подготовка к обороне» от мифического врага породила в сознании миллионов людей уверенность, что мир вообще невозможен без войны и насилия! Тем не менее, мировой кинематограф не уставал бороться с таким уродливым и непростительным пониманием жизни.

Великий фильм Михаила Ильича Ромма «Обыкновенный фашизм», который мне довелось увидеть впервые еще в большом кинозале ВГИКа, как бы подвел черту под фильмами о Второй мировой войне первого послевоенного двадцатилетия и стал документальным эпиграфом к фильмам, снятым о войне после него.

Давайте посмотрим на даты создания фильмов.

- «Она защищает Родину» Эрмлера, 1943
- «Молодая гвардия» Герасимова, 1948
- «Летят журавли» Калатозова, 1957
- «Дом, в котором я живу» Кулиджанова, 1957
- «Память сердца» Лиозновой, 1958
- «Судьба человека» Бондарчука, 1959
- «Баллада о солдате» Чухрая, 1959
- «Чистое небо» Чухрая, 1961
- «Мир входящему» Алова, 1961
- «Нюрнбергский процесс» Стенли Крамера, 1961
- «Иваново детство» Тарковского, 1962
- «Веронский процесс» Лидзани, 1963
- «Живые и мертвые» Столпера, 1964

«Отец солдата» Чхеидзе, 1965
«Обыкновенный фашизм» Рома, 1966
«Если дорог тебе твой дом» Ордынского, 1967
«Мертвый сезон» Кулиша, 1968
«Дневные звезды» Таланкина, 1968
«Возмездие» Столпера, 1969
«Белорусский вокзал» Смирнова, 1971
«А зори здесь тихие» Росточкин, 1972
«17 мгновений весны» Лиозновой, 1973
«В бой идут одни «старики» Быкова, 1974
«Муссолини: последний акт» Лидзани, 1974
«Площадь Сан-Бабила, 20 часов» Лидзани, 1976
«Они сражались за Родину» Бондарчука, 1975
«Двадцать дней без войны» Германа, 1977
«Восхождение» Шепитько, 1977 (вышел на экраны благодаря Первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии Машерову)
«Факт» Жалакявичуса и Грекявичуса, 1981
«Иди и смотри» Климова, 1980 (с 1985 г. лежал на полке).

Думаю, любящим кино молодым людям, которые в скором времени придут (а они обязательно придут!) в студию «Юность», чтобы делать свои фильмы, стоит устроить достойную встречу, показав им и их друзьям эти хрестоматийные картины больших художников.

Я даже вижу, как это будет!

А сейчас с высот хрестоматийных нам пора возвратиться к кинолетописи «Юности» в 70-е годы. Именно возвратиться. Я слишком забежала вперед...

В студии «Юность» полным ходом идет подготовка к съемкам фильма, который потом назовут «Забота». Сейчас у них забота о том, чтобы хватило пленки, чтобы не отказала камера, чтобы обеспечить ее работу при любой погоде, чтобы все были здоровы и успели защитить дипломы до отъезда на танковый полигон. Военная кафедра тоже озабочена тем, чтобы фильм удался и ученья прошли без помех по утвержденному графику.

По дороге в Гвардейское цели «Гренаду». Потому что в проекте у студии уже был давным-давно фильм о Светлове. Сценария пока нет – все зависит от того, какие кадры хроники удастся заполучить, но мысль-матушка кружит, и каждый уже носит в себе какие-то придумки, образы, звуки...

Прошло больше 40 лет. Я пересмотрела фильм «Забота» и, как мне кажется, понимаю причину тогдашних страданий авторов.

Фильм начинается с травинки, с предрассветного тумана над рекой. И раздумчивый голос:

«... Поймите, ребята, я ведь не из тех, кто слушает прописные истины, как откровение, с просветленными глазами. Но недавно я заново открыл мир зеркальных заводов, поющих птиц, летнего дождя. Увидел землю, на которой вырос, простую и непостижимую. И сегодня я, любивший себя больше других, говорю два очень серьезных слова – переоценка ценностей. Потому что вместе с зелеными солдатскими погонами на мои плечи навсегда легла забота о моей земле!»

Вот, собственно, основная мысль фильма, по сути, все уже сказано. Потому что, когда снимали действительно изо дня в день повторяющееся, абсолютно естественное и понятное действие (подъем, зарядка, солдатская каша, проверки, занятия, стрельбы, строевой шаг), поняли, что очень важная идеологическая нагрузка ляжет на закадровый текст. И нужен не просто текст, а герой, осмысляющий вот это железо танков, пыль и солдатские будни.

И тут автора дикторского текста фильма «Забота» – Семена Бурду несомненно спас его поэтический талант, его лирическая натура:

«... Горизонт колеблется в жарком воздухе. Травы шумят, как деревья. А вокруг – степь, вся исхоженная муравьями и людьми».

Кто бы еще так сказал? Только поэт.

«...Дорога хрустит на зубах. Иногда кажется, что в мире исчезли птицы, из грамматики исчезли все времена, кроме настоящего. И нет ничего важнее, чем идти в ногу и равняться на стриженный затылок».

Конечно, под этот текст не хватает крупных планов и деталей. Ведь природа все же не исчезла на самом деле. Ведь есть еще те же муравьи, цветы полевые, пусть даже скудные. Помните ромашку рядом с гусеницей танка в «Балладе о солдате» Чухрая? Или какая-то кашка с букашками, какой-то кусочек земли, укрытый травой, на который можно упасть в минуты отдыха, поднять глаза к небу, облакам, уйти от пыли на зубах, увидеть солнце сквозь листву или луну. Или взлет птицы. Да и просто медленно плывущий пейзаж тоже мог бы стать потенциальным собеседником для героя, который владеет словом и мыслью.

Но тогда потерялась бы фраза:

«...а дорога не кончается, и солнце прибили гвоздями к небу...»

Не знаю, ребята, все-таки детали, крупные планы нужно создавать, если совсем рядом ничего нет. Ведь «придумал» же Косолапов в фильме «Как объяснить тебе» мальчика с горном на стройке, где вроде бы кроме кирпичей и раствора с цементом быть нечему. Этот чайник с водой, из которого совсем по-особому пьется вода. Эту выставку мокрой после мытья рабочей обуви. Эти письма родным из далекой Тюмени и луну – одну на всех, уж такую далекую и такую близкую, совсем свою.

Вот в этом пространстве с такими деталями и текст, неторопливый, хотя его много, где каждое слово взвешено интонацией, душой, воспринимается тоже по-особому:

«...Люди изменяют мир.

Изменяются сами...»

«...Хочется остаться навсегда в этих камнях, в траве, в деревьях – понимаешь – навсегда остаться».

В фильме прекрасно сняты портреты. Не нарочито, очень тактично и с любовью показаны замечательные молодые люди.

Жаль, что ребята, снимая «Заботу», не были знакомы с фильмом «Переключка» Даниила Храбровицкого и с молодым Никитой Михалковым. Этот фильм мог бы их вдохновить. Думается, что Семен Бурда мог бы свой монолог разложить на двоих, на троих. Кстати, об этом интересно говорит Евгений Гришковец в недавней книжке «От жизни к жизни», когда вспоминает свои ранние пьесы, написанные с использованием «метода разбивания монолога на несколько голосов – это продуктивный и радостный метод для тех, кто не знает, как и из чего возникает драматургия».

Может быть, это будет нескромным, если я сейчас вспомню все страдания по поводу

Кадры из фильма «Забота»

текста к смонтированному материалу для фильма «Мы – геодезисты». Мы и впрямь говорили о потоке жизни. О знакомстве вживую с приборами и аппаратурой, о которых студенты слышали на лекциях, и с лагерем, где им предстояло работать в полевых условиях. Но я написала текст так, что мы с Гальпериным смогли разделить его между собой. Вышло что-то похожее на диалог, потому что нам «приходилось» слушать друг друга при записи и как бы помогать друг другу находить нужные слова (в то время как текст был написан заранее и каждый смотрел в свой экземпляр).

Так мы получили возможность для каждой фразы находить особую, живую интонацию, а где-то – легкую юмористическую окраску. И нам было весело произносить свой текст. Это очень важно, чтобы текст стал своим для того, кто его произносит.

Надеюсь, что мой читатель сейчас понимает – я не рецензирую фильмы прошлых лет, не критикую их. Я просто рассуждаю вслух для того, чтобы фильмы «Юности» могли быть полезны будущим студийцам, которые начнут снимать свои работы по своим сценариям, учитывая опыт предыдущих поколений. Ведь не зря Ромм и Герасимов, задумав во ВГИКе создать учебник по режиссуре, в результате долгих попыток и разработок отказались от этой затеи. Пришли к выводу, что есть только один способ учиться – всю жизнь, независимо от профессионального статуса смотреть фильмы, анализировать сценарии и готовые картины и, осмысливая пройденное и пережитое, опять же думать, искать решения для каждого конкретного случая.

...И все-таки, Фима Гальперин, как ты мог текст Семена Бурды отдать диктору, который проговорил его, как проглотил, совершенно не дав возможности зрителю «расслышать» чувства автора. Смысл слов и связи между ними проваливаются в громкости голоса:

«Это моя река и мой рассвет над рекой. И мой ветер. Все мы – часовые.

Днем и ночью часовые. Кто мы? Спроси зорю, спроси лес, спроси бурю, кто мы?

Мы – земля».

И завершает фильм отличная песня. Композитор Борис Котляр. Слова, конечно, Семена Бурды:

... Зови меня, дождь-барабанщик, на плац!

Оркестр, смешай времена ненадолго,

Сегодня проверка солдатского долга,

Бойцы-ветераны уходят в запас.

Фильм «Забота» получил 1 место на Всеукраинском фестивале 1972 года, посвященном 50-летию образования СССР.

Спасибо вам, дорогие авторы, за ваши фильмы. Справедливости ради, нужно сказать, что 70-е годы для киностудии «Юность» были, пожалуй, самыми знаменательными. На всех областных и республиканских фестивалях любительских фильмов «Юность» открывала список призеров.

В 1975 году фильм «Один из нас» разделил 1 призовое место с детской киностудией «Веснянка» на областном фестивале и занял 1 место на республиканском конкурсе любительских фильмов, посвященном 30-летию Победы над фашизмом.

На областном фестивале я была в составе жюри и хорошо помню приподнятость настроения всех его участников именно потому, что дети участвовали в нем наравне со взрослыми.

...Когда на экране появился белокурый мальчик, испуганный увиденными на заводе отцами орудиями смерти, не нужно было слов, чтобы понять потрясение детей. Но у мальчика, кроме злого учителя, чья указка так же страшна, как пушки, танки и минометы, есть еще добрый друг – садовник, который подарил ему волшебный алый цветок, нежный и сильный, превращающий в цветущий сад все, к чему он только прикоснется.

В фильме нет текста. Искусство детской мультипликации рисует «портрет мысли» (это точное определение принадлежит Тодору Динову, главе болгарской

школы мультипликации). «Сказ о мальчишке, который победил войну» и не расскажешь словами. Незатейливые детские рисунки, которые в фильме делятся несколько минут, вместили целую книжку Мориса Дрюона «Тисту – мальчик с зелеными пальчиками». Ребята «перевели» сказку французского писателя на интернациональный язык. И с экрана эта сказка звучит так убедительно и ярко, что не найдется человека – пусть он даже еще совсем «кроха», – который не понял бы ее силы.

На фоне такого пролога фильм «Один из нас» народной студии «Юность» зазвучал по-особому. Он рассказывал об Андрее Грязнове, который в июне сорок первого получил в Днепропетровском горном институте диплом инженера-геолога и ушел добровольцем на фронт. Он был начальником специального альпотряда. Бесстрашные «белые дьяволы», как называли их враги, вели бои в горах. Шестьдесят метров военной хроники, которые сохранили для нас навсегда их трудные переходы по заснеженным тропам, и советский флаг, взвившийся на Эльбрусе, послужили материалом для волнующего сопоставления дней мирных и незабываемых военных дней.

Кинооператор «Юности» Анатолий Гороховский со студентами и преподавателями нашего горного института повторил маршрут особого альпотряда Грязнова.

Фильм о том, как прошлое живет, длится в будущем, как прорастает в новых поколениях альпинистов, идущих теми же горными путями – след в след. Фильм строго выстроен. По мысли, по ассоциациям, возникающим с естественной необходимостью и от встречи с боевыми друзьями Грязнова в Москве, и от встречи с песней, которую он оставил нам. И от вспыхнувшего вдруг алым цветом флага на таком же алом снегу, и от того, как время, стремясь сохранить это мгновение, замедлило трепетное движение флага и совсем остановило его, словно отлив памятник на века.

Андрей Грязнов погиб на Памире, открывая новые месторождения. Но звучит его песня. Он постоянно напевал:

«Помнишь гранату и записку в ней?...»

А что было в записке?

«Будьте счастливее, чем мы».

Добрый, всегда современный и всегда нужный фильм о мужественных людях, умевших помнить и любить.

И еще один яркий, но не цельный фильм, который я помню с семидесятых годов...

Я прислушалась. Во-первых, к словам Михаила Светлова:

«Прислушайся – услышишь вновь,

Во мне звучит порою

Кадры из фильма
«Один из нас...»

За равнодушием Любовь,
Как скрипка за стеною.»

Вот прямо сейчас, глядя в свои записи из интервью с сыном Светлова, Алексеем (довелось мне встречаться с ним), я вдруг почувствовала, что эти строчки отца могли бы быть обращены прямо к нему, его мальчику, Шурику, и его маме Родам Амирэджиби, красавице из знатного грузинского рода, у которой война отняла мужа. Сначала не насовсем, а потом навсегда, потому что с фронта он вернулся... для нее – другим.

Мне очень захотелось, хотя бы мысленно, продолжить увиденное в экспозиции фильма – то завораживающее, теплое, одухотворенное пространство дворика с деревьями в цвету на будущей улице имени Шмидта. Где рядом с будущей бабушкой Шурика у горячего очага из кирпичей и млеющего в медном тазу варенья спиной к нам сидит на камне ее сын – Миша Светлов. Чуть ли не первый в Екатеринославле комсомолец, живущий мечтой о счастливой активной жизни поэта. Так случилось, что эта мечта овладела им благодаря Пушкину и другим литературным классикам, оказавшимся в мешке отца с макулатурой, которую он подобрал для мамы – нужно же ей из чего-то крутить кулечки для продажи семечек!

Из текста, который хорошо читает в фильме днепропетровский поэт Яков Островский с интонациями, очень похожими на светловские, мы узнаем о мыслях сына:

«Кажется, моя мать – счастливый человек. Она варит варенье, продает семечки, ругает отца... Он бедный, но честный человек».

О чем говорит мать с сыном, мы не знаем. Видим бесконечное кружение лепестков, летящих с цветущих деревьев. Белый дождь. И слышим голос скрипки.

...Откуда берутся стихи? Из солнца... Из варенья...

...Скрипач Мотька играет, как всегда.

...Что может меняться в жизни там, где все живут на одной улице и все знают друг о друге?...

Но меняется. Он сам, его растущая ищущая душа, которая мечется в объятиях Мотькиной музыки. Что он там играет?...

«И еще – слова! Они бродят во мне после каждой прочитанной книги...»

Мы видим в кадре этого музыканта Мотьку. У него совершенно нестандартное лицо. Спокойный взгляд, бесстрастный, но наполненный какой-то удивительной силой.

...Прогрохотала за забором колымага. Лошади-трудяги неспешно тянут ее. Крутятся колеса. Образ скуки. И тут – крупный план воспаряющей к небесам скрипки, которую только что держал в руках Мотька. Скрипка – как олицетворение полета мечты, поиска выхода.

Кадры из фильма
«Прислушайся, услышишь
вновь...»

– Чего же ты хочешь, скрипка?

Понятно, что авторы должны как-то перейти от этого лирического эпизода к кадрам хроники. К уходу Светлова в большую жизнь – туда, где небо встретилось с землей.

Потому слова «будь я проклят, если не достану эту убегающую даль», авторы «укладывают» на картины, написанные художницей киностудии «Юность» Ириной Чирковой: движение ввысь человеческих фигур и всего, что их окружает. Так вырастает метафора поиска и ухода в другую реальность, с другими ритмами, с другим временем.

Точку ставит крупный план лица скрипача Мотьки, выглядывающего из-за забора: а что там, где меня нет? Нужно сказать отдельно о прекрасно сыгранной роли скрипача Марленом Матусом, который всегда был увлечен своей работой художественного руководителя детско-юношеского киноцентра «Веснянка» и хорошо понимал, какую задачу он выполняет в этом фильме по просьбе своих собратьев по искусству.

Дальше пойдет хроника и фотографии. И стихи. И мысли вслух. И энергия мысли. И совесть ее. Так будет монтироваться текст в соответствии с тем, что было найдено в киноархивах.

Конечно же, авторы увлеклись тем, что перед ними открылась возможность говорить о литературных боях, горячих спорах, показывая Сильвинского, Асеева, Луговского, Пастернака, Маяковского...

«...За кого я? Я был за Маяковского!»

Теперь уже не скрипка взмывает в небо, а воздушный шар! Теперь уже не Харьков, а Москва.

Но когда началась хроника, кончилась поэтическая, лирическая тональность и фильм пошел по другим рельсам.

Голос Светлова (в исполнении Якова Островского) нам расскажет о главном: и о радостях творчества, и о грамматике боя, и об уходе на фронт: «Поэт должен быть неотличим в солдатском строю, пока не зазвучит его Песня». «Надо научить говорить своим голосом!» – так утверждал Светлов и нам велел.

Вот поэтому мне так жаль, что фильм как-то раскололся надвое. Мы знаем, что для Светлова поэзия – это держава, и он – ее подданный. Мы знаем, что его любят молодые поэты и рады увидеть на экране и Вознесенского, и Ахмадулину, и Евтушенко. Но, увы, сердце не вздрагивает, как это было в экспозиции первой части фильма.

Понимаете, ведь это тот же Светлов говорил, что каждый поэт мечтает о таком стихотворении, которое хочется читать шепотом. Вы скажете: «А что же колокол?» И я вам отвечу:

«Он гудит по-прежнему. Он не может перестать гудеть...»

Хотелось бы, чтобы фильм был более цельным, чтобы внутренняя тема, заявленная интересным, изобретательным решением, не ушла. Наверное, если бы состоялась встреча с сыном Светлова, можно было бы все «узоры» исполнить на другой канве. Не утратив добрый юмор Светлова, его лирическую тему. Сын начал свое воспоминание об отце словами: «Отец научил меня главному – не делать зла людям». Даже о фронтовых событиях сын рассказал бы более интересно, как не мог о себе самом говорить отец.

А после войны какой была встреча с отцом? Он просто не мог узнать его, назвал дядей. Сыну было всего два года, когда отец ушел на фронт. Светлов военным корреспондентом прошел с танковой дивизией до Берлина. По пути «ухитрился» взять в плен немецкого генерала, переодетшегося в солдатскую шинель.

В послевоенных картинках сыновних воспоминаний много смешного...

– Шурик, ты действительно выпил чернила?

– Да! – высунул фиолетовый язык Шурик.

– Глупо, – сказал отец, – если пьешь чернила, надо закусывать промокашкой.

Ведь Светлов был юморист из той же «породы», что и Раневская. И здесь пригодились бы его замечательные шаржи. Радостнее бы жилось тогда

*Это было давно,
это было недавно...*

*Марлен Матус,
фотохудожник,
организатор и художественный
руководитель киноцентра «Веснянка»
с 1973 по настоящее время,
кинолюбитель с 1954 года*

Как положено – начну издалека.

Первыми кинолюбителями можно назвать братьев Люмьер. Один из них был инженером, а другой – фотографом. История кинолюбительства началась вместе с профессиональным кино. И эта история очень многогранна и, к великому сожалению, мало изучена. Известно, что после революции, в 1917 – 1920 гг., сразу начали снимать любительские сюжеты. В 1925 году было организовано в Москве Общество друзей советской кинематографии – ОДСКФ.

В 1928 году в стране было 400 ячеек. Общество друзей кино, в которое входили 3500 человек. Но в 1934 году ОДСКФ прекратило свое существование. Это были годы ликвидации общественных литературно-художественных объединений.

Переломным моментом в истории кинолюбительства в СССР стала середина 1950-х годов. Международный фестиваль молодежи и студентов, который состоялся в 1957 году в Москве, направил обращение к кинолюбителям всех стран, где было сказано: «... Мы должны впредь все больше обмениваться нашими фильмами и литературой, должны устанавливать между собой личные контакты для изучения опыта работы, в разных странах проводить международные фестивали любительских фильмов и конкурсы киносценариев...».

«Оттепель», проведение фестиваля молодежи в Москве, помогли понять жителям СССР, что железный занавес упал и мы не одни на этой планете.

Эти все факторы дали небывалый толчок к новым начинаниям – рождению массового кинолюбительства и фотолубительства и т.д. Появились в продаже первые кинокамеры: «Кинап» и «Киев-16С2». Почти во всех городах СССР, как грибы после дождя, стали организовываться кинокружки и киностудии. Людям, пришедшим в кинолюбительство, захотелось понять этот мир и себя в этом мире. Несмотря на несовершенную любительскую аппаратуру и кинооборудование, кинолюбители творили чудеса изобретательности, чтобы окунуться в творческую выразительность в создаваемых фильмах.

В том же 1957 году при Союзе кинематографистов СССР была организована комиссия по работе с кинолюбителями. Главная задача комиссии – руководство новым движением и оказание творческой помощи кинолюбителям. Председателем стал известный кинорежиссер Григорий Рошаль. Ведущие профессиональные кинорежиссеры, операторы и сценаристы из всех киностудий СССР включились в оказание творческой помощи кинолюбителям. Были приняты постановления Министерства культуры СССР, ВЦСПС, ЦК КПСС, ВЛКСМ о работе с кинолюбителями и о выпуске киноаппаратуры и оборудования для кинолюбителей. Это привело к проведению 1-го Всесоюзного фестиваля любительских фильмов в 1958 – 1959 гг. в г. Москве.

Я впервые взял в руки кинокамеру «Кинап – 16 мм» в 1955 году в киностудии областной станции юных техников, которая находилась в бомбоубежище школы № 67. Руководителем студии был увлеченный человек Юрий Александрович Скахин, который потом – с 1960 по 1986 год – был кинооператором на областном телевидении. Вот он тогда в 1953 приобрел в комиссионном магазине эту самую кинокамеру «Кинап». И когда мы впервые брали ее в руки, то руки у нас дрожали.

В 1956 году возникла любительская киностудия во Дворце студентов.

И как студенты, увлекающиеся кино, купили «вскладчину» 8-миллиметровую кинокамеру. Руководил этой студией Виктор Маслачков, который в 70-х годах стал ведущим инженером завода ЛОМО и которому кинолюбительство страны обязано целым рядом линейки восьмимиллиметровых камер.

Вообще в 70-х годах XX столетия на Украине было около 20000 кинолюбителей и более 1000 киностудий. А на Днепропетровщине – более 100 киностудий и кинокружков. На заводах, в колхозах, институтах, техникумах, внешкольных организациях и т.д. И среди них были лидеры, которые

неоднократно побеждали на областных, всесоюзных и международных кинофестивалях любительского кино.

Вот, например, в 1965 году на Всесоюзном кинофестивале в Москве стал призером фильм «7-й отряд» студии «Нашфильм» (руководитель Марат Вендров, завод ДМЗ). Сняли этот фильм Марат Вендров, Владимир Вязовский, Александр Цуканов. Кинолюбители работали скрытой камерой и это дало возможность добиться документальности, сохранив творческое вдохновение. А на 10-м сетевом Всесоюзном смотре любительских фильмов железнодорожников первую премию получила киностудия «Приднепровье», руководитель Олег Мольнер, г. Днепропетровск. Призерами Всеукраинских и Всесоюзных кинофестивалей были киностудия «Алые паруса» (руководители Иван Антоненко и Евгений Смоленский, техникум автоматики и телемеханики), киностудия «Камера» (руководитель Виктор Передерий, объединение «Днепрошина»), киностудия «Улыбка» (руководитель Ефим Фельдман, г. Кривой Рог, СШ № 44), киностудия школы № 36 города Днепропетровска (руководитель В. Тарасов).

К великому сожалению, всех студий не упомянешь. Но, во всяком случае, к 1980 году в регионе их было больше 140.

Хочется отметить, что в 1973 году на базе фотокиностудии областной станции юных техников, которой руководил я, была организована одна из первых в СССР детская мультстудия «Веснянка». В 1990 году только на Международных кинофестивалях мультстудия заработала два «Гран-при», 5 золотых медалей, 2 серебряные, 1 бронзовую.

В 1990 году на базе «Веснянки» был открыт первый в СССР киноцентр «Веснянка» (директор Слобода Валентина Владимировна).

Продолжая исторический экскурс, должен отметить, что в конце семидесятых годов ВЦСПС организовал областные киноклубы, которые взяли на себя заботу о кинолюбителях областей. А потом, в начале восьмидесятых, началось расслоение в кинолюбительских кругах. Идеологи «застоя» поняли, что выпустили «джина свободы» из бутылки. Начались тематические с идеологическим уклоном кинофестивали. Наступила эра заказных любительских фильмов. Кинолюбительство разделилось на тех, кому кино было духовной потребностью, и на тех, для которых кинолюбительство стало материальным стимулом бытия. В эти времена массово развивалось уже домашнее, семейное и туристическое кино.

Недавно, в 2010 году, я был на нескольких «кинотусовках» и молодежных кинофестивалях и очень огорчился их атмосферой. У меня было такое чувство, что я попал на ярмарку тщеславия практичных дилетантов. И это меня подвигло вспомнить о романтических бессребрениках – кинолюбителях 50 – 70-х годов XX столетия. Тех, для которых каждая встреча в киностудиях и на кинофестивалях была праздником души и познанием нового, стремлением поделиться своим опытом. Такого духа творчества, взаимопонимания и желания поделиться своими познаниями в кино, которое было у кинолюбителей тех лет, я никогда больше не встречал. Мы любили кино в себе, а не себя в кино. Поколение кинолюбителей-романтиков, для которых кино было не развлечением, а увлечением на всю оставшуюся жизнь.

Многие кинолюбители нашего времени стали профессиональными кинематографистами. Тот же Юра Клименко (младший), кинооператор, который работал с Сергеем Параджановым, Кирой Муратовой, Алексеем Германом, Алексеем Учителем. А ведь начинал он с любительской киностудии Дворца студентов. И таких примеров очень много.

Да вот только из нашей студии областной станции юных техников вышли Юра Клименко (старший), который стал кинооператором «Укркинохроники», Олег Никитин – кинорежиссером «Мосфильма», заслуженным кинематографистом России, Валентин Удоденко – кинооператором на Одесской и Молдавской киностудиях.

Все это я пишу, во-первых потому, что ведь должна же где-то остаться информация о столь значительном культурном процессе в жизни Днепропетровщины. А во-вторых, чтобы было ясно, что студия «Юность» Днепропетровского горного института, юбилей которой мы отмечаем, не возникла вот так просто посреди чистого поля. Сама по себе.

Была питательная среда. Была атмосфера.

Помню, в году 1962, кажется, ко мне, тогда руководителю фотокиностудии областной станции юных техников на Чечелевке, пришла «стайка» ребят из центра города, из средней школы № 38. Там был и Фима Гальперин и Сеня Лин. Мол, интересуются ребята кино.

Я спросил у своей мамы (она преподавала в СШ № 38), что эта за ребята?

Мама сказала, что Сеня Лин у тебя останется, а Фима Гальперин – уйдет, потому что привык быть лидером, а ребятами с Чечелевки не покомандуешь. Так и получилось – Сеня остался у меня до окончания школы. У нас были теплые отношения вплоть до его отъезда в Германию. А Фима после первого же занятия ушел. Когда мы встретились с ним через пару лет, то он гордо заявил, что стал руководителем студии «Юность».

В те же годы я встретился в Феодосии с руководителем фотоклуба «Чайка» Львом Поповым. Мы с ним подружились. И Лев рассказал, что учился в Днепропетровском горном институте и что это именно он организовал киностудию «Юность».

С 1961 по 1968 год я был членом киностудии Днепропетровского Дворца студентов. Наша студия тяготела к игровому кино. Видимо потому, что мы дружили с театральным коллективом Дворца студентов, которым руководил легендарный режиссер – Виталий Иннокентьевич Ковалевский, человек времен Ренессанса и реформатор в искусстве. А киностудия «Юность», с которой мы тогда сотрудничали, больше тяготела к хроникальному и документальному кино. Ребята были творческие, с огоньком.

Потом в 1975 – 1976 годах, начиная с того времени, когда в студии «Юность» у руля оказались Семен Бурда (его отец был коллегой моей мамы) и Сергей Деркач – я стал частым ее гостем. Атмосфера в студии была живой, творческой. Когда у них появилась идея сделать фильм о Светлове, они предложили мне сняться в роли «Скрипача на крыше».

Кадр из фильма «Прислушайся, услышишь вновь...»

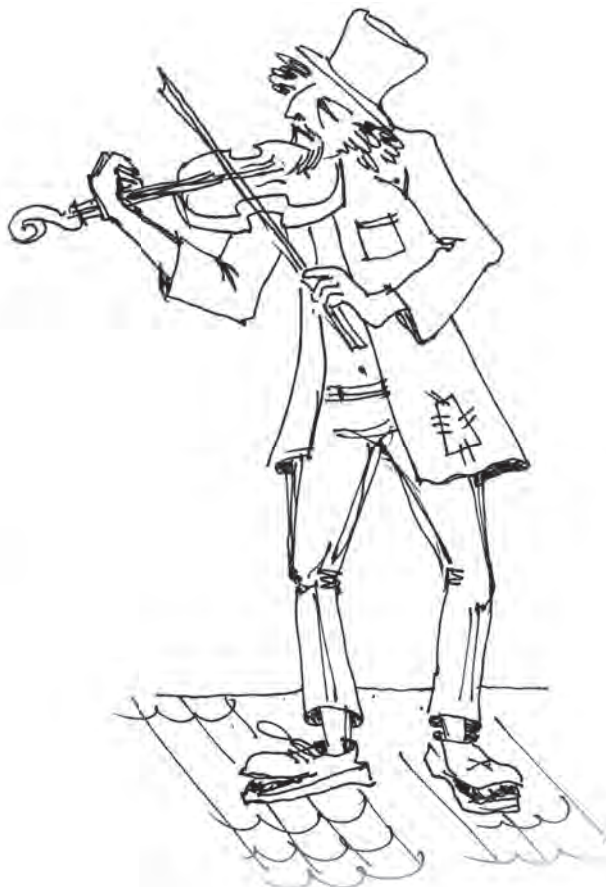
М. Матус и С. Бурда в перерыве съемок

Это были незабываемые дни.

А в 1980 году в мультстудию «Веснянка» пришел работать Сережа Деркач. И мы с ним до сих пор трудимся вместе.

Так что можно меня записать в почетные члены киностудии «Юность».

И когда мы собираемся – Сеня Бурда, Сережа Деркач и я, то, как там у А.С. Пушкина – «...бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...».

Они снимали классное кино...

*Елена Кованская (Фоменкова),
доцент кафедры систем электроснабжения
Национального горного университета*

Кажется невероятным, что «Юность» празднует юбилей, ведь она по-прежнему остается юной.

Мне посчастливилось общаться с ребятами из киностудии в самые первые годы ее творчества. В те далекие и в то же время такие близкие дни моя мама, Наталья Александровна Фоменкова, занималась студенческой самодеятельностью горного института и, естественно, она проявляла огромный интерес к работе созданной студентами киностудии.

Студийцы часто бывали у нас дома, обсуждали с мамой свои творческие планы, проблемы, делились с ней своими замыслами, радостями, горестями. Для меня, тогда девчонки-школьницы, знакомство с людьми, которые снимают настоящее кино, было чем-то совершенно необыкновенным. Сегодня есть множество возможностей для того, чтобы реализовать стремления к кинотворчеству, а в те годы, о которых идет речь, весьма непросто было достать и аппаратуру, и киноплёнку, не говоря уже о необходимости решать массу других проблем. Но энтузиазм тех, кто стоял у истоков «Юности», помогал преодолевать все препятствия.

Наталья Александровна Фоменкова

Они снимали классное кино. Они – это Толя Косолапов, Толя Калущий, Фима Гальперин, Володя Моложен, так их называла моя мама. Конечно, были и другие ребята, но именно эта четверка ассоциируется у меня с киностудией «Юность».

Н.А. Фоменкова – председатель жюри фестиваля “Студенческая весна”, 1971 год

Хочется рассказать и о том, какие проблемы волновали студенчество тех лет, какие темы раскрывала киностудия в своем творчестве. Это были фильмы о студенческой жизни – иногда смешные, а нередко грустные.

Как-то в Доме ученых был творческий вечер киностудии и демонстрация нескольких короткометражных кинолент. Помнится, на меня огромное впечатление произвел фильм под названием «Больно» о человеческом равнодушии, о том, насколько страшно жить в обществе, состоящем из равнодушных людей. С тех пор прошло много лет, но эта тема в наши дни, мне кажется, не стала менее актуальной.

Прекрасно, что были, есть и обязательно будут талантливые люди, которых объединяет «Юность»! С днем рождения «Юность»! Новых талантов и творческих свершений!

Тропа начиналась так...

*Светлана Графская,
ведущий редактор
редакционно-издательского отдела,
заслуженный работник АТУ*

Тропа начиналась так...

С радостной новостью – рождением первого студенческого фильма в ДГИ – редакция уже знакомила своих читателей («Артемовец», 22 апреля 1964 г.). Итак, «Тропой романтиков». О том, как создавался этот фильм, где побывали наши мужественные туристы, трудности и удачи, поиски и устремленность горячих энтузиастов-кинолюбителей, в общем – о первых шагах вузовской киностудии «Юность» и пойдет речь в представленном повествовании.

... Студент механико-машиностроительного факультета Лев Попов (группа ГМ-60-2) заслуженно считался лучшим фотолюбителем института. Его искусно выполненные снимки показывали по местному телевидению, ими восхищались фотографы-профессионалы. И, очевидно, так бы и продолжалось, но...

Диво-дивное – кино!.. Оно прельщало, завораживало, неудержимо манило своей таинственностью и недоступностью. Мечты о нем, его динамика и широкие возможности не давали покоя. И было вполне закономерно, когда этим удивительным видом искусства загорелись и друзья Левы. Они писали в своем воображении сценарии, видели киноаппаратуру и... свою киностудию. Киностудия!.. Некоторые вначале отговаривали, порождали неверие и разочарование, советовали продолжать заниматься фотографией.

Встреча в «Космосе»

– Братцы, вы только посмотрите! – Лев просто влетел в комнату, размахивая небольшими листками. А в глазах такая радость, что все невольно повскакивали со своих мест.

– Ух ты! – многозначительно подытожил Володя Китаев. – Нас приглашают на первый творческий вечер кинолюбителей. Явиться 15 мая 1963 года в кафе «Космос». Время встречи – 19 ноль-ноль.

– Когда возбуждение поутихло, – вспоминает Володя, – всем стало как-то неловко: а не будем ли мы там лишними? С чем явимся, что покажем? Ведь кроме заветного желания создать в техническом вузе киностудию, – ничего еще нет! С таким настроением и пошли: сомневаясь и надеясь...

В «Космосе» собрались киностудийцы больших предприятий города. Они, умудренные и обогащенные знаниями, а также теорией и практикой, обменивались опытом, советовались, демонстрировали свои работы. И как здорово, что мы, приглашенные, впервые здесь увидели самодеятельные фильмы! Покорил нас один из них – «Шторм над нами», где были эффектно объединены мультипликация, удачная режиссура и актерское исполнение. А чего стоили цветные подводные съемки с интересно подобранным масштабом изображения!

Поскольку фильмы подробно и критически обсуждали, то мы невольно превратились в свидетелей споров и похвал, разногласий и слов одобрения. Предметом горячих дискуссий стали многие проблемы, особенно – о роли сценария. Для нас, начинающих, каждое выступление, каждая точка зрения превращались в своего рода школу первого практического опыта. А наиболее ценное было то, что влюбленных в кино студентов-горняков по-доброму учили, нам советовали, предлагали, в нас верили...

Из «Космоса» вышли поздно. Стоял тихий майский вечер. Прохожих почти не было. Поэтому мы растянулись во всю ширь асфальтированной дороги. Не молчали. Не могли молчать!..

– Давайте назовем нашу киностудию...

– У меня вырисовывается великолепный сценарий...

– А что, друзья, если нам поехать...

Ежели б тогда кто-нибудь из тех, кто знал нашу ситуацию, подслушал, как жизнерадостно пустились мы в такие дальновидные рассуждения, то или

просто пожал плечами, или же назвал нас пустыми мечтателями. И действительно! Еще не было ничего реального: ни помещения, ни аппаратуры, даже администрация не была в курсе, а они, видите ли, уже предаются мечтам о красавице-киностудии, предлагают свои сценарии, определяют маршруты туристических походов.

Сейчас над этим лишь посмеиваются, а в то время напряженных ожиданий, постоянных сомнений и страстных желаний никто не знал, каким длительным выпадет путь от мечты к ее осуществлению...

Энтузиасты и скептики

Очередное заседание комитета комсомола. Обычное заседание, обычные текущие вопросы. И только последний вопрос повестки дня – необычный, тающий в себе множество нового и неизведанного: создание киностудии в нашем институте. После выступления Льва Попова – всеобщее оживление, но уже спустя минуту заседание буквально взорвалось.

– Самое время! Правильно! – выкрикивали одни.

– Ничего не выйдет! – шумели сомневающиеся.

– Два года назад уже была «Весна», а где она?! И след простыл!.. – горячились другие.

Как только страсти улеглись, все дружно проголосовали «за»! Да оно и понятно, ведь чаще всего новое получает зеленую улицу, даже когда неизбежны препятствия, потери и, конечно же, – большой труд. Льва Попова, заводилу-киношника, поздравили с должностью директора еще не существующей киностудии. Поздравить-то поздравили, но долго шутили: Лев – киношник в роли директора или директор в роли киношника?..

И лед тронулся

Пороги, двери, визиты – сколько же их было! Идея понравилась всем, однако... То что-то мешало, то кто-то из должностных лиц не явился, то некто сомневался... Все эти «шатания», явное отсутствие принципиальной линии свидетельствовало о том, что, возможно, никто вообще не верил в серьезность и продолжительность студенческого увлечения.

И вот наконец-то! После того как некоторое оборудование предложили взять на кафедрах, студийцы оказались обладателями двух съемочных кинокамер «Киев-16С» и проявочного бачка, а когда появился и магнитофон, решили, что все необходимое для кино имеется. «Даешь фильм!» – раздавалось вокруг, хотя все знали, до чего же многого еще не доставало! И не только знали, но и хорошо понимали, что их фантазию, энтузиазм, неиссякаемую энергию, а главное – веру не смогут заменить ни самое современное оборудование, ни хитромудрые способы создания фильмов.

... Близилось лето. Туристы суетились, намечали маршруты. А мы?..

– Айда, хлопцы, снимать кино!

«Роскошное» оборудование начали готовить в далекую дорогу. Решили так. Отправляемся путешествовать по горному Крыму, а на обратном пути проведем наших геологов на Карадаге, где они будут проходить практику. Итак, нас ждут незабываемые впечатления от ночных костров, пьянящие ароматы морского прибоя и крымская экзотика...

Чего не увидел зритель

... Кто хотя бы раз побывал в Крыму, не забудет ничего из увиденного, ведь такое – не забывается.

За подъемом на вершину Демерджи «наблюдало» недремлющее око

кинокамеры. Но из-за ее неисправности несколько десятков метров пленки было утрачено.

– Собственно, не так жаль самой пленки, – говорит Лева, – как того, что никто не увидит интересных кадров.

Утром – снова в путь по такому маршруту: Ангарский перевал – село Лучистое – пологая гряда и от нее – 30 км до Гвардейского.

... В течение недели наших странствий всякое бывало: удачи и просчеты, захватывающие ощущения от вида старых крымских уголков и вечно юных легенд. И, как всегда, с нами происходили разные оказии.

Уже от одного сознания, что мы на Южном берегу Крыма – дух захватывало, но... не надолго. Оказалось, курортные поселки Малореченское, Солнечногорское и другие буквально набиты отдыхающими. Не исключение – и Рыбачье, где базарные полки тоже прогнулись под тяжестью ароматных фруктов, однако с нашими финансами было так туго, что оставалось лишь причмокивать. А потом мы, не спеша и, что особенно щекотливо, под бдительными взглядами торговцев, играем в готовность сразу же все купить. Поэтому, шутя, то громко прицениваемся, а то еще громче – сговариваемся о цене. Одна из старушек это явно усекла и сжалилась над нами:

– Снимите меня на кино, сразу же покажите, а я вам за это подарю мисочку персиков, – предложила она.

Когда я опустил кинокамеру, бабуля все еще улыбалась, а мисочка... уже была пуста. Влизились неизбежная расплата. Ну как втолковать пожилой женщине, что увидеть себя тотчас она не сможет, поскольку отснятую пленку сначала нужно проявить и т. д., и т. п. В доходчивой форме я постарался ей объяснить, снял еще раз «на кино» и, по-моему, она что-то поняла. Удовлетворенные, мы мирно разошлись.

Текстовка к фото: После монтажа картин еще и еще раз приходится пересматривать киноленту

На Карадаге

Здесь уже не понадобилось готовить пищу или дежурить подле костра. Можно в конце концов отдохнуть и от рюкзака.

... Некоторые, кто не знаком с кино, полагают: снять какой-либо фильм – это мелочь. Пара пустяков! Крути себе ручкой кинокамеры – и все.

– Это вовсе не так, – возражает Лев Попов:

– ... Я с головой погрузился в творческую работу. Снимал очень много, а вот в сам фильм попадало маловато. Отбор – таков закон кино! К примеру, среди наиболее композиционных кадров зритель наверняка запомнил тот, где один из геологов на 10-метровой высоте отбивал образец сердолика с козырька скалы. В фильме это заняло несколько минут, а потрудились мы тогда около четырех часов. Приведенный пример – еще одно доказательство того, что основные подготовительные работы, боевой настрой коллектива, его внутреннее и душевное состояние, а также многое другое остаются за кадром...

Новоселье!..

Сентябрь. Начало занятий. Загорелые, слегка осунувшиеся, но безгранично счастливые, кинолюбители явились в комитет комсомола с отснятым крымским материалом – основой будущего фильма. Но ведь весь этот материал пока что в коробках. Куда их девать?!

... Казалось, конца-краю не будет длительным и таким горячим дебатам сначала с пожарными, а уж потом – с администрацией...

Небольшая комната, вернее – комнатуха. Но, как говорится, мал золотник, да дорог. Какой сразу вдохновленной почувствовала себя вся

киношная гвардия, восприняв этот дар, как награду за недавние труды, лишения и старания.

Именно сюда, в эту комнатку, Лев Попов и Миша Белый внесли наше богатство и положили посередине.

– Ну, Лева, – облегченно улыбнулся Миша, – вот и все.

Возможно, друг и не услышал его слов. Он думал о том, что это – только начало...

Дни и ноги

... 600 метров киноплёнки и ... единственный проявочный бачок, куда помещалось всего-навсего 10 – 15 метров, что собственно, – почти ничего, а от них ожидали фильма. Фильма!.. И все настолько это осознавали и вместе с тем чувствовали ответственность, что нередко до трех-четырех утра горел свет лишь в одном окне общежития. Частенько Лева подсобляли Гена Мазур и другие ребята. Приходилось буквально плавать в воде...

Началась подготовка к самой тяжелой операции – к обработке фильма. Это и нелегко, и – очень захватывающе! Ведь каждый раз, открывая бачок, будто знакомишься с чем-то новым, к тому же – не на шутку волнуешься. И сколько было переживаний, когда пришлось выбросить (подвел «Киев-16С»!) целых 200 метров киноплёнки!..

– По технологии проявки обратимой плёнки, – продолжил свой рассказ Лев, – т. е. на которой вместо негатива можно сразу же получить позитив, мы, изменив режим обработки, смогли «вытянуть» слабые (некачественные) части плёнки. Кроме того, тем же путем добились приятных желтоватых (по колориту утренних и вечерних съемок), а также зеленоватых оттенков – под цвет моря.

Обработка плёнки – это пять операций: проявка, отбеливание, осветление, повторная проявка и фиксация. И все это время – промывать, промывать, промывать! В целом на одну цикловую обработку (10 – 15 метров) уходит около полутора часов. А всего необходимо проявить 600 метров! Из них в монтаж пойдет лишь 400.

Тайны монтажа

Монтаж – это та удивительная операция, которая словно бы рождает фильм заново. Даже что-то упущенное в ходе съемок иногда можно скомпоновать и передать посредством монтажа. Так, отъезд институтских геологов из Крыма (по фильму) – это не что иное, как очередная экскурсия в Керчь, а приезд нашей группы в Симферополь – монтажная имитация. Можно смело утверждать, что 50 процентов содержания фильма создано с помощью Его величества монтажа.

Муки художника, «изобретательность» звукооператора

И вот фильм смонтирован. Далее – художественное и звуковое оформление.

– Предлагаю обычные титры, которые мы не раз видели с вами в фильмах...

– Короче говоря, ты – за стандарт?..

– А что если мультик?..

Это уже оригинальнее! Невозможно передать те бесконечные творческие поиски, споры художника Анатолия Ирзы, оператора и режиссера Льва Попова, звукооператора Николая Олейника и др.! Но как бы там ни было, что-то обсуждая и доказывая, выдвигая свои доводы относительно спорного вопроса, соглашались или возражая, в конечном итоге они наконец находили-таки

общий язык, а единое решение объединяло и сплачивало всех. Именно в этих исканиях и родилось 230 рисунков будущего фильма «Тропой романтиков». С помощью кадровой съемки на экране оживали статичные картинки. Сколько было шуток и смеха, когда только что проявленную часть пленки мы просматривали здесь же, на стене, возле проявочной ванны! И вот на тебе: оператор, стоя на древней башне, вытанцовывает чарльстон, геологи один за другим съезжают с Демерджи, а кто-то из них исчезает под водой и т. д.

А не самое ли интересное, даже необычное пережил и прочувствовал сам звукооператор Коля Олейник! Во время озвучки он, используя шумовые эффекты, решил имитировать все те звуки, каких прежде не было и которые зритель должен был слышать в фильме. Так, гул и прерывистые раскаты стремительно падающего с большой высоты водопада Джур-Джур – это «алгебраическая» сумма записанного заранее грома, журчание воды из крана киностудии, кипение чайника и булькающие звуки, что резко вырывались наружу из погруженной в воду трубки, в которую с огромным старанием дули все по очереди.

«Своеобразным» был и треск пылающего костра. На самом деле это выглядело несколько комично: один из киностудийцев с силой ломал сухой веник, а другой держал рядом микрофон.

Долгожданная премьера!

Фильм есть! И его создатели, и наши единомышленники уже видели его не раз, но заметно, что наш энтузиазм отчасти ослабел. Мы не отчаивались, так как понимали: это – временное явление, результат душевного и физического перенапряжения, эмоционального взрыва страстей, воодушевления и надежд, во власти которых мы пребывали в последнее время.

Ну что ж, «Юность», взбодрись и широко распахни свои двери! Приглашай всех на свой первый студенческий фильм! И здесь следует наконец-то отметить, что название фильма «Тропой романтиков» возникло неспроста. Ведь романтика творческих исканий, романтика нелегких путей, романтика поиска и находок действительно в крови его создателей!..

– Молодцы! Bravo, студийцы! Здорово! – так нас награждали. Большой успех имел «Тропой романтиков» и на межвузовском фестивале во Дворце студентов.

Л. Попов и С. Графская работают над сценарием фильма
«Тропой романтиков», 1963 год

Планы, замыслы, мечты

Свершилась-отшумела премьера, но почивать на лаврах некогда. Еще не окончилась работа над киножурналом о вузовских буднях, а уже началась подготовка к большому фильму, посвященному истории института. Рабочее название – «Горный имени Артема» к 65-летию со дня основания ДГИ.

... В киностудии шум, галдеж, суета. Это пришли студенты, кинолюбители, мечтатели, влюбленные в красоту, искатели чудес и неповторимых ощущений. Наблюдаю за ребятами, вспоминаю... Как точно подметил кто-то из великих: «Хотите чувствовать себя молодыми, – удивляйтесь! Удивляйтесь всему и всегда». Так вот почему здесь весело, радостно, горят глаза и открываются сердца. А в том углу – особенно оживленно: рассматривают недавно прибывшую новую чешскую кинокамеру «Адмира-16». Анатолий Ирза отзывается Попова в сторону:

– Посмотри, Лев, мои титры...

Значит, снова – идеи, замыслы, планы, надежды, поиски. Значит, будут и новые фильмы, и новые успехи, и – победы. А отсюда – волнующее состояние подъема, творческого вдохновения. Здесь, похоже, жизнь и дальше будет бить ключом!

... Киностудия ненадолго опустела. Замечаю бобину в целлофане. Сверху старательно выведено: «Тропой романтиков». Пролетят годы, но этот фильм не забудется, потому что он – особенный. Прежде всего тем, что в нем не только о рождении горняцкой киностудии, о славной студенческой «Юности», но и память о наших молодых годах.

Из газеты «Артемовец» за 1964 год.

НА ОРБІТІ — «ЮНІСТЬ»

В КЛУБІ гасне світло і на екрані — знайома усім метушня перед від'їздом в колгоспи на збирання кукурудзи. Ось уже вокзал, хвилини чекання, потиски рук, а далі — робота на токах... Кадри супроводжуються дикторським текстом.

Читач, напевне, уже здогадався, що мова йде про екранізацію першого кінозбірника, який так давно чекали в Інституті і який нещодавно змогли подивитись студенти та викладачі ДГІ.

«Урочистий вечір, присвячений Великому Жовтню, концерт, на фоні теплої ліричної пісні досить вдало подаються картинки прогулянки закоханої пари. Іскристий веселий сніг, дівоча посмішка...

...Під акомпанемент швидкої запальної мелодії — хокейні баталії.

Так, цей кіновипуск мав безперечний успіх у глядачів. Зараз ми готуємо другий кінозбірник. Його тематика: спорт та два фільми: відомий вже всім про Крим («Тропою романтиків») і другий, що народився в результаті поїздки нашої кіногрупи влітку 1964 року на Кавказ.

Зараз вже проявлена вся чорно-біла плівка та кольорова, залишились монтаж та озвучення. Сподіваємось, що до травня цей фільм побачить світ. Це буде, дякуючи невичерпній енергії, ентузіазму і пошукам студентів, які своєю любов'ю до прекрасного тісно пов'язані з кіностудією. Це: Володимир Ковальчук, Володимир Воробйов, Ніна Кокушкіна, Геннадій Мазур, Анатолій Ірза. Як бачите, цих ентузіастів небагато, але вони виконують будь — які доручення, роблять все, що треба: допомагають при обробці плівки, пишуть сценарії до кінофільмів, читають дикторський текст тощо.

А особливо хочеться відзначити Тольку Ірзу, якого ми звемо просто універсалом. Чудовий художник, ініціатор всіх хороших починань, хлопець, у якого багата фантазія і рідкісна працездатність — він просто незамінний в «Юності».

Як і в будь — якій справі, слід говорити про плани на майбутнє. Ну, що ж? Вони у нас також є і, звичайно, на літо. Якщо вдасться дістати ще одну кінокамеру (було б бажано «Адмір — 16А»), то одна група відправиться по місцях практики наших студентів, а друга — на цілину, разом з тими, хто поїде допомагати цілиним романтикам.

На фото: Анатолій ІРЗА в лабораторії кіностудії.

Текст і фото студента О. МЕЛЬНИКОВА, керівника інсти-

БРАВО, КІНОСТУДІЙЦІ!

Самодіяльна кіностудія ДГІ «Юність» випустила на екран перший свій фільм «Стежкою романтиків» («Тропою романтиков»). Які враження від перегляду цього фільму? Можна сказати одне слово: «Чудово!»

Студенти, які створили фільм, — автор сценарію, він же оператор Л. Попов, звукооператор М. Олійник, художник А. Ірза, — мають дорожню для художника якість — почуття прекрасного. Це відчуваєш, переглядаючи фільм: у ньому із захопленням розповідається про незабутні зустрічі з радісним сонячним світом. Тема фільму — туристський похід студентів ДГІ по південному Криму. Але це не хроніка походу, а бажання авторів розповісти про свої враження, що виникали під час походу.

Разом з авторами фільму ми переносимося на дивовижний південний берег Криму. Живописні його береги, гори, покриті казковим лісом.

Ось Нікітський ботанічний сад. Зелений світ, в якому зішлись з усіх кінців планети і стали поруч у добром сусідстві найрізноманітніші породи дерев і кущові рослини, яскраві розсипи квітників, химерне переплетіння

гілок, тіністі алеї, — все тут радує око.

Голубий каскад — і зразу ж кадри переносять нас на вершину гори Демерджи. Звідси можна бачити північну Криму. А внизу — долина Привидів. Розповідають, що як заснеш в ній, то побачиш казкові кримські легенди.

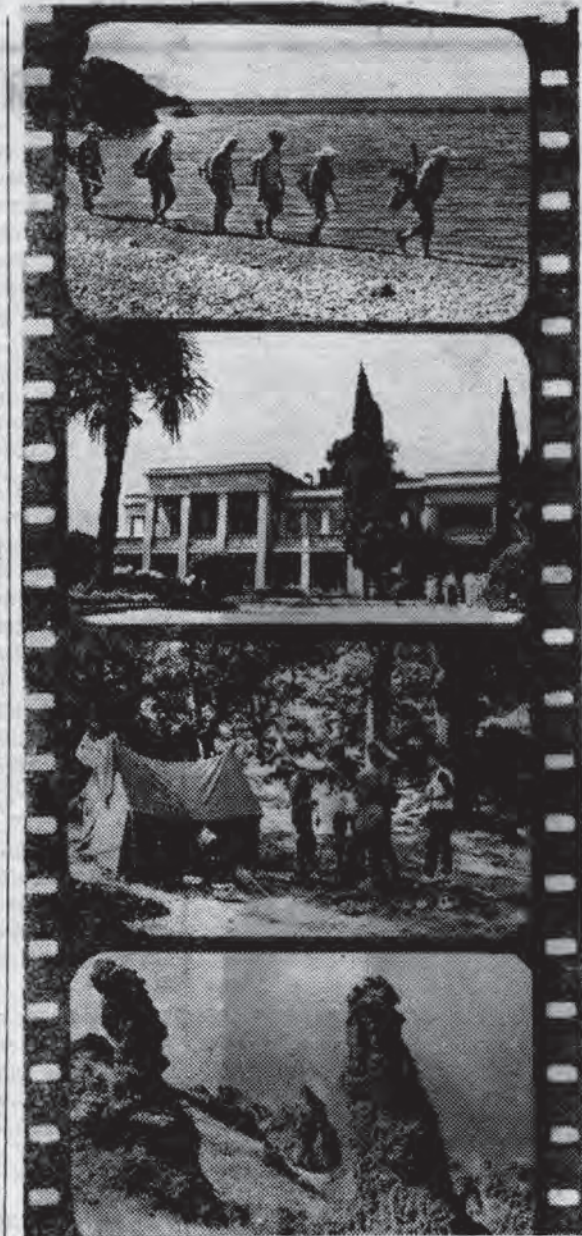
А ось водопад Джур-Джур. Важко вистояти під його могутніми холодними потоками, але ще важче утриматися від такої насолоди.

Історичні і пам'ятні місця, цікаві кутки — усе це треба відвідати! Ось останки стародавнього міста. Скуповони розповідають про своє сумне минуле.

Далі бачимо міжгір'я Аду і Раю. Таку назву воно одержало з-за своїх крутих і небезпечних підйомів.

На екрані — Левова бухта. Вона спокійна і привітна. Глядача зачаровують Золоті ворота. А поруч — бухта Баракта, так названа О. С. Пушкіним за її штормовий характер. Розставив у морі свої скелі Кара-Даг: Ближнюки, Пірон, Король і Королева. А ввечері Кара-Даг набуває химерних форм, долина Туманів повна таємничості.

Романтичний пафос фільму, важке, але захоплююче життя геологів — туристів зали-

шають чудове враження, кличуть у ці неповторні місця.

Від усієї душі хочеться поздоровити молодий колектив студії

«Юність» з першою творчою удачею і побажати йому нових успіхів.

В. ПРОКОПЕНКО,
студент гр. ГІ-59-5.

КАРТИНЫ, посвященные 50-летию Великой Октябрьской революции, недавно на VI республиканском смотре любительских фильмов, хочется рассматривать не только с позиции жюри, вручающего премии и дипломы, но и по тем тенденциям, которые существуют сегодня на экране.

На многих лентах, прошедших перед нами во время конкурса, стояло: «50-летию Великой Октября посвящается». И это понятно: фестиваль — юбилейный. Кинолюбители стремятся внести достойный вклад во всенародную подготовку к нашему замечательному празднику.

Отрадно, что многие из них принесли на экран свои волнующие размышления о жизни, о славной истории нашей страны, о проблемах современности. Они ищут новые темы и формы, идут своим путем, не пытаясь копировать профессионалов.

Лучшим признан фильм «Профессор Галка» (автор Е. Гальперин), отмеченный первой премией, золотой медалью и премией ЦК ЛКСМ Украины.

...На экране — пишущая машинка, рядом с ней горящий огарок свечи. И руки... Руки лихорадочно ищут букву «Т». Этой буквой начинается слово «Товарищ». А слово «Товарищ» начинается борьба. Борьба юной подпольщицы Галины Андрусенко с фашистской нечистью. О подвиге комсомолки волнующие поведаны в своем фильме кинолюбители Днепрпетровского горного института.

Всего одна часть. 12 минут демонстрации. Но емкость произведенная большая. Мы не видим на экране людей — играют вещи, обстановку и взволнованный голос диктора за кадром. Пытаясь встать резинный шланг, которым избивали девушку, отлетает в сторону табурет, на котором она сидела... А на письменном столе — листы бумаг, подготовленные для признаний. Они остаются чистыми, в них не записано ни одного слова...

— Ты зачеркивала свою жизнь, чтобы жить другие, — взволнованно звучит голос диктора.

Кинолюбители в своих фильмах часто вспоминают о героях Отечественной войны. Никто не забыт и ничто не забыто! Герои победы над врагом — это наши отцы, матери, старшие братья. И никогда не изглаживаются из памяти имена тех, кто не достроил города, не доделал свои песни, кто эстафету несут сегодня живые.

Конечно, важная тема требует оригинального решения. Не всем любителям это удавалось.

Но радостно, что было и немало удач. Интересна своим образным строем лента Ялтынской киностудии горного клуба «Ты запомни, запомни...», отмеченная второй премией. Ее автор Ю. Зеленин также рассказывает о войне, рассказывает по-своему. У него своя интонация, волнующая, искренняя.

...Груда сизоловов в горах находит пещеру. Вот она — следы истории. Бережно разворачивают руки полустертый воинский билет. Надписи на стенах пещеры, граниты на полу — все говорит о том, что здесь шел бой. Жестокий бой до последней капли крови — за социалистическую Отчизну, за то, чтоб сегодня этот юноша, сидящий у костра, мог заниматься любимым

ВНИМАНИЕ— ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ЭКРАН

делом. В этом фильме все чрезвычайно скромно, не названиво. Автор, доверяя зрителям, оставляет за ними право домыслить увиденное.

С большим настроением сделана отмеченная второй премией картина студии Львовского областного Дома народного творчества «Последний дымок» (авторы Г. Шклярёвский, Б. Кушнар, Ю. Малахов, С. Боженков, В. Бортыков). Это новелла об уходящем на пенсию железнодорожнике. В последний раз идет он с чемоданчиком в дело, где стоят его ровесники — старые паровозы. Вспоминаешь на один из них, машинист вспоминает всю свою жизнь. Жизнь идет вперед... Отслужившие свою службу паровозы теперь разрежут, сделают из этого металла тепловозы, и в новом качестве они снова будут служить людям. В картине есть грусть расставания, но нет пессимизма. И когда в финале, на фоне песни «Нам паровоз, вперед лети, в коммуне останься...», видишь мчащиеся электровозы и молодых машинистов, понимаешь, что это не только метафора.

«Не умирающие» — лента студии Дворца культуры Луганского тепловозостроительного завода. Она получила вторую премию. Ее авторы А. Лизунов и А. Скорченко рассказали историю своего завода.

Любители студии Северодонецкого химкомбината Е. Литвиненко, С. Бейлик, В. Кужелев, Н. Ревяцкий сняли ленту «Множитель урожая».

Фильм был показан в кинотеатрах, по Луганскому телевидению, его демонстрировали на республиканском и всесоюзном совещаниях химиков...

Если мы внимательно посмотрим названия фильмов, продемонстрированных луганчанами, они расскажут нам о производственных проблемах: «Тут живут струговщики», «Бригада дружных», «Этого мога не быть», «Борьба с пылью», «За технический прогресс», «Кузница химиков». Студии переносят все новое в жизни своего завода на экран.

Но одно обстоятельство и настоятельно требует внимания. Великолепная, мощная техника на экране иногда заслоняет людей. Герои фильмов превращаются в статистов. Мы не ощущаем их увлеченности работой, не видим гордости от достигнутых успехов, не

чувствуем боли и тревоги за имеющиеся неполадки.

Фильм «В вашей квартире газ» (киностудия Дома культуры имени Горького Кадиевки) И. Масленникова рассказывает о правилах пользования газом. Вероятно, это нужное дело. И все же — сколь милее был веселый кинорепортаж, показанный Масленниковым на смотре в 1959 году. Свежесть интонации, непосредственность, самостоятельное видение материала... А с каким хорошим юмором рассказали тогда же кадёвцы и о новых формах обслуживания трудящихся в прелестном фильме «Для вас». Это было настоящее творчество. Сейчас же творческий поиск забыт.

МЫ ЗНАЕМ много примеров, когда любители становились профессионалами. И это закономерно. Но в этом ли основной смысл и главное значение народного творчества? Художественная самостоятельность производит осязаемые изменения в быту и психологию людей, пробуждает творческое начало, помогает человеку облагораживать всю его деятельность — производственный труд, отдых и быт.

Именно об этом заботятся в Житомирском областном клубе кинолюбителей (награжден дипломом первой степени). Вокруг клуба группируется творческая интеллигенция, которую привлекает к нему масса интересных дел. Здесь систематически выпускается общественный киножурнал «Житомирщина». Огромная ценность его заключается в том, что опирается на кинематографическую деятельность во всех областных кинотеатрах. И, думается, опыт житомирян должен заимствовать и другие студии.

Республиканский смотр отчетливо сформулировал вопросы и проблемы, которые необходимо решать. И один из наиболее важных из них — руководство самостоятельными студиями. Прямитивные, серые или же помпезные ленты привезены были на смотр не только неталантливыми авторами. Очень часто руководят работой одаренных любителей администраторы, далекие от искусства. Они и толкают их на путь ремесленничества, превращая отчеты самостоятельных режиссеров, операторов, сценаристов в

свои отчеты. Чего же тут у узковедомственной тематики, засилью кадров с засобраньями, совещаниями?

Об этом же — о хороших руководителях — думаешь, просматривая областных жюри нередко при отборе на республиканский кинофестиваль. Не из художественных, а из желания, чтоб область была представлена большим количеством лент, их качества, идейной значимости, почтенное право участия в канском смотре нужно бороться на столичном экране. Казано не 170 фильмов, а да! Зато эти 50 явятся ре творческого труда.

Пора подумать о плане подготовки кадров руководителей студий, систематической учебе, постоянно действующим нарах, обмене опытом. К совет по кино Укрсовпрофа по кинематографии, республиканский Дом народного творчества кинематографистов могут дать для этого.

Вот что, например, заместитель председателя областного кинолюбителей Луганский А. Скорченко: в Луганске большая материальная база, технической помощи любители не имеют. Усуба методистов не и к смотру были общены и или квалифицированных специалистов, но ничего не было последние десять лет не было ни одного методического, обобщающего опыта.

Любители, прибывшие в Луганск, справедливо возмущались: в двух республиканских смотрах обобщающих интересных мастерских кино, делал, в канский Дом народного творчества и раздал всем участвующим учебный план семинара областного Дома народного творчества и руководителей кинотеатров, но на все это были выполнены всего две вета по кино Укрсовпрофа. Комитет по кинематографии обсуждение просмотренных но все это осталось только нем.

Сегодня на Украине действует 100 студий, объединяющих 1 миллион любителей, кроме того, в каждом городе занимается кинолюбителями. Время идет вперед, искусство развивается, и оно требует все большего внимания и пристального внимания и поддержки.

С. МЕЖИ

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино.»

М. Шелхова

ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАІН, ЄДНАЙТЕСЯ!

1968 рік

Рік видання 41-й.

ОРГАН ПАРТКОМУ, ПРОФКОМУ, КОМІТЕТУ КОМСОМОЛІ І РЕКТОРАТУ ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО ЧЕРВОНОГО ПРАПОРА ГІРНИЧОГО ІНСТИТУТУ ІМ. АРТЕМА

№№ 38—39 (1563—1564)

Субота, 14 грудня 1968 р.

Ціна 1 коп.

БЫТЬ ВЛАСТИТЕЛЕМ ДУМ

Мое знакомство с кинолюбительством произошло не так давно — года два назад. Честно говоря, получил тогда приглашение на просмотр любительских фильмов, я ожидала увидеть нечто игрушечное в смысле содержания, вроде фотографий из семейного альбома: Кавказ и я; я и Крым; горы, море, экзотические ландшафты и удивительные ракурсы. В общем — бирюльки.

Разочарование было приятным... Ленты, отобранные и просмотренные (конечно, далеко не все), доказывали авторам не безразлично, что происходит на свете, в нашем городе, в институте, дома. Они оказались людьми требовательными и бескомпромиссными. Фильмы подтвердили мысль о том, что киноискусство призвано воспитывать в людях самые светлые и возвышенные чувства. Оно помогает им понять и познать жизнь, учит любить свою родину, свой народ, дает высокие образцы для подражания. Кино помогает воспитывать человека чутким к добру и непримиримым к злу. И в лучших своих произведениях создает яркие образы строителей нового общества людей как старшего, так и молодого поколения, чья жизнь, подвиги, богатый и многогранный духовный мир не могут не вызвать гордости и восхищения.

И кинолюбители доказали, что они отнюдь не подражатели и безгласные покорные ученики большого кино, они — вполне правые коллеги по мысли и духу, по непреодолимому стремлению отразить в своей короткой ленте собственное мировосприятие, отношение к происходящему и прошлому, беспокойство о будущем. Им было нелегко разрушать ложные представления большинства неспричастных к творчеству о том, что кинолюбительство — детская игрушка. Убедить, что не хобби — искусство и оружие. Оружие борьбы за завоевание умов молодежи и против чуждостей и недостатков быта. Ведь повседневность дает не только сюжеты для сатирических выпусков «Фитили», но и героические темы свершений. А потому человек с кинокамерой идет рядом со спелеологами и исследователями вулканов, опускается в морские глубины вместе с водолазами и снимает затяжные прыжки с парашютом, одновременно становится и учеником, и спортсменом, и творцом. Нужно только внимательнее, пристальнее всматриваться во все происходящее, уметь видеть закономерности жизни и отличать главное от случайного и второстепенного. Потому что художник, в какой бы области искусства не работал, отвечает на то влияние, которое может произвести и производит созданное им. Вот почему одной из основных задач, которые стоят перед собой кинолюбительство, является создание фильмов, непосредственно адресованных молодому зрителю, фильмов, будущих мысль и чувство современника, который должен очень четко уяснить себе, что борьба идеологий продолжает-

ся, и он обязан быть на ее баррикадах не наблюдателем, а солдатом. Вылазит, что авторы фильмов о молодежи с чрезмерной снисходительностью относятся к своим героям, умиляясь их незрелыми взглядами и поступками. Десять, молод еще, не трюбите с него слишком много. Вот когда случается обстоятельства чрезвычайные — он себя покажет, он свершит подвиг.

Неверно это. И мы, вправе требовать от молодого человека идейной зрелости в повседневной жизни — и работе, не дожидаясь того чрезвычайного случая, когда ему представится возможность «себя показать». Именно идейная духовная зрелость отличает большинство нашей молодежи, той молодежи, что подняла целину, строит гигантские комбинаты и электростанции, штурмует космос, создает талантливые произведения искусства. Когда автор обращается к той части молодежи, что не нашла еще своего места в жизни, он должен помочь ей быстрее обрести его, а не умиляться идейной незрелостью, духовной неустроенностью. Автор должен звонить в колокола гражданского боя, чтобы разбудить не ставший обычным явлением, чтобы чувство — «я отвечаю за все» было не просто прекрасным лозунгом, а действием и естественным побуждением человека.

И в этом деле кинолюбители занимают позиции именно активных и заинтересованных, чему доказательством — интереснейшая и разнообразная тематика фильмов, представляемых на Всесоюзные фестивали кинолюбителей.

Став традиционными, смотрь-конкурсы дают возможность расширить аудиторию влияния любительских лент. Хотя массовость этого увлечения и сейчас уже беспорядочна: ведь только в прошлом году в таком смотре участвовало 1438 коллективов, показавших 2656 фильмов. А это значит — 2656 вопросов, проблем, забот и мнений.

Конечно, не все фильмы разнородны. Есть и фиксирующие красоты природы, есть и подражательные ленты, есть просто бездумные пустячки. Но из года в год все увеличивается количество произведений именно творческих, глубоко художественных, где ощущается живое бытие мысли авторов. И язык кино, наиболее доступного, популярного искусства, становится еще одним немаловажным фактором в деле воспитания духовной зрелости, убежденности молодых.

Человек, взявший камеру в руки, теперь уже не снимает все подряд, только бы даглас. Он выбирает тему, жанр и волнующую.

Таких подлинных, глубоких и всесторонним выражением дум, чаяний, устремлений нашей молодежи могут и должны стать любительские фильмы, завоевывающие свою аудиторию свежестью мысли и талантом создателя.

Н. ШЕЛХОВА.

...Создание широкой сети общедоступных научных и технических лабораторий, художественных мастерских и киностудий для работы в них всех, имеющих стремление и способности.

(Из «Программы КПСС».)

От «Весны» до «Юности»

В новом лабораторном корпусе нашего института есть комната, куда так просто не заходишь. Сюда идут только влюбленные: в искусство, творчество, жизнь.

Я еще не была там, но уверена, что среди многих других голосов услышу еще один. Голос человека, которого уже нет в институте, но без которого нельзя представить киностудию ДГИ.

Да, сегодня мы не можем не вспомнить тебя, Лев. Многие из сотрудников вуза помнят студента Попова — великолепного фотографа, страстного поклонника кино, первого «директора» (так его называли в шутку ребята) киностудии «Весна». А первым — всегда трудно.

И трудно было в самом деле. Но с какой радостью воспринималась каждая победа, любая «выбитая» вещь! А ведь начинать приходилось с ничего... Сначала было «Вратцы, дали ком-

нату!», «Ура, у нас — камера!», «Летом — на Кавказ!», а потом — «Первый фильм — есть!», «Получили «Адмирал» — вот это да!»...

Мы вспомнили тебя, Лев Попов, еще и потому, что твоя большая мечта увидеть в ДГИ настоящую киностудию стала явью. Сегодняшняя «Юность» вышла на Всесоюзную арену. Это — большая серьезная удача тех, в адрес которых немало говорили и будет сказано на этом вечере возвышенного и сердечного.

Итак, творческий вечер «Юности». На него собрались не только энтузиасты кино Днепропетровской области, но и гости из Москвы, Киева, Свердловска. Мы приветствуем их всех и приглашаем побывать и познакомиться с нашим институтом. Добро пожаловать!

Хочется, чтобы такие творческие встречи стали хорошей традицией.

С. ГРАФСКАЯ.

«Я — комсомолец из Николаев. Когда в 19-том кулаки подняли мятеж...» (Кадр из фильма «Мадонна»).

на экране. В нем — твоё открытие, торжество, труд. Ура кинолюбителям!

Кинолюбители бывают разные: одиночки (у нас уединяются профессоры и доценты), групповые (так объединяются аспиранты и лаборанты) и тайные, которые еще не держали в руках кинокамеры, но страстно любят кино и умело скрывают это (деканы и их заместители). И, наконец, кинолюбители, объединенные в студию. Это — студенческая киностудия Днепрпетровского горного.

Итак, тебе слово, «Юность»!

Без операторского крана...

Мы — это:

- Тамара Белюва — (АТ-65-1)
- Семен Бурда — (ЭП-65-2)
- Ефим Галлерин — (ГМ-65-2)
- Сергей Деркач — (ГМ-67-6)
- Николай Дымченко — (ЭП-66-1)
- Анатолий Калуцкий — (ГГ-67-1)
- Петр Корнеев — (ЭП-66-1)
- Анатолий Косолапов — (ЭП-65-1)
- Климентий Левин — (РФ-65-3)
- Анатолий Маценко — (АУ-66-1)
- Александр Мартыновский — (ЭП-65-2)
- Ворис Мезенцев — (РТ-67-1)
- Владимир Моложен — (ЭП-65-1)
- Юрий Нестеренко — (ЭП-65-1)
- Анатолий Пашаев — (АГ-67-1)

Марат Соркин — (ГЭ-66-4),
Председатель совета студии
Е. Галлерин, члены совета
Е. А. Косолапов, В. Мезенцев, В. Моложен.

Заключительный день фестиваля. Председатель жюри народный артист СССР кинорежиссер Г. Л. Рошаль вручает руководителю «Юности» Е. Галлерину призы, завоеванные на «Золотом Полесье». Мы сидим в зале. Мы горды и, может быть, почти счастливы. Нам вспоминается разговор, случайно подслушанный в фойе фестивального дворца после одного из дней просмотра. Только что закончился показ работы ленинградцев «Встреча с Пушкиным», тепло принятой зрителем. Тогда-то один из ленинградцев оказал: «Мне думается, призы у нас в кармане». «Не спешите», — возразили ему. Посмотрим, что привезли днепрпетровцы! И так, мы фавориты, наших фильмов ждут, в нас верят. И мы постараемся не разочаровать любителей кино. Что делать, доверие обязывает.

С 25 сентября по 1 октября в Житомире проводился Второй Всесоюзный фестиваль любительских фильмов «Золотое Полесье» в честь 50-летия Ленинского комсомола. Эти традиционные фестивали традиционно признаны наиболее значительными по их роли в развитии кинолюбительства. Недаром в уставе «Золотого Полесья» записано, что на конкурсный просмотр допускаются только фильмы — лауреаты Всесоюзных и республиканских фестивалей.

Но нет правил без исключений, и какое было исключение жюри, когда три подчета заявок на просмотр оказались, что 14 республик страны представили 672 фильма. Просмотреть такое количество картин за пять дней фестиваля представлялось практически невозможным и, после тщательного естественного отбора, конкурсу допустили 102 работы. От Украины на фестивале было показано 12 фильмов, три из которых созданы на нашей студии. Один из них, «Галка-профессор», — лауреат. Два других — «Мадонна» и «Большой» были степенными поощаждками. Заранее прогнозировалось, что наши фильмы полу-

ВГНИ, профессора кафедры операторского искусства Крючичникова и режиссера Соколова, на котором разбирались фильмы предыдущего дня, встреча с кинолюбителями братских республик. Затем — небольшой перерыв, после чего начинался конкурсный просмотр 35 мм и отдельно — 16 мм фильмов. После 23 часов просматривались восьмимиллиметровые ленты в гостинице. Одним словом, скучать не приходилось.

В дни «Золотого Полесья» работали выставки «Опыт кино клубов СССР», «Техника кино 68», на которых демонстрировалась аппаратура, выпускаемая промышленностью страны.

Представители кинопромышленности встречались с кинолюбителями, выясняли их запросы, пожелания. Рассказывали о фестивале, стремились вспомнить о гостеприимстве хозяев. Житомирский сервис оказался на высоте, за что мы очень благодарны организаторам «Золотого Полесья».

Но не все на фестивале было «студийным и зеленым». Многие кинолюбители пошли — по общему пути подражания, при-

чем мы и запомнили его, курьезного Пушкина, фата утратенных гезайловского поэта.

На кинофестивале были и кинофильмы. Литовские кинолюбители привезли интересный кинофильм «Анекдот вышел гулять». Одна из австралийских сборниц радуется оверобороненной материале и лаконизмом.

Главный приз фестиваля получил фильм иркутчан, Лаврова и Хайдурова «Иду по земле» — рассказ о геологах, ищущих в тайге слюды, и фильм «Страницы ледовой жизни» — о нелегкой работе молодых ученых, исследующих флору и фауну озера Байкал. Успех этих

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕСЬЕ - 1968 ГОДА

чиди 2-ой приз фестиваля, диплом ЦК ВЛКСМ и приз Прессы «За интересные публицистические решения тем современности».

А жюри было достаточно строгим и компетентным. В этом участвии фестиваля участвовали, увидев его состав: известных режиссеров Г. Рошала, М. Юдина, В. Строева, ведущего тележурнала кинопутешествий Шнейдерова и др.

Так что, победа далась нам очень нелегко.

Наиболее запомнились нам после первого дня просмотра был фильм «Затмение» латвийских кинолюбителей. Эта 8-минутная лента, с успехом шедшая на европейском экране, никого не оставляет равнодушным. Тема фильма: Вьетнам. В нем нет ни кадров хроники, ни дикторского текста. Это фильм из снимков, которые мы видели и видели в газетах и журналах. Снимая застывшие фотографии, авторы достигли полной кинематографической динамики. Ритмом, передачей снимков, отличным монтажом, остротой и наездами намере создается удивительная напряженность действия.

Днем позже мы присутствовали на открытии детского кино клуба фестиваля, тоже под эгидой «Золотого Полесья». В гости и детям пришли герои киносазона, актеры, режиссеры детского кино. Они показали детские мультимедийные, профессиональные и любительские фильмы, новые полнометражные кинокартины.

Фестивальная программа была очень насыщенной. Утром — семинар

чем, подражания эти были далеко не всегда равноценными оригиналу. Часто фильмы не имели должной литературной основы, хорошего сценария. Обилие кадров хроникального характера. Увы, не восполняет недостатка мыслью. И нигде повторы в художественных приемах не ощущались нами так остро, никогда угадывание зрителями фальши не было таким безобидным, как в дни фестиваля.

Из фильмов, которые нам понравились, можно назвать мультимедийную ленту свердловчан, работу ленинградцев «Встреча с Пушкиным». Просмотр этой картины был для нас большой нечаянной радостью. Начинается фильм очень обыденно. Вот дом Пушкина, его кабинет, личные вещи. Камера вводит нас в мир его современников, его друзей. Портрет жены, первой петербургской дамы, его дети. Его

Бенкендорф, царь, цензоры, продажные литераторы, транжирящие Пушкина. Роковая дуэль, на которую толькоюло общество, отняла у России ее лучшего поэта. Нет, Пушкин не убит, он упал на колени, но он хочет, он будет стрелять. Пусть он сейчас — только брызнула музейная статуэтка поэта, поднявшегося на боку и сжимающего из последних сил пистолет. Он поднимается, он поднимается!.. Выстрел! И на экране — лицо царя. Еще выстрел — лицо Бенкендорфа. И, кажется, дамы брызговий пистолет. Вот они, враги всего живого. Как мало осталось сил, как много еще ала вокруг... Та-

фильмов заслужен и не может не радовать кинолюбителей страны.

Зарубежными гостями «Золотого Полесья» были кинолюбители Болгарии, Югославии, Гумании, Польши, ГДР. Фильмы, показанные ими, оставили, в целом, хорошее впечатление. Особенно полюбилась зрителям работа югославского режиссера Д. Манавея «Разбитое зеркало Антония». Это очень трогательный фильм-символ о желании человека вырваться из замкнутого круга будней, о любви и убитой равнодушным мечте. Думаю, нам, советским любителям кино, очень полезно творческое общение с нашими зарубежными коллегами. Оно будет стимулировать нашу работу, потому что многие фильмы отечественного любительского кино, показанные на фестивале, ни в чем не уступали фильмам гостей.

Фестиваль предлагал не только обмен опытом, демонстрацию фильмов, но и личный контакт участников. Часто за Ужином в баре гостиницы, за чашкой кофе или (лучше всего) сухого вина встречались кинолюбители и до глубокой ночи смеялись и спорили, дерзали ругать, о форме, технике, об «истинно любительском» кино.

Процандя с Житомиром, мы не бросали монеток в бассейн: во-первых, деньги были на исходе; во-вторых, мы твердо знали, что еще вернемся сюда. Потому что память об этом сердечном городе живет в нас, потому что Добро не исчезает бесследно.

Б. СЕНИН.

Студийцы нового века

Надежда Гринько
(Черевко),
редактор газеты «Вісник
Національного гірничого
університету»

Валентина Шабетя,
журналіст інформаційно-
аналитического центра НГУ

Главное, как говорят, «попасть в струю» (хотя случайностей не бывает) – и тогда уверенно понесет тебя река жизни. Чего только не увидишь на ее берегах. А если ты человек внимательный и неравнодушный – запечатлишь на фото или видео и другим покажешь. Так обычно происходит с натурами творческими. Народ это особый, немногочисленный, поэтому интересный. И когда в нашем Информационно-аналитическом центре или, по-старому, пресс-центре НГУ, и у наших коллег в киностудии «Юность» появляются новенькие, мы радуемся и надеемся: а вдруг что-то из этого получится...

Помню лет 10 назад в нашу газету «Вестник» принес фоторепортаж с крымской практики первокурсник-геолог Александр Инкин. Потом он сотрудничал с «Юностью» и вместе с оператором Александром Мусиновым снимал на видео красивейшие кадры нелегкого горного перехода под руководством проректора Юрия Хоменко...

Сегодня кандидат геолого-минералогических наук Александр Инкин находит увлеченных ребят и тоже направляет их на тропу творчества.

А какие замечательные газетные материалы и видеосюжеты создавали Ольга Юдина, Виктория Какубава – ныне маститые журналистки. Жаль расставаться с талантливыми пятикурсницами Ликой Мушкудиани и Марией Бережной. Все они делают быстро, с изюминкой: взяли интервью, мгновенно написали сценарий и назавтра сюжет о студенческом театре английской драмы на кафедре иностранных языков или очередной встрече с неповторимой Лесей Степовичкой – готов!

Картинка дня сегодняшнего: юное хрупкое создание с длинной красивой косой мягко передвигается в актовом зале и – делает отличные снимки.

Алена Леонович, студийка, первокурсница юрфака НГУ:

– Никогда бы раньше не подумала, что, поступив в горный, буду заниматься чем-то подобным. Но ничего не бывает просто так. Я верю: не

случайно зашла в «Юность» и встретила ее руководителя Анатолия Николаевича Калуцкого. Теперь

осваиваю искусство фотографии, монтажа, съемки и остальных тонкостей. В свободное от учебы время прихожу в этот коллектив. Здесь каждый день не похож на предыдущий. Не подозревала, что жизнь в НГУ так насыщена...

Стас Мардаровский, активный студиец, пятикурсник НГУ:

– С первого курса я бываю в «Юности». Помню первое занятие в студии. В голове царил что-то невообразимое. Ведь «Юность» – это уникальный подвижный мир. Мне казалось, что я умею снимать, но потом понял, сколько

времени надо отдавать, чтобы добиться нужного качества и смонтировать достойный сюжет. Работа в «Юности» позволяет раскрыть свой потенциал, развить творческую сторону жизни и понять, что пределов совершенствования нет. Думаю, студийцы не бывают бывшими. Если ты хотя бы раз побывал в «Юности», она навсегда займет частичку в твоём сердце.

Сергей Подрез, выпускник НГУ 2012 года:

– Когда на четвертом курсе я переступил порог «Юности», не мог и подумать, что день этот станет для меня переломным. Во-первых, я увидел множество раритетных фотоаппаратов и кинокамер – вот это да! За компьютером монтировали фильм, а молодой человек с камерой собирался на съемку, заряжая кассету в камеру. Я подумал: здесь должно быть интересно! Как-то сразу понял шутки и добрые стебы Анатолия Николаевича Калущкого (до студии я был КВНщиком). На следующий день уже

перенимал опыт старших коллег. Здесь меня обучили искусству кино во всех его проявлениях. Каждый день я осваивал какие-то новые нюансы съемки и монтажа фильмов. Совместно с пресс-центром НГУ мы создаем множество интересных сюжетов и документальных фильмов. В мой объектив «попало» много высокопоставленных гостей Национального горного университета, среди них президент Таджикистана, премьер-министр Мексики, послы разных стран, губернатор и мер Днепропетровска, не перечислить и творческих личностей, которые бывают в нашем Центре им. Олеся Гончара.

Артем Гусак, активный студиец, выпускник НГУ:

– Четыре года я в «Юности». Мне определенно повезло – общаться с творческими людьми. Например, если бы не Галина Андреевна Пивняк, я бы малой толики не узнал о нашем крае, интересных личностях. «Юность» работает напряженно. В нас нуждаются, ведь количество проводимых мероприятий в университете постоянно растет. Мне кажется, что ничего этого могло не быть, если бы не заинтересованность и поддержка нашего ректора, академика Г.П. Пивняка, который всячески поддерживает и принимает личное участие в ее работе.

Анна Калущкая, выпускница НГУ, студийка:

– «Юность» я помню с самого раннего детства. Тогда мне, маленькой девочке, фотолаборатория на цокольном этаже 4 корпуса с ее загадочными приборами, таинственным освещением (а иногда и полной темнотой) и бесконечными бутылочками с жидкостями и порошками на полках казалась тем местом, где, как в сказках, творят свои чудеса волшебники.

И сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, какое это счастье – быть таким волшебником.

Наиболее интересные работы получаются, когда творческий человек, пережив какое-то значительное событие, не удовлетворяется просмотром отснятых снимков или видеоклипов. Ему хочется, чтобы эти воспоминания не развеялись со временем, и их можно было бы переживать снова и снова. Тогда и начинаем по кусочкам собирать фотографии, видео, музыку, слова и мысли в единое целое. На первый взгляд, это может показаться несложным

делом, особенно сейчас, когда с помощью компьютерных технологий созданы такие условия, что видеомонтажом на простейшем уровне может заниматься и наслаждаться почти каждый. Но чтобы выйти на более высокий уровень, научиться создавать законченный образ так, чтобы от него не отваливались отдельные составляющие компоненты, а он был целостным и гармоничным – нужно приложить столько же усилий и настойчивости, как и в любом другом искусстве. Кто-то не сможет выразить драматизм, правильно отсняв настоящий шторм, а мастер подарит вам такие переживания с помощью дождя из шланга, ветра из вентилятора и синего фона. Ну, и, конечно, компьютера... и многих часов работы. А когда заканчивается действие над очередным проектом – происходит чудо: все пережитые настроения, чувства, эмоции «пойманы» во времени, как бабочка в янтаре, и в любой момент их можно восстановить снова – улыбнуться или погрузиться, пометать и поделиться этим с кем-то еще.

Часто, вложив много сил и труда, оценивая уже готовый результат, испытываешь непередаваемые чувства. И тогда я счастлива, что мне открыт этот магический мир фото- и киноискусства. Возможно, кто-то также как и я в детстве, считает меня немножко волшебницей.

Евгений Цип, студиец, студент 2-го курса ММФ:

– Одно время пришлось совмещать две работы сразу и учебу, но это было до той поры, пока передо мной не стал выбор: работать в компьютерном отделе или познавать фото азы в «Юности». Некоторое время взвешивал за и против: мечта или работа, или просто работа. Но победило увлечение фотографией. Каждый снимок для меня – это маленькая жизнь, которую мы проживаем вместе с людьми, которых я фотографирую! Это особое чувство. И если его нет, то не стоит этим заниматься. По большому счету, в этих работах заключена именно МОЯ история, пусть даже рассказанная с помощью людей, которых мне удастся сфотографировать.

* * *

Да, наша «Юность» для многих была и есть отправной точкой дальнейшего творческого пути. Но некоторые первые студийцы так и не

смогли оторваться от ее корней. И вот уже более 30 лет в стенах киностудии руководит художественным процессом Анатолий Калущий. Как удачливый рыбак вылавливает в студенческой среде именно тех, кому на роду написано пройти студийную закалку и научиться, как искусно смотреть на мир через глаз видеокамеры или фотоаппарата.

Верный его Санчо Панса – Владимир Коренной, также увлеченный кино- и фотосъемкой, сроднился с университетом. На его счету сотни сюжетов и удачных снимков.

Владимир Коренной, технический директор «Юности»:

– Это было недавно, это было давно. Помню, как мы с А. Н. Калущим снимали фильм «Дочери ее и сыновья». Когда бричка дернула на повороте, я чуть не уронил камеру, а весила она около 20 кг. Очень много «интересного» тогда мне рассказал Анатолий Николаевич. В этих трудностях укреплялась моя любовь к творчеству.

Разнообразные люди и события проходят нескончаемой чередой. А мы в «Юности» больше живем позитивом и доносим его людям. Особенно интересно работать со студентами, видеть, как горят их глаза, когда удается сделать удачный кадр. Много приходилось снимать сюжетов и внеуниверситетских, но имеющих

духовно-воспитательное значение в жизни нашей молодежи. Очень благодарен нашей творческой наставнице Галине Андреевне, которая даже для меня лично открыла много доброго и красивого в этой жизни. Нас невольно очищали и «Чисті джерела», и эти дивные «Пороги», которые она создавала как редактор.

Днями ездил вместе с нашими преподавателями, студентами и участниками Всеукраинской конференции, посвященной 95-летию Олеса Гончара, на родину писателя в с. Суха Полтавской области. Еще один добрый сюжет готов для демонстрации нашим студентам-горнякам.

* * *

Десятки лет в тесной упряжке вместе со студийцами «Юности» трудятся журналисты пресс-центра горного. Мы не только пишем, но занимаемся созданием фильмов и сюжетов, озвучиваем их. Соответственно материалы в наших университетских газетах «Вісник» и «Студент» иллюстрируют снимки коллег из «Юности». Тепло вспоминаю совместную работу с Владом Гришкиным, Димой Шаковичем, Сашей Мусиновым, Андреем Ботовым, Кириллом Буцом, Виталием Буштрюком, в недавнем прошлом нашими студентами и студийцами, а теперь профессионалами, идущими самостоятельным творческим путем.

Живой родник творчества, нормальная моральная атмосфера сохраняется в университете во многом благодаря тем, кто сердце свое не жалея, учит студентов любить родную землю, ее историю, национальное искусство и его творцов, бережно и уважительно относиться к старшим. Разве без участия нашего ректора, академика НАН Украины Геннадия Пивняка, без инициативы профессоров Виктора Пушкина, Анны Швидько, Светланы Игнатъевой, Анатолия Косолапова, Светланы Кострицкой, директора научной библиотеки НГУ Ольги

Нефедовой, доцентов Ирины Цюпьяк, Анатолия Поуха, Романа Дичковского, Игоря Кочергина смогли бы появиться на белый свет множество интересных видеоматериалов. Не буду перечислять их названий, но отмечу, что все созданные «Юностью» фильмы копируются и их обязательно передают героям съемок или заинтересованным организациям, к примеру, в исторический музей города, дом-музей Д. Яворницкого, областную научную библиотеку. Мы сотрудничаем с городским телетеатром. Уже сложилась практика перевода видеосюжетов, видеofilьмов и TV-программ на английский, немецкий, польский языки, которые можно увидеть в вузах Германии, в Московском горном университете, Краковской горно-металлургической академии.

В нашей «Юности» есть всегда возможность заглянуть в прошлое, в свою собственную юность. Пусть будут светлыми воспоминания и надежда на будущее.

Надежда Гринько.

Быть журналистом – важно, а тележурналистом – важнее и ответственнее, поскольку тебя видят и слышат. В народной киностудии «Юность» я «постигла» эту профессию под мудрым руководством заслуженного журналиста Украины Галины Пивняк и редактора областного телевидения Луизы Щегловой. Эти прекрасные женщины помогали и направляли, учили и подсказывали, бывало, исправляли, а потом неожиданно ПОХВАЛИЛИ. Но слова похвалы были произнесены не просто ради красного словца или поднятия творческого настроения. Оказалось, передачи, подготовленные по моим сценариям о жизни университета, начали завоевывать аудиторию и пользоваться успехом у телезрителей. А перед этим были многие часы общения и работы над телепередачами со студийцами Виталием Буштрюком, Кириллом Буцом, Андреем Фроловым и Владимиром Коренным.

Благодатный материал для передач под названием «Пізнаємо світ, світ пізнає нас» привозили сотрудники университета из научных командировок в иностранные вузы, с которыми НГУ поддерживает контакты. К примеру, многие передачи, связанные с Краковской горно-металлургической академией им. Сташица, были сделаны с участием Романа Дычковского, тогда еще молодого научного сотрудника кафедры ПРМ, а сейчас – заместителя проректора по научной работе.

Я благодарна киностудии за знакомство со многими интересными людьми нашего университета. С Романом Дычковским – очень творческим и талантливым человеком, знающим несколько иностранных языков, – меня связывают особые узы. После нескольких удачных передач и роликов на польскую тематику мы решили сделать так называемый «прямой эфир» из Центра украинско-польского сотрудничества. Как раз в то время из Польши приехала группа студентов-горняков, проходивших там стажировку. Конечно, технические условия не позволяли сделать настоящий прямой эфир, мы снимали все заранее. Но тем не менее задумка удалась, все было сделано профессионально, зрители даже не догадались, что все показанное было подготовлено раньше.

В монтажной комнате на четвертом этаже произошло знакомство еще с одним талантливым человеком – доцентом Александром Ковровым. Сейчас мы часто вспоминаем с Александром Станиславовичем нашу совместную работу над отснятыми материалами в экзотической стране Вьетнаме, где он был в командировке. В результате работы получился не менее экзотический и очень интересный фильм из серии «Пізнаємо світ, світ пізнає нас».

Сейчас я больше работаю в своем любимом жанре – газетной журналистике (и никогда ему не изменю!). Но моя «телеэпопея» останется в памяти как одна из самых светлых страниц жизни.

Валентина Шабета.

Предисловие

У авторов воспоминаний, представленных в данном разделе, совершенно разные характеры и судьбы. Кто-то намотался по белу свету, меняя города и страны, а кто-то всю жизнь ходил на работу одними и теми же улицами. Кто-то женился один раз и счастлив, а кто-то шел от развода к разводу и ... тоже счастлив. Кто-то сделал карьеру, а кто-то ее и не пытался делать. Кто-то ковал чего-то железного и мыл золото, добывал уголь и руду, а кто-то строил только слова.

Одним словом, все авторы очень разные. Но в то же время объединенные пониманием того, что была у нас в жизни не просто самодеятельная киностудия с типичным для 60-х (от журнала до кафе) названием «Юность». Была наша общая Юность!

Тогда все нам твердили:

– Вы, молодые, только готовитесь к вступлению в жизнь. Готовьтесь...

И никто не сказал нам, что это все и есть уже жизнь. И никогда уже не будет ни этих восемнадцати лет, ни этих друзей, ни...

Так что вот тебе, уважаемый читатель, наше откровение, пришедшее с большущим опозданием...

Среди огромного количества коллективов художественной самодеятельности мы выбрали кинолюбительство, которое оказалось наиболее продвинутым культурным течением того времени.

Мы не сомневались в правильности выбора. Во-первых, потому что официально партия и правительство твердили, как заклинание, слова Ленина «из всех искусств для нас важнейшим является кино».

А во-вторых – у нас в стране, действительно, очень любили кино! И быть причастным к этому миру... Этак легко в разговоре бросить «вчера снимали эпизод. И я веду панораму»... Ну, кто еще в нашем окружении, в городе Днепропетровске, когда даже фотоаппаратом умели пользоваться немногие, мог похвастать этим?

А тут ты уже легко управляешься с техникой. Умеешь проявлять, умеешь печатать фотографии, да еще снимать кино. Растешь лично и профессионально.

Важно, что при этом мы не были фанатиками, сектантами кинофотопроцесса. Нет. Это была удивительная атмосфера, как бы сказали сегодня, непреходящей «тусовки».

Мы много читали, много спорили, изучали живопись и литературу. Как-никак числились в творцах, и надо было учиться всему, что есть искусство. И глядя на это с высоты прожитых лет, нам становится понятным, что приход в студию потрогать кинокамеру было лишь поводом. А вот причиной – неосознанной, интуитивной – был юношеский поиск других миров. Иных, чем учеба в школе, институте, военном училище или застолья в общежитиях.

Сам вид деятельности «фото-кино», в отличие от всех видов студенческой художественной самодеятельности – хор, оркестр, танцевальный ансамбль, поэтический клуб «Уголек», развивал не только творческую индивидуальность, но в то же время и деловую хватку.

Еще бы – надо самому придумать кино и самому организовать производство фильма. При этом договариваясь и со своими соратниками, и с людьми, от которых зависел весь этот процесс. Иными словами, вступать в отношения с окружающими, которые в принципе тебе ничего не должны. Поэтому тебе надо было их обаять, доказать, увлечь.

В этих поступках проявлялся каждый из нас. Ведь нельзя было спрятаться за спину коллектива. За понятием «мы». Требовалось твое «я».

Существование в атмосфере студии оказалось школой жизни.

Школой неформальных отношений вне привычного круга общения студента.

Школой взаимоотношений, сотрудничества и поиска нестандартных решений.

А, кроме того, ведь были еще поездки на фестивали и смотры, общение

там с коллегами по увлечению, посещение столичных театров и концертов.

Пользуясь инженерным языком (ведь мы из ДГИ!), у нас случилось «на несколько степеней свободы» больше. И это потом сыграло очень важную роль в наших судьбах.

Когда возникла идея издать воспоминания членов киностудии «Юность» о том незабываемом времени, Ефим Гальперин, с именем которого связаны наиболее значительные достижения в истории киностудии, не только поддержал, но выдал инструкцию по написанию, текст которой приводится ниже.

Дорогие мои!

В связи с объявленным сбором Воспоминаний об Атлантиде под названием «киностудия «Юность» у вас, несомненно, возникает желание... увильнуть.

Мол, дескать, дел невпроворот.

Как писано классиком, стоящим все время перед этим выбором – см. строчка № 3:

- 1) Чье сердце под рукой забьется,
- 2) Кого еще поцеловать,
- 3) Сначала жить – потом писать?
- 4) А жить все меньше остается...

Семён Бурда

Вот и обращаюсь я... И к тем счастливицам, у которых еще может реализовываться тема – см. строчки № 1 и № 2. И к тем, у кого наклеиваются все время дела попроще. Давайте писать! Потому как – см. строчку № 4.

К этому было приложено Пособие для начинающих мемуаристов.

Памятка Писцу

(Пособие для сентиментального путешествия во времени)

Воспоминания должны быть максимально простыми. Легкими, веселыми. Чем субъективнее, тем лучше.

То есть:

- * Как попал? Где услышал? Кто или что подтолкнул? Что запомнил про начало?
- * Сколько был, часто ли приходил? Было ли свое дело (проект, кино, возможность поучаствовать в работе) или просто потрепаться?
- * Какая случилась польза для собственного развития?
- * Что чувствовал? Чему научился? Как с физическим, половым, душевным и духовным развитием?
- * Кого привел в студию?
- * Корысть от пребывания в рядах.
- * Мог пользоваться пленку, химикаты, оборудование, помещение и мебель в личных целях?
- * Хвастался перед девушками своей творческой натурой?
- * Блага социальные. В том числе неофициальные контакты с преподавателями, комендантами общежитий, зав. столовой (студенческий профилакторий, зачеты, экзамены)?
- * Что нравилось и что нет? Кто не нравился? Чем?
- * Какой-нибудь смешной эпизод в связи со студией.

Кто-то, прочитав «Памятку писцу», улыбнулся и писал свои воспоминания, как он это чувствует, кто-то проникся и действовал по «инструкции», а Валерий Бродский, главный оператор студии в 1965–1969 годах, отреагировал по-своему

Валерий Бродский

Ефим, привет.

Присланная ПАМЯТКА говорит мне о том, что ее автор забыл ТУ жизнь или ТОГДА жил ожиданием ЭТОЙ жизни.

А жалко. Графомания – это не для меня. Ниже привожу ответы на дурацкие вопросы:

- * Как попал? – перепутал номер трамвая.
- * Где услышал? – так все только об этом и говорили.
- * Кто или что подтолкнуло? – самому интересно...
- * Что запомнил про начало? – все делали сами.
- * Сколько был, часто ли приходил? – пока не вспомнил, что надо

учиться.

- * Было ли свое дело? – было.

* Какая случилась польза для собственного развития? – с тех пор в кино не хожу.

* Что чувствовал? Чему научился. Как с физическим, половым душевным и духовным развитием? – просто получал удовольствие.

* Мог использовать пленку, химикаты, оборудование, помещение и мебель в личных целях? – было, где ночевать пару месяцев.

* Хвастался перед девушками своей творческой натурой? Блага социальные. В том числе неофициальные контакты с преподавателями, комендантами общежитий, зав. столовой (студенческий профилакторий, зачеты, экзамены)? – тогда этого всего хватало и без хвастовства.

* Какой-нибудь смешной эпизод в связи со студией – мне показалось смешно, когда мы с Ефимом просили на фестивале в Москве автограф у мужика, который оказался обыкновенным зрителем.

А пришел я в студию в подвал второго общежития. Ты изображал БОССА. Я – только что поступивший студент. Но до поступления я уже имел опыт работы с кинокамерами. Так что допрос я выдержал, и мне было разрешено влиться в коллектив.

С наилучшими пожеланиями Валерий Бродский.

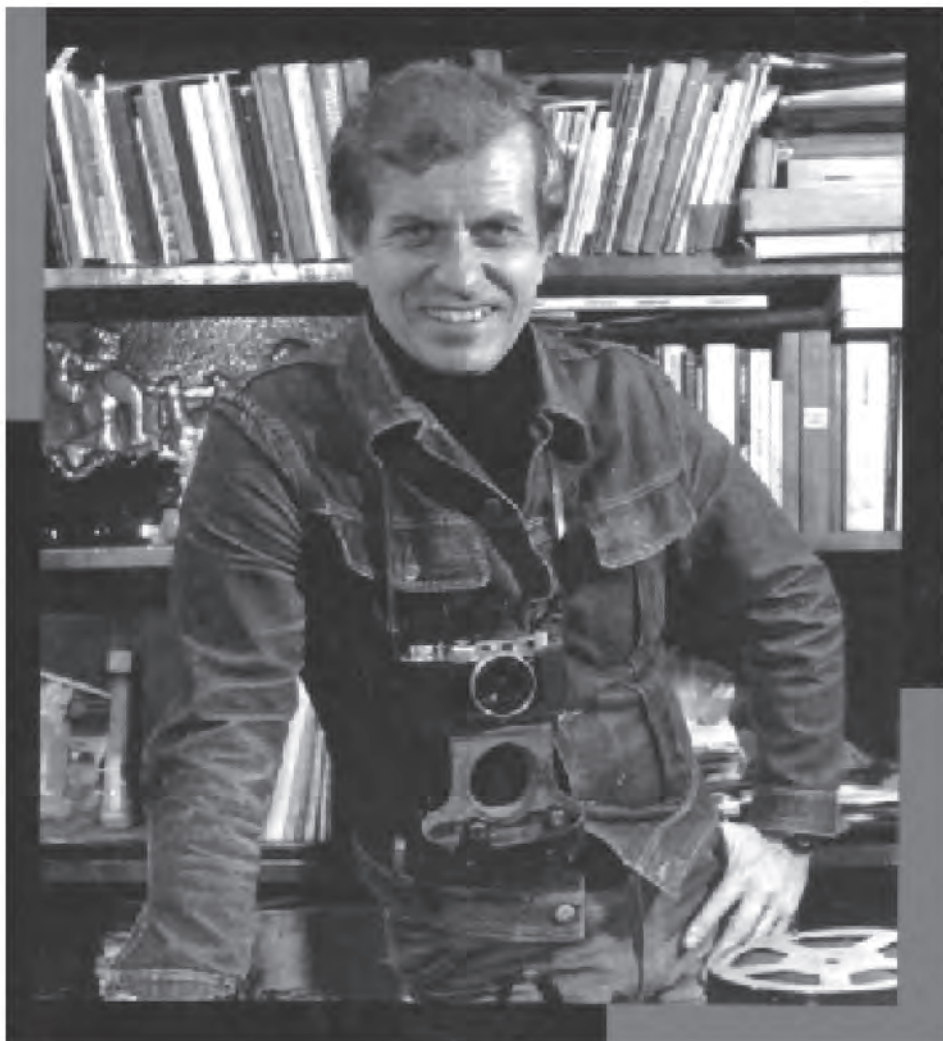
Олег Коротенко

Еще более краток был известный кинопродюсер и кинорежиссер, профессор Государственного института театрального искусства имени Карпенко-Карого, член союза кинематографистов Украины Олег Коротенко, руководивший киностудией «Юность» в девяностых годах: «Самое главное. Спустя годы понимаешь: опыт работы в киностудии в последствии очень пригодился в моей дальнейшей жизни, и я безумно благодарен «Юности» ДГИ в становлении меня как личности и как специалиста в организации производства фильмов. Эта киностудия дала мне возможность проверить мое неиссякаемое желание, мое стремление работать и посвятить свою жизнь работе в кинопроизводстве. Она дала мне силы добиваться поставленной задачи перед собой. Многим своим студентам я всегда говорю: «Начинайте свою жизнь в кино с любительской киностудии, с маленьким коллективом, с маленькой творческой задачей, чтобы в первую очередь понять – это твое дело или нет!»

Другие авторы были более щедры и подробны. Таким образом, удалось собрать тексты, которые дают представление о том, как мы жили и творили...

Итак, раздел «Мы» – это в первую очередь некий социально-культурный срез жизни студенчества, начиная с 60 годов 20 века. И уж, конечно, ностальгический очерк, составленный авторами о творческом коллективе с названием «Киностудия «Юность» и о той удивительной атмосфере дружбы, что сопутствовала нам тогда. Да и сопутствует сегодня.

*Время не повернуть
вспять...*

Лев Попов

*фотохудожник, кинорежиссер, журналист,
организатор и первый руководитель
киностудии «Юность» в 1963-1966 гг.*

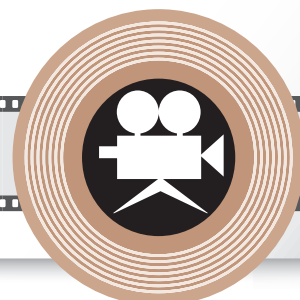
Заканчивая школу в Феодосии и определяя себя в будущем, я не хотел обидеть свою маму, а она видела меня инженером железнодорожного транспорта: хорошая мужская работа, высокая зарплата, льготный проезд, возможность объездить все уголки нашей необъятной Родины, карьерный рост и еще множество аргументов в ее пользу. Почему она прочила меня в железнодорожники, я так никогда и не узнал, ведь среди моих предков-сибиряков были и капитаны судов, и бухгалтеры, но никто и никогда не тяготел к железной дороге.

Мой отец был очень мудрым человеком, никогда не оказывал на меня ни силового, ни психологического давления, так что по окончании школы мне был предоставлен свободный выбор моей будущей профессии. Еще с раннего детства мой отец привил мне страстную любовь к фотографии, потому что сам все свое свободное время проводил на съемках. Тогда фотография производилась на примитивном пластиночном фотоаппарате «Фотокор». Отец с большим удовольствием открывал мне тайнства своего увлечения. И так, видимо, эта страсть к фотографии передалась и мне.

В 1952 году отец подарил мне дорожный фотоаппарат «ФЭД» и от пластинок я перешел к фото пленке. А еще у меня было увлечение живописью, и вот это сочетание фотографии и живописи наложило отпечаток романтики на все мои последующие работы и в кино, и в фотографии.

Окончив среднюю школу в 1956 году с серебряной медалью, я решил осуществить свою мечту – получить профессиональное кинематографическое образование. Собрал все свои снимки, проштудировал несколько учебников по фотографии и киноискусству и поехал в Москву покорять ВГИК. На предварительном собеседовании у знаменитого оператора советского кино профессора Головни мне пришлось со стыдом и грустью признать свою «незрелость» и недостаточную подготовку и отправиться домой. Конечно же, для меня это был большой стресс, крушение мечты и надежд. И я опять встал перед выбором, кем быть, куда идти учиться?

Случай привел меня к дверям Днепропетровского Горного института имени Артема. Великолепно выглядел главный корпус института, напротив – урбанистическое здание общежития № 1.

Горный институт. Поваяло романтикой дальних странствий, геологических экспедиций, вот, где я смогу реализовать свою тягу к творчеству и путешествиям, снимать наших славных героев труда, снимать необозримые пейзажи и делать выставки.

Вот так все и произошло! Будучи студентом второго курса ДГИ, я стал организатором первой фотовыставки работ студентов-фотолюбителей. В институте на втором этаже по периметру замкнутого прямоугольного коридора было развешено около 75 фотографий, сделанных в разных уголках нашей тогда необъятной страны. Кто-то привез фотографии геологических экспедиций, кто-то – со студенческих учебных практик, другие – просто с каникул. Успех был неожиданный и впечатляющий. Ведь до этого ничего подобного в вузах Днепропетровска не было. Об этом написала газета «Днепропетровская правда», говорили по местному телевидению. Помню, вызвал меня заместитель декана горно-механического факультета Марк Григорьевич Рипп и, поздравив, спросил – не перепутал ли я институт.

Позже я стал активно сотрудничать с институтской газетой «Артемовец», а затем и с областной комсомольской газетой «Молодой Ленинец», снимать фотоочерки для телевидения, вести телепередачу «Беспокойные сердца». Это уже была настоящая эйфория успеха и моей

Первая фотовыставка студенческих работ.
1961 г.

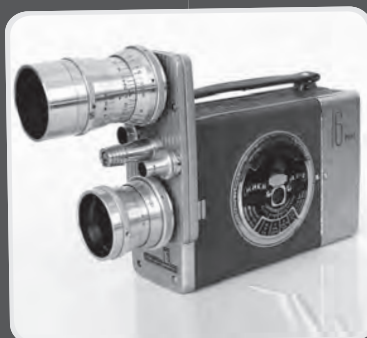
Организаторы киностудии «Юность»
в программе «Беспокойные сердца»
на Днепропетровском телевидении

популярности. Как же, меня заметили. Я вновь стал задумываться о поездке в Москву во ВГИК... Но состоялось большое «но»! Это было знакомством со студентом железнодорожного института Виктором Пешковым – руководителем институтской любительской киностудии. Я был приглашен на одну из их, как говорят сегодня, тусовок. На кинопоказ их творений.

Любительского кино тогда в стране еще почти не было, только делали свои первые шаги любители-энтузиасты, не было кинотехники, пленки, химикатов. Телевидение работало тогда на негативной пленке, которую нельзя было смотреть в кинозале. Реверс возможен только на телеэкране. Но кино есть кино, оно магически притягивало и казалось, что ты можешь делать то, что привлечет к тебе, в твой «кинотеатр» единомышленников и поклонников. А доступна была тогда лишь отечественная 16-миллиметровая кинокамера «Киев-16С». К нашему великому счастью такая камера случайно оказалась в институтской фотолаборатории, но как никому ненужный инвентарь, ею никто не интересовался и не пользовался, а для меня это было пределом мечтаний. После долгих уговоров руководителя лаборатории, я ее все же получил – такую маленькую, уместившуюся на ладони, двухобъективную с турелью и с очень трудно заряжаемой кассетой.

Я жил в общежитии и многие знали о моем увлечении. Наша комната потихоньку превращалась в клуб первых энтузиастов будущей студенческой киностудии. Появились первые сценарии, пришли наши КВНщики. Но где было работать? Необходимо было помещение, аппаратура, материальные средства. Помню, пришел я тогда на прием к заместителю ректора профессору Юнькову.

– Зря идешь – отговаривали меня, – трудный он, несговорчивый, не поймет нашей затеи. Жди ректора.

Но я решился. Профессор Юньков долго слушал меня. Ничего не сказал. Позвонил заместителю ректора по хозяйству и попросил принять меня.

– Все, – думаю, – отфутболил, даже слова не проронил мне.

Но мой визит к заместителю ректора по хозяйству оказался успешным.

– Готовьте список, что вам нужно, и ко мне, – таков был его ответ. Когда я вышел из кабинета, у дверей меня с нетерпением ждали мои первые друзья по творчеству – Володя Китаев и Толя Ирза. Первым делом был вопрос: «Что с тобой?»

Тогда по Днепропетровску уже ходили слухи среди киношников, что в «Кинотехпром» поступили 16-миллиметровые чешские кинокамеры «Адмира-16» с электрическим приводом. О, это была несбыточная мечта каждого кинолюбителя. Но, увы, они выделялись строго по разрядке. И только телевидению! Опять визит к заместителю ректора, но уже со списком необходимого оборудования. И первым номером стояла «Адмира-16».

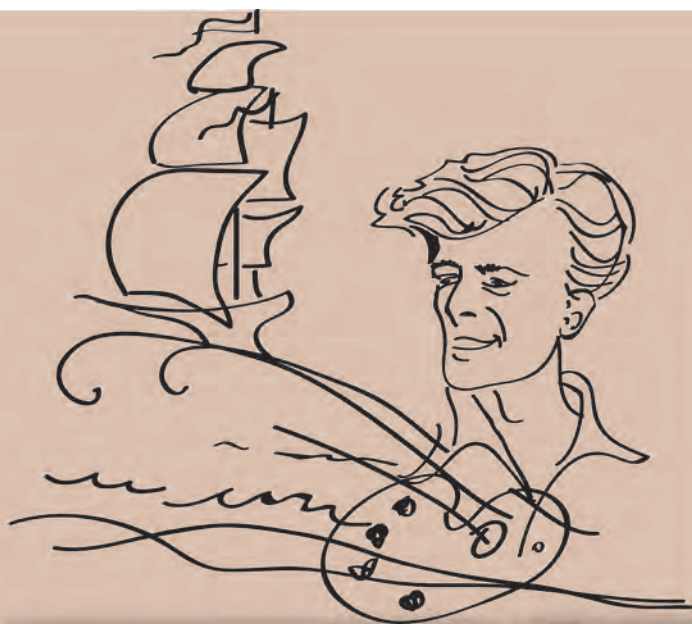
С трепетом все ждали вердикта. Авторитет горного института им. Артема в Днепропетровске был высок. Самый известный вуз в СССР. «Адмиру-16» и другую кинотехнику мы получили. «Забирайте», – был звонок.

Но куда же везти все это богатство?! В «общагу», в комнату на 4 человека? Когда мы обратились с просьбой о помещении, комендант общежития № 2 Сергей Павлович с иронией сказал нам – тройке организаторов будущей студии «Юность»:

– Была тут у нас одна киностудия несколько лет назад. «Весна» называлась. Но кроме любителей выпить и покурить мы так ничего и не увидели... Так что идите в другое общежитие к другому коменданту. Там и просите.

Сколько раз я опять ходил к Сергею Павловичу, говорил, что не пью и не курю, показывал свои фотоработы. Ребята давали гарантии. И наконец, узнав, что для нас уже приобретена аппаратура и, видимо, получив приказ из ректората, выделил нам комнату в бомбоубежище со стальной дверью. И за это мы были ему бесконечно благодарны.

Учеба отошла на второй план, а все наши стремления и помыслы были связаны с созданием фильмов. Жажда успеха, творческое горение, бесконечные обсуждения сюжетов и приемов съемки материалов – вот что занимало наши умы. Газета «Артемовец» объявила о создании в горном институте студенческой киностудии «Юность» и о назначении

Открытие киностудии «Юность»

Петр Школьный, Геннадий Мазур,
Владимир Китаев, Елена Савчук,
Лев Попов

ее первым директором и художественным руководителем Льва Попова. Нужно было набирать «штат». Желающих было много. Решили все же выбирать по конкурсу в группы: сценарную, режиссерскую, операторскую, художественно-оформительскую и технико-лабораторную. Не спали до 2–3 часов ночи, еле выползали из лаборатории-бомбоубежища и расходились по своим комнатам с одной мечтой – продолжить начатое нами дело. Наши глаза и души горели энтузиазмом, присутствовало постоянное чувство праздника.

А утром – на лекции! Жизнь диктовала свои правила – образование нужно было получить. Ох, какие лекции, когда одна мечта – упасть и уснуть! За предстоящую жажду славы приходилось платить постоянным переутомлением и недосыпанием. Некоторые из нас настолько истощили свою нервную систему и физические силы, что пришлось им поваляться на больничной койке. И меня не минула эта участь. Вот здесь-то и проявилось истинное братство и дружба. Мои однокашники Саша Мельников, Лена Савчук, Володя Китаев, Толя Ирза сутками дежурили в больнице у моей койки, когда целую неделю я находился в температурном бреде. Такое не забывается и спустя 50 лет. Тогда были чистые, искренние, дружеские отношения, не запятнанные материальной выгодой.

Володя Китаев после окончания института вернулся в г. Севастополь и связь с ним потеряна, Толя Ирза работает в геологической экспедиции в Днепропетровске. Я после 1966 года вернулся в Феодосию и, пожалуй, один из всех превратил увлечение юности в дело всей моей жизни. Мною при городском отделе культуры было создано два народных коллектива: фотоклуб и киноклуб «Чайка». А еще я сорок два года преподавал и руководил детской и юношеской студией «Кафа» при отделе городского народного образования.

Часто, мысленно возвращаясь к тем прекрасным, наполненным творческим вдохновением временам, вспоминаю и тоскливо сжимается сердце. Да, время не повернуть вспять. Нынче в этом жестком, прагматичном мире нет места той далекой, наивной и чуть-чуть глупой романтики и юношеского желания отдать всего себя без остатка любимому делу.

Итак, конец учебного года, нужно определяться с темой будущего фильма, есть и предлагаемый сценарий – «Тропой романтиков» – о летнем путешествии группы студентов нашего института. Анатолий Ирза – художник будущего фильма – занят выбором титров и текстовых заставок, Светлана Графская уже работает над текстом, Николай Олейник подбирает музыкально-шумовой ряд, я, Володя Китаев, Александр Мельников – в работе над режиссерской и операторской раскадровкой.

До этого в начале января нами было снято несколько киножурналов об институте и один музыкальный клип для показа студенческой аудитории. Кстати, с первой хорошей оценкой.

Очень много времени занимала обработка киноплёнки. Если учесть, что мы проявляли плёнку в кустарно изготовленных улитках и эмалированных кастрюлях, то многоэтапный цикл обработки черно-белой 16-миллиметровой плёнки требовал много времени – по 2 часа на 15 метров плёнки. При монтаже выбрасывался технический и съемочный брак. В фильм шло 30% плёнки. Это была кропотливая, но загадочная, захватывающая дух работа.

Помнится, мы решили усовершенствовать процесс обработки плёнки. Вращение улитки с плёнкой – неотъемлемое условие равномерного ее проявления. Открывать кастрюлю в темноте необходимо в течение часа. Решили изготовить специальный бачок с отверстием в крышке. Нарисовали эскиз. Улитку изготовили в институтской мастерской. Корпус из пластмассы изготовить негде, вспомнили о нашем заводе «Эмальпосуда», поехали туда. Там посмотрели и сказали: «Это не кастрюля, а мы делаем только кастрюли. Наладить новую линию для единичного заказа – нереально!» Что делать?

Решили опять же в мастерских своего института изготовить из железа корпуса баков для последующего их покрытия эмалью. И вновь на завод. Но каково было наше удивление, когда после покрытия эмалью и обжига в печи наши бачки приняли безобразную форму. Оказывается, выбранный нами металл был не таким, как на заводе. Пришлось уговаривать мастеров завода изготовить корпуса из их металла. Наверное, наши горящие энтузиазмом глаза убеждали наших собеседников и руководителей, что мы на правильном пути – надо помогать! Так мы вышли из ситуации и получили 4 бачка для проявления киноплёнки при дневном свете. Это было первое в Днепропетровске «рацдостижение». Позднее к нам приезжали коллеги из других кинокружков и студий и снимали эскизы. Уже позднее отечественная промышленность наладила выпуск пластиковых проявочных бачков и малогабаритных проявочных машин, которые для нас приобрел институт.

Вспоминаю, как долго «колдовал» наш «техник» Геннадий Мазур, чтобы наладить эту проявочную машину. Один первоначальный ражкорд запуска машины составлял 30 метров плёнки. Честно говоря, потом мы отказались от этой хлопотной операции и проявляли в бачках. В этом случае можно было подкорректировать в процессе обработки экспозиционные промахи при съёмке.

Приближался конец учебного года, впереди сессия, экзамены. Ни один из экзаменов не был завален. Съёмочная группа укомплектована, 7 человек знакомятся с маршрутом предстоящего путешествия: горный малопроезжимый Крым с крутыми подъёмами, отвесными скалами и пещерами, девственными буковыми и дубовыми лесами, вулканическим горным массивом Карадаг и в конце фильма – прибытие на учебно-геологическую базу у подножия вулкана. На базе у нас была намечена встреча с однокурсниками геологоразведочного факультета, которые проходили там практику.

Казалось, обычный сюжет, конкретная тема, но самое главное – вдохнуть в картину романтику и зажечь желание у тех, кто ее смотрит, пойти рядом с тобой! Тем более фильм черно-белый. Крым – моя Родина и кому, как не мне, особенно важно уйти от лубочного, рекламного курортного облика этих мест. Не буду описывать в своих воспоминаниях съёмочную историю фильма «Тропой романтиков», это все есть в фильме. Хочу только напомнить, с какой дрожью мы открывали каждый раз крышку бачка при обработке отснятой плёнки.

По возвращении в институт нам предстояло обработать 600 метров обратной пленки вручную, а это месяц кропотливой работы, затем монтаж, озвучивание фильма и это все в нашей крохотной лаборатории-студии. К тому времени мы поднялись из бомбоубежища и нам предоставили две комнаты на втором этаже общежития.

...Бывали дни, когда я, монтируя фильм по ночам, засыпал за монтажным столом. В ноябре в актовом зале ДГИ состоялся наш отчет перед 5-тысячным коллективом студентов и преподавателей. Присутствовали сам ректор – профессор А.А. Ренгевич, гости из других вузов. ...Фильм приняли тепло.

Это был первый фильм, созданный не профессиональной киностудией, а группой страстных любителей кино, студентов горного института, оправдавших доверие тех, кто поверил в нас, оказал нам поддержку. Это был праздник и для одних, и для других. Об этом писали газеты, говорили по радио, телевидению. Почему такой интерес был в то время – размышляю до сих пор.

Киностудия продолжала жить, «Юность» выросла, приходили новые энтузиасты и таланты, предлагали новые идеи, глубокие темы.

«МОНТИРУЕТСЯ КИНО...»

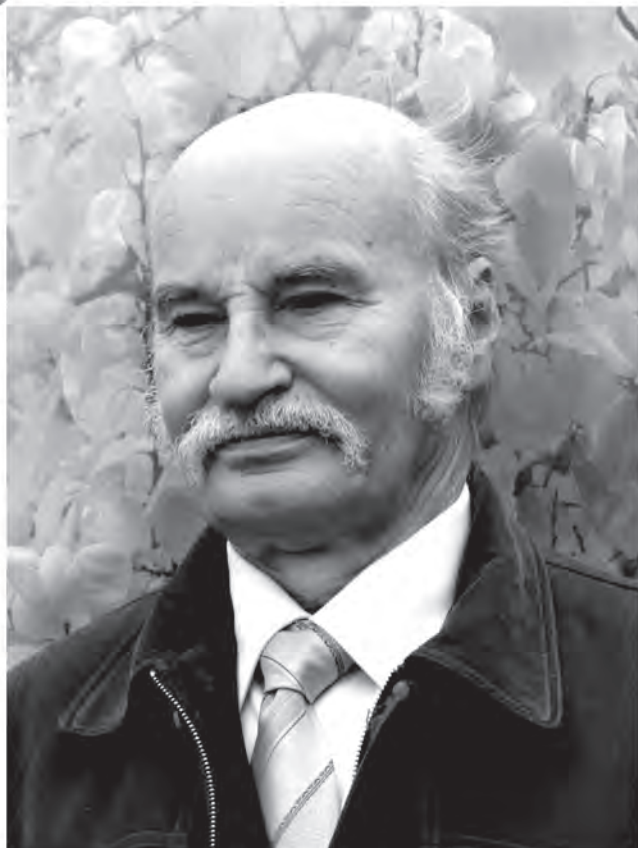
Преображенное бомбоубежище общежития № 2

ТАК НАЧИНАЛАСЬ КИНОСТУДИЯ
«ЮНОСТЬ»

... Для меня настало время покидать институт. Но я верил, что вновь пришедшие в киностудию Борис Цегельницкий, Ефим Гальперин и другие сохранят эту дорогую мне «Юность», проложат дальнейшие пути в киноискусстве, без которых невозможна сегодня творческая жизнь. И это всегда будет для меня благодарностью и памятью.

Запомнилось ...

*Анатолий Урза,
ведущий геофизик треста «Днепрогеофизика», главный
геофизик Днепровской геофизической экспедиции.
Искал воду, уголь, руду и другие полезные ископаемые
в Среднем Приднепровье и в Приазовье.
Член киностудии «Юность» в 1963-1967 годах.*

Рассматриваю свой институтский альбом с вклеенными фотографиями. Вот фотографии о практиках учебных и производственных, а вот фотографии о киностудии «Юность». В памяти всплывают отдельные эпизоды.

После окончания средней школы я решил стать геологом. Перед поступлением в горный институт я предварительно разослал письма об условиях приема во Львовский политехнический институт, Киевский университет и Днепропетровский горный институт. Но ответ получил только из Днепропетровска. На мои вопросы ответил декан геологоразведочного факультета Зоткин Юрий Михайлович. Так я оказался в ДГИ на геологоразведочном факультете в группе геофизических методов поиска и разведки полезных ископаемых.

В те далекие годы в институте регулярно проводились смотры художественной самодеятельности, выпускались стенгазеты. Каждый факультет в первой половине учебного года готовил концертную программу, а в течение года выпускал 2–3 стенгазеты, приуроченные к знаменательным датам.

В своем письме в деканат об условиях приема я рассказал о моих способностях рисовать. Поэтому, наверное, Юрий Михайлович не упустил возможности привлечь меня к общественной работе в художественной самодеятельности и в оформлении факультетской стенгазеты.

Запомнилось оформление сцены для отчетного концерта факультетской самодеятельности. Из листов ватмана я вырезал кроны берез, раскрасил их в зеленые и оранжевые цвета. Затем подвесил их на бечевках. Из ватмана склеил стволы берез, раскрасив их соответственно и соединив с кронами. Получилась лесная поляна. На поляне соорудили искусственный костер, используя для этого электролампочку, красный шелк и электровентилятор. Вентилятор развеивал ленты красного шелка, освещенного ярким светом электролампы. Таким образом создавалась иллюзия костра. На этом фоне выступали участники концерта, разыгрывая сцену «геологи на привале после маршрута».

Еще я художественно оформлял надписи заглавий статей для стенгазеты.

И наверное, поэтому однажды меня разыскал Лев Попов и предложил принять участие в выпуске первого документального фильма «Тропой романтиков». Так я стал членом киностудии «Юность».

С этого времени я понял, что такое «титры», «диафрагма», «выдержка», как проявить и закрепить фото пленку. А до этого я представления не имел о фотографическом процессе, тем более о кино съемке.

Моя роль в выпуске первого фильма киностудии «Юность» заключалась в разработке и написании титров. Сейчас, имея на вооружении компьютер, эта задача решается очень просто. А в те годы написание двух-трех слов да еще в нескольких вариантах занимало много времени.

Вот фотография, на которой показан рабочий момент обсуждения одного из вариантов титров. А следующая фотография показывает, как титры снимаются на кино пленку.

Отснятый киноматериал и титры затем монтировались–склеивались в определенном порядке.

Звуковое оформление любительских кинофильмов в то время осуществлялось синхронной записью текста и музыки на магнитофон. Запись звука для фильма «Тропой романтиков» сделал совершенно бескорыстно звукооператор городской радиостудии Николай Олейник – человек, постоянно излучающий улыбку и доброту. И музыка к фильму была подобрана прекрасная и добрая.

Фильм «Тропою романтиков» рассказывал о туристских маршрутах по горному Крыму – Кара-Даг, Судак, Феодосия.

Жена сотрудника кафедры геофизики Зорина Олега Александровича с романтическим именем Тая работала редактором молодежных передач на Днепропетровском телевидении. Узнав о работе киностудии «Юность», она организовала телепередачу

Обсуждаются титры и рисунки к фильму «Тропой романтиков»

о киностудии, на которую пригласила Л. Попова и меня. На передаче были показаны кадры из фильма. Л. Попов рассказал о съемках, а я – о своем участии в создании фильма. Приятной неожиданностью было получить за выступление на телевидении гонорар. За давностью лет не могу вспомнить его размер, но по сравнению со стипендией, он был немалый.

Первый фильм снимали любительской кассетной 16-миллиметровой кинокамерой «Киев-16». А после успеха фильма «Тропой романтиков» профком института купил чешскую любительскую 16-миллиметровую кинокамеру «Адмира».

В первые годы киностудия размещалась в общежитии № 2 на втором этаже. Л. Попов много внимания уделял обустройству помещения. Стены были оклеены «абстрактно» прямолинейными разнонаправленными отрезками киноплёнки, в промежутках между которыми висели фотографии отдельных моментов съемок. Светильники были изготовлены вручную из ватмана. Они выглядели как вертикально висящие цилиндры разного цвета, в стенках которых были вырезаны круглые отверстия разного диаметра. Сейчас подобных стеклянных светильников большое разнообразие, а тогда, 50 лет назад, наши светильники для посетителей киностудии были очень современными.

Помещение киностудии было одновременно и фотостудией. Л. Попов сам был страстным фотолюбителем, скорее даже фотохудожником. Вспоминается его работа «Первый снег», на которой запечатлен усыпанный снегом проспект К. Маркса.

Эта фотография была опубликована в областной газете.

Первые успехи киностудии привлекли новых кино- фотолюбителей в ее ряды: Владимира Ковальчука, Николая Котовенко, Валерия Бродского, Бориса Дриголу, Нину Кокушкину, а позже – Бориса Цегельницкого и Ефима Гальперина.

Но активная работа киностудии приостановилась в связи с болезнью Л. Попова. В новом сезоне работу киностудии возглавляли Александр Мельников и Геннадий Мазур. Они организовали поездку съемочной группы на кавказскую геологическую практику, где впервые были сняты прекрасные цветные киноэтюды в горах Кавказа, в районе Красной Поляны. На этих материалах была освоена технология обработки цветной киноплёнки.

А. Мельников и Г. Мазур в то далекое время были в большей мере фотолюбителями и занимались преимущественно съемкой фотозютов. Но самое главное, что они взяли на себя все организационные вопросы: обеспечение киностудии киноплёнкой, реактивами для обработки кинофотоматериалов, благодаря чему работа киностудии продолжалась.

Во времена нашей учебы в горном институте студенты, преимущественно геологоразведочного факультета, стремились участвовать в туристических и альпинистских секциях. Регулярно проводились соревнования по скалолазанию. На одном из таких соревнований, которое проходило в Таромском карьере (недалеко от массива Красный Камень), я с Б. Дриголой снял несколько эпизодов.

Володя Ковальчук и Коля Котовенко в селе Орловщина сняли несколько киноэпизодов во время учебной практики.

В общем постепенно накопился киноматериал из жизни геологоразведочного факультета. Поэтому, у членов киностудии возникла идея использовать имеющийся киноматериал и на его основе создать документальный фильм о жизни геолого-разведочного факультета горного института. Сценария фильма как такового не было. Весь замысел держался в голове.

Краткое содержание замысла: студент, оканчивающий горный институт по геологической специальности, рассказывает знакомой девушке об истории института, о практиках, учебном процессе и т.д. Сюжет по-юношески наивный и простой.

Момент съемки титров
к фильму
«Тропой романтиков»

А. Ирза за монтажом
фильма «Здравствуй,
Будущее»

Вспоминаются отдельные эпизоды съемок.

Для иллюстрации истории института был снят видеоряд, включающий памятники выдающихся преподавателей института, установленные перед главным корпусом и памятные доски на его фасаде. Для иллюстрации революционного прошлого института были сняты кадры, на которых запечатлены бегущие ноги, символизирующие студенческие волнения. Съемки производились в перерывах между лентами на втором этаже главного корпуса. Оператором был Валерий Бродский.

Эпизоды рассказов «выпускника вуза» и «абитуриентки» снимались в сквере на Октябрьской площади, роль выпускника сыграл Володя Ковальчук, а вот фамилии и имени «абитуриентки» я уже не помню, но, кажется, она была студенткой первого курса ГРФ.

Эпизод подготовки «абитуриентки» к экзаменам мы снимали на квартире члена киностудии Нины Кокушкиной. Для съемок этих кадров единственный в киностудии прожектор мы приносили из помещения киностудии на квартиру, находящуюся в конце улицы Кирова. Мощность лампы прожектора была 500 ватт. И за время съемок мы «накрутили» приличную сумму за электроэнергию. Но по молодости над этим мы не задумывались.

Наконец съемки закончены. Пришла пора обработки киноплёнки и монтажа. Процесс это был трудоемкий, занимающий несколько часов, в зависимости от объема киноматериала. Особенно трудоемкой была обработка цветной киноплёнки.

При монтаже фильма отрезки киноленты с отдельным эпизодом необходимо было тщательно зачистить от эмульсии и надежно склеить ацетоном. За этим занятием я засиживался до поздней ночи, а то и всю ночь. А утром нужно было идти на занятия. И однажды после такой бессонной ночи я заснул на лекции по теории поля у профессора А.А. Юнькова

Староста группы рассказал профессору о том, что я провел ночь в киностудии, и меня до конца лекции не будили. Но на заседание кафедры меня все-таки вызвали и обязали больше уделять времени учебе по специальности.

После монтажа фильма пришло время его озвучить. Текст был написан на кафедре иностранных языков, а музыкальное сопровождение выполнил уже почти член киностудии «Юность» Николай Олейник. Организацией озвучивания фильма занимался Геннадий Мазур.

Первый просмотр фильма состоялся в актовом зале химворцуса на общем собрании геологоразведочного факультета. Народу собралось много. Не обошлось и без неприятностей. Вначале не удавалось запустить магнитофон со звуковым сопровождением. Кабель, к которому был подключен магнитофон, случайно разъединился. Потребовалось несколько минут, чтобы найти место разрыва. Но после просмотра фильма было много восторженных отзывов студентов, особенно девушек, которые увидели себя на экране.

Закончив съемки этого фильма, некоторые из его «создателей» успешно дипломировались и разъехались по распределению в разные уголки СССР: В. Ковальчук – в Белоруссию, Н. Котовенко – в Артемовск, А. Мельников и Г. Мазур – остались в Днепропетровске.

После преддипломной практики я приступил к дипломированию и практически в работе киностудии участия не принимал. Но знания,

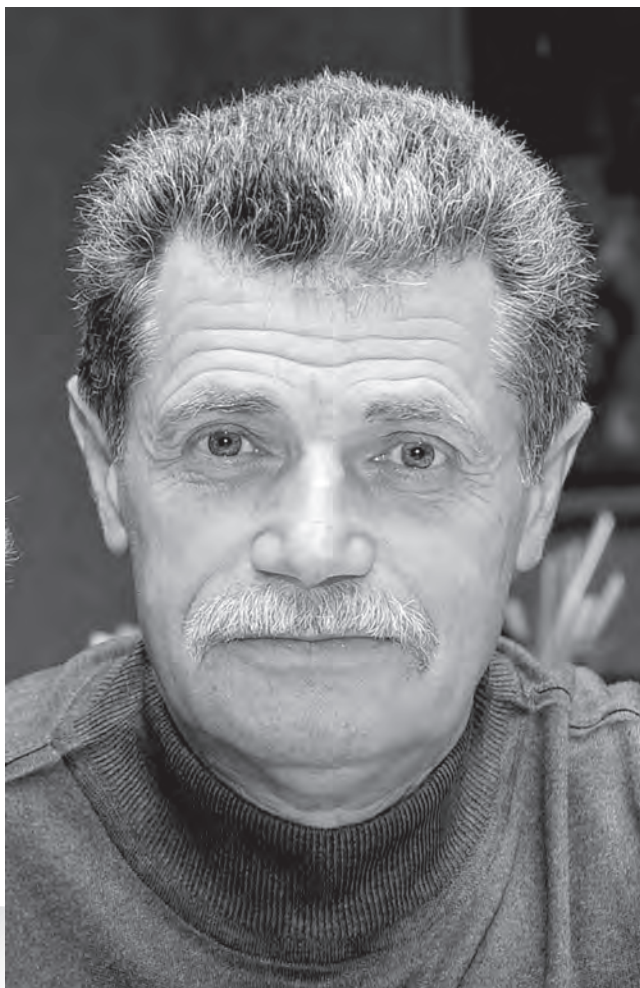
В поисках нужного кадра...

приобретенные в киностудии, пригодились мне при работе на производстве и во время службы в армии.

А в киностудии «Юность» начала активно работать новая волна кинолюбителей, объединенных вокруг Ефима Гальперина. Это Борис Цегельницкий и Анатолий Косолапов. В результате их сотрудничества был создан документальный фильм «Галка-профессор». Фильм, рассказывающий о подпольщице Галине Андрусенко. В этом фильме Ефим Гальперин проявил себя талантливым кинорежиссером-документалистом, можно сказать, самородком. И эта влюбленность в кинотворчество повела его дальше. Слышал я, что после окончания горного института Е. Гальперин учился на режиссерских курсах. Затем работал на Свердловской киностудии.

Оглянуться в прошлое

Борис Цегельницкий,

кинорежиссер областного кино клуба, начальник

кинокорреспондентского пункта Мингермета Украины,

руководитель телекомпании "Алькар-видео",

член киностудии "Экспозит" с 1965 по 1970 г.,

руководитель киностудии "Экспозит" с 1973 по 1977 г.

«НИЗКИЙ СТАРТ...»

Детство мое прошло в славном городе Краснодоне, где жили молодогвардейцы. Поколения воспитывались на их подвигах. Их имена знали наизусть. Там я окончил вечерний горный техникум, работал на шахте и снял первые свои кинокадры.

Испробовав шахтерского хлебушка и посмотрев на суровую действительность местного быта, замешанного на степных ветрах и угольной пыли, я четко понимал – надо ехать!

В Днепропетровском медицинском институте мои документы приняли, но через пару дней состоялась встреча с председателем приемной комиссии. Разговор был откровенный и прямой. Из него я понял, что житейские проблемы (национальность и неопределенность с экономическим обеспечением процесса поступления) не позволят осуществиться этому проекту.

Пришлось отнести документы в горный институт. В комнате приема документов состоялось мое знакомство с Львом Поповым, который уже второй год руководил им же созданной любительской киностудией института. Эта встреча и была решающей, документы я сдал, а специальность выбрал «Обогащение полезных ископаемых». Для поступления в медицинский я усиленно готовил химию – не пропадать же знаниям.

Практически с первых дней учебы киностудия стала для меня домом и не вторым.

«МЫ»

Мое знакомство с Ефимом Гальпериным началось с Ботанического сада университета. Там морозным днем мы начали снимать «непонятно что» (для меня), а для него это были первые съемки знаменитой вскорости киноленты «Галка-профессор».

Съемки закончились в сторожке ботанического сада, где все суетились над внезапно «отключившимся» режиссером – плохо ему стало от длительного переохлаждения. Все обошлось, а эти кадры, по-моему, не вошли в

«СНИМАЕТСЯ КИНО»
С. Бурда, В. Цегельницкий

«НА ФЕСТИВАЛЕ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО КИНО»
Б. Цегельницкий, А. Калущий,
С. Деркач

окончательную редакцию фильма. Но результат был – долгие годы мы работали вместе.

Мы учились на одном факультете, но на разных специальностях. Это мешало работе в студии. Фима предложил перейти в его группу и уже следующий учебный год мы сидели за одной партой. То, чем мы снимали наши первые фильмы, иначе как «железом» назвать нельзя. Почти несбыточной

мечтой был «Красногорск». До поступления в институт я несколько лет занимался в киностудии ДК «Молодая Гвардия» в г. Краснодоне и у нас была камера «Пентафлекс». После этого чуда (без кавычек) снимать «Киевом-16С2» было испытанием и мучением одновременно. И когда в 1967 году мы в качестве приза получили в Ленинграде «Красногорочку», казалось, что теперь снимем самые лучшие фильмы.

Но! Однажды мы с Ефимом увидели в магазине наглядных пособий «Конвас-35 мм». Было решено любыми способами его приобрести для студии. Мне кажется, именно тогда родился «Институт второго счастья (нахальство) имени О. Бендера». Я думаю, подробно о нем напишет его бессменный руководитель Е.М. Гальперин. В этом институте сдавались зачеты и экзамены, делались курсовые работы, защищались дипломы, в том числе кандидатские и докторские диссертации. Пробыть покупку «Конваса» приравнивалось к защите диплома. Я уже не помню, кто это сказал, но в процессе «убалтывания» руководства нам заметили: «Вы, наверно, хотите чтобы наш институт переименовали в ДГИК (по аналогии с ВГИКом). В конце концов мы купили камеру и с этого момента вышли на профессиональный формат и, конечно, самые качественные фильмы «Юности» были сняты на 35-миллиметровой пленке. Первым был фильм «Что ты знаешь о Солнце...». Снятый в экстремальных условиях, его нельзя назвать особой удачей, но это была «проба пера». В процессе его создания

«МЕЧТА...»
Кинокамера «КОНВАС» 35 мм

Кадр из фильма
«Что ты знаешь о Солнце?»

мы изучили технологию производства, а самое главное – вышли на уровень ведущих любительских студий Украины и Союза. Появилась возможность выступать на конкурсах сразу с несколькими фильмами в разных форматах. И еще в этом фильме снималась моя бригада, в которой я работал на практиках, мы же все-таки учились в горном институте. Кстати, в нашем родном

институте учился и мой отец. Он его окончил в год начала войны.

Не знаю, к счастью или к сожалению, но из участников киностудии практически никто не работает по основной специальности. Вот может только в самом начале Володя Моложен был энергетиком на фабрике, потом он «переквалифицировался» в мэры родного города Бельцы, а затем и вовсе пошел в другую сторону. А вот некоторые и того больше: живут «по заграницам».

«ГЛАВНОЕ НЕ ТО, КАКИЕ ПУТИ МЫ ВЫБИРАЕМ, ГЛАВНОЕ – КТО СТОИТ У НАС НА ДОРОГЕ...»

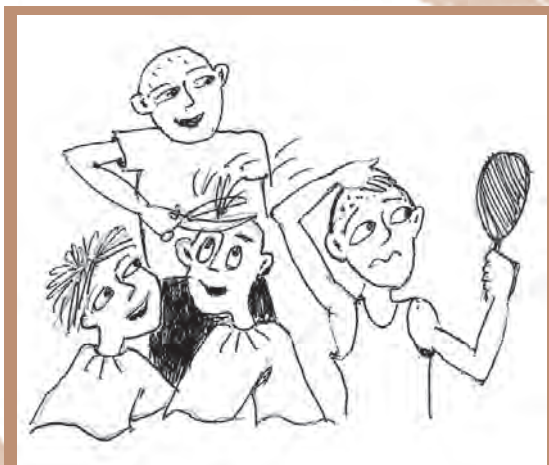
«Я вас, ребята, чаще вижу в телевизоре, чем у себя на лекции», – так начал чистку мозгов мне и Гальперину наш ведущий преподаватель, профессор Борис Александрович Кузнецов. Большой ученый, он был всем нам примером во всем – от одежды и поведения до целеустремленности в жизни. Смерть оборвала его жизнь неожиданно и нелепо...

Мы действительно не жаловали преподавателей своим присутствием, но удивительно было то, что сессии, довольно часто сдавали досрочно – надо было либо что-то снимать, либо куда-то ехать на конкурс.

Значительно сложнее было с военной кафедрой, но и там у нас были «свои люди». Помню, как к нам пришел новый начальник военной кафедры – полковник Балашов – он до этого был военным атташе в Индии. Мне пришлось проявлять его пленки, на которых были засняты парады с участием войск дружественной страны, где вместе с танками были... и войска на боевых слонах.

«Я вас, ребята, чаще вижу в телевизоре, чем у себя на лекции»

«800 лысых на утро».
Стрижки на сборах

Полковника Балашова мы очень «порадовали» во время учебных сборов, когда на его замечание привести в порядок прически всю ночь стригли друг друга налысо. Когда он увидел это, то пришел в ярость: 800 лысых – это вам не фунт изюма.

Каждый фильм создавался с большими потугами и в первую очередь нужны были деньги. Когда студия вышла на формат 35 мм, мы столкнулись с проблемой, которой раньше не знали: оказалось, что за

обработку пленки и печатание копий надо платить и порой немало. Раньше в условиях 16 и 8 мм мы проявляли все сами.

Я помню комично-драматичную ситуацию на студии документальных фильмов в Киеве. Мы не успевали к сроку с копиями фильмов к конкурсу. Это, правда, происходило практически с каждым фильмом. Монтировали даже в купе поезда. Так вот мне удалось «вжиться» в коллектив проявочного цеха и за плату ребята пообещали быстро все сделать. Знали об этом все кроме начальника цеха, он был в отпуске. Я не помню деталей, но произошло так, что приехавший чуть позже Сеня Бурда пришел к начальнику цеха, который первый день как вышел на работу, и потребовал побыстрее все закончить. На что тот, естественно, послал Сеню с точным указанием адреса. О, это была замечательная сцена, когда возмущенный поэт и просто хороший человек Семен Бурда заявил: «Мы за все башляем!». Отдам должное начальнику – он был человек неподкупный! Для него это было покруче красной тряпки для быка. Он орал и выталкивал нас взашей и, наконец, приказал на вахте никогда этих... кинолюбителей не пускать на порог цеха. Копии нам делали ночью, а выносила через вахту установщица цвета, она была беременна и на ее животе как раз умещалась 300-метровая бобина с фильмом, естественно, без коробки.

Конечно, оплата по безличному расчету шла за счет института. И тут очень хочется сказать большое спасибо

«Семен Бурда на студии документальных фильмов...»

«Фильм проносила через проходную установщица цвета»

главному бухгалтеру Сергею Павловичу Первееву. Он только просил чтобы деньги «не расфинькали». А вот наличку мы зарабатывали халтурами. Искали заказчиков, снимали для них кино, а деньги приходили на профком. В то время это было в принципе незаконно. Но зато так мы сняли все наши цветные «блокбастеры».

Сейчас кажется просто невероятным, что в 1966 году за 35 рублей мы с Володей Моложеном «сработали кинуху» на заводе Карла

Либкнехта. Я всегда плохо запоминал стихотворения, чего нельзя сказать о наших студийцах, которые могли часами читать стихи девочкам. Но вот стихи из снятого нами ролика запали в душу. Потом, встречаясь с Володей, после хорошего возлияния мы по очереди декламировали этот «шедевр» – поэтическое зеркало того времени:

За мощным станом Дмитрий Заволокин –
Работа тяжела и горяча.
Герой труда перекрывает сроки
На юбилейной вахте Ильича.
Как в дни войны на лицах пламенеет
И рвется комсомольское: «Даешь!»
Ни времени, ни сил он не жалеет,
Чтоб воспитать достойно молодежь!

ДГИ всегда славился своей художественной самодеятельностью. Прекрасный оркестр под руководством Мороховского, дуэт Шляхова и Хаенко и много других коллективов. Любительская киностудия поначалу добавила экзотики в этот «букет», но со временем многие и, в первую очередь, ректор Сан Саныч Ренгевич и проректор Николай Яковлевич Биличенко оценили ее прикладное значение в учебном процессе.

Первый «мостик» с руководством был наведен, когда нам поручили в срочном порядке приготовить что-то около 600 фотографий для коллегии Министерства о жизни института, по результатам которой ДГИ выделили деньги на строительство новых общежитий. Затем меня отозвали с практики и отправили в Москву снимать Международную выставку «Интергормаш». Нам же это приносило дивиденды в виде заветных для каждого студента полставки по НИСу, близкое знакомство

Кинопроектор «Русь», 18 мм

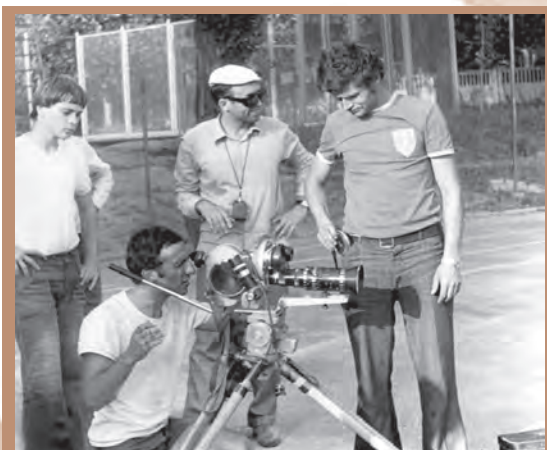
с преподавателями на многих кафедрах и еще возможность получать командировки. Вот тут, конечно же, надо вспомнить, как мы отчитывались по этим командировкам. В бухгалтерии тогда работал и «сидел» на отчетах по командировкам Соломон. Высокий, солидный и неприступный. Сдать командировку ему было равноценно получить пятерку по сопромату или ТОЭ. Нашей изобретательности не было предела, но и Соломон был на

месте. Я уже писал об «Институте второго счастья», так вот сдача отчета по командировке приравнивалась к курсовой работе.

В начале каждого учебного года мы тщательно готовились к встрече высоких гостей: ректора и главного бухгалтера. Мы показывали фильмы, снятые за год, и награды, которые удавалось заработать на различных конкурсах и фестивалях. Момент истины наступал, когда ректор спрашивал, что нам надо для дальнейшей работы. Все наши просьбы были предварительно отработаны до мелочей. Помня, что ректор в прошлом военный человек, лишнего трепса не допускали – все излагалось четко и кратко. Эти встречи носили дружеский характер и завершались обычно долгожданной фразой ректора: «Подумайте, Сергей Павлович (главный бухгалтер), чем мы можем помочь ребятам. Это означало, что «дожимать» главбуха будем в рабочем порядке. Мне сейчас, наверное, побольше лет, чем нашим руководителям в то время, и я представляю, как приходит пацан двадцати лет и меня «дожимает». Нет, видимо, они были по-своему мудрые люди и хорошие учителя – понимали, из чего может быть толк и польза, и... помогали. Спасибо им и многим другим людям. Памятная встреча с Ефимом произошла в Молдавии, где он служил в танковой части, а меня на несколько дней туда отправили в командировку. Освободившись к вечеру, я

На съемках фильма
«Дочери ее и сыновья»

«А МЫ ВСЕ СНИМАЕМ...»
С. Деркач, А. Калуцкий, Е. Гальперин,
В. Цегельницкий

поехал в Тирасполь, знал, что Фима там служит, и на автобусной остановке обратился к старшине с танками в петлицах. Услышав, кого я ищу, он выдал: «Хвимку? Так тож мой увзводный! Иди лейтенант прямо до общежития на узгорочке и на второй этаж». Адрес был предельно понятен и уже через пару минут я стучал в дверь, за которой жужжала бритва. Ефим брился всегда основательно, помогая языком изнутри щеки. Сцена была сначала немая, никто, естественно, никого не предупреждал,

но потом все было тепло и сердечно. Помню еще, что было очень много вина. Точно так же, когда встретились с Володей Моложеном, тогда мы вино возили в эмалированном ведре и приходилось медленно ехать, чтобы его не расплескать по машине. Вообще надо сказать, что в студии выпивка не приветствовалась. Мы все мечтали после окончания института купить по килограмму сметанника (пирог такой) и съесть его ложкой. Частично мы это исполнили, когда наш руководитель диплома Витя Тарасов получил диплом кандидата наук. Мы с удовольствием помогали ему, чем могли, и отметили это событие именно так: торт ложками. Столовыми.

Запомнилась еще одна встреча с нашим талантливым поэтом, студентом горного факультета Сережей Деркачом. Я так и не понял, каким образом этот ребенок попал на эту специальность. Но дело в том, что за задолженности и прогулы нашего мальчика отчислили из института и он отправился в армию. Служил «Серый» в России на большом военном аэродроме в городишке Сеща. Мы с женой ехали к месту моей службы в Белоруссию мимо этого места. Самолеты дальней авиации стояли в 50 метрах от дороги и не заехать к моему другу я не мог. На КПП меня встретили довольно прохладно: внешний вид был еще тот. Дорожная одежда дополнялась намеком на

«Сценарий – это главное»

«Ребята, заберите меня отсюда!»

прическу. Я уже писал, как мы подстриглись на сборах, ни дать ни взять – выпущенный на волю зэк. Вот только «Волга», из которой я вышел, несколько путала карты. Когда же я показал свое воинское предписание, лед растаял, ребята тоже оказались «двухгодичниками» и они быстренько нашли мне Сережку. Я опускаю момент встречи, как две капли воды похожую на встречу с Гальпериным

(только без вина), а вот закончилось все сценой, которая навсегда записалась в моей памяти. Сережа стоял по ту сторону огромных въездных ворот и просил: «Ребята, заберите меня отсюда». Помните Деточкина из «Берегись автомобиля» в стекле троллейбуса, только реплика отличает эти сцены.

«КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ, КОМАНДА, БЕЗ КОТОРОЙ МНЕ НЕ ЖИТЬ!»

Что дала киностудия «Юность» лично мне? Сейчас после стольких лет можно подвести некоторый итог. Была возможность реализовать себя на том этапе жизни, когда все только начинается. Когда хочется все сразу и не совсем понятно, чего хочется вообще. Работая в команде единомышленников, – безусловно, талантливых людей, – поневоле учишься у них, подтягиваешься к их уровню. Я помню, как Фима Гальперин говорил о Сене Бурде: «Столько, сколько знает Семен, никто из нас не знает».

С детства мечтал стать оператором и в принципе стал им. В наше время работу над фильмом называли кинопроцессом и это действительно был творческий и в тоже время технический и изобретательский процесс. «Малое кино» имело слабое обеспечение и приходилось все изобретать и экспериментировать.

«Столько, сколько знает Семен, никто из нас не знает»

Я до сих пор с гордостью ношу звание «Экспериментатор». Все, чему я научился в ДГИ, будучи студентом и участником киностудии «Юность», определило мою дальнейшую жизнь. Спасибо и низкий поклон моей «Альма-матер». Она действительно была кормящей и благодетельной!

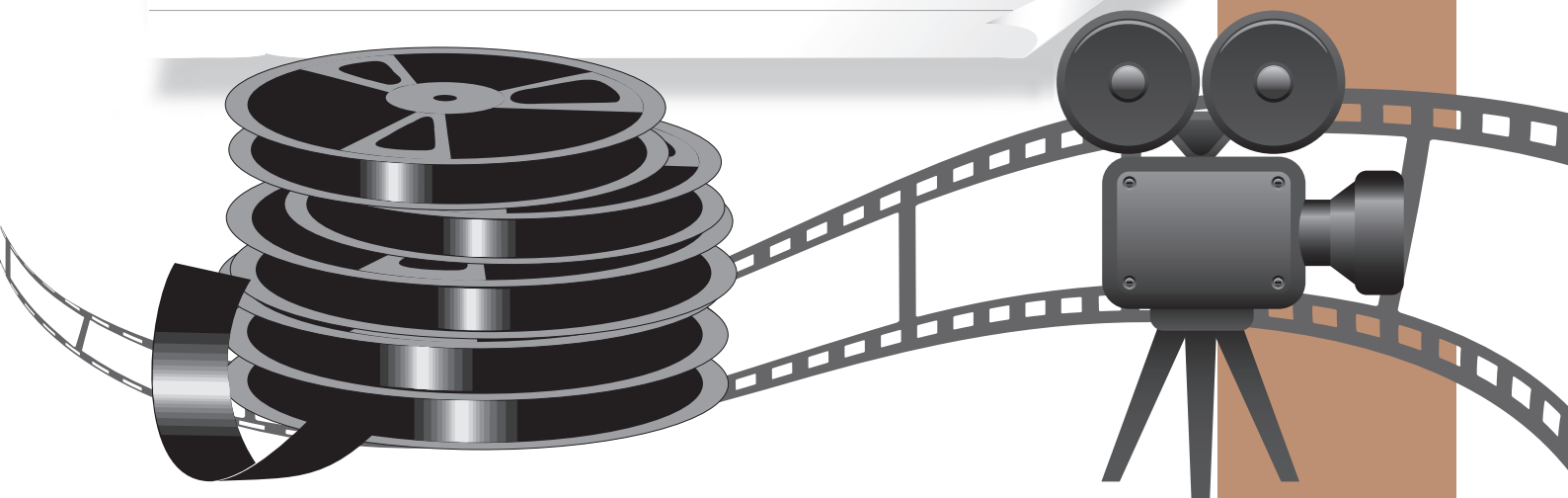

На съемка фильма
«Прислушайся, услышишь вновь...»

*Жизнь - это то,
что запомнилось...*

*Владимир Моложен,
генерал-майор, академик Международной академии
информатики, министр информационного
развития Молдовы в 2005-2008 гг.,
член киностудии «Юность» в 1966-1970 гг.*

Кто сказал, что молодость проходит?
 Молодость – она всегда с тобой.
 На лице улыбкой мягкой бродит,
 Душу наполняя теплотой.

(Не я написал, но я вспомнил...)

Анатолий Косолапов и Ефим Гальперин молодцы, что затеяли все это...

Взбудоражили, мерзавцы, души, уже начинающие привыкать к прошлому, как к черно-белому кино, с изрядно потертой пленочкой.

...Напиши, напиши..., напиши...

Разве можно написать все то, что наворачивается воспоминаниями о том чудесном времени..., разве можно передать словами, что ты чувствуешь, когда встречаешь друга, который научил тебя не только нажимать на кнопку кинокамеры, но и видеть прекрасное, научил передавать людям мысли через удивительное..., которое называется КИНО.

Жизнь – это не то, что прошло, а то, что запомнилось.

Освоение операторского мастерства

Я с Томочкой Беляевой в студии

Минуло много лет после окончания вуза. Студенты, с кем была только учеба, – близки, но все в одном ряду воспоминаний.

При встрече с ними – просто сокурсник...

Коллега по киностудии – это Друг незабываемого времени!

О нем помнишь всегда, знаешь и интересуешься его жизнью, хочется с ним встреч, готов слушать его бесконечно долго...

Анатолий Косолапов, Ефим Гальперин, Борис Щегельницкий, Семен Бурда, Тамара Беляева – Абкарова, Валерий Бродский, Анатолий Калущий, Ким Левин и многие..., многие..., разбросанные по миру, но связанные в юности «Юностью», – как здорово, что мы встретимся.

Это еще один шанс продлить жизнь на предстоящие 50 лет.

Анатолий, не грусти, дружище, что выкрадены шедевры мирового кино – «Наш Семеновско-Головковский» и историческая хроника скрипичного

концерта сына профессора Аксельрода.

Я уверен, что историки кино еще поставят эти ленты в достойный ряд.

Единственный, кто осуществил нашу общую мечту – снимать профессионально кино – это наш Ефимчик Гальперин.

(Правда, на предстоящей встрече, он должен честно сказать, что в этом есть вклад и каждого из нас...)

Я, например, в Молдове занимался и занимаюсь прокатом его фильмов.

Еще в то время, когда он делал военную карьеру в Тирасполе, я демонстрировал его «Заботу» по телевидению.

Перевел на диски его фильмы «Бля» и «Гарики и человеки», тиражировал их в больших количествах и распространял среди молдавских диссидентов и членов Правительства.

Даже ходила в общении со мной такая фраза...:

– Ты мне «Бля» принеси...

Жалею сейчас, Ефим, что делал я это абсолютно бесплатно.

Из воспоминаний все очень дорого...

Очень запомнил «нашу деятельность» над фильмом «Галка-профессор», особенно монтаж и озвучивание в Киеве.

Из снятого материала километровых лент, кроме Ефима, никто не видел и не чувствовал этого фильма-итога.

А он его видел и во сне, и наяву.

Утром делился с нами, обсуждали, ... шли переделывали, переписывали звук.

Тогда я узнал, что автоматная очередь имеет разные «музыкальные» оттенки..., взрывы – разную тональность...

А все вместе – с музыкой, песней «...wenn di soldaten marschieren...», стихами Алексея Мартыновского, текстом, сотни раз переписанным, а главное, мозгами автора и режиссера Гальперина – составило то, что поразило тогда на фестивале всех, включая и мэтра Григория Рошалю.

УВАЖАЮ, ЕФИМКА!!!!

Из бытовой жизни...

...По окончании института нас отправляли в военные лагеря.

В это же время у меня в Бельцах рождается дочь Инна.

На съемках фильма «Галка-профессор»

Монтируется кино

...Все документы, включая документы Людмилы, у меня в Днестре...

Отпустить меня официально в отпуск – никто и речи вести не хочет.

Тогда... дружище Анатолий Косолапов вступает в неформальную связь с полковником Розенбергом, разрабатывают авантурную операцию...

Я уезжаю...

Они по приезду в лагерь регистрируют меня как прибывшего, получают на меня все обмундирование, включая оружие...

Успешно приняв в родильном доме дочь, я через двое суток, пробравшись через посты в поселке Вольное (по-моему так называлось) и просидев 3 часа в кустах танкового полигона, пока нашли Косолапова, переодевшись, бодрым шагом вышел на плац, где доложил и поблагодарил полковника Розенберга.

...Вечером в кинобудке мы уже праздновали рождение Инны, угощаясь привезенным молдавским вином.

В нашей семейной истории этот эпизод ознаменован как незабываемый дружеский подвиг Анатолия Федоровича Косолапова.

...Кстати, эта история имела и продолжение...

Я двое суток практически не спал, ожидая с вечера до утра в аэропорту города Кишинева отправления самолета, дремал на скамье и, клякнув, разбил очки, так что все потом было далеко нерезко...

Очки сдал в ремонт в Днестре, поехал в Вольное.

Присягаю на верность Родине

Первый день военных сборов 1970 г.

В перерыве съемок на военных сборах

После легализации в войсках был направлен на ответственное и почетное задание – натягивание тента на палатку.

Сидя на самом верху, уронил молоток, который съехал и упал возле монтируемого сооружения.

Проходит мимо военный с тремя звездами на погонах.

Я:

– Эй, лейтенантик, подай, пожалуйста, молоточек.

Он, подавая молоток:

– Как фамилия?

Я сказал.

Он:

– Я за эти звезды 30 лет

с такими мудаками, как ты, возжусь. Будешь 5 раз сдавать зачет по знакам различия Советской Армии.

И тут я понял, как хорошо, когда у тебя есть очки. Это был зам. по строю наших сборов.

Уже после вечерней поверки я и Карасик (который постоянно путал, с какой ноги начинается строевой марш) 40 минут маршировали, чеканя, отработывали нанесенное мной оскорбление полковнику..

И тогда я понял, что в армейской жизни все правильно, но не все понятно.

Так и ходил-бы до конца сборов.

Спасло меня то, что через 2 дня Ефим Гальперин представил командованию список незаменимых киношников для съемок очередного шедевра.

Спасибо тебе, Ефимка, кино спасло в очередной раз.

Это не для печати, или под грифом «совершенно секретно»

Снимали с ВЦ какую-то халтуру (на каких-то каникулах).

Папа – большой начальник.

Мама – безумно любящая свою дочь.

Дочь – ограниченный, бестолковый ребенок, которому купили скрипку и полгода учили играть гаммы и этюды.

Халтуру организовал Мацек.

Необходимо было создать ролик, в котором за 5–7 минут осветить рождение нового гения в музыке.

Ролик, как мы поняли, должен лечь в основу будущей киноэпопеи, которую в перспективе будет доверено создавать нам.

2 дня съемок...

...гаммы, этюды, ...опять гаммы, опять этюды, много съеденных нами пирожков, приготовленных мамой.

3-й день...

Проявочная на первом этаже...

Заправляю пленку в бачок для проявления, уже третья спираль лежит на столе...

...В лабораторию почему-то очень быстро входит продюсер Мацек, включает свет.....

В моих устах ...хвалебные речи...

В его глазах

удивление и немой текст, а что-же будем делать?...

Наверное, не судьба быть будущему гению или не судьба быть Мацеку продюсером.

Да, было много интересного, можно вспоминать и вспоминать...

Мы были молоды, мы были безумцами, мы были наглыми, но мы были правы!

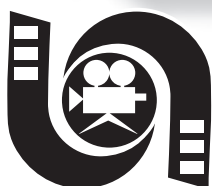
Встреча друзей на молдавской земле

Невыдуманные истории

*Анатолий Косолапов,
проректор Национального горного университета,
член киностудии «Экспозит» в 1966-1970 гг.,
руководитель киностудии «Экспозит» в 1970-1973 гг.*

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ...

До чего же приятно окунуться в воспоминания давно ушедших дней. Память хранит многие события, детали, фразы. Время молодости, когда казалось, что жизнь никогда не закончится...

И я возвращаюсь в студенческие дни – самое насыщенное и интересное время. И хотя было много чего потом, важного и значимого, но именно этот отрезок жизни во многом определил все, что было после...

Я не знаю, что мне подсказало, откуда возникло желание заняться кинолюбительством. Прочел объявление о наборе в киностудию «Юность», сказал своему другу Володе Моложену:

– Может, пойдём?

– Да, – говорит он, – мне тоже хочется. Но примут ли?

Ведь кроме основ фотографии, мы ничего не знали и не умели.

Но тут студент из нашей группы ЭП-65-1 Савелий Лин говорит:

– Да, знаю я руководителя еще со школы, он студент мехмаша, пошли, поговорим.

И в вестибюле главного корпуса института состоялась та встреча, которая так изменила нашу жизнь. Мы стали членами киностудии «Юность»!

Ефим Гальперин. Художественный руководитель киностудии, талантливый и творческий человек, оказался еще и недюжинным организатором, умело направлял нас, учил мыслить, фантазировать и творить. Он был нашим ровесником, но знал и умел значительно больше многих из нас и мы старательно усваивали новые знания. Тогда мы этого не осознавали, принимали его просто, как безусловного лидера, но с годами поняли, насколько важную роль он сыграл в жизни каждого из нас. При этом Ефим, несмотря на свое превосходство и в интеллекте, и в профессиональных навыках, никогда не давал нам повода почувствовать, что мы в чем-то уступаем ему.

Мы активно занимались самообразованием, читая как специальную литературу по киноискусству, так и новинки художественных произведений, которые открывало нам время 60-х: «Мастер и Маргарита», «Над пропастью во ржи», «Пролетая над гнездом кукушки», «Планета обезьян», «Колыбель для

СПОЕМСЯ.

В. Моложен, Е. Гальперин,
А. Косолапов, Т. Беляева,
Б. Цегельницкий

Фотосессия в киностудии.
Е. Гальперин, А. Косолапов

кошки»... Мы «глotalи» стихи Киплинга и Вознесенского, переводы С. Маршака, книги Виктора Шкловского, Исаака Бабеля...

Мы осваивали профессии режиссеров и кинооператоров, осветителей, проявщиков пленки, монтажеров, звукорежиссеров. Мы стали разбираться в номенклатуре киноплёнок, способах ее обработки. Постепенно для нас стала понятна технология кинопроцесса. Мы могли вполне профессионально подготовить режиссерский сценарий, составить раскадровку будущего фильма, организовать съёмку.

Не все из нас, пришедших в студию одновременно со мной или позднее, стали сценаристами, режиссерами или операторами любительских фильмов. Но все находились «при деле». Кто-то получал удовлетворение от работы осветителем или фотографом, или ассистентом оператора, таскал на себе штативы, аппаратуру, кабели, помогал на съёмках, т.е. участвовал в процессе. И это ценилось всеми, и каждый ощущал свою причастность к созданию фильмов, находил свой интерес в этом, жил делами студии.

В бомбоубежище, где располагалась киностудия, у нас была затертая плёнка с песнями, которые мы прослушивали бесконечное число раз. И с тех пор, как только я слышу песню В. Высоцкого «...Бежали мы по недоразумению...» или «Много дней дует знойный сирокко...», перед глазами встает тесное помещение бомбоубежища и наша шумная компания друзей-кинолюбителей. Такие же ассоциации возникают и во время просмотра фильма «За двумя зайцами». Не знаю, как попала шестнадцатимиллиметровая копия этого фильма в киностудию, которую мы в минуты отдыха заряжали в кинопроектор и смотрели в очередной раз этот шедевр киноискусства. Монологи Голохвастова мы знали наизусть.

О МЕНЕДЖМЕНТЕ И НЕ ТОЛЬКО...

Деятельность киностудии может быть примером для студенческого самоуправления и в наши дни. Все у нас было «по-настоящему»: художественный руководитель, технический директор, совет студии, планы, отчеты. Мы были хорошо организованным коллективом и доставляли минимум хлопот для руководства института. Хотя были у киностудии и «папа», и «мама». Бессменный «папа» – это Николай Яковлевич Биличенко, проректор по учебной работе, а «мамой» вначале была Людмила Григорьевна Панкова, преподаватель английского языка, а после 1967 года – Наталья Александровна Фоменкова, директор библиотеки.

И если Николай Яковлевич помогал нам организационно и финансово, так как создание фильмов требовало значительных затрат, то и Людмила Григорьевна, и особенно Наталья Александровна, будучи высокоинтеллигентными и образованными людьми, тактично направляли нашу деятельность, поддерживая и «пробивая» наши инициативы.

Особая роль в деле нашего самообразования, в развитии нашего культурного уровня принадлежит Наталье Александровне. Ведь, несмотря на огромную очередь желающих, все новинки художественной литературы в первую очередь попадали к нам.

Светлая память этим замечательным людям.

На торжествах по случаю 50-летия «шефа» киностудии Н.Я. Биличенко

Н.А. Фоменкова и студийцы

Все вопросы, связанные с развитием материальной базы, приобретением киноплёнки, химикатов, организацией киносъёмок, договоренностями с профессиональными киностудиями для копирования и озвучивания фильмов, участием в фестивалях и конкурсах, решались студийцами самостоятельно. Надо было проявлять настойчивость, находчивость и, если хотите, нахальство, чтобы нам, молодым ребятам, попадать в кабинеты больших начальников и добиваться положительного решения тех или иных проблем киностудии.

Не знаю, интуитивно или осознанно, Ефим Гальперин создал на базе студии свою школу деловой подготовки, которую в шутку называл «научно-исследовательский институт второго счастья имени Остапа Бендера». Сокращенно НИИВС. Название Ефиму, наверное, навеяла повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (помните, НИИЧАВО?). А «второе счастье», как вы знаете – это нахальство.

Директором института, само собой, был сам Е. Гальперин, а студийцы получали поручения разного уровня сложности, которые засчитывались как лабораторные, курсовые, дипломные работы. За решение наиболее сложных задач можно было стать младшим или старшим научным сотрудником, доцентом или профессором. Это и было настоящим студенческим самоуправлением. И мы, посмеиваясь и пошучивая, брали на себя решение непростых организационных и снабженческих задач. И добивались успеха. И лишь значительно позже мы осознали, что вот так в атмосфере шутки и соревновательности мы на практике осваивали то, что теперь называется менеджментом. Именно эта школа помогла многим из нас кем-то стать в этой жизни.

Сказать, что жизнь в киностудии была интересной, мало. Она была насыщена событиями, занимала все свободное время, мы засиживались в киностудии до поздней ночи, но при этом успевали учиться. И хотя, честно, не были в числе лучших студентов по успеваемости, но сессии, как правило, сдавали успешно.

Иногда у нас возникали проблемы в деканатах в связи с пропусками занятий. Нас поругивали, предупреждали. Однажды и я попал на «разборку» к заместителю декана электротехнического факультета Григорию Парамоновичу Петренко. Он открыл журнал моей группы, показал мне мои пропуски и заявил:

– Сессию Вы, Косолапов, завалите!

– Нет, – говорю я, – не завалю.

И тут он произнес неосторожную фразу:

– Могу спорить, завалите!

А я, как уже опытный сотрудник НИИВСа, говорю:

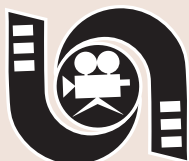
– Давайте спорить!

И мы поспорили. Наступила сессия. Все экзамены я сдал на «4» и «5». И когда заходил в деканат – то ведомость занести, то журнал вместо старосты взять, – Григорий Парамонович, который отслеживал сдачу сессии и прекрасно знал результаты, лишь молча поглядывал на меня изпод очков.

Прошли каникулы, начался новый семестр, я уже и подзабыл о нашем споре, когда мне через сына Григория Парамоновича, моего однокурсника из параллельной группы Леню Петренко поступает приглашение прийти к ним домой в гости. Мой замдекана оказался человеком чести. Был ужин и за столом он честно признался, что проспорил. Мы прекрасно провели вечер. Спустя много лет я вернулся в институт на должность проректора, в то время Григорий Парамонович уже не работал в деканате, но преподавал на кафедре электрических машин, и мы с ним не раз вспоминали этот забавный эпизод из нашей прошлой жизни...

Но были у нас и потери. Так, не уберегли мы Сережу Деркача – увлекающегося, немного безалаберного поэта, редактора нашей студийной газеты. И пришлось Сергею пойти послужить в Советскую Армию рядовым, а спустя некоторое время опять вернуться и в число студентов горного, и в киностудию. Эти строки ко дню его рождения написал в студийной газете Ефим:

«Я помню его тогда, когда он, робкий и застенчивый, от испуга путавший слова, перелез через порог студии и, замирая от страха, сказал: «Я могу писать... и еще считать..., а еще у меня есть «Киев-16С», (последнее известие здорово позабавило и вызвало одобрение всех «старичков» студии). Прошло много лет. Продан «Киев-16С», явно задаром.

Прошли томительные дни военной службы. Он снова среди нас и даже справляет дни рождения...

Ай да наш Сережа,
Славный мальчуган.
У него наружу
Выступил наган...»

Активность нашей работы в киностудии иногда падала в силу различных обстоятельств. Кто-то вынужден был выходить из прорывов в учебе, кого-то увлекала любовь, а кто-то отдавал свое предпочтение спорту, спелеологии, сцене...

В наиболее сложном положении был художественный руководитель, который не мог себе позволить надолго отрешиться от дел киностудии. И хотя он успевал и учиться, и любить, и отдыхать, но нити управления коллективом никогда не терял, постоянно заботился о пополнении. Он находил новых энтузиастов, увлекал их своими идеями, и жизнь в киностудии не затихала.

Это Ефим привлек в киностудию Семена Бурду, талантливого человека, писавшего прекрасные стихи и ставшего автором дикторских текстов нескольких наших знаковых фильмов. Попробовал он свои силы и в режиссуре (фильм «Птицы большие и маленькие») и, в конце концов, создал наиболее масштабный фильм киностудии о поэте Михаиле Светлове «Прислушайся, услышишь вновь...». Сегодня Семен Бурда автор нескольких поэтических сборников, текстов песен.

Гальперин постоянно «вливал» в киностудию «свежую кровь». Так оказался у нас в коллективе замечательный и творческий человек, студент-медик, врач скорой помощи Аркадий Шмист (светлая ему память) и мы приступили к съемкам фильма о только появившихся реанимационных бригадах.

Работал с нами и прекрасный профессиональный фотограф Виктор Арсирий, который был оператором фильма «Больно». Впоследствии он фотокорреспондент «Агентства печати «Новости» (АПН) в Москве.

Через киностудию прошли сотни студентов горного, хотя постоянный состав не превышал 20–25 человек.

Мы были разными, пришедшими в институт из больших и малых городов, из шахтерских поселков. И семьи, воспитавшие нас, тоже были разные. И уровень культуры был разным. Да, все слои общества были представлены в киностудии. В институте учились студенты из разных республик огромного Советского Союза. И студия тоже была многонациональной.

У нас напрочь отсутствовал меркантильный интерес, мы жили интересами коллектива, как это не высокопарно звучит. Мы не были ханжами, влюблялись, выпивали, но никто из нас не страдал чрезмерной тягой к «зеленому змию». Для веселья и хорошего настроения нам не нужен был этот допинг. Часто по вечерам мы устраивали в буфете общепития, который располагался рядом с киностудией, коллективные чаепития с пирогом «Сметанник». Застолья были веселыми, с шутками и взаимными подколками и розыгрышами.

Бывало, попивали мы с удовольствием и сухое вино: кисловатые «Рислинг» и «Ркацетели», терпкие «Гамзу» и «Тракию», сладковатое «Токайское». В обязательном порядке поднимали три первых тоста киностудии «Юность».

– Первый: «За успехи любительского кино!»

– Второй: «За то, чтобы успехи любительского кино были нашими успехами!»

– И третий: «Чтобы наши завистники продолжали нам завидовать!»

Это был обязательный ритуал наших застолий, пусть даже с налетом бравады, самоуверенности, но и огромного желания быть успешными в жизни.

Новый год, 8-е Марта, Первомай, дни рождения мы часто отмечали все вместе. То ли в киностудии, то ли в общежитии, то ли в спортивном лагере «Горняк». Именно там, в Орловщине, мы киностудией встречали Новый 1972 год. Помню, нарядили сосну «на корню» импровизированными

Новый год.
Снимается проба пищи

Празднуем 8-е Марта в Орловщине

украшениями, в первом домике в одной из комнат накрыли праздничные столы, в другой, чуть обогретой электронагревателями, спали «покатом».

Было холодно, но весело.

В соседнем пионерском лагере тоже собралась компания молодежи для встречи Нового года. Мы перезнакомились и ходили друг к другу в гости, пролезая между прутьями металлического забора, которые лишь в одном месте были раздвинуты так, что бочком можно было протиснуться к соседям. Уже поздно ночью я в очередной раз направляюсь к гостеприимным соседям. Обнаруживаю, что с той стороны забора, держась за прутья, стоит на морозе наш практически не пьющий Толя Гороховский, который у новых друзей «перебрал» и, возвращаясь, не смог обнаружить, где же в заборе дырка.

– Лапа! – говорит он, – меня замуровали!

Проводил его в домик и уложил спать. А на утро Гороховский уже не помнил, как его «замуровали»...

Спустя несколько месяцев Толя закончил с отличием горный институт и уехал работать в Нижневартовск. Сегодня, он – почтенный раввин Нафтале Гороховский, преподаватель теологического высшего учебного заведения (иешивы) в Иерусалиме...

О КИНО, ФЕСТИВАЛЯХ И КОНКУРСАХ

Нет, мы не только успевали учиться, сдавать зачеты и экзамены, отдыхать и встречать праздники и при этом читать, сочинять, спорить... Мы еще успевали, и это главное, снимать кино.

...Первый фильм, в съемках которого я принимал участие, был «Галка-профессор». Сценарист и режиссер этого фильма – Ефим Гальперин, операторы – Валерий Бродский, Борис Цегельницкий. А Володя Моложен был и оператором, и звукорежиссером. И хотя я не был в авторской группе, мне довелось поучаствовать в съемках многих эпизодов, в монтаже фильма. А еще мне посчастливилось (и это запомнилось на всю жизнь) представлять фильм вместе с Борей Цегельницким в Киеве на республиканском конкурсе любительских фильмов. (У Гальперина возникли какие-то проблемы по учебе, поэтому он не смог сам принять участие и поехали мы).

Жаль, что Ефим сам не видел реакцию зала после просмотра фильма, хотя мы во всех красках донесли до него все подробности. После просмотра фильма зал взорвался аплодисментами, аплодировали даже члены жюри во главе с Народным артистом СССР, кинорежиссером Григорием Львовичем Рошалем!

Он повернулся в зал и спросил: «Автор в зале?» Я толкнул в бок Бориса, говорю: «Вставай!». Боря поднялся и говорит: «Автора нет, я соавтор». И Григорий Рошал восторженно прокричал: «Вы сделали маленькое чудо. Спасибо!»

Это был полный триумф! Фильм занял первое место, был награжден Золотой медалью, получил замечательную прессу. Никакой другой фильм киностудии «Юность» не принес столько наград, как наша «Галка...».

Григорий Рошал
 "Вы сделали маленькое чудо.
 Спасибо!"

Секретарь Союза кинематографистов Украины А.А. Панкратьев в гостях у киностудии «Юность»

Н. Дымченко, А. Косолапов, С. Бурда,
В. Моложен на Житомирском
кинофестивале «Золотое Полесье». 1968 год

А мы не останавливались, снимали новые ленты, которые занимали первые места, завоевывали главные призы, медали...

В июле 1967 года я и Владимир Моложен были направлены на производственную практику в город Александрию, на Семеновско-Головковский угольный разрез. На предприятии была любительская киностудия, были планы снять фильм о рабочих разреза, но опыта и умения у членов киностудии не доставало. Руководство разреза предложило нам сделать совместную работу: наше творчество, их помощь и финансирование.

Мы быстро набросали сценарный план, согласовали его с руководством разреза и приступили к съемкам. Распределили «должности»: я – режиссер фильма, а Володя – оператор. Нас обеспечили транспортом, ассистентами, киноплёнкой. Рабочие охотно позировали, работалось легко и интересно. Материал был отснят в рекордно короткие сроки. Нас командировали в Киев, в лабораторию по обработке любительских фильмов, где нам предстояло проявить материал, смонтировать и озвучить фильм.

Мы уже были на этапе монтажа и озвучивания, я мучительно писал дикторский текст, подкладывал его под видеоряд. Получалось, прямо скажем, не очень. В это время приехал в Киев Ефим Гальперин. Естественно, мы воспользовались приездом «мэтра» и он, посмеиваясь над моими изысками в дикторском тексте, где неоднократно и от этого надоедливо звучала одна и та же фраза «...течет уголь по транспортерным лентам...», помог и в монтаже, и в написании дикторского текста. Получилось кино.

Благодарные Косолапов и Моложен пригласили «мэтра» отобедать в кафе «Чайка», над станцией метро «Большевик». Заказали сухого вина, еду, хорошо посидели, поговорили. Пришло время рассчитываться за обед. Моложен смотрит на меня, я на него. Оказалось, что и он, и я пришли в кафе без денег! И пришлось почетному гостю раскошелиться! И все годы, когда нам удастся свидеться, мы весело вспоминают то застолье и, если я приглашаю Ефима отобедать, он спрашивает: «Так как в Киеве или?..»

Фильм получил название «Наш Семеновско-Головковский», показан был в клубе предприятия, принят на «ура» руководством и работниками разреза, которые, узнавая себя на экране, бурно реагировали.

На республиканском семинаре кинолюбителей наш фильм был признан лучшим любительским хроникально-документальным фильмом и даже отмечен дипломом на республиканском конкурсе любительских фильмов в Киеве....

Я принимал участие во многих конкурсах и фестивалях любительских фильмов в Киеве, Житомире, Харькове, Москве, Ленинграде, Калининне. Но если на первом нашем конкурсном показе студию представляли только два человека, то на последующие праздники самодеятельного кино мы уже ездили «бригадами» по 8–10 человек! Официальное приглашение, как и прежде, было только для руководителя киностудии, но Ефим, понимая, что участие в конкурсах есть хорошая школа для начинающих кинолюбителей, добивался разрешения у руководства института на поездку и других членов киностудии.

Мы самостоятельно решали вопросы размещения, поскольку оргкомитеты конкурсов бронировали только одно место в гостинице. Вооружившись письмами на один-два вуза соответствующего города, являлись к проректорам и нам не отказывали! Мы поселялись шумной компанией в студенческие общежития, присутствовали на просмотрах, общались как с кинолюбителями других киностудий, так и с профессиональными кинематографистами, участвовали в обсуждении фильмов, посещали профессиональные киностудии. Это было интересно и познавательно...

Мы стали известными, наши фильмы ждали, и мы не разочаровывали наших коллег-кинолюбителей и зрителей. В разное время, на различных смотрах и конкурсах с успехом прошли наши фильмы: «Мадонна», «Больно», «Мы – геодезисты», «Что ты знаешь о Солнце...» и многие-многие другие.

В те времена в городе Житомире (раз в два года) проводился Всесоюзный фестиваль любительских фильмов. Фестиваль фестивалей, на который принимались только фильмы-лауреаты прошедших смотров и конкурсов. Но в порядке исключения там допускали и новые фильмы. Фестивали, а я принимал участие в двух – в 1968 и в 1972 годах, отличались великолепной организацией, масштабностью, массовостью.

А. Косолапов, А. Фаустов –
руководитель киностудии ХПИ

В перерыве между просмотрами.
Житомир. 1972 год.
С. Деркач, Е. Гальперин, М. Максимович –
руководитель киностудии «Каменяр»
(Львов), А. Косолапов, А. Гороховский

Почему провинциальный Житомир был удостоен такой чести, спросите вы? Дело в том, что в 60-е годы Житомир был неофициальной «столицей» кинолюбительства Украины. Именно там был организован и успешно работал первый областной клуб кинолюбителей в республике. Руководил ним Юрий Яковлев, врач по специальности, менеджер по призванию, кинолюбитель по духу. Весь город Житомир жил фестивалем. Никогда и нигде я не видел ничего подобного. Сюда съезжались «звезды» профессионального кино и в качестве членов жюри фестиваля, и в качестве почетных гостей. С кинолюбителями проводились встречи на промышленных предприятиях, в учебных заведениях: мы были в центре внимания. Для показа фильмов использовались лучшие залы. Это был настоящий праздник любительского кино!

На фестиваль в Житомир в 1968-м мы приехали опять большой группой. Не помню, кто кроме меня и Гальперина жил в гостинице (большинство наших ребят поселилось в студенческом общежитии), но на всех просмотрах, мероприятиях фестиваля мы были вместе. Триумфально прошел показ фильмов: «Галка-профессор» и «Этюды». В последний вошли два наших фильма «Мадонна» и «Больно». Программа фильмов киностудии «Юность» была высоко отмечена и жюри фестиваля, и Центральным Комитетом Комсомола, но почему-то мне лично больше всего понравилось, что мы получили Приз прессы. А это значит, что нас отметили журналисты разных изданий, аккредитованные на фестивале, учредившие свой приз и принимавшие самостоятельное решение, без участия членов жюри фестиваля. А награда «пишущей братии», творческих людей, владеющих словом, мне казалась весомее других наград...

Потом был фильм «Забота». Снимался он во время лагерного сбора, когда мы, уже защитившие дипломы инженеров, готовились к сдаче экзаменов на получение звания «лейтенант» и квалификации «командир взвода средних танков». Я уже пребывал в статусе руководителя киностудии, так как Ефим Гальперин покидал институт и уезжал по распределению в Киев.

Не думаю, что сложившаяся ситуация была приятна для всех нас, понимающих, что именно Гальперина нужно было оставлять в институте. Нам казалось, что полноценно заменить его на посту художественного руководителя киностудии из нас никто не сможет. Но обстоятельства сложились так, а не иначе.

Важно, что Ефим настойчиво шел к своей цели. Он поступил в Киевский государственный театральный институт на специальность «режиссер кино», успешно закончил его, получив второй, после горного института, диплом о высшем образовании. Его дипломная работа, художественный фильм «Старик», заслужила отличную оценку, тем не менее, в прокат не попала, а отправилась «на полку». Осторожное руководство Госкино Украины нашло работу кинорежиссера опасной для советского общества.

Справедливость восторжествовала спустя восемь лет. Фильм, который чудом сохранился, был показан на международном кинофестивале «Молодость» и получил Главный приз. Но до этого, Гальперин, имея диплом с отличием и признание профессионалов, не смог получить

работу в Украине. Уехал снимать художественный фильм «Вот такие чудеса» на Свердловскую киностудию.

Помню, как Ефим шутил: «Кто бы мог подумать, что я, еврей, не имеющий музыкального слуха, буду снимать музыкальную комедию о русском народном творчестве!»

Затем была у Ефима работа в Москве на киностудии имени Горького в журнале «Ералаш», постановка полнометражных художественных фильмов «Дом с привидениями» и «Санитарная зона» или «Бля». Появилось признание, успех, призы международных кинофестивалей...

Но вернемся в пос. Гвардейский, где дислоцировалась дивизия 6-й танковой армии...

Заместитель начальника военной кафедры полковник Чумаченко Н.Л. был нашим «патроном», осуществлял помощь съемочной группе, освобождал от занятий, выделил для киносъемок «персональный» танк Т-55 с механиком-водителем... Мы редко появлялись на занятиях и проводили практически все время на съемках.

В это же время в полк поступили на испытания 10 танков Т-64. Это были секретные машины.

В один из съемочных дней, когда мы на «нашем» танке снимали на танкодроме, механики-водители обкатывали там же и Т-64. Кто-то «стукнул» в Особый отдел армии, что студенты снимали секретный объект. Приходит младший лейтенант из Особого отдела и требует сдать весь отснятый сегодня материал. Я, естественно, не соглашаюсь, прошу его согласовать с командованием. Он мне говорит: «Хорошо. Иди, согласовывай». Доложил полковнику Чумаченко, он страшно возмутился и приказал ничего никому не отдавать: «Подумаешь, какой-то младший лейтенант, а вы уже и перепугались. Пусть идет ко мне! Я ему расскажу, что почему!!!» Иду назад, сообщаю, что командование запретило мне отдавать пленку.

– Хорошо, – говорит «особист», – пойдём к полковнику.

Я стоял за дверью и все слышал. Громкий голос полковника и тихий младшего лейтенанта. Победил тихий. У Особого отдела ведь особые права...

«Будущие командиры»
А. Косолапов, Ю. Нестеренко

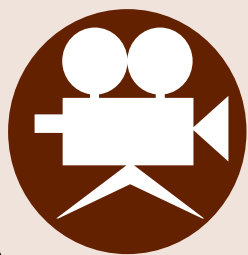
«Привал, товарищи командиры...»

«Наш» 55-й

«Тяжела доля солдатская»

Кадр из фильма «Забота»

Открылась дверь, мне приказали отдать отснятый материал. Две кассеты, 120 м киноплёнки, были отданы под обещание: «Проявим, посмотрим и вернем». Но так мы этой плёнки и не дождались...

В съёмочной группе нас было четверо: я – в роли руководителя и «ответственного за все», такого «зиц-председателя», Ефим Гальперин – режиссер фильма, Борис Цегельницкий – оператор и Володя Моложен, который помогал всем нам.

Семен Бурда, по выражению Гальперина, был отпущен в «свободный полет». Он служил, как все ходил в наряды и на занятия (даже попал на гауптвахту) и, осмысливая все происходящее, готовился к написанию дикторского текста будущего фильма.

Так и произошло. Семен написал хороший текст, Гальперин соединил воедино свой режиссерский замысел, отличные кадры Бори Цегельницкого с текстом Семена Бурды и музыкой, написанной к фильму композитором Борисом Котляром, и получился фильм – лирико-патриотический киноочерк о трудной, но необходимой для Отечества службе в Советской Армии. Помню, после просмотра фильма в институте один из студентов сказал: «Удивительно, но после этого фильма у меня появилось желание идти служить в армию».

Мою фамилию в титрах фильма вы не увидите. Гальперин включил в авторы только «основных действующих лиц»: режиссера, оператора и автора дикторского текста. Честно говоря, это меня обидело, но я ничего ему не сказал. Хотя не считаю это справедливым, как и то, что нет в титрах Володи Моложена, Бориса Котляра и Славы Чистякова, который начитал дикторский текст. Понятно, что вклад в создание фильма каждого из нас был разный, но все мы были, в той или иной степени, причастны к его созданию...

Фильм был показан на республиканском конкурсе и занял первое место. Я помню, как после просмотра к нам вышел взволнованный председатель жюри, секретарь Союза кинематографистов Украины, легендарный кинооператор А.А. Панкратьев. Обнимал, жал руки и благодарил за создание такого фильма!

Но особенно запоминающимся для меня был показ на республиканском конкурсе в 1975 году фильма «Один из нас».

Конкурс любительских фильмов в г. Киеве. Справа – Секретарь Союза кинематографистов Украины А.А. Панкратьев

Жюри областного конкурса любительских фильмов. 1974 г.

История создания этого фильма такова. Нам стало известно, что выпускник ДГИ Андрей Грязнов был одним из участников исторического восхождения на высочайшую вершину Кавказа – гору Эльбрус, куда фашисты водрузили свой флаг со свастикой. Группе альпинистов было поручено покорить вершину, сбросить фашистский флаг и водрузить на вершине наше знамя. Нашелся в киноархиве короткий видеоряд этого события. Тогда было принято решение: пройти кинооператору по маршруту нашего выпускника и его друзей. Вместе с альпинистским клубом института было организовано это восхождение. Анатолий Гороховский и Сергей Деркач с кинокамерой «Конвас-автомат», запасом киноплёнки, не будучи альпинистами, совершили восхождение и отснятый материал лег в основу фильма «Один из нас».

Я уже работал директором Днепропетровского областного клуба кинолюбителей и представлял на фестивале всю программу фильмов киностудий области, среди которых был и вышеупомянутый фильм, победитель областного конкурса. Проведав в Киеве родителей своей жены Светланы, я рассказал своему тестю, Юрию Васильевичу Буцику, о фильме «Один из нас». И вдруг он говорит: «А я ведь учился вместе с Андреем Грязновым, а с его семьей я по-прежнему поддерживаю отношения. Пару дней назад мне звонила его жена». И тут же он набрал ее телефон. Мы пригласили семью Грязновых в Жовтневый дворец на просмотр фильма.

Я встретил их у входа, провел в зал, усадил на заранее приготовленные свободные места и написал записку секретарю жюри, что в зале присутствует семья героя фильма во главе с внуком, которого назвали в честь погибшего деда Андреем. На экране – молодой дед Андрей Грязнов, а в зале – его внук Андрей Грязнов... Даная Павловна Трофимова, инструктор Совета по кино Укрсовпрофа, неизменный друг и соратник всех кинолюбителей Украины, по окончании просмотра объявила в микрофон: «В зале присутствуют жена, сын и внук Андрей Грязнов». Эмоции зрителей зашкаливали! Все участники просмотра стоя приветствовали и создателей фильма, и семью Грязновых. Это был очередной триумф Народной киностудии «Юность».

Фильм покорила жюри, получил Первый приз и был рекомендован для распространения в сети кинопроката Украины...

На съемках фильма
«Как объяснить тебе...».
Тюмень.

Кадр из фильма
«Как объяснить тебе...»

Тематика фильмов киностудии была разнообразна. Фильмы на военно-патриотическую тему – «Галка-профессор», «Атака», «Мадонна», «Надежда», «Пароль – Родина», «Забота», «Один из нас». Морально-этическим проблемам были посвящены фильмы «Больно», «Птицы большие и маленькие», «Матери ее и сыновья». О труде рассказывали фильмы «Что ты знаешь о Солнце...», «Наш «Семеновско-Головковский».

Но главной темой был горный институт, его жизнь, его люди. Это фильмы об истории ДГИ – «Потомки Артема» и «День будущий», об учебном процессе – «Тропой романтиков» и «Мы – геодезисты», о спортивных достижениях – «ДГИ – спортивный», «На батуте нравится всем». А ведь еще в активе студии было много учебных и технико-пропагандистских лент по заказам кафедр – «Пневмокрепи», «Самоизмельчение руд» и др. К тому же велись кинонаблюдения для научных разработок. И, наконец, просто кинохроника событий в вузе.

В 1971 году появилась идея снять фильм о массовом явлении того времени – студенческих строительных отрядах. Студенты-добровольцы во время летних каникул организовывали бригады, которые работали на стройках целины и Сибири, строили и сдавали объекты в рекордные сроки, при этом зарабатывали и не плохие деньги. Ежегодно и наш комитет комсомола формировал строительные отряды, куда попасть было не просто: желающих поехать поработать было на много больше, чем вакансий. Явление было интересным, с налетом романтики, патриотизма, а о главной побуждающей причине – возможности прилично заработать – считалось говорить аморально.

Мы в своем фильме попробовали робко нарушить это «табу». В дикторском тексте, представляя членов бригады, сказали: «Андрей откровенно говорит, что приехал заработать. Жениться собрался». «Цензура» эту невинную фразу заметила и пришлось приложить немало усилий, чтобы фраза все-таки прозвучала в фильме...

На съемки в Тюменскую область полетели я, Анатолий Калущий и Сергей Деркач.

Институт профинансировал эту экспедицию. Мы жили в палаточном городке стройотряда «Горняк» в поселке Боровское. Там наши студенты строили птичники. В первый же вечер по приезде стройотрядовцы устроили нам праздничный ужин. Жареная картошка с грибами и, несмотря на «сухой закон», немножко спирта. Сейчас пишу и чувствую тот незабываемый вкус грибов и картошки. Сидели мы тогда не долго. Ведь рано утром ребятам надо было идти на работу.

Атмосфера на съемках была замечательная, вставали до восхода солнца и трудились до заката. Мы старались не мешать процессу строительства, снимали хронику событий, хотя иногда и отвлекали бойцов отряда для съемки постановочных эпизодов. Дикторский текст к фильму написал Семен Бурда. С Ефимом Гальпериним, служившим в то время в Советской Армии, консультировались в письмах, о чем он мне напомнил уже сегодня, сохранив нашу переписку того времени (!).

Первыми зрителями фильма, получившего название «Как объяснить тебе...», были бойцы строительного отряда, затем фильм был выставлен на республиканский конкурс и занял первое место...

КАК ЭТО ЗАКОНЧИЛОСЬ, НО И ОСТАЛОСЬ...

Была у нас шутка: «Вопрос: Чем отличается профессиональный кинематографист от кинолюбителя? Ответ: профессиональный кинематографист – специалист узкого профиля, а кинолюбитель – широкого». И, правда, мы хоть и на дилетантском уровне, но владели всем спектром профессий кинопроизводства: от проявки до режиссуры.

И, учитывая схожесть аббревиатур Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) и ДГИ, мы добавляли к последнему букву «К» и шутили, что скоро ДГИ переименуют в ДГИК, т.е. в Днепропетровский горный (или государственный) институт кинематографии.

Действительно, для многих из нас это увлечение стало второй профессией. Ефим Гальперин, как я уже упоминал, после службы в армии получил второе образование на кинофакультете Киевского театрального института имени Карпенко-Карого и стал кинорежиссером-постановщиком, автором нескольких полнометражных художественных фильмов. По стопам Гальперина пошел и Олег Коротенко, руководивший киностудией в 80-е годы: закончил тот же институт, стал кинорежиссером и кинопродюсером.

Семен Бурда, Борис Цегельницкий, Анатолий Калущкий, Владимир Штенгелов, Сергей Деркач, кто на время, а кто-то и на всю жизнь связали себя с кино и телевидением.

Не минула сия чаша и меня. После окончания института я сменил Ефима на посту художественного руководителя киностудии, через три года был приглашен на должность директора областного клуба кинолюбителей и в течение четырех лет занимался развитием самодеятельного кино в Днепропетровской области. Затем работал главным инженером Днепропетровской экспериментальной лаборатории по производству технических средств обучения, в составе которой была профессиональная киностудия, занимавшаяся выпуском учебных, технических и хроникально-документальных фильмов, возглавлял художественный совет по приемке фильмов и диафильмов. А спустя 14 лет вернулся в родной институт, где работаю уже 25 лет.

Киностудия «Юность» живет и сегодня, став видеостудией. Исчезли громоздкие осветительные приборы, монтажные столы и кинокамеры. Исчезло волшебство проявки пленки, когда сидишь в темноте или полумраке и думаешь: «А, получилось ли?». Исчезли прессики и ацетон, а позднее липкая лента для склеивания кинопленки. Никто сегодня не отправится для записи шумов на природу или в цех. Все сегодня есть в компьютере. Аппаратура стала другой, компактной, с высокими техническими возможностями, помогающими воплотить любые творческие замыслы. В видеостудии «Юность» работают профессионалы, делают важную работу по созданию кинолетописи нашего славного учебного заведения. Создаются хроникально-документальные видеофильмы, сюжеты для показа на телевидении.

Но, смею утверждать, что сегодня нет той атмосферы, которая существовала в далеком прошлом, когда бурлила в киностудии студенческая жизнь, когда не за зарплату, а по велению души и сердца, мы отдавали все свободное время созданию фильмов, когда в коллективе царил дух творчества, когда тематика фильмов была широка и разнообразна... Очень хочется, чтобы

дух студенчества возродился в студии. Это, несомненно, сделает работу видеостудии «Юность» более насыщенной и интересной...

Сегодня, оглядываясь назад, отчетливо понимаешь, что ничего не проходит бесследно. Это было удивительное время находок и открытий.

Я с благодарностью вспоминаю всех: и Ефима Гальперина, и Володю Моложена, и Борю Цегельницкого, и Кима Левина, и Сергея Деркача, и Тамару Беляеву, и Сеню Бурду, и Толю Пасынкова, и Славу Бабича, и Володю Коптева и многих-многих других. Во взаимном влиянии друг на друга, мы росли, совершенствовались, добивались каких-то успехов, не только и столько в кино, а уже и во взрослой жизни.

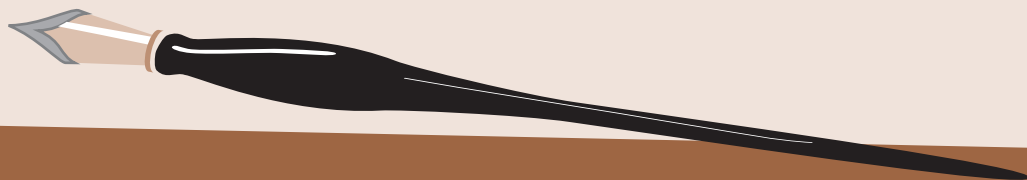
Этому помогли удивительные и талантливые люди, старшие товарищи, которые поддерживали, подсказывали, направляли: Наталья Александровна Фоменкова, Геннадий Григорьевич Пивняк, Николай Яковлевич Биличенко, Владимир Илларионович Хоменко и многие другие...

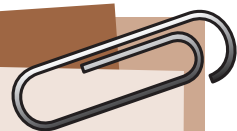
... У каждого человека есть то, что не забывается со временем... Именно годы, связанные с кинолюбительством, оставили неизгладимый след в памяти, во многом определили все, что было дальше. Не сразу, спустя годы пришло осознание того, что этот период жизни был одним из самых интересных и насыщенных, сыграл важную роль в моем развитии, становлении, формировании личностных качеств.

В одном из интервью Федерико Феллини говорил о том, что памяти свойственно сталкивать нас иногда с тем, чего не было в жизни...

«... а память являет нам это в таких измерениях, в таких ощущениях, которые мы не способны осознать... Но мы почему-то утверждаем, что пережили это...».

Работая над этим текстом воспоминаний, я опасался, не подведет ли и меня память, не заставит ли желаемое выдавать за действительное, придуманное – за реальность. Но, перечитав написанное, вслед за А. Блоком, утверждаю – «...все это было, было, было...».

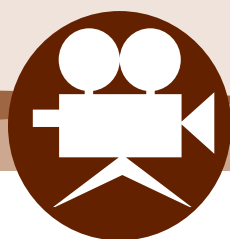

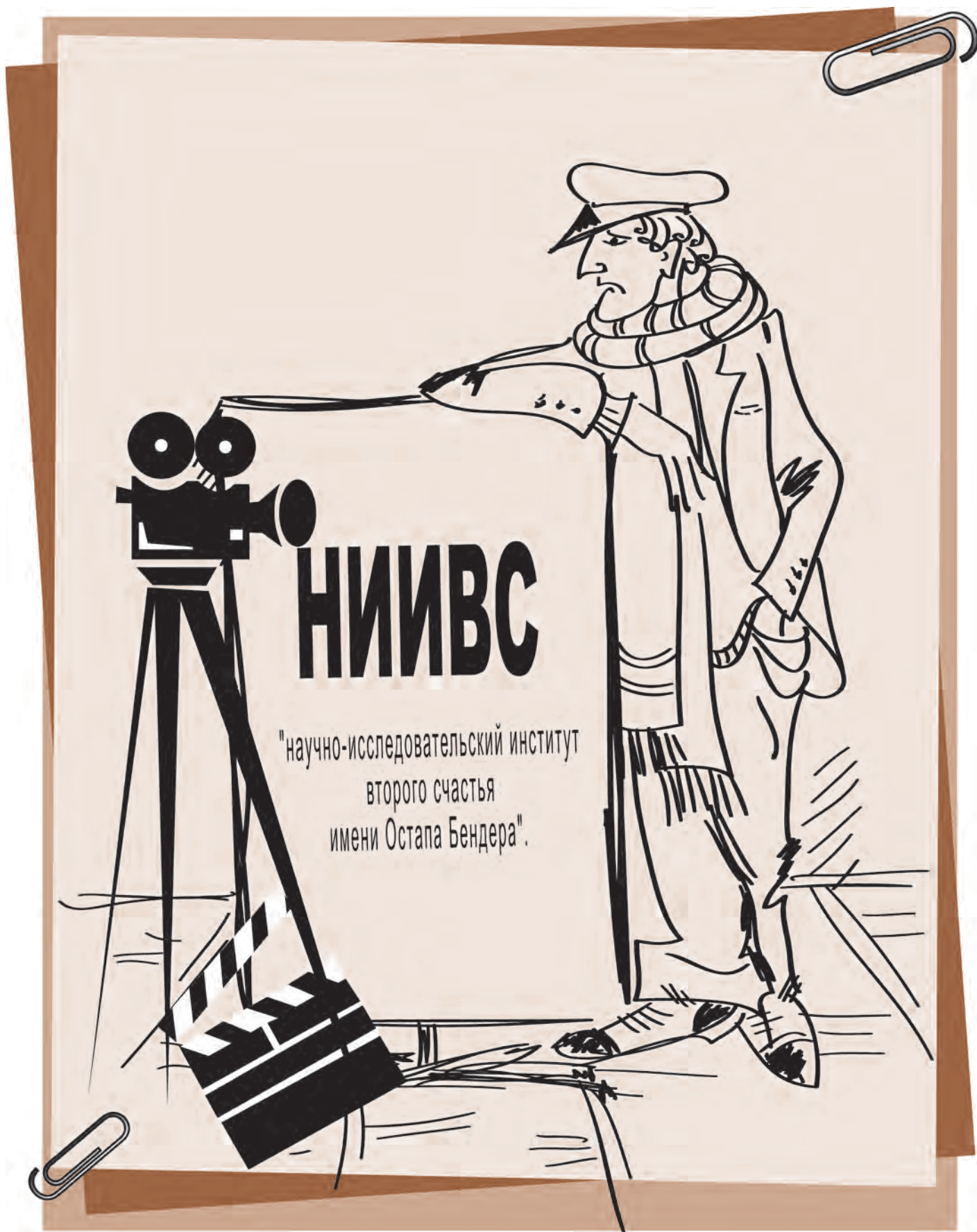

На юбилее «Юности» 1988 год

«Дружба не стареет»

*... Хотали,
как сумасшедшие...*

*Тамара Аджарова (Беляева),
научный сотрудник института "Дипроуглеавтоматизация",
начальник сектора института "Луганскгражданпроект",
член киностудии "Юность" с 1965 по 1970 г.*

Воспоминания... Они уносят меня на много лет назад, когда я, девушка из маленького городка, приехала в Днепропетровск поступать в горный институт. Была я тихая и стеснительная. Первое время, зайдя, например, в столовую, где в основном в очереди стояли ребята, я разворачивалась и уходила, так как можно было услышать разные реплики в мою сторону, а я не любила обращать на себя внимание. И вот начались студенческие будни. Однажды на первом курсе сдавали мы экзамен по начертательной геометрии, вместе с нами сдавали ребята с машиностроительного факультета, среди них был Фима Гальперин. Ребята попросили помочь им решить задачи. Задания выносили из аудитории те, кто сдал экзамен, а с теми, кто заходил, передавали решение. Вот так я познакомилась с Фимой.

Как-то я зашла с ребятами из нашего факультета в студию, и заразилась ее атмосферой. Счастлива, что в моей жизни «случилась» киностудия «Юность» и все, что было с ней связано.

Главное, это ребята, которые тогда собрались вместе. Лидером, конечно, генератором идей был Фима Гальперин. Кино – это его мечта. В киностудии мы проводили очень много времени. Вспоминается, как мы обустроивали помещение в подвале нашего общежития – красили, белили, чистили. Затем снимали кино – фильм «Галка-профессор».

Еще был какой-то учебный фильм о гироскопах. И были какие-то съемки как бы про войну. Для имитации военных действий жгли дымовые шашки и костры в каком-то заброшенном сарае на окраине города.

Конечно, кроме кино еще обсуждали книги, события, сочиняли какие-то смешные рассказы, отмечали совместно дни рождения, ходили в театр. Были значимые события. Одним из них было выступление Фимы Гальперина по Днепропетровскому телевидению. Мы все очень волновались и для его поддержки пошли вместе с ним на телецентр. Затем смотрели все это по телевизору в общежитии и очень гордились нашим Фимой.

Вообще вспоминается почему-то все незначительное. В мыслях одно, а в тексте все как-то получается официально. А не хочется этого.

В студии, конечно, к кинопроцессу я была мало причастна, так как Бог не наградил меня никакими талантами. У меня были способности к точным специальностям, к учебе. Но все старались меня научить снимать, проявлять...

Вспомнила, как на День Победы напротив института на углу проспекта К. Маркса открывали памятную стелу. И Гальперин придирчиво осмотрел мой наряд – я была в брюках и длинном свитере. Затем на меня навесили самую большую камеру и выпустили вперед к трибуне. Людей было полно, а я изображала из себя оператора, хотя была ни бум-бум. Сняла панораму с лужи у подножия, в которой отражалась стела.

Снимается этюд...

Как-то Фима предложил написать маленькую статью в газету «Артемовец» о студии. Я что-то пыталась. Но получалось все банально очень, и я отказалась. Сейчас вот вспоминаю все и думаю, что ничем полезным в студии я не занималась, просто мне было там интересно. Я в основном прислушивалась к тому, о чем говорят, что читают, и тут же старалась побольше разузнать и тоже прочесть. Была я простая и непосредственная, а ребята относились ко мне очень хорошо. Сегодня хочу сказать большое спасибо за это отношение ко мне. Никогда не слышала от них непристойных или пошлых слов.

Так как мы много времени проводили вместе, то знали друг о друге многое. Время от времени у студийцев случались романы, к этому относились с пониманием и легкой иронией. Много было смешного и веселого. Как-то один из ребят сообщил родителям, что познакомит их с Ларисой, но представил им Раю, на вопрос родителей ответил, что «не с Ларисой, а с Райсой».

А еще помню общее фотографирование. Это было на последнем курсе. Скорее всего, ранней осенью 1969 года, так как я в платье с короткими рукавами. Мне кажется, что мы просто решили сфотографироваться на память, а кто-то предложил, чтобы это было похоже на старые фотографии. Вот мы так и снялись. Дома у родителей я перебирала старые фотографии и нашла фото родителей папы – моих дедушки и бабушки в молодом возрасте, я никогда не видела их, они погибли во время войны в возрасте 40 лет. Так это была точно такая же фотография и, оказывается, я очень похожа на свою бабушку.

А вот какие-то смутные воспоминания про съемку фильма «Галка-профессор». Пишущая машинка, барабан для протягивания ленты с титрами. На машинке, кажется, печатала я. Помню забавную историю с портретом Гитлера. Как-то в бомбоубежище, где была студия, зашел пожилой вахтер, увидел портрет в углу на полу и выбежал оттуда, как ошпаренный. Испугался. Я при этом не присутствовала – ребята рассказывали.

Зато я помню всех вас, ребята. Голоса, интонации. Помнится, осень, иду из общежития по Карла Маркса мимо четвертого корпуса, где на четвертом этаже была наша киностудия. Гальперин стоит у открытого окна и зовет:

– Тома, заходи. Тут я раздобыл копию фильма «За двумя зайцами».

Но я в тот раз торопилась и не зашла.

Или вот идем вместе по бульвару на проспекте Карла Маркса, играем в слова. Вовка Моложен загадывает буквы, по которым нужно отгадать слово, но у нас никак не получается, потому что буквы одни согласные. Наконец, отгадали. Это слово оказалось – Мкртчян. Хохотали, как сумасшедшие.

Мы были молоды и думали, что жизнь еще очень долгая и все впереди, а она промелькнула. Вспоминаю и окончание института – мы даже не попрощались, как следует. Так получилось. Я, например, еще не осознавала, что это время ушло навсегда.

У меня чувство потери чего-то самого лучшего в жизни сохранялось очень долго. Когда у нас была первая встреча выпускников в институте через 10 лет, отмечали своим факультетом, а студией так и не собрались. Грустно. Мы отмечали в ресторане ДИИТА. Помню звучала песня «Снегопад» в исполнении Нани Бреговдзе, а у меня слезы лились ручьем – ничего не могла с собой сделать. Это была тоска по прошлому.

Да, так тогда в 1970 никто и не понял, что что-то очень важное кончилось. Все побежали дальше...

В 1971 году я гуляла в скверике со своей маленькой дочкой Леной в колясочке. И вдруг меня кто-то зовет. Оглянулась – Мацек сидит на скамеечке. Оказывается, в Луганске недалеко от нашего дома жила его тетья и он был у нее в гостях. Мы, конечно, с ним поговорили, я расспросила обо всех студийцах. Потом я как-то получила весточку, что Мацек всем ребятам передал – и как дочку зовут, и какая коляска...

А летом 1977 года в Луганск приехал Фима Гальперин. Он снимал какое-то документальное кино в лагерях строгого режима в области. Времени у него было немного, но он зашел к нам домой. Ему сказали, где наш проектный институт.

Мое рабочее место было напротив входной двери. Вдруг открывается дверь и Фимка стоит. Радости моей не было предела. Мы вышли в сквер, посидели. Хорошо поговорили. Помню Фима сказал, что не смог бы вот так возле чертежной доски изо дня в день стоять. Но каждому в этой жизни свое.

В общем жизнь была прекрасна и беззаботна. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончилась и наша студенческая жизнь. Каждый пошел своей дорогой. В институте я познакомилась со своим будущим мужем, с ним потом уехала в город Луганск, где и прожила всю жизнь. 40 лет проработала в проектом институте. Воспитали двух дочерей, помогаем растить троих внуков. Жизнь промчалась очень быстро, но я всегда помню наш институт, киностудию «Юность» и моих дорогих ребят.

Счастья вам, здоровья и долголетия. Тома Беляева.

Пещерное кино

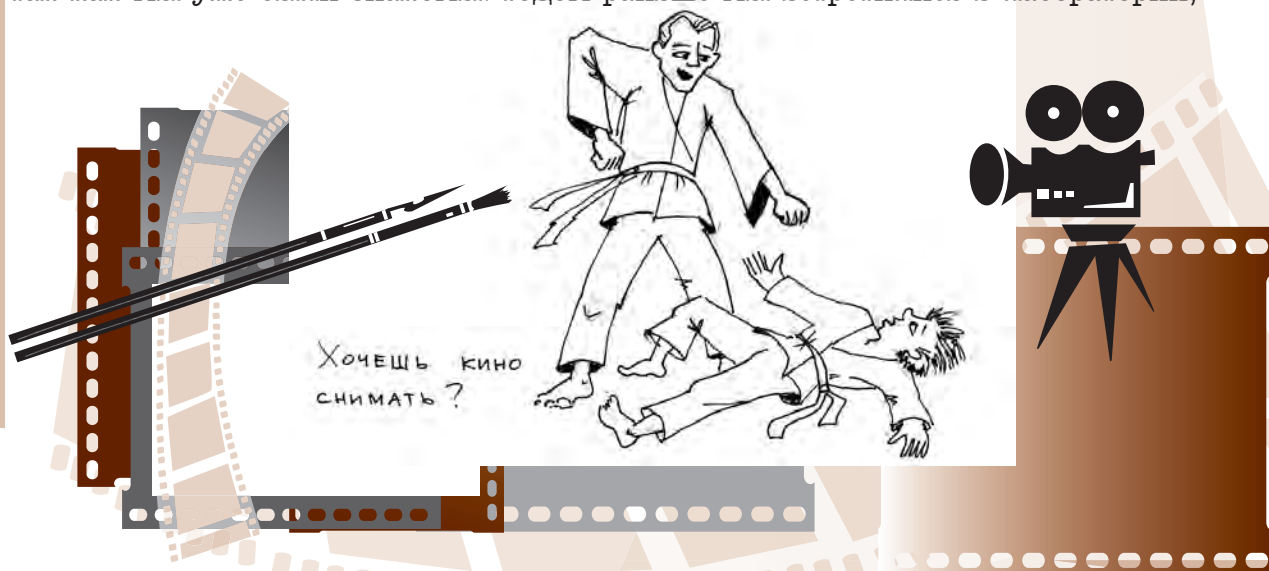
Гилм Левин,

инженер-геофизик, программист,
финансовый консультант банка (г. Востан, США),
член киностудии «Юность» с 1965 по 1970 г.

– Ребята, – сказал на вступительной лекции преподаватель по электротехнике доцент Итин, – все, что вам нужно, это выпить ведро водки, и можете получать диплом. Как раз пять лет на это и уйдет.

Он знал, что говорил: в количестве водки он не ошибся, но оказалось, что нам нужно было еще что-то. Набор внеаудиторных развлечений в горном институте второй половины 60-х был весьма разнообразным. Та самая оттепель еще стояла на дворе (сосульки, правда, уже скапливались, но на наши головы пока еще не падали). Занимались, чем хотели: КВН, туристские песни, поэтические вечера, задиристые стенгазеты. На геолого-разведочном факультете – самые популярные виды спорта: альпинизм, скалолазание, спелеология. Романтично, но от занятий физкультурой не освобождало. Бокс и борьба, например, будучи не более опасными для здоровья, все же имели известный практический смысл. Факультетскую команду по самбо в то время тренировал атлетически сложенный третьекурсник, имевший разряд то ли мастера спорта, то ли чего-то близкого к этому. Нам, новобранцам, он уделял особое внимание: каждого индивидуально по нескольку раз подбрасывал к потолку, швырял о стену, придавливал всем своим могучим телом к полу и, как бы давая понять, что надеяться нам не на что, приговаривал: «Судья не видит... Судья не видит...» При этом он очень ревностно следил за тем, чтобы представители других команд, тренировавшихся в том же зале, не дай Господь не использовали нас в качестве спарринг-партнеров. Стоило кому-нибудь из них наложить на нас руки, как раздавался громовой голос Тренера: «Положи мою культяпку на место!!!». Сноска: культяпка – матерчатая с человеческий рост кукла, на которой борцы выясняют, как лучше откручивать руки, ноги и головы себе подобным.

Впрочем вне тренировок наш Тренер оказался не столь уж «кровожадным», мы много беседовали на всякие далекие от спорта темы, и однажды он поведал о том, что в институте имеется своя студенческая киностудия (!), и даже предложил мне посетить это загадочное детище безудержного либерализма. Киностудия под оригинальным названием «Юность» располагалась в институтском бомбоубежище, что сразу же ставило ее в ряд наиболее охраняемых стратегических объектов, созданных в разгар Карибского кризиса. (Позднее, когда атомная угроза несколько спала, киностудия была переведена на легальное положение, что дало ей право иметь незарешеченные окна и двери на одном из престижных этажей учебного корпуса.) Долгое путешествие по лабиринтам бомбоубежища успешно завершилось в довольно просторном помещении с низкими потолками, освещенном тусклыми лампочками, безжалостно отбиравшими последние ватты энергии у задыхавшегося где-то поблизости местного движка. Навстречу мне из-за стола, заваленного киноленткой, поднялся молодой человек кинорежиссерской наружности и представился Главным Худруком. Но знакомство не состоялось, так как мы уже были знакомы: годом раньше мы встретились в лаборатории,

где отрабатывали пропущенное занятие по химии. Так что без лишних церемоний Худрук в весьма непродолжительной речи проинформировал меня об истории киностудии, ее обитателях, основных достижениях и планах на новые успехи. После вступительной речи я был представлен остальным участникам высокого собрания, принял присягу на верность нашему кинематографическому оружию, затем последовала неофициальная часть, затянувшаяся далеко за полночь. Несмотря на то что личный состав «Юности» был исключительно студенческий, тем не менее разнообразие и глубина талантов позволяла полностью обеспечить творческой рабсилой все цеха кинопроизводства. Здесь были поэты и сценаристы, режиссеры и актеры, операторы и художники, осветители и директора фильмов (кстати, мой Тренер оказался Главным Оператором, вместе с Главным Худруком прославившимся созданием «многолауреатной» ленты о девушке-партизанке времен Великой Отечественной Войны). Для многих из них опыт, приобретенный в студии, стал главной подкидной доской дальнейшего карьерного роста в кинорежиссуре, литературе, музыке, живописи, финансах, политике (один даже стал министром в небольшой гагашарной республике).

Я быстро влился в этот котел и как мог поддерживал его неистребимое бурление то словом, то делом. И вот однажды Главный Худрук, случайно наткнувшись на меня в темном переходе, говорит: «Я слышал, что ты таскаешься со спелеологами по пещерам». «Да, – говорю, не чувствуя подвоха, – бывает иногда. Вот как раз в Крымские собираемся». «А знаешь ли ты, – продолжает он теперь уже «околопартийным» голосом, – что мы явно отстаем по части освещения внеклассной активности наших студентов? Идеологическое начальство было бы счастливо увидеть на экране, в какой именно части Крымского побережья наши доблестные спелеологи ныряют под землю и что именно их там привлекает». Такой груз ответственности в дополнение к и без того тяжелому рюкзаку меня абсолютно не прельщал, и я попытался медленно сползти в кювет: «А вот прошлым летом вы мне 8-миллиметровку на геологическую практику давали? Давали. А что из этого получилось? Ни шиша». «А мы тебе теперь 16-миллиметровую камеру дадим – «Красногорск». И софиты, и пленки два мотка, и...». «Ладно», – прервал его я, боясь, что в благородном порыве он мне сейчас предложит подъемный кран с рельсами в пещеру засунуть. Худрук же, сформулировав таким образом задачу и отдав все необходимые распоряжения, удалился на какой-то очередной фестиваль – то ли в Канни, то ли в Дрогобыч.

На спелеологическую сходку я шел с тяжелым сердцем: снаряжение для походов в пещеры было достаточно весомым, а тут еще киношные всякие железяки. И все это поди затащи на себе в горы – шерпы в нашем деле не полагались. Да и творческие задачи были совсем другие. И, кстати, напрасно волновался. Народ, как узнал, что кино про них снимать будут, страшно возбудился: экспедиционное руководство сразу же совместные планы съемок и более полезных дел сверстывать стало, сценарий зачем-то потребовало, простые работяги веревок и лестниц кинулись рукавами кроссовки натирать до блеска, девушки зеркала подоставали, распределением ролей озаботились. Интриги начались. Все как положено.

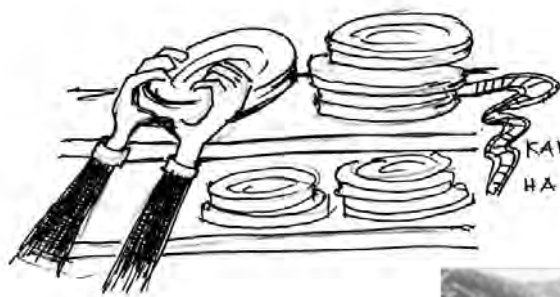
Сел писать сценарий. Название «Дети Подземелья» сформировалось быстро (смутные ассоциации с Короленко отбросил, как незначительные). Затем в голове стали взрываться идеологические петарды: «героические спелеологические будни!», «ударники пещерных пятилеток!!», «советские сталактиты на 10 процентов лучше американских сталагмитов!!!» и еще почему-то «не счесть алмазов в каменных пещерах...». Затем я решил, что главными действующими лицами будут самые передовые в мире известняковые сосульки, всякие там ванночки, водопадики и сифончики, а спелеологи будут играть массовку, снующую здесь и там – так сказать, простой народ и его героические будни. Быстро набросал раскадровку и план съемок и понес весь этот бред Худруку на подпись. Худрук пролистал мое произведение, разглядел листочки, надежно скрепил их булавками и выбросил в мусорную корзину, где к тому времени уже квартировали обрывки киноплёнки, недогрызенные яблоки, окурки и другие отходы коллективного творчества. Затем, не прощаясь, он улетел на фестиваль – то ли в Сан Себастьян, то ли в Житомир. Таким образом, подготовительный период был закончен и следовало приступить непосредственно к съемкам.

Со стороны наш караван, поднимавший на Чатыр-Даг поклажу для спелео-кино, выглядел совсем по-библейски. Однако же, достигнув «лобного» места, участники процессии, вместо того чтобы быстренько распять кого положено и вернуться домой, разбили лагерь, поужинали чем Бог послал и принялись запикивать себя и эту самую поклажу в узкие проходы ближайшей пещеры. Эта процедура живо напомнила известную репродукцию картины «Шахтер-тягальщик» из учебника Родная Речь, только лица были не такие замурзанные и замученные, а, наоборот, веселые и очень романтические. Внизу, в просторном зале, освещенном софитами и многочисленными коногонками, уже были подготовлены декорации: огромные кристаллические колонны подпирали готический свод главного нефа пещеры; плафон был расписан кальцитовыми натеками в виде набора причудливых фигур из какой-то неизвестной нам мифологии; белоснежные драпировки стен роняли слезы умиления от одной только мысли, что после тысячелетнего забвения, благодаря нам, они наконец-то будут увековечены на высококачественной пленке татарского завода «Тасма»; расположившийся в дальнем углу гигантский сталактитовый «орган» безмолвствовал. В боковых нефгах-галлереях, усеянных ажурными каменными занавесочками и каскадами миниатюрных купелей, в ожидании начала съемок столпилась массовка: парни то и дело ныряли в какие-то малозаметные норки и выползали оттуда уже загримированными под посетителей грязелечебниц, девушки поправляли друг другу прически и хихикали, начальники похода пытались прекратить все это безобразие и ввести ситуацию в нормальное исследовательское русло. Явно назревал конфликт искусства и науки. Ничего не оставалось, как схватить камеру и начать съемку. И тут же я оценил правильность избранной стратегии: главные персонажи стояли по местам и только ждали, когда съемочная группа удостоит их своим вниманием. Никаких жалоб, взаимных упреков, желания тянуть на себя одеяло. Массовка, напротив, все время путалась под ногами, старалась заглянуть прямо в камеру, не слушала указаний режиссера и вообще вела себя так, будто главной характеристикой кинопроизводства является хаотическое броуновское движение. Однако же и я, поддавшись заданному

ими ритму, тоже стал метаться по пещере, совать свой нос вместе с камерой во всякие темные углы, на выдохе протискиваться в узкие проходы, стараясь запечатлеть на пленке эту вакханалию слияния разгоряченных человеческих тел с восхитительными изваяниями природы.

При «разборе полетов» в киностудии результаты съемки были признаны удовлетворительно-неприемлемыми. Когда последний брошенный в мой огород камень окончательно превратил его в японский сад и страсти поутихли, встал Худрук и сказал: «Материал отличный! Пленку списать, как случайно засвеченную, эпизоды доснять в киностудии». Затем он отдал все необходимые распоряжения и улетел на фестиваль – то ли в Венецию, то ли в Подлипки.

Через два месяца смонтированный и озвученный фильм положили на полку, что в советские времена являлось безусловным признаком незаурядного талантливого произведения.

КАК ВСЁ ГЕНИАЛЬНОЕ —
НА ПОЛКУ!

Потерянный рай

*Сергей Деркаев,
заведующий отделом мультипликации
детской мультстудии «Веснянка»,
член киностудии «Юность» в 1967-1975 г.,
руководитель киностудии «Юность» в 1977-1982 г.*

*Всё началось с того, когда
какие-то люди...*

У каждого человека есть в жизни несколько поворотных моментов. И от того, какое решение он примет, зависит вся его дальнейшая жизнь.

Несомненно, ключевых моментов гораздо больше. Даже в каждом прожитом дне их несколько. Есть грибы или не есть. Идти на работу пешком или сесть в маршрутку. Наконец, сказать любимой теще (жене, любовнице) в порыве гнева все, что ты о ней думаешь, или промолчать. Но это все так – мелочи. От них зависит только комфорт, благополучие.

Я же о судьбоносных моментах, о которых говорил писатель О'Генри. Его знаменитая фраза о дорогах, которые мы выбираем, была довольно популярна у нас в студии «Юность». Кажется, даже был устроен конкурс на продолжение этой фразы. И победила такая формулировка: «Важно не то, какие дороги мы выбираем, а кто стоит у нас на дороге». В студии на стене была фреска с этим текстом, выполненная Кимом Левиным.

Конечно, это был молодежный «выпендрей». Оригинальный текст у О'Генри: «Важно не то, какие дороги мы выбираем, а важно, что внутри нас заставляет выбирать эту дорогу». И как раз вот это «внутри нас» удивительно точно определило судьбу тех, кого я знал.

Почему я, увидев объявление о том, что киностудия «Юность» проводит набор студентов в свои ряды, не раздумывал и пришел? Наверно потому, что у меня была камера «Киев 16-СЗ», купленная на мою первую зарплату. Для этого я полгода проработал в электроцехе Приднепровской ГРЭС, откуда успешно сбежал от безнадёги и бесконечных перекуров.

Потом, чтобы не «загреть» в армию, я выбрал институт и специальность по принципу – где самый низкий проходной балл. Это чтобы уж точно поступить. Но к удивлению родителей и своему также сдал я все вступительные экзамены в ДГИ на 5 баллов. Затем опомнился и попробовал перевестись на самый престижный геологоразведочный факультет (10 человек на место). Не получилось! А жаль. Из меня мог получиться настоящий геолог – такой «одинокий волк в тайге».

Поступив, я сразу же пришел записываться в студию с модным тогда названием – «Юность». Подвал студенческого общежития № 2. Точнее, не подвал, а бомбоубежище. Они тогда строились под многими домами на случай войны.

Студенты 2-го – 3-го курсов... Торжественная обстановка. Нас, «салаг», человек пять. В это время студия была на подъеме: фильм «Галка-профессор» занял первое место на фестивале. И не на одном. Для нас устраивают показательное вручение авторам медалей.

Те скромно улыбаются. Возникает страх – а вдруг мы не достойны. Вдруг не возьмут. Мой скромный опыт – тридцать метров отснятого и проявленного материала, на который уместились охота на зайца, кадры из «Обыкновенного фашизма», снятого с телевизора с портретами Сталина и Гитлера, которых в те годы было не достать и не увидеть, и мультфильм с куклами моей младшей сестры – еще более скромный и незначительный.

Кажется, нам показали «Галку». Не помню. Но должны были показать. Потом, когда мы устраивали ежегодный набор, у нас в загашнике уже было несколько фильмов на показ. Мы крутили их в кинозале химического корпуса. Все было уже солиднее. «Институт кинематографии с горным уклоном» – так я написал потом в одном из своих газетныхopusов.

Комнатки в бомбоубежище были маленькие, мы буквально терлись друг о друга и, наверно, наши ауры тоже терлись и взаимопроникали. Одним словом, информационное поле работало на всех уровнях.

Успех «Галки» нужно было подтвердить. Военная тема в СССР всегда была выигрышной, и старшие студийцы обратились к теме революции, воспоминания о которой в наши дни были старательно приправлены романтикой. Мы воспитаны на этом. Песня Светлова «Мы ехали шагом, мы мчались в боях» заставляла сжиматься сердце.

Я помню, когда ее пела «звезда ДГИ» Лариса Петечко с ансамблем «Террикон», который только что вернулся из Чили накануне переворота. Я стою рядом со сценой, Лариса вся в песне... А по ее щекам катятся слезы. И в зале нет равнодушных. Думаю, она больше никогда так не пела.

Мы – молодое поколение студии – были допущены к съемкам «Мадонны». Кабелей было много, и они были тяжелые. Съемка происходила на Мемориальном кладбище напротив института. Мы таскали прожекторы и кабели туда и обратно. И еще протирали их от воды и грязи. Было холодно и непонятно.

Я даже сыграл в этом кино роль белогвардейца, который убил комсомольскую мадонну. Когда будете смотреть фильм, обратите внимание на сапоги, которые подошли к пулемету с убитой. В этих сапогах был я.

Прошло уже столько лет, и я смутно помню первые месяцы нашего ученичества. Нас учили наматывать пленку на улитку и проявлять ее в растворах. В темной кладовой были две бочки. В одну мы сливали отработанный фиксаж на серебро, во вторую отработанный проявитель. Наши «мэтры» пришли к убеждению, что медленная проявка в таком проявителе (20–30 минут) позволяет вытянуть на пленке все мельчайшие детали.

Некоторые проявители мы готовили сами. Находили в фоторецептурном справочнике Микулина «экзотические» рецепты, взвешивали химикаты на весах и размешивали, размешивали.

К официальным магазинным проявителям относились с пренебрежением и очень редко ими пользовались. «Спецами» по проявке были Боря Цегельницкий и Боря Мезенцев.

Сергей Деркач на съемках фильма «Мадонна»

И еще в подвале был буфет, а рядом с «общагой» – магазин «Земляничка» с разливным сухим вином. Часть наших студийцев жили в этом общежитии, прямо над киностудией, и я им завидовал.

Мой день разделился на две части – до обеда и после обеда. До обеда были занятия, которые становились для меня все скучнее, зато после – химикаты, весы, красные фонари проявочной, кинокамеры «Красногорск», «Адмира-16» и запущенная Анатолием Калуцким в «космос» немецкая кинокамера «Пентака», о которой уже 40 лет помнит и страдает наш художник Ефим Гальперин. Недавно я получил от него из США письмо с фотографией такой «Пентаки». Он купил ее на американском блошином рынке за пять долларов. Я думаю, эта встреча была приятной.

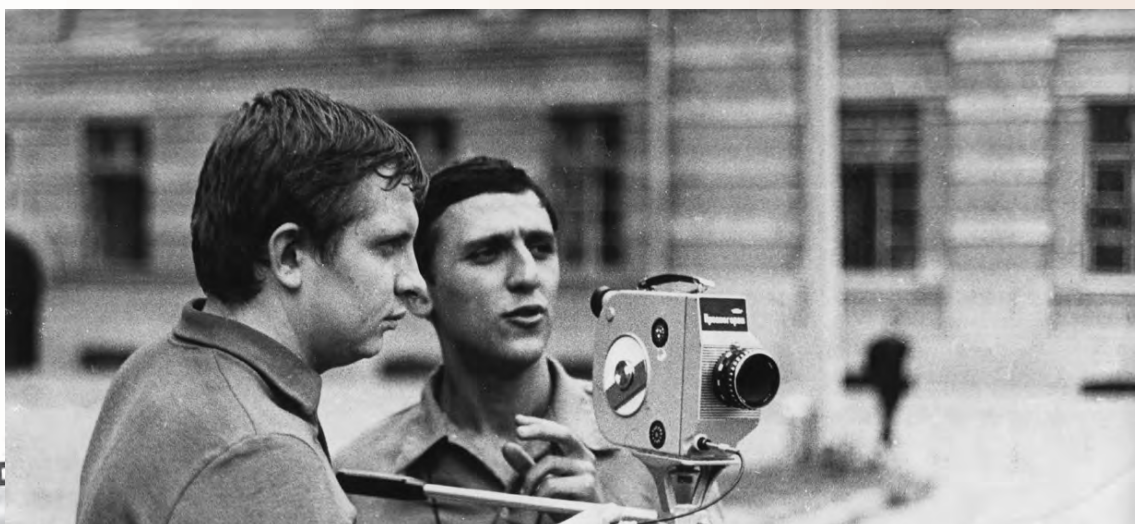
Весна 1968 года. Мы переезжаем из бомбоубежища в новое помещение.

А как же! Не может же студия – лауреат всяческих фестивалей – творить в подвале. По тротуару от общежития № 2 к новой «стекляшке» корпуса ДГИ № 4 двигаются молодые люди, которые тащат на себе разное барахло. Осветительные приборы (ОПЗ), ванночки, коробки с химикатами, кабели, тумбочки. А еще надо было перетащить сейф!

По дороге подхватываем добровольного помощника. Худого и бездельничающего парнишку.

– Давай, тащи!

И вот студент первого курса Анатолий Калуцкий подхватывает «ЯУФ» с киноленткой. А впрочем нет, это его, Толю, подхватывает судьба. Помнится, он говорил, что объявление о наборе он тоже видел. Прийти стеснялся. Но куда денешься от предначертанного тебе. В студии он навсегда.

Анатолий Белоус и Анатолий Калуцкий

Ректорат института оказался очень щедрым. Во вновь построенном здании нам выделили целых четыре комнаты. Это были царские хоромы. Большая благодарность тем людям, которые замолвили за нас словечко.

Да, нас любили и опекали многие преподаватели и сотрудники института.

И среди тех, кто поддерживал и помогал решать наши проблемы (студенческие и студийные), я хотел бы особенно отметить заведующую библиотекой Наталью Александровну Фоменкову. Это мое личное мнение, потому что я не могу без книги.

А библиотека в ДГИ была одной из лучших в городе. И по подбору литературы, и по организации. Я проводил часы за картотеккой, выискивал те книги, которые мне хотелось прочитать. Так я познакомился с американским писателем Андерсеном, которого считают предтечей, учителем Хемингуэя, Фицджеральда, Вульфа, Фолкнера. А читая нобелевскую речь Фолкнера, я узнал, что в попытке описать Америку вся эта великолепная четверка потерпела поражение. Но поражение Вульфа было наименьшим.

Я прочитал его роман «Оглянись на свой дом, ангел» и был поражен, раздавлен космической глубиной его пространства.

Забегая на несколько лет вперед, вспоминаю, что, получая обязательные экземпляры издаваемых книг, наша библиотека не получила две книги: первые в СССР издания Булгакова и Мандельштама. Наталья Александровна сама поехала в Москву и привезла эти книги. Сегодня это трудно понять, но в то время эти две книги ценились на вес золота. И вот мне было позволено взять их на 3 дня (согласно очереди). До сих пор помню светло-коричневую, под кожу, обложку книги Булгакова. Я выискивал те куски текста из «Мастера», что не вошли в журнальный вариант, и с наслаждением зачитывал всем, кто оказывался рядом. Светлая память этой прекрасной женщине.

С каждым годом количество студийцев пополнялось новыми студентами и постепенно увеличилось. Появились: Вячеслав Бабич, Анатолий Калущий, Анатолий Пашан, Анатолий Маценко, Анатолий Пасынков, то есть Толиков в студии стало многовато. Надо их было как-то отличать. С главным Толиком проблем не было, наш технический директор уже имел заслуженное прозвище и очень солидное – «Лапа». После осознания его знаковости я написал в нашей газете: «Каждый человек по жизни должен иметь Руку. У нас Руки нет, зато есть Лапа, а у Лапы есть рука».

И, как положено, клички были у всех. Если не было, то ими награждались. Калущий звался «Ренегат». Это благодаря Гальперину. Шутя, он обращался к Толе «Каутский» по сходству фамилий. А марксистско-ленинскую философию нам приходилось изучать. Это было не хухры-мухры, могли и стипендии лишить. А потому, кто этот Каутский, мы знали. Хотя нам больше нравилось, как Ленин его обозвал. Вообще слово «Ренегат» – красивое слово.

А еще были: Маценко – Мацек, Пасынков – Пас, Бабич – Фаня (не помню почему), я – Граф, потому что Де Ркач. У тех, кто шел перед нами Гальперин – Гомз, Цегельницкий – БеЦэ, Бурда – Шлёма, Моложен – Баржа.

Май 1968 года. Обком комсомола обратился к нам с просьбой снять фильм о пионерской игре «Зарница». Худрук Гальперин решил ошастливить меня. Поехали вместе. Он с фотоаппаратом. Я с камерой. Первое боевое задание.

В те времена в каждой школе было военное дело. Ученики учились разбирать и собирать винтовку, изучали противогаз, учились маршировать.

А тут еще придумали военно-спортивную игру «Зарница». Дети ведь всегда играют в «войнушку», и Советский Союз, будучи военизированной державой, конечно, не мог не поставить эти детские игры на конвейер с самой корыстной целью. И партия с правительством делали все для ее популяризации на широких просторах страны.

Комсомол взял шефство над школами и помогал в организации при них боевых отрядов разных типов войск. Шились формы, делались из дерева макеты настоящего оружия. Ну, просто как до войны. ГТО – «Будь готов к труду и обороне». И, понятно, к делу пропаганды были подключены СМИ.

Вместе со съемочной группой днепропетровского телевидения (чудный оператор Ваня Забияка) нас привезли в лагерь. Там стояли солдатские палатки на 12 – 20 человек, в которых уже были расселены военные отряды школьников 5–7 классов – победителей ранее прошедших районных соревнований.

Снимается фильм «Пароль – Родина»

Кадры из фильма

Было все, как положено. Генерал с орденами, трибуна, мимо которой маршировали отряды. Потом пошли разные соревнования. Военные и спортивные. Обязательно строевая подготовка и сборка и разборка автомата Калашникова. А еще были песни у костра, походная кухня...

В последний день проводился учебный бой. Один отряд охранял высоту, другие – наступали. Взвод солдат, прикрепленных к детишкам, бросал взрывпакеты для полного правдоподобия. Более того, рядом в осторожном отдалении от детей ползали танки.

Я, со своей камерой пытался повсюду успеть. Доверие, оказанное мне, надо было оправдать. Снято было много.

По возвращении я сдал отснятый материал на проявку и отправился сдавать зачеты и экзамены.

После весенней сессии 1968 г. по учебному плану мы должны были ехать на геодезическую практику – полигон ДГИ у села Орловщина. Но работа в студии уже давала свои результаты. Все было продумано руководством студии – по просьбе кафедры геодезии мы снимаем учебный фильм «Работа с теодолитом»; сценарий доцента Осецкого, съемочная группа – Анатолий Калуцкий, Анатолий Пашан, старшим назначен Калуцкий.

Мы сразу же оказались в особом положении. Все студенты живут в палатках по шесть человек, а нам, «киношникам», выделили отдельную, поменьше. Поставили мы ее чуть в стороне. Приехал Фима, оценил обстановку. Одобрил подход к делу. И мы мелом крупными буквами вывели на палатке с двух сторон, чтобы всем было видно «Съемщики. Киностудия «ЮНОСТЬ».

Утро начиналось с того, что сразу после завтрака студенты учебными группами по шесть человек уходили на полигон делать замеры местности. Мы брали камеру и шли вслед за ними. Считалось, что мы тоже проходим практику, и в группах мы числились, но под счастливыми номерами. «Семь»!

Это означало, что заморачиваться со всеми этими замерами и подсчетами, нам было необязательно.

Всем, кроме Ренегата. Его группа такого расклада не приняла. Толику пришлось трудиться в полном объеме. И кино снимать, и таскать рейки.

Или теодолит. А к этому еще и расчеты делать.

Вообще-то мы должны были снимать только серьезное учебное кино.

Но что нам сценарий, технические подробности. Лето, река, лес, девушки.

Нам хотелось романтики, лирики, любви! Так что снимали мы не только учебный процесс. С камерой мы переходили от одной группы студентов к другой. Путались общие планы, крупные теодолиты и слабый пол. Поиски удачного ракурса и девушки как-то странно совпадали.

Лично я на полигоне Ее не нашел. Нашел на пляже. Она разбежалась по мостику и прыгнула в воду. Ее данные полностью совпадали с моим идеалом красоты. Потом прыгнула подруга. Ее данные тоже совпадали... Звали ее Ирочка. Повод для знакомства был самый простой и верный – мы же кино снимаем.

Вечером после ужина мы отозвали Ирочку для серьезного разговора.

Ну, какая девушка в 17 лет устоит от встречи с «киношниками». Это сейчас камеры есть почти в каждой семье, а в далеком 1968 году отношение к волшебникам кино было другое. Я объяснил девушке, что мы снимаем здесь кино. Она сделала вид, что впервые об этом слышит. И что в сценарии есть эпизод, очень важный эпизод, влияющий на атмосферу всего фильма.

Вечер, лунная дорожка на Самаре влюбленные прогуливаются вдоль берега. Вот они останавливаются... И в этот ответственный момент Пашан, желая помочь мне уговорить Иру, выдает:

– Целоваться можно и не надо.

– Как не надо! – вскидываюсь я.

И говорю, говорю, ненавидя Пашана. Но все! Девушка целоваться отказывается. И тут еще Ренегат вносит свою лепту. Он отказывается выделить пленку на незапланированный по сценарию доцента эпизод, мотивируя это тем, что пленки и так мало. Положение надо было спасать. Я еду в город за своей камерой, покупаю в магазине пленку. Сажу в студии до полуночи и печатаю фотопробы Иры и ее подруги. На обратной стороне фотографии пишу от имени Фимы «Утверждаю» и за него расписываюсь.

Утром за завтраком я вручаю фотографии и договариваюсь на съемки после обеда. Ведь как-никак сам художественный руководитель студии ее на роль утвердил.

По Самаре плывет лодка. Я на веслах. Пашан с кинокамерами на корме, актриса напротив меня. Мы выбираем место для съемок. Я советуюсь с оператором, он мне что-то отвечает, и я гребу дальше. При этом я, не затихая, продолжаю вести разговор о кино, об актерских задачах, о достоверности на экране, понимая, что пою впустую, что тактику надо менять и пока довольствоваться тем, что имею.

Наконец место выбрано. Пашан ложится на землю у пня. У него две заряженные кинокамеры – «Красногорск» и моя «Киев 16 – СЗ» с двумя кассетами. Мы с девушкой Ирой медленно идем вдоль обрыва, останавливаемся возле небольшой сосенки. Я обнимаю ее, прижимаю к себе, наклоняю голову.

На общем плане это должно выглядеть как долгий, долгий поцелуй.

– Снято, – кричит Пашан. – Дубль номер 2!

Мы возвращаемся на исходные позиции. Потом идет дубль номер 3, 4, 5.

В каждом из них я прижимаю к себе девушку и влюбляюсь, влюбляюсь.

Она прижимается всем телом, компенсируя не отданные поцелуи.

– Снято, – кричит оператор. – Дубль 7!

У него уже давно закончилась пленка. Но он честно заводит камеру и, продолжая жужжать ею, отрабатывает свою вину.

Три вечера мы встречаемся с Ирой. Через неделю их группа должна уехать на практику в Крым. И я спешу. Нам хорошо вдвоем. Мы свободно можем говорить о разных вещах, не выискивая мучительно тему для разговора.

На четвертый вечер происходит событие, которое обухом бьет меня по голове. Она мне рассказывает, а я не верю. Да, в 30-е годы это было в порядке вещей, но сейчас – 1968-й год!

Короче, ей устроили комсомольское собрание группы, где осудили, заклеили за аморальное поведение. Как, мол, она может общаться со студентом горного факультета. Она ведь «геологиня»! Более того, у нее даже есть парень (геолог!), который через два дня должен приехать с группой из Крыма.

Вечер был полон печали. Так закончился первый этап наших отношений. Но впереди был сентябрь, занятия и надежда. И я весь изошелся в стихах. Да! У меня была тетрадка, которую я завел еще в школе, и много свободных вечеров.

В воскресенье приехал Ефим, как бы проконтролировать нас и заодно отдохнуть. С собой он привез Семена Бурду. Нам он его представил как поэта и нового члена нашей студии. Поэт – это звучало серьезно. И поэтому, когда Ефим предложил показать мою тетрадку Семену, я согласился.

«Свѣтлицки»

Анатолий Калущкий и Сергей Деркач

Ефим Гальперин

Мне особенно нравились два последние мои стихотворения, явно связанные со вспыхнувшим чувством. И я надеялся, что Бурда их оценит. На них он написал «Губы от поцелуев не стираются, с каждым разом они расцветают вновь». Удар под дых! Но одно стихотворение он все-таки выделил. Оно было немного киплингеское. Солдаты удачи, Южный крест и т.д.

– Пиши, – сказал Сеня пророчески, как Державин Пушкину, – у тебя получается.

Гальперин стихи тоже прочитал и посоветовал поскорее переспать с бабой и вернуться на землю.

Группа геологов с Ирой уезжали. Я взял камеру и снимал их отъезд. Вот тогда-то был снят тот самый красивый план, который потом спустя год войдет в финал фильма «Мы – геодезисты». Девушка с огромным рюкзаком замерла, ожидая кого-то, а потом медленно поворачивается и уходит...

Материал учебного фильма по геодезии был практически весь отснят. Впереди были только зачеты. Мы ездили на лодке и ловили шук, окуней на дорожку, ныряли за раками. За полчаса можно было наловить ведро. На выходные к нам, как в Дом отдыха, регулярно наведывался Ефим. Однажды был шторм, на Самаре поднялись большие волны, а лагерь остался без хлеба. Но за поворотом реки была база отдыха обкома комсомола «Родник». И Гальперин, бывавший там часто на творческих семинарах и соответственно знакомый с обстановкой и поваром, вызвался плыть. Он привез этот хлеб. На весь лагерь! Не утопил в Самаре. Вернулся промокший, но гордый своим подвигом.

Для нас с Пашаном зачеты прошли легко. Калужскому в последнюю неделю пришлось попотеть. Но вот палатка собрана. Мы возвращаемся в Днепропетровск.

А осенью – подарок. Я еду на Всесоюзный кинофестиваль в Житомир. Мы сидим на показах фильмов в задних рядах. Рядом со мной Володя Скачков. Отзвуки юбилейного года «50 лет Советской власти». Кошмар! С десяти утра до позднего вечера с часовым перерывом на обед на фестивальной экране рядами, отрядами, шеренгами, толпами, идут люди в колонах. С венками и обязательно к Вечному огню. Меняются названия студий и фильмов, а содержание то же. Дети, старики, среднее поколение. Все идут дорогами героев. Знамена, ордена, пушки, самолеты. Живые – хроника, мертвые – памятники. Какое-то полное обезчеловечивание.

Я за то, что надо помнить и отдавать долг и тогда и сейчас. Но когда три дня подряд – это уже слишком, и не удивительно, что наша немудреная «Мадонна» так резко выделялась на общем фоне, что ее, конечно, отметили и наградили.

С фестиваля я вернулся воодушевленным и вдохновленным. Прихожу к Фимке и предлагаю снять фильм по песне Высоцкого «На братских могилах». Рассказываю, как это будет выглядеть – собственно, кадроплан. Он говорит, что на такой фильм у него нет пленки. Я увидел потом фильм точно по моему сценарию на каком-то фестивале, снятый кем-то, и понял, что Фима был прав.

Но одолевает зуд творчества. Временами ночью в студии. Кофе, бутерброды, пытаюсь что-то писать. В общежитии гам, а здесь – тишина.

В одну из ночей пишу огромную оду, в которой описываю всех студийцев. Вешаю ее на доску объявлений и с гордостью и нетерпением жду прихода ребят. Первым приходит Семен, говорит, что не спал всю ночь и тоже кое-что накропал. Кажется, это был «цикл мудрых мыслей» или «тест для поступающих в студию».

В общем в эту ночь нами была «зачата» газета, которая наряду с фильмами составила часть интеллектуального богатства студии. И неважно, что фильмы видели многие, а газета была только для узкого круга (ну, и приближенных к кругу девушек).

Чего только в газету не писали. Подпись под фотографией: «Мыла Марусенька белые ножки...». А в Марусеньке под 100 кг и ножки волохатые, и сам он вовсе не Марусенька, а Марусь.

Мыла Марусенька белые ножки...

Буриме – бесконечный рассказ, каждый автор, подхватив содержание, пытался извернуть его так, чтобы никто другой не смог его продолжить.

Буриме стихотворное написал Семен со своей первой женой.

Она: Ночь крылом задела крыши.

Он: Ты идешь ко мне нагая

Она: Лишь ресницами прикрывшись

Он: Ты, а может быть другая.

Девушки нас своим вниманием баловали. Конечно, чаще других они баловали Семена, но и нас изредка они тоже не забывали. Однажды к БЦ приехали из Харькова целых две.

С ними он и ушел в свой маленький однокомнатный домик, доставшийся ему в наследство, по улице Калинина (о нем я еще вспомню).

На следующий день в газете висела его фотография в траурной рамке, и как только заметили в окне, что он подходит, мы все встали на колени и стали просить у его фотографии прощения. Мол, не уберегли его, что отпустили одного на поругания девицам, и что никто не пошел вместе с ним и не принял на себя часть того поругания, и тем самым не спас его от преждевременной гибели.

Не знаю, кто получал от этого спектакля больше удовольствия – актеры или единственный зритель.

В газете появилась критика «святой троицы». «Безбожники» приклеили фото лиц худрука студии, технического директора и главного оператора. Через день голова Фимы была переклеена немного ниже, и он получился такой горбатый и сутулый, что все величие сразу пропало. Он увидел это, поругался и переклеил ее на положенное место.

Как вы понимаете, когда на следующий день он пришел в студию, на фото он опять был маленьким и незначительным, и по сравнению с величавым Лапой выглядел как-то не так.

Эта игра продолжалась долго, пока от бесконечного переклеивания картинка потеряла свой вид и была отправлена в архив.

В студию пришел еще один пишущий студент Виталик Герман, и количество заметок и стихов сразу увеличилось.

В то время я легко запоминал строчки стихов. Через год, стоя в карауле, я четыре часа, не повторяясь, читал сам себе стихи. И классиков, и наши. Свои, Семена, которые я почти все помнил, Виталика... Одно мне очень нравилось:

...Словно жду я чего-то.
Чего? Да и сам я не знаю.
И легко, и тревожно так,
Будто лечу сквозь века
К просветленному небу,
Прижавшись щекой осторожно.
Пьют от края до края
Взахлеб синеву облака...

И жесткое, неожиданное

«Давай сыграем в три руки,
Одну я на войне оставил,
Давно положены в штыки
Все те, кого я должен славить.
Давай напишем в три строки
Приятелям своим записку.
Мы вальс играем в три руки
С тобой, повешенною в Минске».

Или вот это про меня

«Граф Серж де Ркач, прошу к барьеру,
Мужчинам не к лицу сопливый плач...»

Мы много читали. Я практически выросший на фантастике и приключениях, которые глотал собраниями сочинений. Был еще и Гоголь, немного «Война и мир», Хемингуэй, Ремарк. Но в студии мне помогли открыть для себя Бабеля, Эренбурга, Шкловского, Кортасара, Маркеса, Воннегута. И так до бесконечности.

Пришел Герман, принес книгу и сказал, что только человек, осиливший ее, может считаться интеллигентом. Это был вызов. Книга действительно оказалась трудной. Но потом, когда удалось погрузиться в этот мир, созданный гением Г. Гессе, в причудливый мир игры со всеми интеллектуальными ценностями человечества, уже трудно было оторваться. «Игра в бисер» – Великая книга. Я уже слабо помню ее содержание, но отпечаток ее отложился в памяти навсегда.

Второй курс. Зимняя сессия. Я заваливаю один предмет за другим. Все студийцы срочно бросаются мне помогать. Договариваться с преподавателями. Одна тройка, вторая, третья. О стипендии уже не думали. Главное – выжить. Сопромат. Экзамен не сдан – бегунок. Не сдан! – бегунок последний, решающий. Вопрос – сию, думаю. Торичеллиева пустота. Второй вопрос, третий, м-м-м. Звучат поминальные трубы. Тело готово к выносу. Меня отчисляют из института.

Я покидаю общежитие и переселяюсь в студию. Из черной шторы шью огромный матрас и набиваю его распущенной кино пленкой. Так началась моя студийно-половая жизнь.

Он был шикарен этот матрас. Мягко, удобен, только уж больно шумно шуршал. Когда во сне ты поворачивался на другой бок, то и просыпался. В матрасе было еще одно большое достоинство, на нем вполне могли поместиться два человека. Не буду врать, хотя хочется, ни одна девушка не опустилась на него рядом со мной. Опустился Ренегат. Это была еще та ночь. Теперь ворочались с боку на бок двое, и спать было практически невозможно.

*Вот сегодня как все
словко высший судья.*

Изредка меня привечал БэЦэ. У Бори дедушка с бабушкой получили новую квартиру и у него «образовался» тот самый частный дом, состоящий из комнаты и прихожей. Он предложил мне разделить с ним это скромное жилище.

Кстати, благодаря Боре, в связи со съемкой какого-то учебного сюжета для кафедры я в первый и последний раз побывал в шахте.

Что сказать? Я ее не принял, она давила на меня. Капала вода, и было страшно.

Мы что-то там снимали, а я не мог дождаться конца смены, когда мы выберемся на поверхность и вернемся в уютную квартиру его родителей в Краснодоне.

В нашей газете я тогда написал: «Лучше быть мертвым на земле, чем живым под землей. Дух святого Сергея».

Так вот, теперь мне «нестуденту» не надо было отвлекаться на занятия. Времени для творчества появилось сколько угодно. Вот денег не было. Родителям об исключении молчал, потому что обещали восстановить. Хлеб, сало, лук – основная еда. Проблема с нехваткой кофе, а так в принципе сыт. Помню, в гостях у Фимы его мама угостила удивительным видом гуляша. Называлось «кисло-сладкое». Память на всю жизнь!

Гальперин берет меня с собой в Киев. Халтура. Какой-то технический фильм для кафедры. Живем у его родственников. За кофе и столовую платит он. Но, исходя из его пищевых пристрастий, сижу на сплошной молочной диете. А хочется родного сала. Хожу желудочно-неудовлетворенным.

Возвращаемся в Днепр. Мне сообщают, что приезжала моя мама и привезла студенту-лоботрясу свежесобранную клубнику. Мол, сыночку нужны витамины, он ведь тяжело занимается. Ей сообщают, что меня выгнали еще полгода назад и где я, одногруппники не знают. В студии ее успокаивают, что я в Киеве, и все будет нормально. Этот случай с клубникой – камень в душе на всю жизнь. Мчусь домой. Объясняюсь с родителями и уезжаю в Орловщину на все лето.

Но до этого, еще в апреле, в студии снова всплывает тема игры «Зарница».

Материал прошлого года лежит так и не освоенный. Решено делать из него фильм. Формируется творческая группа. Ведь одному не осилить ни творчески, ни, главное, организационно. Гальперин укрепляет меня Толей Маценко. Смотрим снятое свежим глазом. Становится ясно, что требуются «досъемы».

В мае 1969 года мы – уже с Мацеком – едем на очередной областной финал игры «Зарница». В то же место, с теми же задачами – снимать. Теперь с фотоаппаратом Мацек, с камерой по-прежнему я. Но если в прошлом году снималась просто хроника, то в этот раз все уже происходит осмысленно.

Летом 1969 года мне – вольному стрелку – студия поручила снять целую серию фильмов по кафедре геодезии. Обеспечили ассистентом и кинокамерой. Начальник лагеря, встречая нас, сразу пошутил:

– А помните вашу палатку, там до сих пор трава не растет.

Мы внимательно осмотрели землю в поисках прошлогодних следов палатки и нашли их. Разыскали на складе свою, родную, с надписью «Съемщики. Киностудия Юность» и водрузили ее на свое законное «намоленное» место.

Как прежде, три кровати. Одну занял я, вторую, кажется, Саша Течинский, а третья осталась ждать дорогих гостей. Начальство-с.

В первый же Фимкин приезд я поставил перед ним ежедневный салат из свежей капусты и огурцов, пару ложек каши и 9 шницелей, на что им благожелательно было отмечено:

– Все правильно, Граф! Солдат должен держаться поближе к кухне.

За сухим вином типа «Ркацетели» мы ходили или в магазин в село, или в буфет дома отдыха «Новомосковский». Оно было не дорогое и хорошее, но теплое.

Но, если есть проблема, ее надо решать, и Фима ее решил. Гениально! За столовой им был обнаружен засыпанный опилками склад льда. А под моей кроватью в палатке была вырыта яма.

Словко высший судья.

Землю, как настоящие герои приключенческой литературы, мы выносили под вечер, Гальперин стоял на шухере, я копал, а второй студиец рассыпал подальше от палатки. Ведь не должно было остаться никаких следов.

Потом мы льдом набили нашу яму. Загрузили туда бутылки с вином и сели ждать. Сначала были просто разговоры, а уже через час они были приправлены охлажденным белым вином. И вечер сделался совсем прекрасным.

Вообще Орловщина стала для меня знаковым местом. Наверно, лет на десять.

Кстати, в институте меня все-таки восстановили. Приезжал сын Артема. Да-да, того самого, в честь которого назван институт. Все наше начальство встречало его на вокзале. ВЦ снимал. Его усердие было оценено. Ректор А.А. Ренгевич подошел к нему и спросил:

– Нужна ли студии помощь, есть ли проблемы?

Ответ Бори был мгновенен:

– Восстановите Держача в институте.

Ситуация напомнила начало Пушкинской сказки, но на этот раз старик загадал правильное желание. И я благодарен Борису Соломоновичу Цегельницкому навсегда.

К концу лета, после Орловщины, просматриваем с Фимой и Мацеком весь материал о «Зарнице». Надвигается фестиваль. Время складывать кино. Ищем ключевые кадры. Решаем, на какой стержень насаживать эпизоды. Придумываем закадровое интервью с генералом. Фима сочиняет текст его программного монолога:

– ...Всю жизнь я ненавижу войну, ее бессмысленность, ее необходимость.

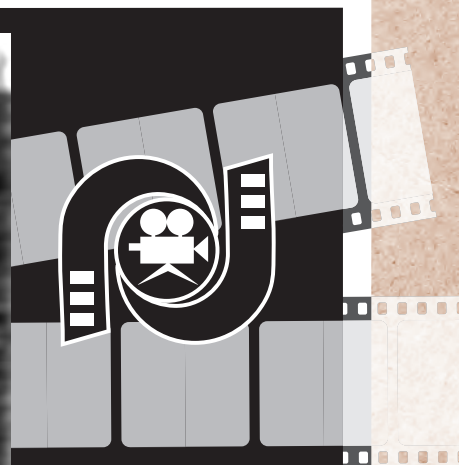
И готовить силу страны, чтобы никто не посмел начать новую войну, считаю моей прямой обязанностью.

Раз! В снятом мною материале есть удивительно емкий кадр. Вой уже закончился, высота взята, а в кадре мальчишка в форме морской пехоты с деревянным маузером в руке продолжает идти по полю походкой завоевателя, для которого война никогда не заканчивается. А за ним на дальнем плане движутся танки и пробегают ребятки тоже в военной форме. Этот план просто просился стать последним планом фильма.

Но не мешало бы, чтобы этот кадр был по протяженности подлинней. Да, еще бы пару других планов того самого мальчишка «Аля морская пехота».

– Разыскать! – говорит Фима.

Да это был мой прокол. При съемке я не задержал камеру, не дал своему герою отойти как можно дальше. Ушел я от него рановато панорамой на других ребят. Делать нечего.

Я еду в Павлоград, нахожу нужную школу. Вижу, что мой «Аля морской пехотинец» с тех пор изменился. Заматерел что ли? Все равно я натягиваю на него форму, снимаю. Не то. Пробую еще кого-нибудь похожего снять. Нет. Приходится согласиться с вариантом – стоп-кадр и выход в затемнение.

Два! Продолжая обсуждать с Фимой и Толей канву фильма, я вспомнил, как вечером у костра девчонка пела песню. У нее был тонкий звонкий голосок, а песня была взрослая, почти военная (Баллада "Огромное небо" Роберта Рождественского, музыка Оскара Фельцмана). Очень она была тогда популярна в стране.

Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя:

В одной эскадрилье служили друзья.

И было на службе и в сердце у них.

Огромное небо, огромное небо ...

Я рассказал, как поразила меня эта песня, и важные в ней слова:

Подальше от города смерть унесем

И пусть погибнем, но город спасем.

Песня точно ложилась на тему фильма.

– Где песня? – спросил худрук, – ты ее записал?

Мои оправдания, что у меня не было переносного магнитофона, меня не спасли.

– У телевизионщиков, – промямлил я. – Мой просчет, моя вина, не догнал.

– Сделаем, – успокоил Фима.

Потом уже на озвучивании в Киеве нашел он чудную девочку и песню записал.

С вступлением:

– Юнармейка Дегтярева! Ты, говорят, песни поешь?

– А вам про жизнь песню спеть?

Три! Мы вместе придумываем эпизод с условным названием «А меня убили, и я не играю». В парке имени Шевченко доснимаем мальчика. В Киеве потом Фима запишет мальчишечий монолог под эти кадры.

Начинаем монтаж. Вели мы его с Мацеком на «Мовиоле». Опыта монтажа у меня никакого. Это сейчас любительская студия может снимать несколько фильмов в год. Если, конечно, есть творческий потенциал. Техника позволяет. А в 1969 году обработка тянулась и тянулась. Сначала, выбросив брак, склеиваем клеем болванку, то есть эпизоды по порядку. Потом начинаем гонять два стоящих плана на роликах туда-сюда, пытаюсь понять, монтируются они друг с другом или нет. Дальше разрезаем склейку, вырезаем 3 кадра и опять склеиваем. Для нынешних умельцев, монтирующих на компьютере, все это в секунду.

А тогда – вставить пленочку в склеечный прессик, аккуратно обрезать, зачистить эмульсию у одной пленки, желателью подложку у другой мазнуть клеем (диоксин, уксусная кислота, ацетатная растворенная пленка) и зажать два конца. Если клея попало много, он растечется и испортит кадр, если мало, склейка не будет держаться. Потом сидим ждем, пока склейка высохнет, смотрим и понимаем, что надо вырезать еще 2 кадрика.

Появилось название фильма:

– Стой, кто идет?! Пароль?

– Родина!

Как раз хорошее название для хорошего патриотического фильма. «Пароль – Родина».

Что смущало меня? Наверное, завершающий кадр фильма. Он был как бы выходом в будущее. Как положено. Но вот не сходится. Понятие «Будущее» и война.

Заколдованный круг. Увы, пока есть война, будут и воины. Но пока будут воины, будет и война! Воины должны выполнять приказы, а значит, всегда найдется тот, кто их отдаст. Вот-вот. Как донести свою тревогу зрителю про того, который, увы, всегда находится, чтобы отдать команду.

В Союзе мы говорили эзоповым языком. И я решил, что повтор последнего куплета песни на последний план фильма будет то, что надо. Поймут.

А город подумал,
А город подумал,
А город подумал,
Ученья идут...

Приближался республиканский фестиваль в Киеве. Времени – в обрез. Монтаж фильма закончен. Оставалось по рабочему позитиву собрать и склеить негатив.

Вместе с Мацеком мы взялись за работу. Были протерты от пыли окна, столы. Несколько раз вымыт пол. У двери была положена влажная тряпка. На негативе пыли не должно было быть. Сто метров смонтированного фильма, а отснятого негатива раз в 15 больше. И надо по футажным номерам на перфорации выбрать необходимые дубли. Находили. С запасом вырезали, сворачивали аккуратно в кольца, держа их за перфорацию, чтобы не оставить своих отпечатков пальцев. Складывали в «шахматку» по порядку.

Рядом, одновременно с нами, вел такую же подборку негатива к уже смонтированному фильму «Мы – геодезисты» Толя Калущий.

Монтаж негатива шел по ночам. Днем ведь мы, студенты, должны были ходить на занятия. Спал я два раза на столе. Один раз четыре часа, второй – три. Зато была электрическая печка и много натурального кофе.

В последние сутки мы остались вдвоем с Мацеком. Фестиваль уже начался. Все уехали в Киев. К утру, сделав последние склейки и выпив крепчайшего кофе без сахара, мы поехали в аэропорт.

Летел я впервые и поэтому, только усевшись в кресло, сразу стал крутиться, улыбаться, выглядывать в окно. Но стоило самолету подняться в воздух, я сразу отключился. Меня разбудили уже в Киеве. Готовый негатив фильма мы отдали Ефиму и он увез его на студию – печатать копию для показа на фестивале.

А мы с Мацеком заснули. Меня разбудили через сутки и поздравили с наградой. Я был счастлив. Моя первая работа!

Вернувшись из Киева, я посмотрел уже готовый фильм. В фонограмме фильма финал, с которым я так носился, – повтор слов песни – Фима изменил. Звучит рефреном вопрос интервьюера:

– Все военное? И это уже увлекает ребят...

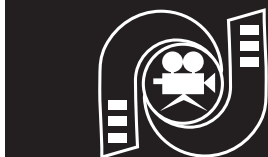
И ответ – закливание генерала, долбящего одно и то же:

– ... и готовить силу страны, чтобы никто не посмел начать новую войну, считаю моей прямой обязанностью.

Да, фильм стал полностью соответствовать своему названию «Пароль – Родина». Не придерешься. Время было такое. А потом было другое время. И посмели начать новую войну. Афганистан...

С. Деркач и А. Калущий
Запись реплик к фильму

«Пароль – Родина»

Сентябрь 1969 года. Восстановили в институте меня с трудом. Декан сопротивлялся из-за совершенно невинной (правда, шумной) истории с дочерью его секретарши. Кстати, история приключилась все там же – в Орловщине!

Теперь о печальном – восстановить-то меня восстановили, но отсрочку от армии мне не дали. И пришла мне повестка. Идет Сережа в Советскую Армию служить.

С родителями я попрощался. Последний вечер. Завтра утром в военкомат. В студии провожать меня собрались все наши, кто был в городе. Кстати единственная «полу-общая» фотография студийцев за много лет. Было сухое вино, закуска, теплые речи.

Когда все ушли, я поставил посреди комнаты кофр «Конваса» (крепкая коробка с железными углами), примерился и упал на нее. Упал плохо, кроме синяка – ничего. Пробовал еще пару раз. Инстинкт самосохранения оказался сильнее. Вот ведь когда-то в школе просто прокатился по льду на тротуар. Упал и – сразу тебе перелом руки. А специально ничего не получается. Плюнул. Достал свой шикарный, набитый кино пленкой матрац и улегся спать. Утром моя жизнь развернулась на 180 градусов.

Проводы Сергея Деркача в армию

Лето 1971 года. Армия позади. Я вернулся, ребята! И сразу, конечно, в Орловщину.

Фимка готовится уходить лейтенантом в армию. А пока только вернулся из Польши. Он первый из студии, побывавший за границей. О стране он рассказывает мало, больше форсит кожаными ковбойскими полусапожками, каких в наших магазинах просто не было, и увиденным знаковым фильмом того времени Анджея Вайды «Все на продажу».

В лагере проходил практику геолог Костя, который то ли был членом студии, то ли собирался им стать. Он рисовал на ткани. И Фима под впечатлением от фильма попросил Костю написать на его кепке ту же надпись, что и у главного героя «Я гений».

Понимая, что на ограниченном пространстве нашего лагеря гений может быть только один, я скромно попросил художника написать на моей штормовке «Memento mori» и девушки, не зная латыни, переводили это как «Моментально в море».

Memento mori

Потом была учеба в институте. Потом было лето 1972 года. Едем в Тюмень. Кто за деньгами, кто за романтикой (таких мало), а мы за фильмом. Лапа, Ренегат и я. Потом у фильма будет название «Как объяснить тебе».

Перед вылетом ночуем у Лапы в его квартире в аспирантском корпусе. Рюкзаки собраны, камера и пленки упакованы.

Хорошая комната, хороший хозяин. Много хороших друзей. Как-то на вечеру у него один из гостей взял гитару и запел:

Вот трамвай на рельсы встал,

Под трамвай еврей попал.

Еврей, еврей, кругом одни еврей,

Обескураженный Ренегат толкает певца в бок.

– Что ты поешь?! Вон Савелий Лин. Он же еврей.

– А что? Я тоже еврей, – отвечает поющий. – Песня-то хорошая.

Ладно, это было маленькое отступление, а пока мы у Лапы. До выезда в аэропорт осталось часов пять. Можно что-то почитать, можно поспать. Хозяин выбирает сон. Не забывая предупредить нас, что выйти мы должны за два часа до вылета. Заказано такси. Не дай бог, проспать.

Мы с Калущким читаем, разговариваем. Не спится. И нам в голову приходит безумная идея розыгрыша. Мы переводим будильник на час вперед, и делаем вид, что спим. Потом создаем необходимый шум, сбросив на пол книгу. Стараясь дышать ровно и сдерживать улыбку, вслушиваемся в дальнейшие события.

Вот заскрипела кровать. Лапа сел. Смотрит на нас, поворачивает голову к будильнику. Мы, конечно, этого не видим, но очень точно представляем.

На будильник Лапа смотрит долго. Секунды три. Потом до него доходит, что до взлета самолета остался только час. И мы, скорее всего, уже опоздали. Дальше все происходит как при просмотре фильма на скорости 32 кадра в секунду.

– Проспали! Вставать! Быстро собираемся!

Даже на матюки у него нет времени.

– Почему нет такси?! Почему не позвонили?!

Мы оказываемся на улице через три минуты. Ночь. Одинокое прохожие. Время-то уже почти час ночи.

– Ловите машину!

Нет машин.

Мы бежим. За углом спокойно стоит такси. Лапа подлетает, распахивает дверцу:

– В аэропорт быстро!

Шофер медленно поднимает голову:

– Конечно, я вас жду.

Стоп кадр. Сцена в «Ревизоре».

А весной 1974 я сам(!) снимаю блокбастер. «День будущих». Тридцать пять миллиметров! Целых двадцать минут! Родному институту семьдесят пять лет! (Сценарий Фимы, а я режиссером.)

Воскресенье. Пустой коридор главного корпуса. Валера Середин в длинной шинели революционера быстро идет, почти бежит, по коридору. А перед ним на тележке с камерой сидит Калущий. Остальные бегом тянут эту тележку (где мы ее только взяли?)... Эпизод, к сожалению, так и не вошел в фильм, а экспрессия в нем была еще та...

Фильм принят был с восторгом. Это была изюминка в юбилейных празднованиях института. Копия хранится в музее ДГИ.

В 1975 году я, наконец, (1967–1975) окончил институт. За месяц, пока делал диплом, я узнал о горном деле больше, чем за восемь лет учебы. На защите заведующий кафедрой открытых горных работ задал мне только один вопрос:

– А где Вы собираетесь работать?

– У Вас на кафедре, Теодор Леонтьевич, – ответил я.

Он опустил голову и больше вопросов не задавал. Я числился на кафедре и снимал для них фильмы. А потом в 1977 году принял эстафету от Бори Цегельницкого. Возглавил студию.

В студию приходит полковник Чумаченко. Предлагает снять фильм о Матери-героине. Десять сыновей и дочери. Все сыновья воевали в Великую Отечественную и все остались живы. Случай воистину удивительный.

Едем с полковником Чумаченко в село. Вроде бы знакомиться, но просят взять камеру и пленку. Я – режиссер, Калущкий – оператор.

Встречают нас по высшему колхозному разряду. Большой двор. Столы с праздничной едой и выпивкой. Оркестр. Выясняется, что начальство хочет сделать помпезный, официальный фильм. И предстоит нам сегодня же начать съемки торжественного застолья. А нам-то хочется другое кино – уж очень удивительная душевная история.

За столами людей не счесть. Все герои пришли со своими семьями. Тосты... Разговоры... Снимаем.

Внезапно начинается дождь. Сильный. Все бегут в дом. Я кричу Толе: – Продолжай снимать!

Он снимает. И вокруг этого дождя, брошенных тарелок, стаканов в моей голове начинает закручиваться сюжет будущего фильма. Но...

Через два дня в студию пришел молодой человек и предложил мне пройти по одному очень известному адресу на ул. Короленко. Там был душевный разговор о книге «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, о «Собаьем сердце» Булгакова, Библии – переснятых на пленку в лаборатории студии и размноженных таким способом. И о слайдах, переснятых с «Playboy».

Потом письмо в институт. Вызов к ректору «на ковер». И увольнение «по собственному желанию».

Киностудию принял А.Н. Калущкий. А я четыре месяца рыбачил. Потом два месяца трудился старшим электриком в театре имени Шевченко. Затем шесть месяцев вел фотокружок на станции юных техников в Приднепровске.

А потом случилось хорошее – я начал работать и работаю по сегодняшний день. Заведующий мультипликацией, всемирно известной, детской самодеятельной студии «Веснянка» (Художественный руководитель Марлен Матус).

На съемках фильма
«Догери её и сыновья»

На рыбалке со студийцами

... Вчера случился хороший день. Был найден Володя Коптев, наш студиец, участвовавший в 1971 году в раскопках Толстой могилы. Руководил экспедицией легендарный археолог Борис Мозолевский. Это тогда была найдена уникальная находка, уцелевшая от грабителей могил, – знаменитая скифская Пектораль.

Я звоню ему:

– Володя, куда ты пропал? Мы тебя обыскались.

– Да никуда не пропал, работаю в ИГТМ и вообще мы недавно с тобой виделись.

– Когда?

– В середине 90-х. 10 лет назад.

Кошмар. 10 лет, оказывается, совсем недавно. А когда-то год тянулся бесконечно. Например, в армии. А еще раньше – как долго не приходило лето. А сейчас и 10 лет совсем рядом.

Обязательно хочу упомянуть всех студийцев. Можно сказать, спутников жизни.

Попробую вспомнить... Пасынков Анатолий – наш художник, «Фаня» Бабич был в студии и в театре студенческих миниатюр. Сережа Потураев, Саша Течинский, Сережа Бессмертный, Богдан Белосевич, Леночка Макарова. Две Люды: одна Егорова – играла в футбол, вторая Пухаленко (кличка «Пуха») – собиралась снимать фильм об Окуджаве, ездила на встречу с ним в Москву и он ее принял... Валера Середин. Две сестрички – Ира и Лена Чирковы. Ирочка Чиркова – душевный человек – великолепно пела романсы, рисовала. Это она сделала копии с картин Шагала, которые использованы в фильме о Светлове. И она же рисовала картины про маленького принца для фильма «О любви, о цветке...». Еще Леша Чернологов, Марат Соржин, Саша Грицингер, Толя Белоус. Володя Коптев, Олег Морозов. Помню, на фестивале его разыграли, и наивный

Владимир Коптев
на раскопках.
Скифская Пектораль

Мнацакан Аюпян
и Владимир Штенгелов

Олег пытался в столовой поесть за полцены, предъявляя студенческий билет.

И уж совсем напоследок. Очень важная для меня история.

В студии был Аркадий Шмист – студент мединститута. Кадик. Человек странной, неповторимой судьбы. На протяжении десятилетия мы с ним общались по кино и другим делам.

Помню, летом 1969 он принес камеру «Красногорск-2» с трансфокатором. Такую мы еще не видели. Ощупываем. Все лето Кадик работал проводником на железной дороге, и все заработанные деньги потратил на камеру. Просит научить его снимать. Планы его будущих фильмов были связаны с медициной.

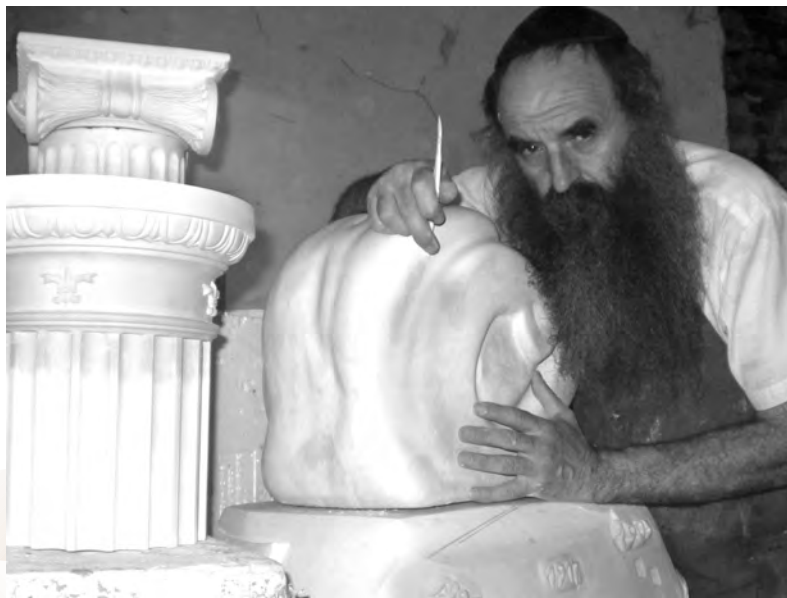
Я не видел ни одного его фильма, кроме последнего, но об этом потом. Мы помогали Кадику в его съемках. Гальперин с Косолаповым даже начинали с ним снимать фильм о реабилитации больных после инфаркта. В это время Шмист уже был заведующим отделения реабилитации больницы на Левобережье. Писал диссертацию по этой же теме. К жене его Белле мы ходили лечить зубы.

В проклятые 90-е Кадик занялся общественной деятельностью. Боролся за возвращение еврейской общине города клуба швейной фабрики на улице имени Шолом Алейхема, открывал еврейскую школу. Он отпустил бороду и попросил меня отснять на камеру, как приехавший из Израиля раввин будет совершать над ним какой-то обряд. Я снял.

Была еще какая-то съемка веселого еврейского праздника. Тогда все евреи города собрались в цирке...

И еще Кадик занялся историей Холокоста в Днепропетровске. Однажды он пришел к Косолапову, тогда уже проректору ДГИ, и попросил разрешения разрушить пол в подвале первого корпуса, где по его сведениям были захоронены два человека в тот период, когда в здании в годы войны располагалась полевая жандармерия. Толя был в шоке, но позволил себя уговорить. Месяц велись работы. Безрезультатно. Пол Аркадий потом восстановил.

Еще... Кадик умел слушать, как никто другой. Ты говорил с ним и видел,

Аркадий Шмист – человек странной, неповторимой судьбы

что твоя проблема его действительно волнует. Наверно, так должен слушать тебя твой семейный доктор, но я говорил с ним не о болячках.

Он был немного занудой. А еще со всеми его начинаниями – бессребреником. Потом всем, что он сделал (а сделал он для людей очень много!), пользовались другие. И беззастенчиво зарабатывали деньги, должности и т.п. А он так и ходил в одном пальто...

Он пришел ко мне лет пять назад.

– Сережа, – сказал он, – я хочу поехать в гости к семье в Израиль и мне надо привезти им подарок, но у меня нет денег. И я подумал, что если я сделаю фильм о своем роде, где будут фотографии и деда, и прадеда, и моих дочерей, то это будет хороший подарок. Я принесу фотографии. Их надо отсканировать, смонтировать и озвучить. Я знаю как. Возьми на себя техническую сторону. Знаешь, ведь в Днепропетровске Шмистов больше нет. Все уехали, я последний. Помогите мне.

– Хорошо, Кадик, но у меня очень трудно со временем. Давай сейчас поедим к тебе за фотографиями, чтоб я их отсканировал, а завтра я начну пораньше. То есть три часа у нас времени будет. Только не опаздывай.

На участке у Шмиста стоял дом. Огромный, но это были одни стены, и они стояли уже больше десятка лет. Сам он жил в маленьком флигеле. Здесь же были и его работы по камню. Некоторые из них довольно интересные.

Утром Кадик опоздал на целый час, да к тому же забыл пленки, и ему пришлось возвращаться. Была суматоха, но фильм мы сделали. Вечером он улетел.

Через день Кадик позвонил мне из Израиля. Фильм на компьютере не шел, не было нужного кода. Я подсказал какой.

Больше звонков не было. Через несколько дней мне сказали, что он купался в море, ему стало плохо, и он утонул. Вот и выходит, что Кадик сделал фильм об истории своей семьи и ушел. Как будто поставил точку. Тихо прикрыл за собой дверь.

“Есть только один рай – потерянный рай”. Бразду мы знали, а то, что мы сейчас в нем живем – не догадывались.

Всем удачи!

*Сладкоголосая птица
«Юности»*

*Семен Бурда,
поэт и сценарист, автор текстов песен, режиссер
киносерьезков и видеоклипов, член киностудии
«Юность» в 1967-1977 гг.*

«В ПОИСКЕ РАКУРСА»

Именно так, но без кавычек, называлась пьеса Т. Уильямса («Трамвай «Желание», «Стеклянный Зверинец» и др.), экранная версия которой увидела свет полвека назад. Ее главный герой – некогда молодой донжуан, подававший надежды, возвращается в город своей молодости в надежде спасти себя и вернуть первую любовь, которой «изломал» жизнь. Ничего хорошего из попытки повернуть

время вспять у него не вышло.

Станным образом мировая пресса обошла молчанием другое, не менее значительное событие: вскоре после этого по другую сторону океана студентами Днепропетровского горного была то ли основана, то ли зачата киностудия «Юность»; и героев этой истории ждала куда более счастливая судьба: с кавалькадой событий и чередой побед на фестивалях любительских фильмов – от всесоюзных до международных. Тогда мы были молоды и веселы, мы сами писали и играли эту пьесу, в то время как пьеса писала нас. Вспоминаешь, составляя юбилейный мемуар, все равно что смотреть в перевернутый бинокль, скользя по прошлому, как муха по стеклу. Сначала надеваешь одну пару очков, потом две; наконец, вздыхаешь и берешь те, что соответствуют моменту, с розовыми стеклами. Итак, 60–70-е годы XX века; место действия: Советский Союз, Днепропетровск – родина главных партийных вождей, город чугуна и стали... Искусство и вольнодумство – не в чести.

Я постараюсь говорить только о фильмах, к которым лично имел отношение, о других событиях – расскажут другие.

... В студию «Юность» в 1968 году меня уговорил зайти Фима Гальперин, с которым я был знаком не один год (через одного из моих друзей); я знал, что он мечтал заниматься кино, что, «не попав на кинорежиссера», на какое-то время пошел в киномеханики, и это с моей точки зрения заслуживало уважения.

В студии он показал мне уже не единожды отмеченный жюри и критикой фильм «Галка-профессор», о котором я сказал примерно так: «Вроде, ничего получилось...».

Семен Бурда и Ефим Гальперин в студии

С. Бурда

С. Бурда

А все потому, что не последними чертами моей молодости были плохо скрытое высокомерие и скепсис.

Благодаря отцу, я научился читать в три года, сиживал в читальном зале с книгами по искусству и подавал надежды (неправда, никому я ничего не подавал!). И хотя только в 20 лет написал свое первое (!), конечно же, никуда не годное стихотворение, но, толком ничего не сделав, самоуверенно связывал себя с литературным словом и ремеслом, видя вещи глазами Пастернака, Мандельштама, Бродского.

Осенью 68-го я расстался с любимой девушкой; сердце мое было ненадолго разбито, и я с радостью поехал вместе со студийцами в Житомир на Всесоюзный кинофестиваль. Там я поближе познакомился с Толей Косолаповым, которого все звали Лапой, и Володей Моложеном, которого прозвали «Баржа» с ударением на последнем слоге, хотя был он художавым и стройным. А все потому, что на первом курсе, когда не хватало мест в общежитии, он спал третьим в комнате – но на столе, и его товарищ – бывший моряк – будил его возгласом: «Эй, как там на барже?».

К тому времени они, кажется, уже сняли свой первый документальный фильм. Впрочем, учились мы в параллельных группах и ходили на одни и те же лекции.

Помню, как с В. Моложеном в вестибюле гостиницы (он – за роялем) мы пели песню из фильма Я. Сегеля «Дом, в котором я живу» – я и не думал, что кто-нибудь, кроме меня, ее знает и любит.

Подхваченный волной эйфории, после того как «Галка» стала

лауреатом и этого Всесоюзного фестиваля, я вернулся в город и, по сути, полностью написал праздничный выпуск институтской газеты, посвященный киностудии – в цвете и на четырех полосах.

Кажется, вскоре после фестиваля студия переехала в новое прекрасное помещение и получила отдельную фотолабораторию. Пришло и пополнение, но, конечно, надолго остались не все: на первый взгляд флегматичный

«БАРЖА»
- Володя Моложен

У истоков "Юности"

С. Труффа

и романтический Сережа Деркач, быстрый, исполнительный и только с виду молчаливый Толя Калущкий, философствующий поэт и пловец против течения Виталий Герман; пришли Толик Пасынков, ставший художником студии, и Толик Маценко – «Мацек» – оператор и фотограф. Из студенческого театра миниатюр «загостился» добродушный В. Бабич по кличке «Фаня». (Меня заинтриговало, как и почему еврейское женское имя прилипло к украинскому парню. Все оказалось проще – кличка-то была уменьшительной, а полная была – «Фантомас»).

«... ХЛЕБА ГОРБУШКУ И ТУ ПОПОЛИАМ»
С. Бурда, С. Деркач

Вскоре с «Фаней» Бабичем мы приступили к съемкам совместного с ним первого и последнего киношедевра на пленке 8 мм (!) – сможет ли кто-нибудь из нынешнего поколения представить такой узкий формат?!

К тому времени было объявлено о предстоящем Всесоюзном конкурсе коротких (до 3-х минут) восьмимиллиметровых фильмов – вот мы и старались. Продолжительность нашей ленты была одна минута или чуть больше. Называлась «фильма» «Птицы большие и маленькие». Пересказать ее содержание? Нет ничего проще.

Длинная-длинная панорама по городским окнам: на одном из окон камера останавливается. На подоконнике, расплющив нос о стекло, стоит мальчик лет шести. У его ног – клетка с птицей. Он достает птицу из клетки, открывает окно или форточку; камера наезжает на его ладошку. И вот она

разжалась... Еще мгновение – птица сидит, не веря в освобождение, потом улетает... Далее: жизнь города... сводка новостей, мелькание газет, среди которых возникает записка: «Сегодня после столкновения с птицей разбился самолет ВВС бундесвера...»

Мы нашли нужного мальчика, мы выпустили на волю с десяток птиц, выбрали к фильму один из капризов Паганини.

По нашему поводу в нецензурной студийной стенгазете, редакторами которой были я и Сережа Деркач и которая

«Птицы большие и малые...»

С. Бурда

С. Бурда

называлась «Наши с вами смефуёчки», было много веселья. Помню карикатуру, изображавшую меня с оператором Бабичем на съемках, где я, глядя на птичку, трагически восклицал: «Осторожно! Она же летает!»

В то время наиболее известной из факультетских стенгазет, висящих в коридорах института, была газета геологоразведочного факультета «Пересмешник». Ее шутки и рисунки казались нам плосковатыми и я предложил назвать нашу газету «Убить Пересмешника» – по ассоциации с книгой Харпер Ли. Но в блиц-конкурсе на название победил Толик Калуцкий, предложив «Наши смефуечки», а я его уточнил – и получились «Наши с вами...», а букву «Х» на букву «Ф» в названии пришлось

Редакторы газеты «Наши с вами смефуечки» на съемках

Вскоре я написал текст песни к фильму «Мы – геодезисты», снятому А. Калуцким и С. Деркачом. В то же время я и Гальперин пытались сделать раскадровку рассказа немецкого писателя В. Борхерта, антифашиста, прошедшего войну в штрафном батальоне. Нас поразили его рассказы «Вдоль по длинной, длинной улице». Это был «поток сознания» полубезумного героя, потерявшего взвод на Восточном фронте, идущего по разрушенной улице, попадая то в прошлое, то в настоящее. Экспрессивная проза, жестокие эпизоды войны, трамвай, в котором он платит кондуктору, отдавая ему 26 человек...

Мы советовались, как снять «такое кино» с Владимиром Вязовским, хорошим кинооператором старшего поколения, а тогда уже режиссером, но вскоре стало ясно: это нам не по зубам – нет у нас ни денег, ни техники, а о спецэффектах и думать не приходилось.

а я его уточнил – и получились «Наши с вами...», а букву «Х» на букву «Ф» в названии пришлось заменить после посещения студии партийным начальством.

В 1969 мы повезли фильм в Ленинград и получили там один из главных призов фестиваля, что придало нам веры в себя. Но, полагаю, главная ценность киноистории состояла в том, что птицы, купленные нами на базаре, обрели свободу.

Кадр из фильма «Мы – геодезисты»

С. Труффа

В 1970 многие из нас защитили дипломы и отправились в летние военные лагеря. Задолго до того я вывесил в студийной газете такую частушку :

Мы считали не константы –
Сексуальные контакты,
На спецкафедру сходили –
Там нас переубедили.

К этому времени у студии появилась первая профессиональная 35-миллиметровая кинокамера «Конвас», и Фима Гальперин с Борей Цегельницким и группой товарищей, в которую я не вошел, снимали материал о наших армейских буднях, получая за это всяческие послабления. Что до меня, то я, как прочие курсанты, стрелял из

«Водные процедуры» после подъема.
С. Бурда и В. Моложен

«...А служил я как все».
Кадр из фильма «Забота»

танка, топал в колонне с автоматом на плече, учил воинский устав, а проголодавшись, ходил в солдатский магазин, где покупал банку со сгущенкой, чтобы лучше спалось. Жили мы в огромном брезентовом шалаше человек на двести. Однажды, положив под простыню вместо себя шинель, я ушел на ночь (дело молодое) в самоволку, в соседнее село; был «застукан» товарищем полковником, за что и отсидел с неделю на солдатской «губе»: спал на деревянных нарах, подложив сапоги под голову – подушку не давали, ходил под конвоем, чистил уборные, грузил в вагоны какие-то дрова для соседнего колхоза.

Наконец, сдали мы экзамен, присягнули на верность Родине и стали молодыми лейтенантами. Начали студийцы собирать отснятый материал – тут и обо мне вспомнили. Надо сказать, что лагерные будни пошли на

С. Бурда

С. Бурда

пользу съемочной группе: Воря Цегельницкий отменно поработал как оператор, да и с режиссурой Фима Гальперин не подкачал – так все мы вместе вели наши курсантские танки и пехоту к высотам воинского духа.

Какие-то кадры мы досняли, а я написал дикторский текст, стянувший разрозненные эпизоды в одно романтическое и, как говорят некоторые, осмысленное целое.

Песню, звучащую в конце фильма, мы написали с молодым музыкантом Борей Котляром, ныне живущим в далекой Канаде. Назвали киноочерк «Забота» и стал он, пожалуй, одним из лучших, сделанных нами, получив различные лауреатские дипломы и даже денежные премии, потраченные на покупку аппаратуры.

Подняв глаза к заголовку статьи, я спрашиваю себя: «О чем же пела тебе сладкоголосая птица «Юности»?

Похоже, «я имею ответ»: мне она пела о Свободе. Пусть о свободе иллюзорной, в пределах советской реальности и системы, которая вела нас от колыбели до последней послепенсионной черты, ограничивая свободу выбора и перемещения в пространстве с помощью идеологических запретов, негласных национальных процентных норм и других шлагбаумов. Тогда в студии каждый из нас неосознанно искал способ не просто общения с миром на бытовом уровне – каждому хотелось быть частью чего-то правдивого, стоящего, интересного.

Моя жизнь на орбите киностудии продолжалась. Поработав с год инженером в Гипромезе, я все бросил, сели мы с Сережей Деркачом

на корабль и поплыли на съемки фильма о школьной флотилии «Море в двух шагах». В тот момент я твердо решил, что прокладку силового кабеля к детскому саду и поликлинике мне лучше не поручать и что я должен быть там, где принесу меньше вреда. Позднее, став оператором и режиссером-оператором в кинокорреспондентском

С. Бурда. Присяга

На тральщике детской флотилии

С. Бурда

Кадр из фильма «Как объяснить тебе...»

цветной фильм студии «Один из нас» в профессиональном формате.

Кажется, идея киноочерка принадлежала Е. Гальперину, а если я ошибаюсь, история меня поправит.

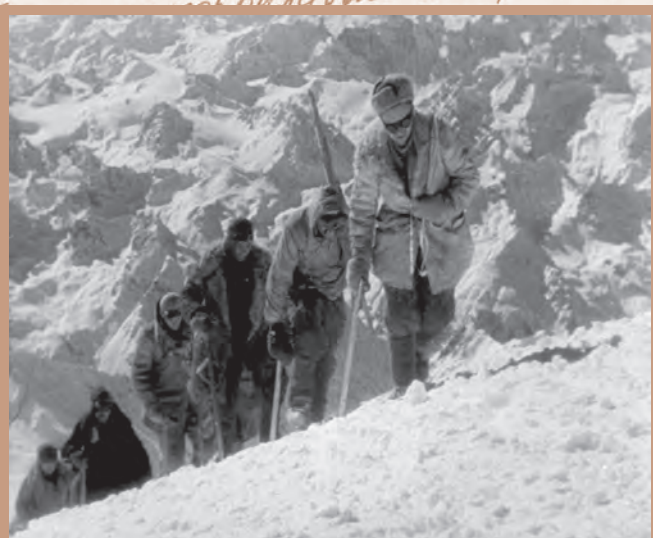
... Великая Отечественная война. Лучшие альпинисты страны и среди них – выпускник Горного института Андрей Грязнов участвуют в боях за Северный Кавказ. Когда же в войне наступил перелом, два отряда были посланы снимать фашистские флаги с двуглавой вершины Эльбруса. Одним из них командовал А. Грязнов. В Госкиноархиве удалось найти документальные кадры этого восхождения и снятия флага, но наш герой появлялся в кадре на считанные секунды.

Толик Гороховский отправился снимать заснеженный Эльбрус с группой альпинистов, где они прошли заново тот самый маршрут, а я с Борей Цегельницким и кинокамерой поехал в Москву, где мы встретились с боевыми друзьями Грязнова. Андрея к тому времени давно не было в живых. Уже после войны, находясь в геологоразведочной экспедиции, он бросился спасать товарища, провалившегося под лед, – и тот утащил его за собой.

Главное было не в том, что фильм победил на Всеукраинском фестивале и на многих других, а в том, что в киевском зале в день показа сидели жена и сын Андрея Грязнова.

В конце 1975, устав вести двойную жизнь – снимать учебные фильмы и оперативные киновыпуски на заводах и шахтах,

пункте при Министерстве черной металлургии, я ходил на вторую, бесплатную работу в теперь уже Народную киностудию «Юность», по рангу получившую две оплачиваемые должности – руководителя и режиссера. С Толей Косолаповым мы сидели на монтаже фильма «Как объяснить тебе...» о студенческих строительных отрядах в Тюмени, и я писал к нему текст. С Борей Цегельницким и Толиком Гороховским мы сняли первый

Кадр из фильма «Один из нас»

С. Труффа

«Красная конница»

Рабочий эпизод фильма «Прислушайся, услышишь вновь...»

писать поэтические тексты «в стол» и сотрудничать со студией, — я вернулся в «Юность» в качестве режиссера. К тому времени Толя Косолапов и Боря Цегельницкий ушли работать в областной клуб кинолюбителей, но, как и прежде, мы были частью одного клана.

Вскоре мы начали подготовку к съемкам фильма о поэте Михаиле Светлове, авторе «Гренады», «Каховки» и многих хороших лирических стихов, вряд ли известных нынешнему молодому поколению.

Нам он был близок, потому что родился в нашем Екатеринославе на ул. Шмидта, вырос в еврейской слободке, в бедности, как впрочем, большинство из нас..., может быть, и поэтом его сделала Революция, в которую он верил, долго избавляясь от иллюзий. Мы читали и думали — может, это он о нас написал:

Мы с тобой провинциалы оба,

Мы с тобой работаем до гроба,

На Истории провинциалы

Высекли свои инициалы.

Жизнь — изощренный драматург, — многие из нас в этом убеждались не однажды. Я никому не рассказывал, что видел и слушал М. Светлова «живьем». Когда мне и 15 лет не было, мы с другом пошли как-то вечером во Дворец студентов — встретить знакомых девочек после танцевальной репетиции.

Пришли мы раньше назначенного, увидели в вестибюле объявление «Встреча с поэтом Михаилом Светловым» и вошли в зал. Встреча уже началась. Мы сели поближе к эстраде, где сидел поэт и рядом с ним —

С. Труффа

какие-то местные литераторы. Незадолго до этого я встретил в книге французской писательницы Эльзы Триоле «Незванные гости» текст «Гренады» полностью. Там было сказано, что написана она Михаилом Светловым в 1926 году. Прочел – и влюбился в это стихотворение. Помню, сидел в зале, и так и подмывало меня послать ему записку:

– Скажите, а не вы ли тот самый Светлов, автор «Гренады»?

А потом сказал себе: «Быть этого не может. Тот Светлов, из 1926-го года, наверняка, уже умер».

Так и не спросил, а тут и девочки наши подошли – это было самым важным – и мы ушли с вечера.

А оказалось, «тот самый» был..., а через пару лет его не стало..., прощаться, что ли, в родной город приезжал?

Как говорится, шли годы, и теперь мы, студийцы, открывали для себя мир поэта. Его жизнь в Москве, чтение Маяковским его «Гренады», годы творческого молчания в период сталинских репрессий, военные журналистские будни, семинар в Литинституте, его остроты, ходившие по стране.

В фильме были игровые эпизоды, цвет чередовался с черно-белыми кадрами и кинохроникой. Получился он после «сборки» в 24 минуты длиной, что никак не соответствовало 10 минутам по условиям конкурсов любительских фильмов. Но нам важнее было сказать то, что мы хотели. Мы работали в киноархиве, в Литературном музее. Я встречался с друзьями Светлова в Москве, с его женой Н. Федосюк, они доверяли мне свои личные фотографии и записи героя нашего фильма, который мы назвали строкой из его стихотворения: «Прислушайся, услышишь вновь...».

С возрастом наши глаза хуже видят предметы и явления, но острее то, что за ними кроется. Я хочу сказать о доверии, с которым ко мне относились все, с кем я работал по фильму, – и ветераны студии, и молодежь. Другого случая может не представиться.

Увы, я не помню имен молодых студийцев. Но не могу не упомянуть с благодарностью всех, с кем мы прошли тот марафон.

Рабочие эпизоды съемок фильма «Скрипач на крыше». С. Бурда, М. Матус.

С. Бурда

С. Бурда

*мой поэт
циган
ло:
ни женщины*

*простых
меня хоронит
красоты
посторонних*

*не косявая!
где наиское
ра неок,
ба а*

в том, что

широко дружить

*тннц
тннц*

Это и Сережа Деркач, и Боря Цегельницкий, и Толя Косолапов, и Толя Калуцкий, и известный фотограф Марик Матус, и талантливый актер театра Толя Кузьмин, с удовольствием снявшиеся в игровых эпизодах.

И поэт старшего поколения Яков Островский, выразительно прочитавший в фильме дикторский текст.

Я говорил: «Снимаем ледоход на реке». «Скажи, когда», – отвечали мне. «Снимаем расстрелянных босых красноармейцев, сваленных в зимнем снегу», – говорил я, – «снимаем детство поэта, где его мать во дворе варит варенье, снимаем в Москве, снимаем в степи эскадрон красноармейцев в буденновках, на символических похоронах поэта.» «Нет вопросов», – отвечали они. И мы находили лошадей, шинели и винтовки времен гражданской войны и весь прочий реквизит, не имея ни сметы, ни денег. Вспоминаю, как накануне съемок эскадрона, прямо на дне моего рождения, девочки-студийки Лена Макарова и другие пришивали «воздушные петли» на шинели красных кавалеристов времен гражданской войны, называемые в то время «разговоры».

И несмотря на то, что фильм был вне конкурсного показа, он получил на Республиканском фестивале и денежную премию, и приз. А я на том конкурсе так и не побывал – лежал в койке с температурой 39.

Последний фильм, который мы сделали для студии с Толей Калуцким, назывался «Дочери ее и сыновья». Было это, кажется, в 1984 или 1985 году.

Тогда они привезли материал, отснятый перед открытием памятника украинской крестьянке Евдокии Лысенко. А было у нее – 10 сыновей

и 5 дочерей. Пришла война во все края, все ее сыновья ушли на фронты Великой Отечественной – и все 10 вернулись. Такая вот она оказалась везучая. Посмотрел я отснятое, тяжело задумался (в студии я к тому времени давно не работал) и сказал: «Надо доснимать». И мы вернулись в Черкасскую область. Были на открытии памятника, затем отмечали это дело с фотографом

«Снимаем ледоход»

Съемка расстрела красноармейцев

Юрием Ростом, родной сестрой Юрия Гагарина и другими хорошими людьми; ходили по селу, говорили с теми, кто знал эту женщину, встречались с ее детьми; потом снимали еще. Собрал я «кино» и озвучили мы его на киевской студии. И опять – участие в конкурсах, призы и дипломы, но я уже готовился уезжать из города и смотрел на все остающееся «из невозвратной стороны».

Придет день – и мы сойдемся на 50-летний юбилейный вечер киностудии «Юность». И я снова увижу моих давних друзей. Мы покажем наши фильмы и эпизоды из фильмов. И они, и я выйдем на сцену молодыми, стройными и веселыми, как и зрители, сидящие в зале.

А потом пойдем и снимем, не жалея сил и без всякой зарплаты, какой-нибудь новый фильм, чтобы все сказали: «Не погибла молодость – молодость жива!...» ...Вот так бы жить и жить, и смотреть на вещи, на прошлое и будущее через мои праздничные волшебные очки – очки с розовыми стеклами.

14.02.2012

«Наш киносъемочный «автомобиль»

«Полететь бы, как птица...»

С. Бурда

С. Бурда

*И тогда я опять
догадался...*

*Вячеслав Бабич,
главный инженер старательских золотодобывающих
артелей Бодайбинского комбината "Лензолото",
главный инженер шахты Запорожского
железорудного комбината, заместитель директора
по капитальному строительству ОСО "Вестмарк",
член киностудии "Юность" в 1967 - 1972 г.*

Студия «Юность»... Что вспомнить о ней? После стольких прожитых лет, налетанных на «Ту», «Ми» и «Ан» часах и пройденных сотни километров по дорогам Великой Совдепии. И вот после звонка Косолапова вдруг приостановился в своем круговороте событий, призадумался и произнес про себя: «Ё... моё! Когда это было? А было ли вообще? Со мной ли это было?»

Со мной – «Вечным главным инженером», который всегда занят и ему некогда. Как поется в песенке «Крутится, вертится шар голубой...», так и для меня. Помелькают неделя («понедельник», «среда» и «пятница»), месяц («первое», «пятнадцатое» и «тридцатое»). А за ними – год, пять. И уже все «сорок сороков...». Как будто кто-то нарочно ускоряет и ускоряет эту «суету сует...», неотвратимо приближая нас к «ахматовской черте».

И все-таки это было. Пускай это далеко, все детали размыты и осталась только одна «сюжетная линия» прожитой жизни. Вспоминая о тех днях, задаю себе вопрос, что все-таки дала тебе «Юность»? И что было бы, если бы Ее не было? А не было бы Фани!

А кто ты, Фаня?

– Он весь прожженный и, наверное, еврей, – говорила теща, – который только обещает? Нет, который еще может, если захочет, и при этом кто-то должен сильно наступить ему на «хвост».

Ну-ну! Больной, а когда это все началось? Как-то Фима Гальперин срочно посылает меня как оператора на съемку сюжета в какой-то военкомат или военную часть, я точно не помню.

– Фаня! Возьми «Красногорск», кассеты, пленку и езжай с телевизионщиками. У них аврал, они зашиваются и некому снимать.

– Ефим Михайлович, – отвечаю, – кассеты заедают...

– Возьми больше пленки.

И вот приехали, выгрузились. Нас встретил майор и проводил в Ленинскую комнату, где на стенах висели стенды с фотографиями вождя из семейного архива и всевозможными картами, на которых было изображено боевой путь части и места сражений. Режиссер сказал, что снимать будем здесь, но что именно, толком не объяснил. Осветитель выставил прожектора, а я начал экспонометром измерять уровень освещенности и готовить камеру к съемке.

Тут майор, который нас встречал, привел группу солдат. Режиссер сказал ему, чтобы они остановились у первого стенда. Я понял, что должен все это запечатлеть. Режиссер, сказав всем нам: «Начали!», с важным видом уселся на стул в центре комнаты. Майор стал рассказывать, а группа солдат, слушая, передвигалась вдоль стендов. Я, следуя за ними, включил камеру и с мыслью «чтобы только не заела» переходил от общего плана к среднему и от крупного – наоборот, но она «пи-пи-пи» все ж таки заела.

Режиссер вопросительно посмотрел на меня. Я сказал, что все камеры забрали на другие съемки, а мне досталась с неисправностью, но я быстро все налажу. Процессия остановилась и все стали наблюдать: а что это я делаю непонятное такое, засунув руки в черный мешок? И так я мучил своими остановками всю эту публику раз этак десять. А может и больше. Уже все устали. А режиссер все кричит: «мотор!» и «мотор!». И тут мне пришла мысль – а что если не вставлять кассету и снимать пустой камерой. И тут все пошло без остановок! Понеслось. В конце съемок я передал довольному режиссеру черный пакет со всей снятой и смятой пленкой. До сих пор я не знаю, вышел ли в эфир этот «заедавший» сюжет или нет.

Но иногда съемки могут вызывать ужасный страх и истерический хохот. Как-то Лапа вызвал меня и сказал, чтобы я включился в съемки научно-технического фильма по НТСО «Пневматическая крепь» для тогда еще молодого старшего преподавателя, а ныне – покойного профессора

В.С. Рахутина. Под руководством Ефима Михайловича я начал принимать участие. Эпизоды фильма в основном снимались на макетах.

М. Аюпян, А. Пасынков и В. Бабич

Пневматическая баллонная крепь, кто не знает, представляла собой конструкцию, состоящую с трех соединенных между собой плоских резиновых надувных баллонов (что-то вроде надувных матрасов). Ее предусматривалось использовать в угольных шахтах вместо деревянных «костров», которые в виде сруба устанавливались в лаве после выемки угля и служили временными опорами для поддержания кровли пласта от обрушения. Даже частичное использование пневматических баллонных «костров» принесло бы колоссальную экономию древесины, так как они могли, в отличие от деревянных, использоваться многократно.

И вот для съемок испытаний этих самых «костров» меня с Сергеем Деркачом командировали на Горловский машиностроительный завод, где был изготовлен промышленный образец пневмобаллонной крепи. Расставили мы с Сергеем в цеху завода софиты и камеру на штативе и уже «перекуривали», ожидая, когда начнется процесс испытаний. Для этого необходимо было рабочим завода поместить пневматическую крепь между двумя параллельно соединенными щитами и надуть сжатым воздухом под давлением в шесть атмосфер. Потом эту тяжелую конструкцию должны были с помощью мостового крана поднять и опустить в громадную металлическую емкость с водой для испытания на утечку воздуха. Это что-то наподобие проверки автомобильных колес на пункте шиномонтажа.

Оп-па! Три огромных, наполненных воздухом баллона ушли в воду. Серега включил свет, а я включил камеру. «Мотор!» Вдруг я услышал оглушительный хлопок и увидел в видоискателе камеры, как из воды с легкостью воздушных шариков выскочили один за другим три «НЛО», которые медленно как при замедленной съемке начали взлетать к перекрытию цеха. В этот момент меня охватил дикий ужас, так как я вдруг догадался, что эти трехметровые двухтонные «мячики» скоро начнут быстро падать вниз.

И с воплями «Ложись!» мы, не забыв кинокамеру, бросились прочь со съемочной площадки. Немного попрыгав по полу цеха, «мячики» успокоились. И тут мы услышали дикий хохот. Это стоящие в стороне главный инженер и начальник цеха укатывались со смеху над нами. Серега сквозь стиснутые зубы произнес: «Нам горе, а им, б..., смешно».

С Семеном Бурдой меня связали надолго «Большие и маленькие птицы», так как с одной стороны это был самый короткий фильм, а с другой...

То мальчика для съемки долго искали, то купленные на последние деньги птицы быстро кончались...

По сценарию мальчик должен был осторожно выпускать их на волю через открытую форточку. Этот «Шустрик», не дождавшись команды «Мотор», быстренько их выпускал, а я не успевал снять это на пленку.

Вы не представляете, сколько понадобилось птиц.

Еще один интересный эпизод, когда нужно было снять панораму по окнам длинного жилого дома. Мы долго ходили по городу, и наконец, нашли подходящий для съемок дом на набережной реки Днепр. Я установил камеру на штатив, а Сеня, рассказав мне, что и как, куда-то отлучился. Надо было снять несколько дублей панорамы по окнам. Сначала я водил кинокамерой слева направо, потом по тем же окнам наоборот – справа налево. Затем сверху вниз. И снизу вверх.

Все это надо было снять при дневном освещении, а потом еще и в сумерках. Короче, я маячил перед окнами довольно долго и не заметил, как ко мне подошел средних лет мужчина и громко начал мне задавать вопросы:

– Что ты тут делаешь? С какой такой целью, негодяй, ты заглядываешь в окна?

Я растерялся и не мог сразу сообразить, что ответить. Потом начал рассказывать, что я студент горного института и что в институте есть любительская киностудия «Юность»... Но тут я заметил, что к нам начала подтягиваться толпа зевак. И чем все это могло кончиться, я не знал.

Но догадался.

Тут важно уточнить. И, так сказать, сначала. Я родился в 1950 году и вырос в городе Горловка Донецкой области. Мой отец, Бабич Федор Михайлович, работал горным инженером на шахтах Донбасса, а в последнее время преподавал горное дело в индустриальном техникуме. В школе я увлекался спортом. Даже занимался спортивной гимнастикой в детской спортивной школе при Новогорловском дворце спорта, так как с детства мечтал работать в цирке. На школьных концертах показывал различные фокусы и сам делал реквизит для выступлений. Открою тайну – у меня была книга «По ту сторону фокуса» и по мере возможности я кроил оттуда свой репертуар.

Тренировки и подготовка к выступлениям требовало много времени и это, конечно, мешало моей учебе. Но у меня была хорошая память и на уроки у меня уходили считанные минуты. В школе участвовал в математических и химических олимпиадах. Очень нравилась химия.

До сих пор помню формулу дуста (ДЦТ) дихлор-дифенил-трихлор-метил-метан. Мать моя, Анна Федоровна, относилась к моим увлечениям сдержанно, но была против того, чтобы я поступал в цирковое училище. Мол, несерьезно.

И когда стал вопрос о моей дальнейшей учебе, то я послушал рекомендации отца. Он-то окончил Днепропетровский горный институт в 1941 году и его выпуск как раз попал на войну.

На первый курс горного факультета ДГИ по специальности «Подземная разработка полезных ископаемых» я поступил со школьной скамьи. Начал учиться в группе ГИ-67-2 (угольщиков), но вот с третьего курса поменял профессию и перешел учиться в группу ГИ-67-5 (рудников). Почему?

Да потому что тогда тоже вдруг стал догадываться...

Как шутили студенты: «Учусь на том факультете, где студенты по горам ходят!».

– Да! И мы будем поступать на горный! – говорили девочки.

– Вас туда не возьмут.

– А почему?

– Туда берут только со специальным клеймом на голове!

– ???

– Это в роддоме старая медсестра ходит с молоточком вокруг коляски с новорожденными и причитает: «Этот профессором будет, эта – музыкантом, а этот...». И бьет его по темечку молоточком. «Этот – горняком! Надо кому-то и в шахте работать».

Я проходил практику на шахте «Глубокая» в городе Горловка Донецкой области, работал в должности мастера вентиляции. Или, как их раньше называли, десятником. Такой мастер обязан был в течение смены ходить по определенному маршруту в шахте и производить замеры уровня процентного содержания метана в воздухе на рабочих местах. Это определялось при помощи газоанализатора – интерферометра. Там черная полоса поглощения, которая смещалась в ту или иную сторону в зависимости от количества метана. Показания записывали на специальных досках, прикрепленных на бортах выработки. И если уровень метана был выше предельного, то работы в лаве останавливались и рабочих выводили на свежую струю воздуха.

Для неграмотных... Лава – это место в шахте, где производится добыча угля. Тут рабочие очистного пространства попросту разрушают пласт угля. Раньше это производили при помощи кирки или обушка, отбойного молотка, а сейчас – комбайном.

И так как лава имеет крутое падение (угол часто составляет примерно сорок градусов), то отбитый уголь, как с горки, скатывается вниз и скапливается в нижней части лавы – печи. Потом его через гезенки выпускают на штрек, где находится порожняк – пустые вагонетки. Вот в них он поднимается потом наверх. Как говорят «на-гора».

Подъем на перевал
Ложный Кизгич ГКХ

Сплав V к.с. по р. Кура
на катамаране

Сцена из миниатюры М. Жванецкого,
исп. В. Бабич и О. Морозов

Сцена из миниатюры
«Случай на экзамене»
исп. В. Бабич, Л. Сеславский,
за роялем С. Григорьев

В то время, когда я проходил практику, лавы были молотковые. В ней одновременно работало пять-шесть забойщиков, которые сверху вниз рубали угольный пласт. И чтобы уголь не падал на голову другому забойщику, лава была разбита на пять уступов. Забой каждого нижележащего уступа опережал верхний на десять – пятнадцать метров. В верхнем углу каждого уступа забойщик сначала вырубает в угле нишу – закуток, в котором он укрывается в случае обвала в лаве.

И в очередной раз при обходе я «поднырнул» под ножку уступа. Это условно «поднырнул», потому что ты, как по ледяной горке, просто скользишь по почве пласта на своей пятой точке, держась руками за стойки, которые через каждый метр надежно установлены между кровлей и почвой. Этот рукотворный сказочный лес своей невидимой кроной удерживает и не дает упасть тяжелым подземным небесам.

В это время за моей спиной что-то лопнуло и где-то ниже меня зашумело, переходя в сплошной монотонный гул. В глубине закутка я увидел свет двух светильников. Гул вдруг прекратился и перешел в шипящий шелест, словно внизу текла, плескаясь, каменная река.

Ловко передвигаясь по стойкам, ко мне «подошли» забойщики.

– Ты кто такой, откуда взялся? – спросил один из них, блистая в луче моего светильника испуганными глазами.

Я сказал, что я студент на практике и работаю мастером вентиляции.

– Ну и дурак! Выбрал себе профессию! Ладно, уходим наверх, на вентиляционный штрек.

– А, что происходит? – спросил я.

– Что, что... Лава садится! – заорал второй. Не успели мы даже дернуться, как услышали очередной мощный взрыв. Он раскатистым «громом» выстрелил, слава Богу, выше нас.

И мы в лучах наших светильников увидели, как лопаются, словно спички, толстые стойки органной крепи. Это они своими могучими безжизненными стволами спасли нас.

Вот тогда-то я догадался и поменял профессию. Перешел учиться в группу ГИ-67-5 (рудников). И стал в дальнейшем серьезнее прислушиваться к своим догадкам.

И правильно сделал. Потому что следующая моя догадка – связаться со студенческим театром эстрадных миниатюр. Сделал и выступал на сцене с большим успехом. А потом я еще раз, как мне показалось, тоже удачно догадался – пришел в студию «Юность». И не просто пришел, а даже связался с Сеней Бурдой и стал снимать с ним вместе кино.

Вот об этой-то догадке я с тоской думал в тот вечер – когда я один с хрупкой кинокамерой, а вокруг толпа. По правде говоря, я думал, что в лучшем случае это закончится милицией. А в худшем...

Но тут, как пел Владимир Высоцкий: «Наконец пришел тягач и там был трос, и там был врач». Сеня Бурда появился вовремя. Я не знаю, о чем говорил он толпе и что пообещал тому настырному и бдительному дяде.

Мы досняли спокойно вечерние окна и ушли. Как-то сижу я в студии, и тут входит какой-то мужик средних лет. На вид нормальный.

– Это киностудия? – спрашивает он.

– Да, это киностудия, – отвечаю я.

Я ж не подумал, что Сенька пообещал тем, самым активным из толпы снять их в «Птичках...». Так что ко мне еще целую неделю ходил этот «кент». На кинопробы. Мол, в другую серию «Птичек». Я честно обещал ему, потому что видел, как он, выходя из четвертого корпуса, почему-то отдавал честь столбу на автобусной остановке.

В Ленинграде, куда мы с Сеней повезли своих «Птичек...», на Всесоюзный фестиваль, нас разместили в гостинице в одном четырехместном номере.

Я просто, убей меня, не помню кто с нами жил? Толя Калущкий или Сережа Деркач?

На фестивале, когда просматривали наших «Птичек...», я все боялся, чтобы ни заело на очередной склейке. Но на удивление сбоев не было. Было лестно, что наш фильм оценивал сам Григорий Львович Рошаль. Я и не ожидал, что на этом конкурсе любительских фильмов наше кино получит главный приз в номинации «За самый короткий фильм». Мы шутили, что титры идут на экране дольше, чем сам видеоряд фильма.

Как-то возвращаемся мы в номер, а там за столом сидят Сеня Бурда и симпатичная девушка. Он представил ее нам как свою двоюродную сестру, которая только что приехала в Ленинград. А потом, уже поздним вечером, он ошарашил нас тем, что она будет некоторое время проживать в нашем номере. Но успокоил, что все будут спать на своих кроватях, а они с сестрой по-родственному в одной постели «валетом».

К концу конкурса мы так привыкли к ее присутствию, что, действительно, воспринимали ее как Сенину сестру. Я так уставал от конкурса и посещения именитых мест, что, ложась спать, тут же засыпал, и поэтому не смог найти ответ на вопрос: почему Сеня и сестра вечером ложились в постель «валетом», а утром просыпались «тузом»?

– Не сестра она ему, не сестра! – говорил мне Калущкий.

– А кто? – удивлялся я.

О. Гусев и В. Бабич

ВИА «Террикон»

После окончания института я по распределению поступил на работу в отдел поточной технологии подземной разработки полезных ископаемых ИГТМ АН УССР. Начальник отдела к.т.н. В.Г. Койлов, узнав, что я занимался в киностудии «Юность», в буквальном смысле «затащил» меня к себе.

Он готовил докторскую диссертацию и ему необходимо было снять фильм о своих разработках по вибровыпуску железной руды из камер.

– Слава! Снимем фильм и займемся твоей диссертацией. Два, максимум три года и ты кандидат наук! – говорил В.Г. Койлов.

Хотя я проработал там почти два года, но потом все-таки догадался, отполз. И «открыл дверь» в мир романтики Севера. Вообще в своем восприятии жизни я всегда руководствовался постулатом древнегреческого философа Гераклита Эфесского: «Невозможно дважды войти в одну и ту же реку...» Реку Жизни. Поэтому я не верю в машину времени, что можно будет перемещаться назад в прошлое, чтобы его изменить или откорректировать. Дескать, как в компьютерной игре, с одного уровня на другой. Нет! Бог создал эту реальность с односторонним движением. Он каждому человеку дает выбрать тот единственный шанс открыть любую «дверь» на очередном уровне, но без шанса вернуться назад и открыть другую дверь. Так что, главное, догадаться! Вовремя!

И если бы я не открыл бы эту дверь, то не было бы той моей интересной жизни, в которой были у меня СТЭМ и студия «Юность», в которой я встречался с В.С. Высоцким и его другом В.И. Тумановым, купался в Байкале и зимой восходил на пик Черского...

В. Бабич – начальник драги № 117 «Лензолото»

Пути, которые идут своих прохожим

*Анатолий (Хартали)
Гороховский,*

*младший научный сотрудник научно-исследовательского
института «СибТеоТех», (г. Нижневартовск),
фотожурналист, исполнительный продюсер фильма
«Санитарная зона» (студия им. Горького), раввин
(Израиль, Иерусалим), член киностудии «Юность» с
1968-1973 г.*

בס"ד

Детство закончилось, а с ним и школьные годы.

Школьный друг, что раньше меня поступил в институт, сказал:

– В институте есть какая-то киностудия. Пойдем, посмотрим?

Молодые ребята, старшекурсники, сидели в просторной светлой комнате и весело трепались. На нас ноль внимания. Хочешь – стой или садись. Благо стулья можно найти в любом конце комнаты.

Поразила живая беседа, которая сплеталась, как ткань из разных тем, создавая неповторимый, причудливый рисунок общих интересов. Темы? Новости зарубежной литературы, философские открытия, безграмотность любого руководства и пр. И все это живо переплетается шутками и анекдотами. Удивило, что любые высказывания встречаются с одобрением, без проверки и доказательств.

Выбор был сделан – поступаю только сюда. Интересно, но двери студии открыты все двадцать четыре часа в сутки. На перемене, во время лекции и так же в ночных бдениях. Ты всегда чувствуешь себя здесь на своем месте.

А еще исподволь возникла зависть... Где они, почти твои сверстники, нахватались ума для свободной дискуссии на запретные темы? Очень хотелось быть соучастником живой беседы. Но открыть рот – на это придет свое время.

Я желторотый птенец, который только что вылутился из яйца и вряд ли обращал внимание на формы девичьих ножек, которые так привлекательно сплетались одна за другую сидя перед тобой. И подведенные дуги глаз, для большей привлекательности, тоже стали заметны гораздо позже.

А тем временем девушки были постоянным украшением наших посиделок. И к тому же они были не глупы. И это не внешняя форма поведения, а само состояние участия в беседах. На деньги мы были скупы, так что кроме чая не на что было надеяться.

Беседы и посиделки, посиделки и беседы. Но когда же делалось кино? И это чудо, которое я объяснить не могу. Возьмем, к примеру, такой случай. Решили проверить твои творческие возможности.

– Бери фотокамеру и сделай несколько снимков.

Но оказалось, что многие даже не знают как с этой штукой обращаться. Пока этому научишься. Или вдруг на стенде с заглавием “Наши с вами смефуечки” вывешивают фото, приятно улыбающееся бородатое лицо с морщинами под глазами. И начинаем гадать, чей же это отец. Раз с бородой, значит, не военный. И тем более не сов. интеллигент. Явно иностранец. Скорее всего, художник. Через несколько дней узнаешь, что это знаменитый писатель Хемингуэй. Книжки которого нигде не достать. А так хочется увидеть, прочесть, узнать. Но как? За одну или две бессонные ночи не успеешь. Нужно время, нужно взросление. Необузданное желание требует посещать выставки, лекции изобразительного искусства, а не скучные лекции, насыщенные никому (кроме преподавателя) непонятными формулами и графиками. Хотя и в них можно вникнуть за три бессонные ночи перед экзаменом.

Москва, Ленинград становятся основными городами, формирующими видимость образованности.

А это не Энгельс в молодости!

Конечно, для воспоминаний важна хронология. Но все-таки, думаю, интереснее другое – рост личности. Это у каждого по-своему, индивидуально. В чем же счастье прожитого этапа жизни? Мы боролись! Поколение до нас боролось, чтобы выжить. Война и прочее. Нам достался другой период – борьба за становление личности. Не быть как все! Хотелось индивидуальности!..

Даже после окончания школы никто из нас не обладал самостоятельностью мышления. Ведь никто от нас этого не требовал. И даже выпускной экзамен строился стандартно. Любое проявление индивидуальности грозило провалом. Серое, кучное, скучное, «массовость» довлекло нас в наше время.

А вот киностудия как раз была рассадником индивидуальности. Теплицей для будущих талантов. В ней разрешалось самостоятельное мышление и не запрещались любые высказывания.

Осмысление – вот сила, которая формировала дружный коллектив, в открытом диалоге сближая сердца и чувства. Все добровольно, никаких обязательств. Что получится, то и получится. Но другого ничего не будет.

Три периода становления проходит жизнь. Это рождение, рост или возмужание, и период плодов – результат твоей жизнедеятельности. Киностудия обеспечила нам период рождения.

Станет ясно, что глоток живой мысли (или как писали в газетах «инакомыслие»), которую я глотнул в первое посещение студии, оживили тот потенциал, что породил индивидуальность. Творческое мышление придет гораздо позже. Но это уже будет сама жизнь.

Все это взросление тянулось до-о-олгие годы. Дневные и ночные чаепития создали нашему «клубу» удивительную рекламу: «Они (т.е. мы) самые умные, самые талантливые. Самые, что называется, самые!»

Двери всех кабинетов раскрывались легко. В задушевной беседе об искусстве (а не о тяжелом процессе производства) завязывались связи с лаборантами(-тками), ассистентами(-тками) и даже профессорами. Ведь и они живые люди... Результат – будущие оценки в зачетках.

Но самое трагичное, что библиотекари стали широко распахивать свои возможности

ВНИМАНИЕ!

Всем почитателям, друзьям,
хорошим знакомым (кроме врагов!)
тов. Гороховского А.К.,
29.3.75 г. Быть в стенах
студии к 16⁰⁰ вечера.
Выше указанное лицо отв-
ляет МАЛЬЧИШНИК для
еще выше указанных лиц, по по-
воду безвременной текильды.
Танцев не будет.

Администратор. А.К. Гориховский

№ 142/029
12/10-752 29

Г. ДНЕПРОПЕТРОВСК
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ № 2
ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ У В Д

На Ваше письмо сообщаем, что поведение студента
Гороховского А.К. рассматривалось на комсомольском
собрании группы. За нарушение правил уличного движения студе
студенту Гороховскому А.К. объявлен выговор без занесения в
карточку.

Декан горного факультета,
доцент Н.Ф. КРЕМЕТЧИКОВ

12/10-75 г.

и даже сейфы с так называемой литературой для служебного пользования. Вся иностранная история вдруг выплескивает на тебя кучу доводов, ставящих под сомнение твое осознание действительности. А «История России» Ключевского, а еще и Державина явно доказывает, что Правда в России состоит из Права говорить ДА! И тогда весь двор кричит: «Ты, царь-батюшка, ПРАВ! – ДА?»

Конечно, власть всегда права.

Теперь ты уже ценишь свободу творчества по-другому. Не как массовость, а как индивидуальность. Но как себя выразить? Ну вот, наконец-то на меня обратили внимание зубастые – А. Косолапов и Е. Гальперин. «Мэтры» советуют взять кинокамеру и зафиксировать то, что тебя больше всего поразило:

– Что ты все молчишь, Толя? Может ты вынашиваешь какую-то тему? Тогда бери камеру и снимай.

И тут меня озарило. Ведь здесь не только болтают, но и делают КИНО.

Весна. Лучшее время года для меня. Решено, буду снимать красоту природы. Симпатичная, только что поступившая в институт девушка изъявила желание быть у меня ассистентом. Сразу же после занятий – прогулки в парк, на берег реки. А по вечерам в темноте лаборатории мы учимся... Правильно подумал, читатель! Учимся, как проявить киноплёнку, чтобы на ней хоть что-либо увидеть.

Но весна так быстро кончилась, а километры киноплёнки показывали только силуэты листьев на ветках, перспективу парковых дорожек... Какие-то ч/б силуэты, подвижные тени. Нет цвета, нет жизни. Нет, это не кино... Да, результатов нет. Но зато нет разочарования.

Пройдут еще многие годы, много будет попыток самовыразить себя...

Те, кто был в студии более длительное время, пытались что-либо сварганить из поношенного и неработающего оборудования. Потом критики будут называть это – любительское кино. Получалось то, что получалось. Ведь другого ничего не было. Работа кипела. И что-то как-то по кашлям собиралось в мощный ручей творчества под громким названием «Народное творчество».

Но вот в студии появилась профессиональная аппаратура. Благоговению и восхищению не было предела. Профессионализм требует ко всему профессионального отношения. Строгий отбор, жесткий режим, обязательства, подкрепляемые конкретным результатом. Не всякий выдерживает. Чаще всего надо отказать себе в свободном времени или личных интересах, чтобы оказаться в съемочной группе. И здесь уже работа не одиночки, который может обещать и никогда не выполнит. Группа – это один цельный коллектив. Твердая рука, если все пальцы ее – все желания каждого – едины. Но тут уже не до плюрализма. Жесткая диктатура и никаких поблажек.

Дни текли за днями. Кое-какое оборудование по-прежнему ломалось. И я с готовностью изъявлял желание починить своими силами. После такой починки, чаще всего, приходилось эту несурзность выбрасывать. Но это не мешало мне чувствовать себя при деле.

Скоро срок сдавать экзамен по спорту. Все также днями и ночами околачиваемся в студии. Нekoгда учиться и, конечно, не до спорта. Но нужна оценка. Смекалка подсказала – меняю кино на оценки.

Громоздкие осветительные приборы, бухты кабелей электропроводки, штативы и кофры. Все это громоздится в спортзале:

Особенно удачно плёнка проявлялась ВДВОЕМ...

– Руки вверх! Ноги в стороны!
Ложись! Вставай! Бегай не так
быстро, иначе выйдешь из резкости

Так я третировал лучших
спортивных звезд института.
И опять проявка пленки. А
на экране – обнаженные части
тела, запотевшие измученные
лица, бесформенная сумятица,
неразборчивые силуэты. Почти
все в нерезкости. Нет, это не кино
...е. Но зато отметку по спорту
поставили высокую!

Смекалка подсказала: главное –
пообещать... Не получилось? Но мы
же не «профессионалы». Мы еще
пока любители.

И нас любили. Ассистенты и преподаватели, профессора и, конечно,
любимый всеми профсоюз. Было на кого списывать затраты. Деканат смотрел
подозрительно. А где же успеваемость? Слава Б-гу, отметки сыпались как из
рога изобилия.

Да и, Слава Б-гу, профсоюз не скупился оплачивать посещение фестивалей
любительских фильмов. И даже в Москву – в центр «Культуры». И мы все
дружной компанией лихо катаемся, с одного культмероприятия на другое
и т.д. Совершенно не отягощая себя мыслями о каких-либо обязанностях. Само
состояние сплоченности, единомыслия поддерживает в нас дух СВОБОДЫ!

В голове – салат и чехарда. Но ты уже на высоте беседы о зарубежной
живописи, последних романах в журнале «Иностранная литература» или о
личных романах кинозвезд.

Последний год учебы. На носу государственные экзамены. А в студии
обсуждается сценарий о каком-то
Грязнове. Киноархивы выдали
киноматериал о прошлом. А в
настоящем... загвоздка. Какой
идиот с киноаппаратурой захочет
слоняться в горах, чтобы добраться
до самого Эльбруса? Кому это надо?

Ну, вот он, то есть Я, который
за все сразу хватается, пусть и
лезет.

– Конечно, мы тебе во
всем поможем, – говорил зубр
Гальперин, – помощников дадим.
Будет настоящая съемочная группа.

Профессиональная кинокамера
(весом с меня) и даже цветная
кинопленка. Цветная? Это меня
соблазнило. Мэтр Толя Косолапов
очень активно участвует в
подготовке! Волнуется за меня. А
Мэтр Боря Цегельницкий проводит
со мной обучение. Это была школа
молодого бойца по обращению с
камерой «Конвас».

Оговорено было все, вплоть
до возможности отказа камеры в
условиях холода. В одной кассете

А. Гороховский и С. Деркач
Перед восхождением на Эльбрус

(Цегельницкий называл ее почему-то «сырая») была удалена вся смазка. Вот она-то потом и спасала. Работала безотказно! Замерзать нечему было. А с Мэтром Фимой Гальпериним я расписываю операторский план. В нем подробно – из какого угла кадра цепочка альпинистов выходит, куда уходит. Это чтобы было легче стыковать с хроникой. Наконец, еду! Лечу, ползу! Что угодно, но только дайте попробовать!

... Голова раскалывается на 1000 частей. Нехватка кислорода. Третий день пурга. Ноги коченеют. Снимаю с рук, стоя, с колена, лежа. Из-за нехватки кислорода все как бы в полусне. На акклиматизацию ведь времени не было. Кассеты с пленкой и камеру грею на животе, хотя ты сам как замершая глыба, под кучей пуховых одеял. Все время обдумываю сценарий и видеоряд. Ой – ей, ей! Сколько еще не снято?

Профессиональные альпинисты, которых надо снимать, смотрят на тебя с ненавистью. Какие еще новые испытания-пытки придумает этот горе-киношник. Измененные атмосферой «люб(в)ительщены» члены съемочной группы, приставленные ко мне для усиления, как тараканы расползаются по теплым щелям. Ты один против альпинистов и даже природных стихий. Сам ты – натянутый стальной нерв. Откуда берутся слова, крепкие как удары по наковальне, похлеще тех, что посылают тебя туда, где еще ни один человек не попадал.

Стоим, материмся. «Снежный барс» напрягается. И я напрягаюсь. Он нервно сжимает альпеншток. Я вспоминаю Троцкого. Но вдруг он махает рукой, поворачивается и идет. А за ним и его альпинисты. В указанном мною для съемки направлении. Больше споров не было. Снимаем. Нехватка кислорода, тяжелейшие физические нагрузки, пронизывающий холод днем и, тем более, ночью. Ни минуты отдыха и покоя. Все нужно делать быстро и с первого раза. На повторы и дубли никаких надежд. Твой энтузиазм – он только твой, личностный.

Напротив тебя небритые суровые жесткие мужские морды и крепкие стальные руки профессионалов. Альпинистов, готовых затоптать, раздавить тебя вместе с твоим энтузиазмом. Но диктатура есть диктатура.

И все ползут еще и еще раз в пургу и вьюгу туда – на вершину, где все с надеждой ждут возможности свалить мой энтузиазм в пропасть.

Глоток спирта. И это вместо глотка теплого чая? Брр-р-р! Еще

... горы Кавказа...

Среди «снежных барсов» недалеко от вершины

дубль! Снег, сверкая, слепит глаза. Нет сил, камера выпадает из рук. Цепочка альпинистов никак не попадает в рамку видеоискателя. Опять не получилось. Но Дела подкрепляются крепкими выражениями, которых до сих пор нет в лексиконе великого русского языка. И это работает. Группа (горе, а не группа) чешется, всплакивает, сонно бредет на свои места. И что-то как-то движется. Но ведь другого ничего нет. Так впервые в жизни я оценил, что производственником мне не быть. И героем труда подавно.

Всему есть предел! И беспредел... Вся группа постановила спустить меня силой вниз. Иначе мне грозит потеря здоровья. Мол, они – профессионалы! А я?

Уже внизу, в долине гор, где много зелени и кислорода, настроение другое. Впервые с очухавшимися ассистентами расчехляем штатив, снимаем фиксированный, устойчивый кадр «Вершина». На одну кассету с цветной пленкой. А потом на другую. С черно-белой пленкой. Чтобы как в твоей записке – можно было при монтаже обозначить смену времен. С 1943 на 1974.

Не так все печально. Что-то же сделано. И это сделанное – твое, родное, живое. Продолжаешь крутиться. Едешь в Одесскую киностудию проявлять материал. А там все профессионалы. И беседуют с тобой как с профессионалом, и даже отснятый материал выглядит профессионально. Теперь уже и наши мэтры «Народной киностудии Украины» решают заканчивать фильм профессионально.

Фестиваль – приз. Еще фестиваль – еще приз. И диплом горного института – тоже приз! Ты уже инженер – считай «профессионал». Ведь даже бумажка выдана. Но профессионал – это опыт, без всякой бумажки, которые пишут так же легко... как мемуары.

Риск – это не профессионализм – любительство.

Энтузиазм – результат чей-то бездеятельности.

Геройство – полная безответственность и бездарность руководства.

Понял! Оценил ли?

Снимаю следующее кино: «Строительство своей жизни». Вроде без риска едешь в Сибирь получать приличную зарплату, штат сотрудников для защиты диссертации и прочие блага. Но денег как всегда не хватает. Вроде без риска создаешь кинофоторекламную компанию, накачивая ее деньгами. А денег как всегда не хватает...

Бывшие мэтры в любительском кино – уже профессионалы в киноискусстве. Но без соратников им как же?! Ведь одному можно не выкарабкаться. Чтобы что-то путное создать, нужны единомышленники. И зубр Гальперин делает мне следующее предложение. Я принимаю. И так, «Леворуля! Эй там, на вантах, не спать!»

Следующее соединение финансов и уже профессионального творчества. Тут уж неоднократно возникала ситуация, как на Эльбрусе. Перед тобой снежные барсы и не снежные, но надо снимать. В результате – Советский Милиционер

Подвиг
оператора:
Толик Гороховский на Эльбрусе

падает с крыши вокзала родного города (см. кадры из худ. фильма – «Бля»! Режиссер Е. Гальперин, директор А. Гороховский).

А потом еще один резкий поворот и ты – инос(т)ранец. А судьба крепкой рукой тащит тебя, волоча по пыльным камням, к следующему «успеху» (см. книгу выпускника иешивы Нафталия Гороховского о «новых» научных открытиях «Моему ученому другу»).

В кино, как и в жизни, – главное за кадром... Кто-то формирует видеоряд, выстраивает его в виде жизненной концепции. Кто-то руководит осмысленными процессами жизни. И ЕМУ, Руководителю всех жизней, огромная благодарность за то, что создал меня таким, непрерывно охранял меня от собственных иллюзий. Тому, который развеял передо мной идеал человеческих измышлений. В чьих руках все нити твоей жизни, благодаря которому жизнь не кончается с последним вздохом.

Но основа, фундамент моей судьбы, – та любительская киностудия родного института, где меня терпели, поддерживали, прощали неудачи и никогда не требовали оплаты наперед. Это не забывается. И что важно – мечты ведь никогда не сбываются. Потому что нет конца жизненному процессу творчества. И у каждого судьба своя. А она, эта судьба, ни на кого не похожа. И украсть ее нельзя.

Не создавай идолов.
Не поклоняйся глупости.
Посильно делай то, что можешь.
А другого ничего не будет...

Не добравшийся еще до пика своего успеха,
но благодарный всем, кто сопутствовал, сочувствовал
и поддерживал автора.
Реб. Нафтали Гороховский
Месяц тевет – 60-летнего юбилея
5772 года от Сотворения Мировздания.

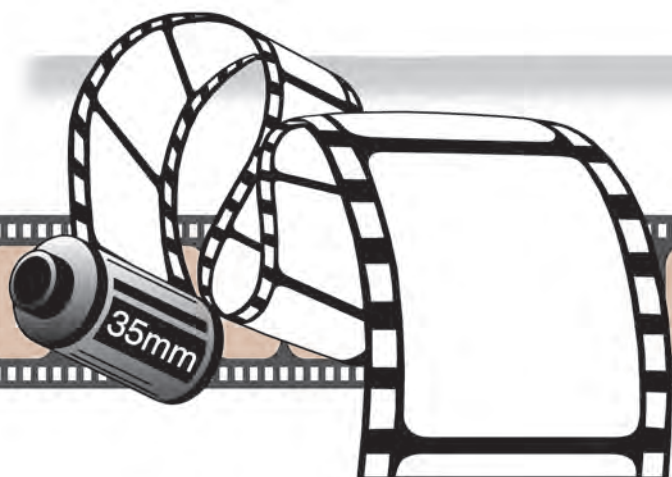
*И бесконечный,
увлекательный треп...*

Анатолий Маценко,

инженер, издатель, бизнесмен,

член киностудии «Юность» в 1968-1973 г.

Не простое дело воспоминания, особенно когда это не просто мысли про себя или вслух, а изложение на бумаге. Потому что понимаешь, что кроме тебя это, может быть, прочтет кто-нибудь еще. И тут возникает главная трудность – кто этот «кто-нибудь». Друзья по студии, сверстники, просто друзья и знакомые по жизни или посторонние люди, молодежь, которым случайно попало в руки это издание? Чем могут быть интересны воспоминания, в общем-то, обычного человека в обычное время? Наверное, искренностью рассказа о том, что было с ним.

Итак, обычный человек в обычное время, но в немного необычных обстоятельствах: ведь наша киностудия – это не рядовое явление в студенческой жизни 60–70-х годов уже прошлого века. Принадлежность к ней, наш круг общения, наши желания, цели, наш образ жизни были в чем-то исключительны, интересны, вызывали, если не зависть, то, по крайней мере, повышенный интерес окружающих – однокурсников и друзей вне института. Ведь мы отличались от большинства.

Так что же отличало нас, студийцев, от других ребят? По-видимому, это был энтузиазм (слово, скомпрометированное советской действительностью), а так же – желание уйти от повседневности, рутины, какое-то творческое начало (в ком-то большее, в ком-то меньшее, но которое было в каждом). Именно энтузиазм позволил моим старшим товарищам добиться официального создания любительской киностудии, получив необходимые разрешения в комитете комсомола, парткоме, профкоме, добиться покупки минимального набора техники, выделения специального помещения.

В это легендарное время и начались съемки первого известного фильма киностудии «Юность», впоследствии ставшей ее визитной карточкой, – «Галка-профессор». Именно на съемках этого фильма началось и мое, тогда еще школьника, знакомство с киностудией горного института (у меня до последнего времени в старом блокноте хранилось несколько схем размещения освещения в одном из кадров этого фильма). Это произошло потому, что в нашей школе тоже была своя школьная киностудия, которой руководил бывший ученик нашей школы Фима Гальперин – режиссер фильма «Галка-профессор» и, главное, творческий «движок» киноиндустрии горного института.

И когда наступило время выбора института для поступления, вопрос не стоял – только ДГИ! Ведь его закончил мой отец и в нем была, по-моему, единственная в городе студенческая киностудия, в нем учились старшие ребята, с которыми я раззнакомился во время съемок «Галки...». И 1 октября 1968 года, после месяца, проведенного на обязательных тогда для первокурсников сельскохозяйственных работах, я пришел в студию писать заявление о приеме меня в действительные члены. Вновь встретился с Фимой Гальпериным (ГОМЗ), Борей Цегельницким (БЦ), Толей Косолаповым (Лапа), Вовой Моложеном (Баржа), Сеней Бурдой (Шлема) и другими, знакомыми по визитам еще в качестве школьника.

И вот уже через несколько дней я стал счастливым обладателем удостоверения студийца, дающего право получать на проходной корпуса № 4 ключи от лаборатории и студии – совершенно обалденное чувство, ставившее меня, первокурсника, в

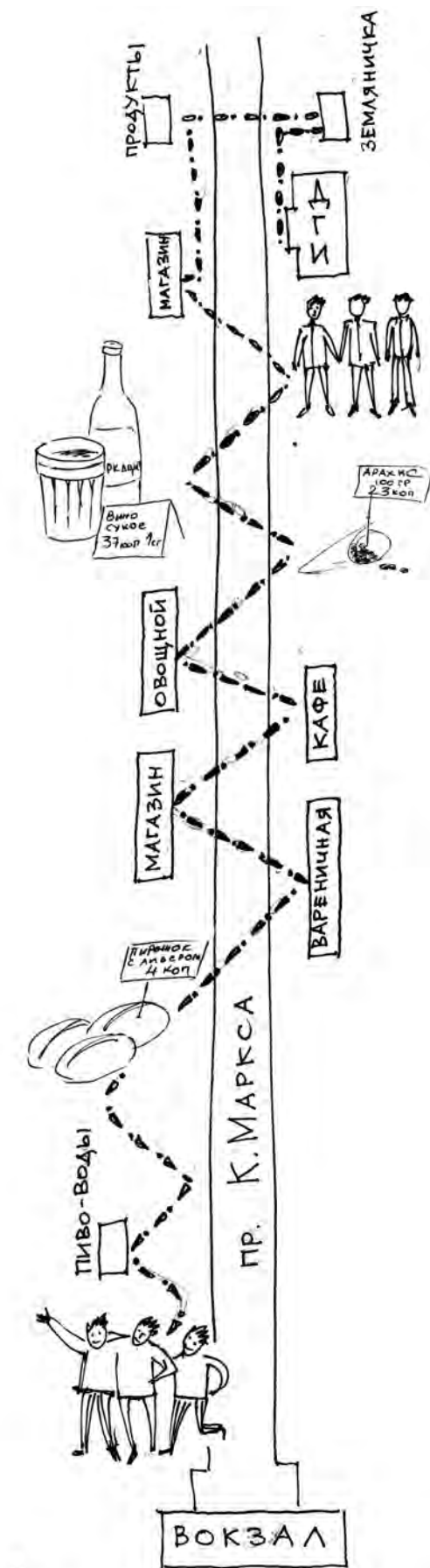
В студии. Ефим Гальперин, Анатолий Мадценко, Семен Бурда

один ряд с преподавателями, получавшими ключи от учебных помещений наравне со мной (или я наравне с ними).

А дальше начались студийные будни. Новые знакомства, новые обязанности, новые интересы. Режим дня определился быстро: утром учеба, после чего – бегом в студию, где меня ждало общение («треп» с отличными ребятами) и занятие любимым делом – фотографией (я больше увлекался именно фото). И как прекрасное завершение «трудного дня» – пеший поход домой с Гальпериным и Славой Чистяковым. С обязательным заходом в магазин, где каждый покупал стакан белого сухого вина (37 коп.) и 100 г арахиса в шоколаде (23 коп.). А потом на открытой площадке возле «Детского мира» мы со Славой покупали по 2 пирожка с ливером (штука – 4 коп.), на что ГОМЗ гордо заявлял, что мы «козлы» и что это вредно для здоровья, а он его бережет смолоду (наверное, он был прав, еще не знаю).

Да, именно в том нескончаемом, увлекательном «трепе» рождались новые идеи, узнавалось многое, что не услышать на лекциях. Именно тогда у Сережки Деркача я получил на два дня вырванные из журнала страницы «Мастера и Маргариты», услышал в более или менее качественном звучании записи Высоцкого, Окуджавы, узнал о существовании «Одного дня Ивана Денисовича» и очень многое другое, что определило, в конечном итоге, крут интересов на всю жизнь. Так прошел первый год в институте. Это было здорово, это был ежедневный праздник, который, как я тогда и узнал, всегда со мной.

А в конце учебного года меня ожидал новый сюрприз – первая в жизни командировка, да еще какая. Мало того, что в Киев (а я до этого никогда там не был), главное, в какие места – республиканское телевидение, Киевская студия научно-популярных фильмов, «Укркинохроника». Задание вроде бы простое – забрать отпечатанные копии фильмов и из проявки негативы других фильмов. Да просто, но, как выяснилось, ничего еще не было сделано. И тут я возмутился – как так, обещали, а не сделали (юношеский максимализм). Пришлось объяснять взрослым дядям и тетям, что это неправильно, нехорошо. Вернулся с «несолоным хлебалом». (Автор иронически

Вдоль по Карла Маркса...

Чаепитие в киностудии

обыгрывает русское национальное выражение «несолоно хлебавши» – редакция.) А потом откуда-то из этих мест позвонили Гальперину и поинтересовались, что за юного нахала он присылал к ним. Правда, уже через неделю я проехался во второй раз по этим же местам. Все было готово.

Помню, тогда на республиканском телевидении надо было для сохранения синхронности вырезать четыре кадрика из негатива фильма «Галка-профессор». Руки дрожали: ведь классика жанра.

Потом в мае 1969 года была новая поездка, теперь уже съемка (точнее, досъемка) на областном финале пионерской игры «Зарница». Этот материал летом 1968 года (до меня) снимали студийцы и он лежал без движения, а тут созрели – надо срочно «лепить» кино, чтобы успеть к республиканскому фестивалю.

И отправились мы с Сережей Деркачом. Снимать надо было много, ведь выход «годного» от оперативной репортажной съемки невысок. Так что доверенный мне «Киев-16У» с тремя объективами, отдаленно напомилавший фронтовой «КС-4», стрекотал часто, но в фильм из моего творчества вошел чуть ли единственный план – начало атаки. Зато практически все фото в фильме мои. Не помню, чем снимал, но получилось недурно.

Вернулись, «проявились» и Сережка начал клеить кино. Клеил, клеил. Тут я напустил на него Фиму. Дело пошло живее, но срок подходит, а еще «озвучка», а еще печать позитива. В общем, как всегда, как у настоящих студентов, – все сделалось в последние двое суток. Склеили, взяли материалы, сели в самолет и через 45 минут мы уже в Киеве. Поездка на улицу Полевую, 8, в лабораторию по обслуживанию кинолюбителей, возле Киевского политеха, к отличному человеку – звукооператору Марку

Анатолий Маценко и Анатолий Косолапов на съемках...

Факторовичу. Там заканчивали монтаж, потом сделали «озвучку» и тут я сломался – заснул, сидя на стуле и пропустил отъезд на показ в Жовтневый палац, где проходил республиканский фестиваль любительских фильмов.

«Юность» в тот раз представила, если я не ошибаюсь, пять фильмов. Среди них – снятый на Донбассе на 35-миллиметровой пленке «Что ты знаешь о Солнце...». Кстати, в его создании я тоже принимал участие. Ездил в город Александрию, на родину Калущкого, на угольный разрез.

Там нами была снята финальная панорама фильма с угольного конвейера – восходящее Солнце. А еще в показе были фильмы: «Пароль – Родина», «Мы – геодезисты» Калущкого и две восьмимиллиметровые киноминиатюры. Одна из них Бурды и Бабича – «Птицы большие и маленькие». Название второй не помню.

Естественно, «Юность» победила. Ведь мы были крутые ребята! И, конечно же, мы прошли дальше, на Всесоюзный фестиваль, который имел место быть в Москве в декабре 1969, но назывался почему-то ВЦСПС-1970. Да-да, в конце 1969 года мы получили значки участника именно с этим загадочным «ВЦСПС-1970».

Поездка на этот фестиваль получилась отличная. Жили в общежитии Московского горного института для заочников. На двухъярусных кроватях в диком холоде. Но это чепуха, ведь я первый и последний раз побывал в Московском Доме кино и попал на премьеру мультфильма Хитрука о Винни-Пухе и на закрытый показ «Конформиста» Бертолуччи. А после мы с Бурдой под настроение купили бутылку «Перцовой» и пили ее родимую в холодной Москве из горла возле памятника Горькому под охотничьи сосиски. А потом я ехал в метро пьяненький в общежитие горного института, имея в кармане недопитую бутылку, заткнутую куском этой сосиски. Не расплескал. Молодец!

А в один из тех дней тот же Бурда потащил меня в Пушкинский музей, где я впервые в жизни увидел настоящую живопись в оригинале. Это было потрясение, шок. Именно с тех пор одной из двух моих любимых стала картина «Старый еврей» из синего периода Пикассо – его глаза невозможно забыть. Может, благодаря этому, первому моему впечатлению, определилась и вторая моя любимая картина – «Святая Инесса» Хусепе де Риберы, что висит в Дрездене – также поразили удивительные глаза. С тех пор ни одна поездка в Москву и другие города и страны не обходятся у меня без посещения художественных музеев. Вот такой был у меня случай.

Естественно, мы стали лауреатами фестиваля, а может, где-то и победителями (не помню), и эти новые лауреатские грамоты

Анатолий Маценко. Знакомство с «Конвасом»

Семен Бурда и Анатолий Маценко в Москве возле памятника Горькому

и дипломы тоже повисли на стенде нашей славной газеты. Это, как мне кажется, был пик активности студии. После военного лагерного сбора выпускников у нас появился фильм «Забота».

Помнится, снимали мы еще с Лалой много материала на строительстве памятника, что на Октябрьской площади напротив института. Чудные были крупные планы прохожих и строителей. Но, увы, материал запероли при проявке.

В тот 1970 год институт закончили ГОМЗ, Лапа, Баржа, Шлёма, Пеха (Петя Корниенков). Правда, до этого мы провели творческий вечер студии в Днепропетровском Доме ученых, на который мы с Баржей подготовили огромное количество фото, в том числе цветных, что было первый раз в моей практике, да, по-моему, и у Моложена тоже.

А тут подоспело время выхода на финишную прямую и мне. Больше времени стала занимать учеба, ведь я не планировал менять профессию и твердо собирался стать инженером. И стал. И вроде бы неплохим.

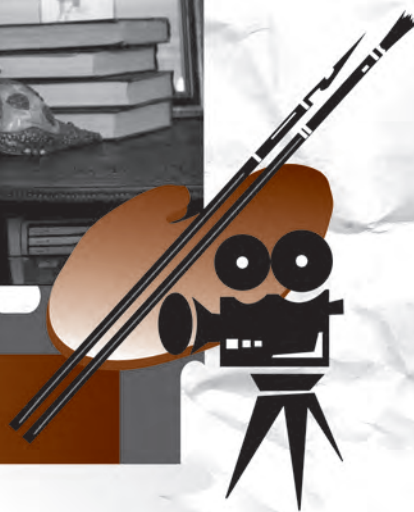
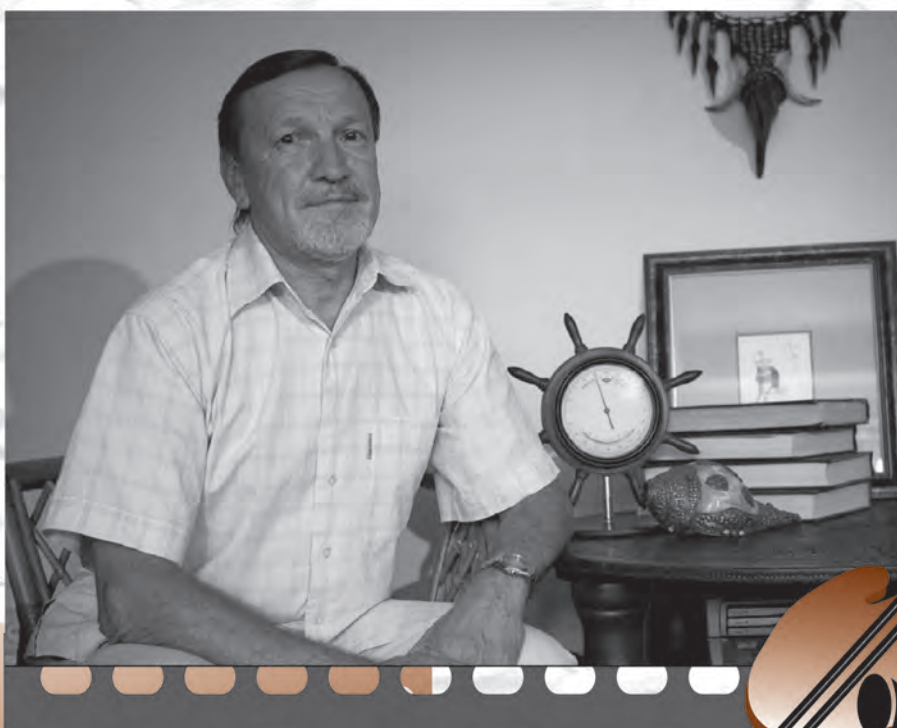
И вот только сейчас, когда писал эти воспоминания, я для себя сформулировал, что же дала мне по жизни Народная киностудия «Юность» Днепропетровского горного института.

Оказалось, что все очень просто – жизнь должна быть интересной. По крайней мере, не скучной.

«Писцы»

вспоминают минувшие дни...

Анатолій Пасяноків,
ведучий геолог ПДЮ «Кримгеологія»,
заместитель генерального директора
Казенного Підприємства
«Южкогеоцентр», доцент
Таврицького національного університета,
член кіностудії «Юність» в 1968-1973 гг.

Лето 1969 года. Орловщина – место летнего отдыха студентов горного института, обессиленных от сессионной лихорадки и сурового пролетарского города, более знакомое нам как место проведения геодезической практики.

Дневное броуновское передвижение полусонных студентов по пересеченной местности на окраине поселка с нашейными теодолитами, нивелирами, рейками и вешками принято было считать за скрупулезное изучение способов топогеодезических измерений.

А вечерних развлечений было три: разрешенный волейбол или футбол «дыр-дыр» на пыльном плацу, поощряемый просмотр идеологически выдержанных телепередач по привинченному к столбу телевизору и нелегальное разухабистое пение под гитару, сопровождаемое непременно употреблением «Биомицына», т.е. винопродукта «Біле міцне».

Вот в эту-то пору в сосновом лесу лагеря я и встретил случайно двух «инопланетян», нахально свободных, иронически поглядывающих на окружающую среду, имеющих свой распорядок дня, лишенный обязательной утренней зарядки. Более того, живущих в отдельной палатке! Студентам-геодезистам, находящимся в ласково-отеческих объятиях лагерной дисциплины, эта вольность была непозволительна.

И были эти «инопланетяне» великолепным Фимой Гальпериным и обаятельным Сережкой Деркачом, прилетевшими снимать фильм о нашей практике. На их плечах пузырились ремни кожаных кофров, в которых покоились не облысевшие от старости кипрегели с тахеометрами, а современные кинокамеры. По их лицам скользила улыбка раскованных людей, не отягощенных заботами серых будней и необходимостью камеральной разброски угловых невязок на арифмометре «Феликс».

К этому времени я уже успел посидеть в некоторых компаниях, обитающих на советских кухнях и втихую обсуждающих потайные и политически вредные для большинства простых советских людей стороны западной и нашей жизни, «их нравы», литературу, живопись, фильмы и т.д. Итальянский неореализм, Юл Бриннер, вестерны, Пикассо, Сальвадор Дали, Феллини, Ремарк, Модильяни, кьянти, кальвадос, Де Сантис, Кокто, Мане, Эдит Пиаф, старина Хэм, Ван Гог, Высоцкий, Галич, Окуджава, «Один день Ивана Денисовича» – все это составляло общую основу микста тех кухонных дискуссий. Так что если не копать глубоко, то я мог, как попугай из мультика, рассказать и о дожде, после которого нужно ждать хорошего отела, и в той же степени о фильмах Антониони и об авангардном искусстве, то есть почему у Дали на пляже горит рояль и потекли часы.

К сожалению, в течение первого курса обучения в Днепре мне ни разу не довелось вспомнить о своих «глубочайших» познаниях в области кинематографии – окружающий контингент был еще тот или совсем не тот.

А тут уже через час совместной беседы я нашел своих благодарных слушателей, слава Богу, вытерпевших мои «соловьиные трели». После наглого заявления о моих якобы художественных способностях Сережа Деркач предложил мне нарисовать на палатке мелом что-то вроде эмблемы киностудии.

В это время большинство таких эмблем изображалось в виде символического человечка, расплывшегося в широкой улыбке, и подписи «Веселый ...». В эпоху социализма, тогда еще не окончательно развитого, все человечки должны были быть веселыми. «Веселый рыболов», «Веселый пекарь» ну и соответственно «Веселый кинолюбитель». Для визуального отличия пририсовывались профессиональные аксессуары: так у Веселого кинолюбителя, в отличие от Веселого рыболова, в руках была не удочка, а кинокамера, на голове не кепка, а берет с пипочкой, а на смайлике – черные очки. Естественно, что я не опустил в болото традиционализма и остановился только тогда, когда казенное палаточное полотно было окончательно испорчено и полностью зарисовано. Я уже не помню, что я там сотворил и каким образом, не умея летать, как Карлсон, смог облагородить двускатную крышу палатки, не провалив ее внутрь. А еще там я написал большими буквами многозначительно многообещающее – «Съемщики».

Ребята, потрясенные увиденным, опрометчиво пригласили меня в студию. То ли из вежливости, то ли с перепуга.

Исторически переломные периоды общепринято делить до и после знаменательных вех. Мой приход в студию – первый глоток свежего воздуха, полная смена репертуара и декораций в театре жития-бытия. Порог студии оказался для меня поднятым шлагбаумом, и случилось то, о чем поведали как-то в школьном сочинении: «мы все знаем, что у нас позади, но впереди у нас совсем другое».

Робость была, но благоговейного трепета при пересечении порога я не испытывал – студия не была замкнутой академической общиной степенных студентов-отличников, она была открыта для всех. Да и процесс приема новеньких был прост и радушен.

– Привет. Замечательно, что пришел. Ну и давай работай, думай. Расти над собой.

Но не каждый вписывался в атмосферу интеллектуального поиска, творческого «запоя» (в творческом же понимании), кропотливой работы, ночного бдения при подборе нужных слов или кадров, ночных поисков «бычков» (скажи, Серега...), дружеских розыгрышей и подколов, иронии и самоиронии, иногда (иногда ли?) легкомысленного отношения к учебно-воспитательному процессу. Не все оставались и приживались.

Не поэтому ли студия была все-таки «узким кругом ограниченных людей»?!

Первый же мой визит в студию был увенчан знакомством с Толей Косолаповым – добрым, большим и пушистым. Лапа сидел за столом в окружении ржущих студийцев и зачитывал народу отрывки из романа «Мастер и Маргарита», только что опубликованного в «Новом мире». Кажется, это был эпизод с дамочками, расходившимися домой после спектакля.

Толя обладал невероятным чувством юмора и обалденными (ну, хорошо, «выдающимися») организаторскими способностями, что и проявилось в его последующей бурной деятельности.

В углу студии стоял кульман – прообраз будущего монитора компьютера, к которому я себя добровольно приковал на всю мою дальнейшую жизнь.

На столе лежала папка «Наши с вами смефуечки», в которую студийцы вносили свой посильный вклад в благородное дело внедрения юмора в свои же массы, т.к. вынос папки за пределы студии карался «смертной казнью».

В целях соблюдения секретности перед прочтением папку необходимо было каждый раз сжигать и каждый раз она, как птица Феникс, возникала из пепла. Ну, это у кого как было с юмором-то; если не хватало, то можно было вложить в папку анонимную кляузу на сотоварища, заботливо подписав ее чужим именем (два в одном!). Не было числа нашим приколам друг над другом. Эх, где вы все, в каких весях и краях?

В перерывах между «парами» мы прибегали в студию – и по делу, и так – потрепаться. А уж после занятий собирались все, кто мог. Увы, учебный процесс в институте все-таки малость мешал полному слиянию наших душ в экстазе.

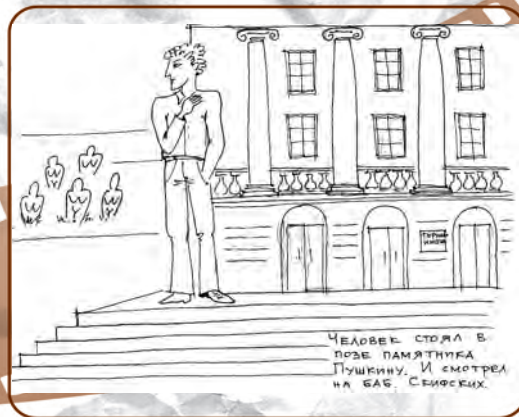
Душой, идейным вдохновителем и организатором всего нашего товарищества был, конечно же, Фима Гальперин – всегда заражающий всех и вся бурной и бескрайней энергией, строил планы киностудии «Юность», которые, как ни странно, сбывались. Кино он знал и любил больше всех нас вместе взятых (я так думаю). Его стремительное появление в студии иногда напоминало «налеты» маршала Жукова на передовую, все вопросы обсуждались и решались немедленно, сопровождаясь «награждением» студийцев «ценными указаниями».

Он же, исторгающий фонтаны идей и «мечт», вынуждающие расширять границы реальной Вселенной, в конце концов, добился своего. По себе чувствую – «Срасе» таки расширяется и, что характерно, до сих пор.

Фима, Лапа и Сеня Бурда, как и во всякой другой плохой дворовой компании, действительно, повлияли на нас, «травмировав» нашу формирующуюся, неуравновешенную детскую психику, заразив ее пристрастием к кинематографу и чтению книг, в т.ч. запретных; некоторому пересмотру отдельных пунктов официальной исторической хроники; хорошему коньяку, поставляемому из Армении Мнацаканом Акопяном для обеспечения бесперебойной работы студии в некоторых организациях («То, что может быть выпито и съедено за один раз, взяткой не считается». П. Первый).

Знакомство с Сеней Бурдой. Еще раньше, в той первой моей Днепропетровской жизни, пролетая над ступеньками входа в ДГИ, я увидел человека, стоящего в позе памятника А.С. Пушкину, но не того – крылатого, взлетающего над Русским музеем в Питере, а чуть склонившего голову, стоящего перед кинотеатром «Россия» в Москве. Отстраненный взгляд Сени был направлен в сторону скифских баб Исторического музея. И это, в его возрасте, было правильным. Но не только направление его взгляда меня поразило.

Это был Воланд, разглядывающий почтеннейшую публику в театре «Варьете» и одновременно глубоко ушедший в себя, в свои размышления. Возможно именно тогда родились у него бессмертные строчки: «Эхо спит в портьерах, как прогнать тоску, а жена, мегера, дрыхнет на боку». Позже стихи его, стихи мастера, глубокого и несколько печального («отражение в чуть запотевшем от дыхания зеркале»), как и сценарии фильмов, вошли в меня, да там и остались. Остается только порадоваться, что горная промышленность Украины потеряла в лице некоторых студийцев своих героев труда. В т.ч. и Семена Бурду. Ибо как сказано в тексте Михаила Светлова, о котором Сеня снял большое кино:

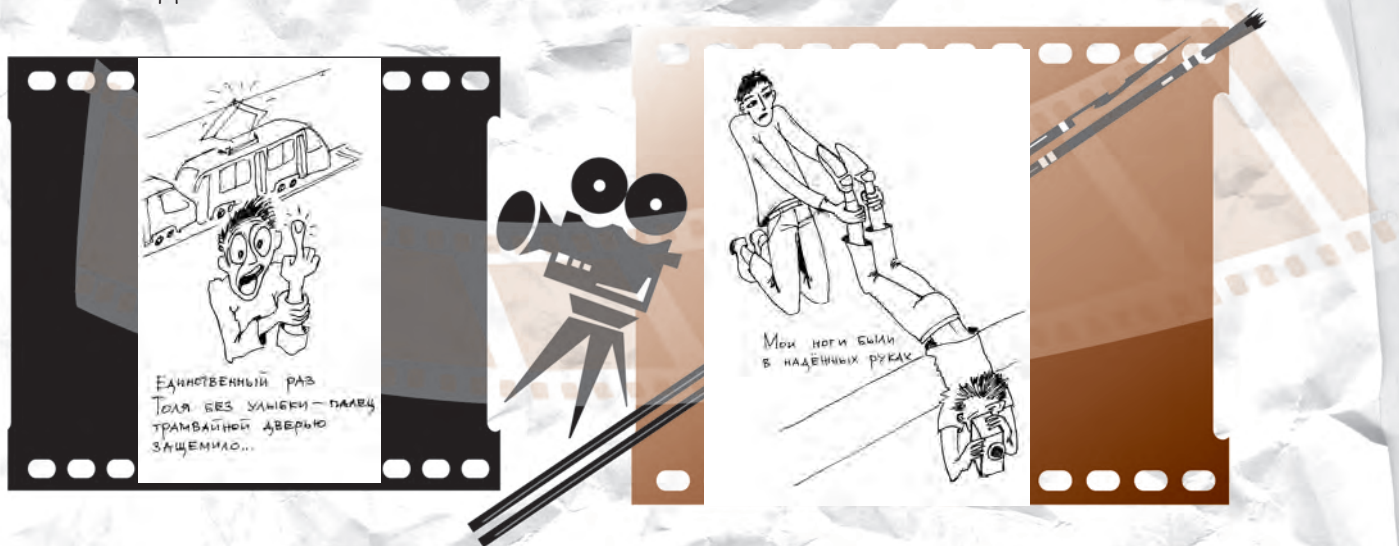

... отряд не заметил потери бойца, и «Яблочко» – песню допел до конца... Неиссякаемый оптимист Сережа Деркач. Помню, когда мы с ним ездили на досъемку фильма «Пароль – Родина» и по дороге читали «По ком звонит колокол», он заметил: «а ведь идет девушкам военная форма». И тем самым спрогнозировал свое облачение в солдатскую шинель после «вылета» из ДГИ в ряды Советской Армии за чтение книги «Собачье сердце», подрывающей устои социалистического общества. В преклонении перед Западом Деркача было трудно обвинить, все-таки Булгаков никак не американец. Кстати, именно с Сережей ночью мы собирали огурки, так как считалось, что кофе и сигареты способствуют взлету творческой энергии. Много пережито, но не забыто.

Внизу, в страшной полутемной «двадцатке» (аудитория № 20, корпус № 4), в пожелтевшей от времени ванне жил добрый и вовсе не страшный наш Фаня (Славик Бабич), постоянно запутанный, как Лаокоон, в проявляемую киноплёнку. Время от времени он вылезал из ванны и скрывался в соседней совсем темной комнате (аудитория № 21, корпус № 4). Поговаривали, что он там чего-то закрепляет. На свету у Фани всегда были широко открытые глаза, т.к. он редко выходил из «двадцатки» к людям. И еще реже – к преподавателям.

Толя Калущкий (только один раз я помню его без улыбки – когда ему зажало палец в дверце трамвая). При выходе на съемки событийных явлений в жизни ДГИ, а это также входило в обязанности студии, Толя облачался в гордость студии – рыжий вельветовый пиджак кинорежиссера. Кроме этого, в случае победы после драки с Фаней он небрежно закидывал на плечо ремень профессионального кофра – предмета всеобщей зависти, символа творческого работника умственного труда в сфере самого важного из искусств. Горжусь тем, что на съемках фильма «Мы – геодезисты» Толя лично держал меня за ноги, когда я снимал турбулентный поток, вырывающийся из-под винта теплохода. Мои ноги были в надежных руках. Это хорошо, что Толя не был мне должен.

Горжусь тем, что привел в студию своего товарища Алика Москвитина.

Алик – прирожденный художник, бесконечно шлифующий свои рисунки и доводивший их до нужной кондиции. Простой и веселый рязанский парень, с российским говорком и белозубой улыбкой. Объединившись с Аликом в сепаратный союз, мы гордо заявляли:

– Мы, художники, считаем, что...

Были еще славный Мацек, шумный Мезенцев, тихий Ваня из шахтерского городка Краснодон и милые дамы ... Эх, были!

Фильмы студии «Юность» резко выделялись на общем фоне унылых или, наоборот, супержизнерадостных киноповествований о студенческих отрядах, создающих коровники и другие объекты, столь необходимые для долгожданного расцвета народного хозяйства.

Или нескончаемых, как песни акына, лентах о туристических походах и об умильном цветении цветущих или расцветающих цветов и трав, а также об опыляющих их пчелках. Или крикливых репортажей с места юбилейных событий в жизни отдельно взятых трудовых коллективов и т.д.

Пожалуй, впервые в любительское кино Союза Советских Социалистических республик вместе с киностудией «Юность» («я так думаю» © Фрунзик Мкртчян...) вошли общечеловеческие темы войны, мира, родины, совести, боли и гражданской ответственности, да и любви. И раскрывались они в новых, необычных формах. В лучших фильмах каждый выверенный до секунды кадр был уникальным плодом дискуссий; сотни метров уже снятой, но отвергнутой киноленты выбрасывались, кадры переснимались и переозвучивались. Фильмы не были совсем уж эстетски-элитарными, но без подключения подкормки подтекста в наших фильмах нельзя было рассмотреть. А в этом-то и был «весь изюм» и смысл затеи.

Да, изготовление продукции для простого созерцания пляшущих серо-черных пятен на белом экране не являлось предметом забот студии.

Вот почему такой фильм как «Птицы большие и малые» и получил международное признание, хоть и длился всего считанные секунды.

Помню, как еще до начала его съемок на встрече со студентами (оцените выражение «встреча со студентами», а мы кто были?), когда Сеню не понесло, а наоборот оСЕНило и в «двух словах» он рассказал идею фильма «Птицы...» – зал просто устроил овацию.

Безусловно, статус студийца нам, красивым и двадцатидвухлетним, позволял и нос задирать, а иногда и прихвастнуть. А кто в этом возрасте удержится от игнорирования ложной скромности?! Да, красовались, конечно. Гусарили. Но вот с льготами в области успеваемости были большие проблемы. В деканате ГРФ студийцы и музыканты группы «Рубины» объединялись в понятие «Богема» и всегда были под колпаком у замдекана Павла Васильевича Лазебника. В этом проявлялся некий дуализм. С одной стороны, лестно, что на факультете такие юные дарования, а с другой – мы были и «бездельниками» и «разгильдяями». Хотя сейчас я понимаю, что все это была просто игра взрослого дяди с любимыми детишками. Все зависело от преподавателя и ни скромное обаяние студийца, ни его заслуги в области повышения культурного уровня ДГИ, ни жалостливые взгляды, ни затертые от бедности джинсы не служили поводом для смягчения приговора отдельными суровыми педагогами. До боли незабываемый пан К.Т. Ткаченко, «наприклад», представителей Богемы и спортсменов терпеть не мог, и творческие регалии должно было прятать, чтобы не дразнить быка красной тряпкой. А замечательный доцент Л. Мочар просто отделялся улыбкой.

Кстати, на военной кафедре модные в ту пору для гитаристов вислые усы, длинные патлы и баки позволили родиться необыкновенно выразительному метафорическому сочетанию: «Ах ты, песнярь, мексиканец, убирайся в свою Африку!».

Праздником являлись поездки на кинофестивали любительских фильмов в Москву и Киев, это были и курсы повышения квалификации, и обмен опытом, и просто возможность увидеть столичную жизнь. Что еще нужно для студента, как не удовлетворение своего любопытства и расширение мировоззрения за государственный счет. Отдельным счастьем было попасть в непопадаемое – театр на Таганке, Дом кино в Москве – и там встретить какую-нибудь кинозвезду, что давало повод для сочинения рассказа: «Как я провел вечер в баре Дома кино с Н». С течением времени эта историческая встреча от рассказа к рассказу обрастала новыми подробностями.

И у меня была реальная встреча с актрисой Ларисой Голубкиной в театре Советской Армии на вернисаже. Все ряды, кроме первых были заняты. Вот я туда и уселся. Вышла Голубкина, отпела и отплясала, сошла в зал, подошла ко мне и томно так прошептала: «Молодой человек, эти ряды для актеров, пожалуйста, освободите место». Вот так мы и познакомились. Правда, больше уж не встречались, но впечатление осталось. С годами о нашем знакомстве знал весь горный институт.

А вообще-то встречи со знаменитостями были для нас не так уж редки. Незабываема встреча с «Песнярами» в полном составе во главе с Владимиром Мулявиным, посетившими горный институт и нашу киностудию.

Вот, наверное, и все. В прощальном аккорде и завершающей бурной коде ораторий обычно произносятся пафосные слова, клятвы верности, заверения в глубочайшем почтении, а мне ... грустно.

Грустно, потому что это все уже прошло и больше не повторится. Господи, а хорошо-то как было.

Пас, бывший вольный художник киностудии «Юность»,
а ныне доцент и морской геолог.
(Доцент – это не кличка, а ученое звание).

И вы мне не поверите!

Виталий Герман.

*Строил Байкало-Амурскую магистраль,
работал в Чернобыльской зоне. Позднее,
занимался предпринимательской деятельностью,
инвестиционными проектами, риэлтерством.
Член киностудии «Юность» в 1969-1975 гг.*

*Пушкин в своем Дневнике за 1834 год записал под 3-м июня:
 «Генерал Волховской хотел писать свои записки (и даже
 нагнал их; некогда, в бытность мою в Гуминеве, он их мне
 читал). Киселев сказал ему: «Помилуй!
 да о чем ты будешь писать? что ты видел?» – «Что я видел? –
 возразил Волховской. – Да я видел такие вещи,
 о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того,
 что я видел голую ж... государыню (Екатерины Второй,
 в день ее смерти).»*

Живешь на чужбине с постоянным ощущением – подобным привкусу горечи во рту – что жизнь не проходит, а уходит, бросая тебя, как ветреная подружка, покидая, как неверная любовница, уплывая, как облако в форме рыбы за горизонт... Есть у немцев расхожее выражение «auf die leichte Schulternehmen», что дословно переводится «взять на легкие плечи», т. е. нечто недооценивать, не принимать всерьез. Поэтому, приняв – знай наших! – на грудь, примите все последующее – и тем более предыдущее – на легкие плечи...

Когда Боря Цегельницкий, отслужив лейтенантский срок, нарисовался в студии, то, проникшись немедленной симпатией друг к другу, мы отметили его возвращение в стекляшке напротив Центрального гастронома на проспекте Карла Маркса, где пили «Портвейн Таврический» за «рушь пятьдесят два», стоя за высоким круглым столиком. БЦ смотрел на меня влюбленными глазами, а я говорил: «Представь, что мы с тобою стоим в парижском «бистро». «А почему в «бистро?» – спрашивал Боря. «Да потому что быстро!» – отвечал я. Потому что мы были тогда молоды и потому что я и помечтать даже не мог, что когда-то буду сидеть на веранде кафе в Париже в промозглый осенний день, укутанным в плед, под высоким торшером газового светильника, излучающего благодатное мягкое тепло.

Орловщина.
"Вальс в ритме
дождя"

Память, как услужливый официант, сервирует нарезку воспоминаний, украшенную кудрявою петрушкой вымысла, приперченную студенческой шуткой и густо присоленную матом.

Неужели этот совсем молодой человек с мягкими цыганскими глазами, поющий сильным баском под аккомпанемент на расстроенной гитаре: «Слушай, давай станцуем вальс в ритме дождя», ныне солидный, уважаемый всеми проректор Анатолий Федорович Косолапов? А вокруг, действительно, прошитый, как ватное одеяло, унылым дождем поздней осени сосновый лес в институтском лагере на берегу Самары...

Мы тогда бредили Маяковским, и спустя год Лапа, оправил меня в командировку в Москву для сбора материалов.

Я еще застал в живых сестру Маяковского – Людмилу Владимировну. Высокая, худая, как лунь, в чем-то сером, никогда не была замужем, рассказывала мне низким голосом – голосом поэта? – какие-то дежурные истории и вдруг встрепенулась, когда я, ни о чем таком не подозревая, упомянул имя Лили Брик. «А вы знаете», – с возмущением сказала она с уверенностью, что я немедленно примкну к хору негодующих, – «недавно я встретила эту женщину и у нее на шее было странное украшение: золотые кольца, нанизанные на цепочку. «Что это?», – спросила я, – и знаете, что она ответила? Это кольца моих бывших мужей».

Они жили втроем в маленькой квартирке в Гендриковском переулке, Маяковский и чета Брик. Маяковский любил Лилию, которая снисходительно позволяла Щену – прозвище, которым она наградила поэта – себя любить, а сама беззаветно любила своего мужа Осипа, который был умным человеком, значительно старше ее и, поговаривают, не пропускал ни одной, заинтересовавшей его юбки.

Однажды, оставив Маяковского в Москве, Брики уехали путешествовать и в Монголии видели пожар деревянного буддистского храма. Спустя полгода, в заснеженной Москве, Осип увидел конец этого пожара в кинохронике и меланхолично заметил:

«Случай не уйдет, может уйти жизнь».

«Слово, как пучок соломы, смысл из него торчит в разные стороны» – говаривал Мандельштам и в высказывании Брика для меня очевидны два смысла. Первый – тривиальный: «Надо жить достаточно долго, и тогда все, чего ты бы хотел, с тобою обязательно произойдет». Второй – неочевидный, но более интересный: «Когда все, чего ты когда-то хотел, с тобою произойдет, это еще неизвестно, останется ли у тебя прежнее желание».

За окном вдруг густо повалил мелкий снег, а я вспоминаю как Сеня Бурда, готовясь к очередному экзамену в киевский институт театрального искусства им. Карпенко-Карого (куда он хотел поступить на режиссерский и куда его, разумеется, не взяли, потому что он не прошел по конкурсу родителей, как ему доверительно объяснил по пьянке один из экзаменаторов), старательно репетировал венгерский танец в комнате общежития киевской канализации, куда я попал по распределению. Он напевает мелодию и лихо танцует, прищелкивая пальцами и прихлопывая каблуками, а перед этим вся школьная грамматика со всеми сложноподчиненными предложениями, не говоря уже о сложносочиненных, повторялась с помощью нехитрого конструкта: «Когда (если... потому что...) армяне пошли в баню, Маша мыла ж... мылом» .

О, наша бедная «Юность»! Мы все рвались из твоих стен в будущее, бредили о «brave new world». И вот это вожделенное будущее стало нашим настоящим: потускнели глаза, сморщилась кожа, а в голосах вместо ликующих победных нот интонация разочарования...

Нарисовал мне облако художник,
 Чтоб был я счастлив и по лужам шлепал,
 Чтоб никогда я не был одиноким
 Под теплым ливнем в шляпе, босиком...
 И только я собрался быть счастливым,
 Наверное, я долго собирался,
 Пока я денег накопил на шляпу,
 Пока купил скрипучие ботинки,
 Пока к жилету по последней моде
 Часы примерил с толстою цепочкой,
 Как дунул ветер, - и умчал куда-то,
 Чтоб был я счастлив, облако и ливень,
 Чтоб никогда я не был одиноким
 В жилете старом, шляпе и часах.

Давным-давно уже «накрылся медным тазом» когда-то «великий могучий Советский Союз». Да и нам, разбросанным по градам и весям целого мира, уже не вернуться назад, в стены горного института, разве что погостить, или как сегодня – на празднование юбилея. Но если разобраться здраво, то мы никуда и не ушли да никогда и не уходили из нашей юности... И куда нам было идти? Тут нас помнят, знают и, может быть, даже любят:

«Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество – нам Царское Село»

Жаль только, что славный город Днепропетровск в запойные брежневские семидесятые мало походил на Царское Село. Из города выходили, чтобы никогда больше в него не возвратиться, многие известные поэты, но ни один, вы слышите, ни один не возвратился в родные пенаты. Закрытому городу явно не повезло с имечком. Вы только вслушайтесь: «Дыр-пыр-тыр-офек» – словно старая телега стучит по булыжной мостовой...

А ведь когда-то у города было красивое, как пышная грудь императрицы, округлое имя – Екатеринослав!

Вот и возвратились мы к эпитафии из Пушкина, потому что «все возвращается на круги своя» и потому что «во mnogой мудрости много печали, и те, кто умножают познание, умножают скорбь...».

«Но где снега былых времен?» Всегда кто-то знает ответ на этот вопрос и на все остальные вопросы, и все может рассчитать – то ли по календарю древних майя, то ли по великому уренью гурхе. Но если Вы мне все-таки не поверите, то правильно сделаете, потому что я и сам уже генералу Болховскому не верю!

Женароком ...

Анатолий Калужский,

кинооператор, режиссер,

член киностудии "Экспозит" с 1967 по 1972 г.

руководитель киностудии с 1982 по 1986 г.

и с 1991 г. по настоящее время

Март 1968. Звенят ручки. Уроки на завтра сделаны. Даже аккуратно переписан с чужого конспект для семинара по курсу истории КПСС (доцент В. Поставной) по работе В.И. Ленина «Что делать?».

Вот и себе хочется что-то делать. А что? Вышел во двор общежития № 2, в котором и проживал. Слоняюсь. Что делать?

А тут ребята суетятся. Носят столы, большие круглые железные коробки.

– А чего это вы тут делаете?

– А нечего разговаривать, – говорит мне крупный увесистый парень, – помогай!

(Так я познакомился с Анатолием Косолаповым).

И я потащил что-то железное.

Сам того не подозревая, в этот момент я правильно ответил на первый вопрос анкеты для желающих пополнить ряды «Юности»: «1. Умеете ли вы переносить тяжелые предметы на большие расстояния?»

Оказывается, любительская киностудия «Юность», которая квартировала в бомбоубежище нашего общежития, переезжала в только что возведенный четвертый корпус.

Дотащив это железное в комнату номер 20, я твердо решаю, что надо сматываться. Но тут я впервые напарываюсь на Фиму Гальперина, который так категорично просит меня принести «чопики», что отказаться я просто боюсь.

– «Чопики» из аудитории номер 77. Это на четвертом. Лифт не работает. Вперед!

Что такое «чопики»? Я спросить стесняюсь и молча взбегаю на четвертый этаж.

– Там, это... – говорю я ребятам, втаскивающим в комнату тяжеленный сейф, – просят принести «чопики».

При этом я очень надеюсь, что эти непонятные «чопики» все-таки не сейф.

– Бери, – кивают в угол.

Ура, алюминиевые осветительные приборы – легкие. Не то, что круглые ящики с пленкой, которые я тут же получаю внизу от Фимы с командой тащить на четвертый этаж...

То, что они называются «Яуф» (ящик для упаковки фильма) я тоже понял эмпирически. Я всегда был догадлив.

Так я влетел тогда в студию. И так студия влетела в мою жизнь. Можно сказать, стала судьбой.

С Борей Цегельницким, Сеней Бурдой и другими студийцами я встретился позже и тоже не напрасно.

Вообще я был тогда не только догадлив, но и старателен. И когда Гальперин дал мне книгу по кинотехнике, я сразу же начал ее конспектировать. Однажды я спросил у Фимы о гиперфокальном расстоянии объектива.

– Ого! – удивился он. И после этого ставил меня в пример остальным – вот, мол, новенький, а какой серьезный. Не то, что вы.

После этого мне доверили изучать уже саму кинокамеру. Дали мне «Пентаку».

С энтузиазмом взявшись за это дело, я начал снимать буквально везде – на улицах, в общежитии, в парке и даже на пляже. Вот там-то в камеру и попал песок.

... я начал снимать буквально везде...

Камера не выдержала такого над собой издевательства и изучать мне стало нечего. Прикинув, сколько месяцев мне придется жить впроголодь, чтобы вернуть деньги за недоизученную мною камеру, я решил пока в студии не появляться. Но я был уже заражен неизлечимой любовью к кино и, встретив через пару недель Косолапова, во всем ему признался. Мне простили, и я вернулся в студию.

Летом этого же года нас с Сережей Деркачем и Толей Пашаном наградили работой.

– Тут к нам кафедра геодезии обратилась с просьбой, – сказал нам Гальперин. – Надо снять несколько учебных роликов. Как обращаться с теодолитом и всякой другой «хренотенью». Вы все равно едете на геодезическую практику в Орловщину. Так что снимите. Старшим группы назначаю Калущкого.

– Это почему же? – спросил Деркач, у которого вроде опыт работы с кинокамерой был побольше и он вообще не любил подчиняться кому-то...

– Калущкий у нас серьезный, – сказал Гальперин.

И я понял, что никогда не надо торопиться и засыпать мелкими вопросиками про всякие «чопики» и «яуфы». Важно спросить один раз. Вовремя и с серьезным видом. Причем ответ не обязательно выслушивать... В конце концов, важен же не ответ, а вопрос.

Мы благополучно снимали эти учебные ролики по геодезии целых два лета. И жили удивительно весело и легко в сосновом лесу у реки на всем готовом. И наснимали так много, что хватило нам с Деркачем еще на свой первый фильм «Мы – геодезисты». В этом фильме как киношник дебютировал и Сеня Бурда, написав финальную песню для нашего фильма. А Толя Пасынков на гитаре

... заражен неизлечимой любовью к кино...

«Мы – геодезисты». Анатолий Калущкий, Юрий Лашук, Владимир Штенгелов

подобрал музыку. Но не хватало изображения, под которое класть песню. Да и вообще по драматургии как-то нехорошо, что песня возникает с бухты-барухты. И тогда мы – три Толи (Пашан, Пасынков, я) и примкнувший к нам Леша Москвитин устроили в парке за Историческим музеем костер и отсняли сидение у костра с гитарой и пение.

Песня
 В прожитом здесь отрезке жизни
 Под солнцем гомон, суета
 И ночью, птицею капризной,
 Нас за собой звала мечта.

Нам звезды вежами мерцали,
 Преподаватель нас простит,
 Кратчайший путь между сердцами
 Нам измерял теодолит.

В нас юность вечно будет длиться
 И не порвать нам нить времен,
 И вспыхнет в памяти зарницей
 Залитый солнцем полигон.

«Все впереди у Вас дороги» –
 Нам шепчет ветер озорной,
 Уходим бронзовые боги,
 Мы возвращаемся домой.

А ведь помню жуткий аврал. Республиканский фестиваль уже идет. И показ фильма в программе назначен чуть ли не на завтра вечером. А негатив еще не смонтирован. И ведь еще надо успеть отпечатать копию фильма и наложить звук. Все тот же вопрос – что делать?

Хорошо, что печать копии там же, где и фестиваль. В Киеве. Закупаем целое купе в поезде, раскладываем коробки с негативом и всю ночь подбираем нужные кадры. Под утро, не выпуская пленки из рук, я ухожу в обморок. Ребята выносят меня из поезда буквально на руках.

Зато успеваем. Наш фильм завоевывает несколько призов на республиканских и всесоюзных фестивалях самодеятельного киноискусства.

Но тогда в Киеве у меня была еще одна задача. Мама дала денег

на осеннее пальто. Я обратился за помощью к бывалому Гальперину. И вот мы идем с ним в магазин на площади Калинина. Теперь – площадь Независимости. Магазин был двухэтажный, шикарный, в старом стиле. Зеркала, колонны, старики-продавцы.

На первом этаже женская одежда, на втором – мужская. Среди жутких темно-серых и черных пальто, которые выглядели, как платяные шкафы, находим модное, из новой ткани «Джерси» (кстати, Фима теперь живет в штате, который так и называется Нью-Джерси). И Гальперин меня, боящегося, не дай Бог, оказаться хоть чем-то непохожим на всех вокруг, долго-долго уговаривает.

Я думаю, что во всем Днепропетровске только я и щеголял в таком пальто. Мне говорили, что я в нем очень выделяюсь. Что девушки оглядываются. А я до сих пор уверен, что это они на меня оглядывались, а не на пальто.

А еще помню – мы с Гальпериным шли вниз по проспекту от института вниз. Был такой у студийцев традиционный маршрут – вроде бы провожали Фиму домой. По пути заходили и пили в овощных магазинах сухое вино по 26 копеек стакан, заедая бубликом за пять копеек, и говорили, говорили... И однажды я спросил (тогда наш фильм «Этюды» стал лауреатом Всесоюзного фестиваля в Житомире):

– Фима, что значит слово ЭТЮДЫ?

И Фима начал чего-то объяснять. Долго... И тогда я сказал:

– Понял. Это как бы ни о чем.

И Гальперину это очень понравилось.

А еще я помню наш фильм «Что ты знаешь о Солнце». Материал был снят на шахте в Краснодоне и нужен был символический завершающий кадр – добытый уголь поднят «на-гора» и восходит Солнце. Такая овеществленная метафора из гимна советских шахтеров – «...шахтеры свет приносят людям». А конкретно нужно было, чтобы конвейер, по которому идет уголь, упирался в Солнце. Вся студия сидит, горюет. Нет у нас этого финального кадра. Висит привычный вопрос – что делать? И тут я вспоминаю – у нас в Александрии на обогатительном комбинате конвейер как раз ориентирован на восток.

И устроили мы кино-экспедицию в Александрию. БЦ, Маценко и я. Облазили ГОК, определились с конвейером. Заночевали у меня дома. Мама покормила любимыми моими варениками с картошкой. Я дал концерт на баяне (учился ведь в музыкальной школе). Рано утром с трудом вылезли на конвейер и сняли панораму. Прямо в солнце!

Никогда не забуду чувство, с которым мы возвращались. Ранняя осень. Солнышко. Мы веселые. Чувство радости переполняет настолько, что мы на ходу сочиняем поэму. Я помню свой вклад: «Солнце светит в правый глаз».

Е. Гальперин и Б. Цегельницкий
на съемках фильма
«Что ты знаешь о Солнце»

Запомнившийся кадр из фильма

Поэма удалась. Была принята в студии на «Ура» и удостоена чести висеть в нашей газете «Смефучки» целый месяц.

То ощущение праздника осталось во мне. «Солнце светит в левый глаз!». Да, наша студия была источником света, знаний, свободы. Причем оказалось, что не обязательно было ходить в студию, чтобы заразиться кино.

Вот был у меня сокурсник и дружок Володя Штенгелов по кличке «Штанга». Мы даже жили с ним в одной комнате общежития. И я все его забывал в студию. А он – ни за что. Все свободное от учебы время валялся на кровати и читал все, что под руку подвернется. И вот. После окончания института пошел в операторы. И всю жизнь проработал на телевидении.

Оказалось, что подвернулась ему ненароком книга по кинотехнике, которую тогда дал мне на изучение Гальперин. И он ее ненароком прочел. И вот так же – ненароком – прожил большую творческую жизнь.

Как живут и сегодня, оставаясь верными своему тогдашнему увлечению, бывший студиец Олег Коротенко – ныне руководитель уникального в Украине кинопродюсерского центра и Александр Мусинов – руководитель видеостудии Днепропетровского университета экономики и права.

Я думаю, что так же ненароком, общаясь тогда еще со своими студентами Толей Косолаповым и Вовой Моложеном, и наш ректор, известный в мире ученый Геннадий Пивняк увлекся этим занимательнейшим процессом киноvideопроизводства. А его супруга – заслуженный журналист Украины Галина Пивняк – раскрыла талант мужа замечать необычные моменты в жизни и запечатлевать их на пленке. Вот так родился их творческий тандем. Из деловых поездок за границу Геннадий Григорьевич стал привозить отснятые видеокассеты, а Галина Андреевна создавала из этого материала целые телевизионные передачи.

И я, благополучно окончив институт и получив диплом инженера-маркшейдера в 1972, тоже как бы ненароком все-таки продолжил снимать кино. При моем активном участии как оператора фильмотеку «Юности» пополнили такие работы, как «День из августа», «Прислушайся, и ты услышишь вновь», «Как объяснить тебе?», «Дочери и ее сыновья» и другие.

А потом так уж сложилось, что я просто возглавил студию. Вот уже 30 лет «Юность» (официальное название – лаборатория технических средств обучения) – это место моей работы, моих забот. А что делать? Такая судьба! На всю мою жизнь.

Известные ученые увлекаются не только наукой...

Галина Андреевна Пивняк, Анатолий Калуцкий и Владимир Коренной в работе над фильмом «Люцмани порогів Дніпрових»

Кінематорська колекція «Юність» Дніпропетровського гірничого інституту ім. Артема перебірає переможця конкурсу-огляду в Москві, Ленінграді, Києві, Києво-Славгороді, Студентській колекції був лауреатом міжнародного конкурсу в Будапешті, Београді та Румунії. Тема висхідно-патетичної роботи стосується «Атланта» і «Турбота». У Києві добре розроблена тема навіяла на дитячого вихователя, дістала високу оцінку глядачів. А щирою з любов'ю присвячено артиста замість відомим Республіканській раді професійних спілок колективу. Фото В. БОРЕМОВА.

НА ЗНІМКАХ: Іван Займа, Вілла Камері кінематори Анатолій КАЛУЦЬКИЙ та Сергій ДЕРКАЧ.

В 90-х годах мы сменили кинотехнику на видеооборудование. И стали тесно сотрудничать с телевидением. Наши операторы Владимир Коренной, Дмитрий Шакович, Александр Мусинов, Андрей Болотов, Кирилл Буц не единожды становились соавторами сюжетов на 51-м областном телеканале.

Масштабы нашей работы расширились. Они приобрели информационно-просветительский характер. Студия принимала участие в создании телевизионных программ для Днепропетровского и республиканского телевидения. «Возрождение», «Пороги», «Живое слово», «Богдановими шляхами», «Пізнаємо світ, світ пізнаєнас», «Истоки Победы» – эти передачи приобрели огромную популярность. Они были необычайно искренними, наполненными духом патриотизма и любви к родной земле, народным традициям. Сотрудничали мы с известным в свое время тележурналистом и генеральным директором Днепропетровской областной телерадиокомпании Николаем Павленко, кстати, выпускником нашего горного. И с главным редактором общественно-политических передач Владимиром Луценко, главным редактором молодежных программ Ириной Лизавенко, режиссером Луизой Щегловой, редакторами авторских передач Виктором Ожогиним, Владиславом Войцеховским, Фиделем Сухоносом.

Новое время – новые веяния. Современная молодежь, наши студенты, конечно, смотрят на мир по-иному. Новая генерация пришла в «Юность» в двухтысячных. Образовался студенческий пресс-центр. Ребята работают в основном в информационном жанре, снимают и монтируют сюжеты на тему дня, о важных событиях в университете, в городе, размещая это на университетском сайте, демонстрируют на студенческих мероприятиях. Есть интересные, на мой взгляд, пробы. К примеру, «Шотландская вечеринка в НГУ», «Бал в Горном», «Здесь юности нашей липы цветут», «Чайная церемония по-японски», «Изобретатели НГУ» и др. – всего не перечислить. Приятно, что недавние выпускники нашего вуза нашли себя в журналистике. Виктория Какубава работает в ИА «Новый мост», Ольга Юдина – корреспондент газеты «Горожанин».

Абсолютно откровенно скажу, что вдохновителем творческого процесса «Юности» на протяжении последних двух десятилетий была и остается заслуженный журналист Украины Галина Андреевна Пивняк. Удивительно душевный и творчески богатый человек, влюбленный в свое дело. И своим вдохновением Галина Андреевна щедро делится со студийцами.

Именно она познакомила нас с огромным количеством интересных людей. Благодаря ее неумемной энергии, любви к людям и беспокойству о сохранении

Новая генерация пришла в «Юность»

Вдохновителем творческого процесса «Юности» была и остается Галина Андреевна Пивняк

исторической памяти, о всевозможных ключевых событиях на Приднепровье, народных традициях и промыслах, о развитии на Украине кобзарства, – все запечатлевалось на видеопленку. И в съемках этих передач много раз участвовала видеогруппа нашей «Юности».

Так что сутягия жива. Мы с ней вместе на современной тропе романтиков уже в новом тысячелетии. Так и должно быть! «Юность» – это Молодость – Молодость Души и Сердца.

Привиделось...

*Ернм Тальперн,
сценарист, кинорежиссер, продюсер кино
и телевидения, руководитель киностудии
«Юность» в 1966-70 гг.*

ВСТУПЛЕНИЕ

... И сказал мне Косолапов: «Ну, понимаешь, есть стиль для юбилейного издания».

И предупредил меня Бурда: «точите зубы на ближних и перья для потомков... стараясь, разумеется, достойно выглядеть...»

И сказали раввины – советчики ребе Нафтали Гороховского: «И не суди человека, если это не для исправления Человечества...»

И сказал Виталий Герман из страны Ашкеназ («Германия» – иврит): «... определить для самого себя внутреннюю границу, что и как позволительно говорить о других, чтобы не причинить им ущерба и не оскорбить человека...»

И рассказал я им в ответ и вам рассказываю...

Девочка заливается горячими слезами. Бабушка начинает успокаивать ее. Та, на минуту прекратив свой плач, заявляет: «Я не тебе плачу, а маме».

Так вот, мальчики и девочки, не к юбилею я пишу. Не вам. Я просто хочу вспомнить свои эмоции того времени. И пишу только про свою жизнь.

Того, что меня не касается, я не трогаю. И, как мне кажется, пишу честно о том, что касается меня. Я не пытаюсь выстроить сегодняшнюю концепцию, сегодняшний взгляд на прошлое.

Термины, да, использую современные. Но ощущения ведь тогдашние.

ПАПКА

Папку с тесемками за 17 копеек я купил возле дома в магазине «Канцтовары». И старший брат, посвященный в мои планы, вывел на обложке красивым чертежным шрифтом (как-никак он окончил как раз ДГИ и чертил тщательно, с любовью): «Ефим Гальперин – режиссер советского кино».

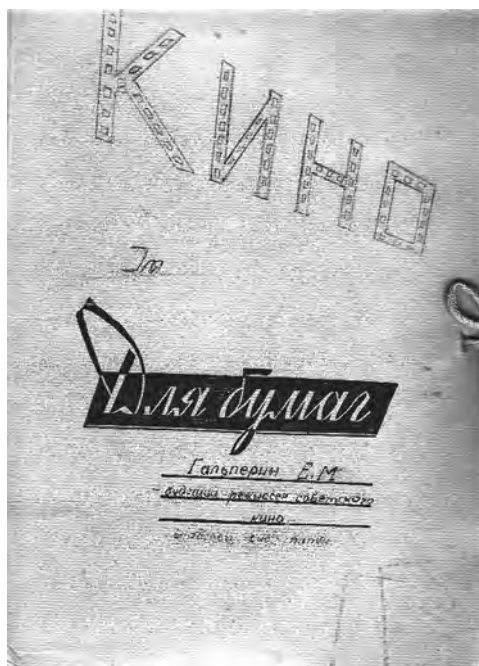
Был 1962 год, и было мне 16 лет. А за год до этого мы с ребятами из моего восьмого класса устроили школьную любительскую киностудию. Вскладчину купили кинокамеру «Турист» 2x8 мм. А школа нам кинопроектор 8 П-1. (первый 8мм проектор в СССР). Снимая свой фильм «Старик» на студии им. Довженко я увековечил в нем знаковые для меня фамилии соратников по той любительской студии в школе – Забелинский и Перцов.

Первый сюжет, который был нами снят, как и повелось со времен братьев Люмьер, был «Приход поезда на станцию». Станция была в парке имени Чкалова. Это известная на весь СССР «Приднепровская Детская железная дорога»

Второй сюжет был конъюнктурой в чистом виде – «Торжественная линейка пионерской дружины школы №38 в парке имени Ленина. Прием в пионеры».

Так потом всю жизнь в кино я метался между желанием отражать реальность и пониманием, что надо соответствовать конъюнктуре.

Для музыкального сопровождения сюжета или, как выражаются сегодня, для саундтрека был выбран «Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром в ля – мажоре» в исполнении лауреата конкурса имени Чайковского

Папка за 17 копеек...
«Ефим Гальперин режиссер
советского кино»

«Живая шляпа»

американца Вана Клиберна. Смотрелось все очень пафосно. Директор школы и учителя были в восторге.

И тогда нам выделили место на пыльном чердаке школы. Таков удел кинолюбителей – или подвал или чердак. Чтобы было темно. Уже тогда мы знали, что «Пленка, как и любовь, проявляется в темноте» и радостно согласились. Во-первых, потому что обратимую пленку нельзя обрабатывать в облегченном варианте – при красном свете. А во-вторых мы были продвинутые и уже прочитали роман Мартина Ларни «Четвертый позвонок», в котором описывались американские нравы. В том числе взаимоотношения с противоположным полом. И мы старались соответствовать духу и букве книги.

Кстати, думаю, что книга потому и была опубликована, что КПСС решила, что это автор бичует язвы империализма. Вот живу я сейчас в Америке и восхищаюсь, насколько точно типология обитателей США в этой веселой, светлой книге финского писателя Ларни.

Оборудования для проявки кинопленки в магазинах не было. Растворы делали сами в банках из-под томатного сока. А пленку наматывали на рамки из пластмассы, которые выпилил лобзиком я сам. Опускали эти рамки с пленкой в большие фото-ванночки. А покачивать рамки в растворе доверяли только нашим девочкам. И делать это надо было, не отвлекаясь. То есть, руки из раствора не вынимать...

Следующим в наших творческих планах был, ни много ни мало, художественный фильм. Экранизация рассказа Носова «Живая шляпа». Чудный котенок, комбинированные съемки со шляпой (тянули ее по ковру на незаметной нитке) и актеры-пятиклассники, которые вели себя перед камерой довольно естественно. С этим фильмом нас даже пригласили на областное телевидение. Так уже в раннем возрасте мы познали развращающую сладость славы.

Хотя нет. Для меня все это началось раньше, когда мне было лет пять-шесть. У нас был большой двор. И много ребятни. И мы все вместе ходили на детский сеанс в кинотеатр парка имени Чкалова. Смотрели очередной фильм, возвращались во двор. Все рассаживались вокруг и говорили

– Фимка, рассказывай.

И я пересказывал кино со всеми пиф-пафами. Я играл все роли. Падал, взлетал.

– А он... А она...

Пацаны внимали так, как будто не были час назад со мной в зале. Потому что я, скорее всего, накручивал из всего этого какую-то свою солянку сборную. Но вот именно после той телепередачи, когда показали наш фильм

«Живая шляпа», купил я папку с тесемками. И начал строить серьезные планы.

Как раз к этому времени неутомимый Никита Сергеевич Хрущев предпринял очередную реформу школьного и высшего образования. Во-первых, перевел общеобразовательные школы на одиннадцатилетнее образование. А во-вторых, был брошен клич: «при поступлении в институт предоставляются значительные льготы лицам, имеющим трудовой стаж минимум два года».

И я, шустрый, все рассчитал так: после восьмого класса я уже не наслаждаюсь законными школьными каникулами, а иду работать. Девятый и десятый класс я заканчиваю в вечерней школе рабочей молодежи. И это не только для стажа... Я умел считать. Дело в том, что вечерние школы еще оставались десятилетками. И у меня получается все на год раньше!

Решено – сделано! Чтобы стаж был по профилю, я начинаю искать в родном Днепропетровске, что-нибудь со словом «кино». А в городе в то время было:

- а) областное телевидение,
- б) два кино-корреспондентских пункта. Киножурнала «Радянська Україна» и Министерства черной металлургии.

Но и там и там от шестнадцатилетнего пацана шарахнулись. Оставалась лишь одна позиция со словом «кино». Кинотеатр. Кинотеатр «Украина». В самом центре города. С июня 1962 года начался отчет моего трудового стажа.

Начал я с должности «помощник киномеханика» – 45 рэ зарплата. Перематывал киноленту и бегал в магазин за вином и водкой для дядь – киномехаников и их гостей. В те времена меня можно было разбудить ночью, и я мог дать четкий ответ, в каком гастрономе имеется «біле міцне», в каком «портвейн Таврический» и куда с вечера завезли «Перцовую настойку». И цены на весь ассортимент спиртного я знал назубок.

Что важно – сам не приобщался. Не соответствовал широко известной поговорке «пьет как киномеханик!». Был ведь из приличной еврейской семьи, И надо было себя беречь для светлого кинематографического будущего.

Ах, какое было время! Вы поглядите на даты появления лучших советских фильмов.

Как раз 1962–1965. А еще расслабился кинопрокат, и повезли зарубежные фильмы типа «Закон есть закон», «Полицейские и воры» и, наконец, «Великолепная семерка». Все эти фильмы я «крутил». А, следовательно, и смотрел многократно. Помнил все монтажные переходы. До кадров.

А еще кроме трудовой деятельности и, соответственно, учебы в школе рабочей молодежи осталась на мне любительская киностудия в школе №38. Снимали, проявляли, озвучивали. Все сюжеты были про жизнь школы.

В 1964 году, в полном соответствии с намеченными планами и с двумя годами стажа за плечами, я подаю свои работы на предварительный творческий конкурс работы во ВГИК, факультет кинорежиссуры. Конкурс прохожу, получаю вызов на экзамены.

Но вот забоялся ехать далеко! Решил, что лучше поближе. Тем более что в Киеве уже жил мой старший брат. Послал те же тексты, что в Москву, в Киевский Государственный институт театрального искусства. Там как раз открыли Кинофакультет. Конкурс прошел.

Помощник киномеханика
в кинотеатре «Украина».

А год 1964-й у нас был особенно национально шумный. В который раз по республике шла украинизация. Даже все вступительные экзамены, особенно в творческом вузе, надо было сдавать на украинском языке. И стихи, и песни, и сочинение...

И я проникся! Настолько, что однажды я поймал себя на том, что даже думать стал на украинском языке.

– Треба – думал я в это мгновение – ще раз перечитати другу частину «Прапорonosців» Олеся Гончара.

Экзамены я сдаю успешно и являюсь на заключительное собеседование. Тут я вижу перед собой комиссию – всю из дядь «у вишиваних сорочках». Но, как говорит нынешняя молодежь, «фишку я не просек», до тех пор, пока дяди не потеряли терпение и не сказали открытым текстом:

– Хлопець ти гарний, але нам у нашому кіно потрібні наші національні кадри.

Это меня сильно ударило. Скажем так – я повзрослел за час.

Тогда я не знал, что было на самом деле от чего дядям «у вишиванках» огорчаться. И в надежде на свои национальные кадры даже открывать Кинофакультет в Киеве.

Ведь в то время все лучшее в украинском кино снималось лицами некоренной национальности. Самих-то украинских, после преждевременно ушедшего Александра Довженко хороших режиссеров можно было с трудом двух-трех набрать.

А то все Суламифь Моисеевна Цыбульник, Петр Исаакович Шмарук, Виктор Моисеевич Иванов (фильм всех времен – «За двумя зайцами»), Аркадий Аронович Народицкий (будущий Мастер моего курса), Григорий Наумович Чухрай, Григорий Иосифович Липшиц. А к этому еще армянин грузинского разлива Сергей Иосифович Параджанов, Сурен Вардкесович Шахбазян, болгарин Коля Рашеев, а в Одессе поднималась слава румынки Кирьы Скурту (Муратовой по мужу).

Нет, начинали уже тогда Миколайчук, Осыка и постепеннодвигающийся по направлению к украинской культуре Юра Ильенко. Но, увы, размахивали национальным флагом другие – серенькие. Мол-де, «як тут бідному пересічному українцю пробитись?!»

Буду честен. Не стану разыгрывать карту антисемитизма. Вот, дескать, я талант, а не взяли, потому что еврей. Нет! Я был обычный, нормальный абитуриент. Как все, мечтающий работать в кино. Прошедший все экзамены. Вышедший в финал, где нас осталось уже всего десять кандидатов на пять мест. Но не было во мне ни странности Романа Балояна, ни неожиданности Тофика Шахвердиева. Я называю тех, ярко выраженных «не национальных кадров», кто поступал и был принят в Карпенко-Карого в следующие годы и уже при поступлении заявили о себе.

То есть, я был никаким. И даже «мажором», то есть сыном какого-нибудь крупного партийного чиновника я не был. Так что зачем же ректору или Мастеру, набирающего курс было копыя ломать? Бороться за меня и нарываться на актуальное тогда обвинение, что вот опять не национальный кадр берем.

Но понимание про обязательную индивидуальность, которым и живет искусство, пришло ко мне позже, года два спустя. И я начал копаться в себе. Искать эту – вот на украинском языке звучит красиво – «Особистість».

Но это уже потом. А пока лето 1964 года. Мне восемнадцать лет. Я ничего еще не понимаю. В ушах «нам у нашому кіно... національні кадри». А в глазах

«вишиванки». Тарахтят колеса в ночи, увозя меня, домой из негостеприимного Киева.

– Подумаешь – говорил я себе – впереди еще целая жизнь. Успею.

Я успел побыть режиссером советского кино! И была Москва, студия им. Горького.

Призы международных фестивалей...

Но, увы, расцвел-то я на самом излете этого мира. Кончилось советское кино.

Возникающей «нескольколетней» паузы я не стерпел. Съехал из страны. Семью вывозил... Грустный парадокс состоит в том, что когда я наконец-то стал по-настоящему профессиональным режиссером, я больше уже не снимал кино.

И возвращаясь к той самой папке с тесемочками... Сложно ли всю жизнь к чему-то стремиться? Да. Очень. Но ничто в этом мире не приходит к тебе само по себе. Ничто и никогда.

ГОРНЫЙ

Вернулся в родной кинотеатр «Украина». Теперь я уже был старшим киномехаником смены. Готовился поступать на режиссера уже только в Москву. Там, как мне казалось, «вишиванок» не было...

В мае 1965 отправил документы на предварительный конкурс во ВГИК. Опять прошел. Казалось бы «Вперед», но тут уже подступили ко мне родители.

– А вдруг... – сказал папа.

– А не дай Б-г... – предположила мама.

А в военкомате были категоричны:

– Готовься парень, если не в институт, то в сентябре в Советскую Армию!

Я задумался. Ну, очень не хотелось служить. Про «дедовщину» я уже был наслышан. Это раз. А два – мне, непоседливому, три года несвободы казались вечностью. И главное – в моих пророческих видениях (которым я доверял и доверяю) такой картинке «я – солдат в армии» не было.

Успокойся, патристически настроенный читатель. Свой воинский долг я все-таки отдал. Немного позже. С 1971 по 1973 – лейтенант СА, командир взвода танков.

А пока был семейный совет. И мой родной старший брат усугубил сомнение:

– Ты думаешь, в Москве не будет других дядь? Не «у вишиваных сорочках»?

У брата был свой опыт. В 1953 году он – многократный победитель соревнований по авиа-моделированию и, более того, создатель одной из первых в стране радиоуправляемых моделей самолетов (то чем в принципе сегодня являются БПЛА – беспилотники), окончивший школу с золотой медалью, (что давало тогда право на поступление в институт без экзаменов вообще) рванул в Москву. В МАИ. Авиационный институт им. Орджоникидзе. И нарвался на отказ.

Как понимаю сегодня, он еще удачно отделался. «Усатый» помер в марте, к летним вступительным экзаменам антиеврейская паранойя начала рассасываться. И брат, получив отлуп, благополучно вернулся в Днепропетровск. Тут он, прощаясь с мечтами об авиации, принес документы в (теперь родной для всей нашей семьи) горный институт.

Вот он-то, Абрам Михайлович Гальперин, и склонил меня к решению поступать на механико-машиностроительный факультет ДГИ.

– Потому что – сказал он – в институте есть военная кафедра.

Но добил он меня окончательно новостью, что, оказывается, есть в институте любительская киностудия!

Все сразу стало выглядеть разумным компромиссом – я не иду в армию, учусь в ВУЗе и я буду при кино.

В мае я провел разведку боем. В тесной комнатке на втором этаже Общежития № 2 со мной важно поговорил тогдашний руководитель студии «Юность» Лев Попов.

Это потом, спустя 40 лет, я узнаю, что была это студия со второй попытки. От первой попытки (студия с названием «Весна») остались следы в виде негодующей заметки в газете «Артемовец» студента В. Прохоренко, члена правления студии «Весна» (1.12. 1961 «Киностудия повинна працювати нормально»). Смысл заметки был – мол, как же так, мы такие хорошие собрались, а нам никто не помогает, никто навстречу нашим запросам не идет – ни пленки не дают, ни техники, ни места. Понятно, что с таким настроением студия не случилась.

А вот попытка номер два – это и есть студия с названием «Юность». В ДГИ в 1962 года поступает неуемный, азартный фотолюбитель Лев Попов. Родом из Феодосии. Автор многих известных чудных фотографий Крыма. Он «сотоварищи» долго готовят обоснование и доходят с этой, заранее подготовленной, докладной до... помощника ректора. Появляется камера «Адмирал-16 Электрик». И снимается фильм, называемый в духе времени «Тропой романтиков». Кино про практику студентов – геологоразведочного факультета.

Конечно там же, в любимом Поповым, Крыму.

Потом, к сожалению, Лев по состоянию здоровья уходит в академический отпуск. Изредка он наезжал на месяц – два в Днепропетровск.

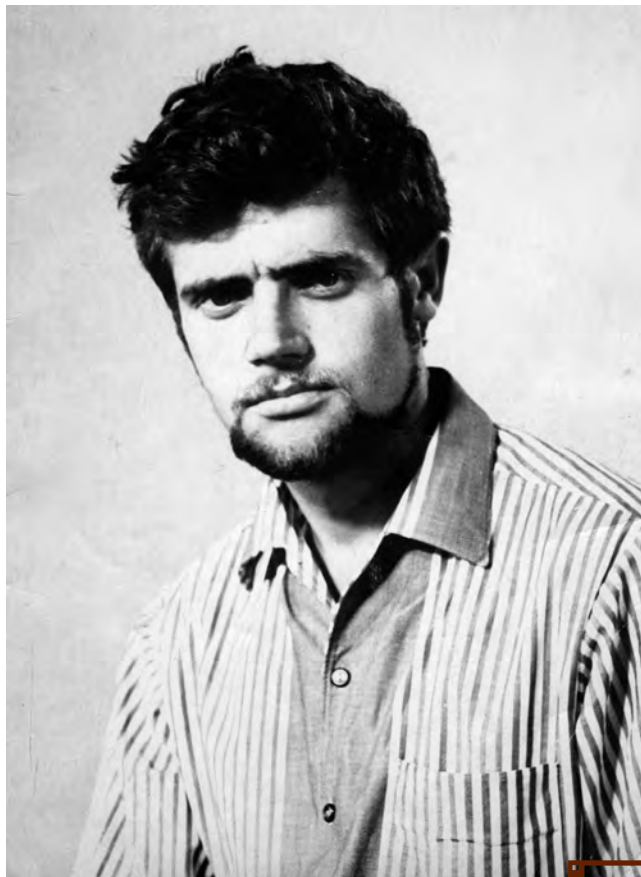
Кстати, при втором визите в студию в июне, когда я уже ходил на подготовительные курсы в ДГИ, в той же тесной комнатке профессионально возился с фотобачками кучерявый брюнетистый мальчик краснодонской закалки.

– Знакомься – сказал Лев Попов – вот тоже абитуриент.

– Боря – сказал мальчик и гордо добавил – Цегельницкий!

Короче, есть военная кафедра, есть студия. Остается самая малость – поступить в этот самый институт. Но вот как раз это было для меня делом непростым. Почему? Да потому что в школе я как раз старательно обходил стороной все учебные предметы, где встречались формулы и графики.

– Зачем – говорил я себе и всем учителям – мне гуманитарю, будущему инженеру человеческих душ эта математика?

Боря Цегельницкий

И потом я был (и есть) жутко непоседлив. Такое свойство природы. К примеру, как-то в семнадцать лет я решил накачать себе мышцы, фигуру построить. Пошел заниматься в секцию тяжелой атлетики. Так вот, штангу поднять не было вопросов. И подходы, отходы – как учили. Но вот стоять неподвижно с поднятой штангой, чтобы судьи зафиксировали вес... И пятьдесят раз одно и то же движение при разминке и качании мышц. Или бегать монотонно по кругу стадиона. Целых два года мучился.

Но деваться все равно было некуда. Надо было догонять недобранное по точным наукам. И за два месяца перед экзаменами я честно просидел два стула и одну табуретку. К началу вступительных экзаменов, учитывая мою упитанность, их можно было сдать на дрова.

Недавно в архиве института меня по большому благу познакомили с моим личным делом.

К моему удивлению и физикой, и химией я сдал пристойно. Вообще по экзаменам как для меня, отрадная картина три – «хор.» и два – «уд.». Причем один из этих «уд.» еще раз убеждает меня, что попал я в институт разве только потому, что это Г-споду было угодно. Потому что конкурс на мою специальность был нешуточный – пять человек на место.

Более того, судя по сохранившимся листочкам, я на первом же экзамене (письменная математика) отхватил «двойку». И вроде бы уже «постой, паровоз». Но, как справедливо решил экзаменатор на устной математике, после моего ответа на билет:

– А по письменной работе у вас между «двойкой» и «тройкой». Поэтому, за устный вам «пять», но один бал я забираю и ставлю «3» по письменной работе и «4» по устному ответу.

Повезло! Кстати, таким же счастливым оказался и Толя Косолапов.

И началась моя студенческая жизнь. Курсовые, зачеты и жутко строгие преподаватели. Что говорить, курс начертательной геометрии я сдал доценту Романовой, только с третьего захода... Последнего, разрешаемого деканатом.

Причем, если в первый раз сдавая зачет, я просто безответственно был к нему не готов, то во втором разу ведь честно сидел и зубрил. Но... Ну, не мое это было – «точка на плоскости».

А доцент Романова качала головой, все вспоминала моего брата. Приговаривала:

– Вот брат-то у вас был в начертательной геометрии светлейшая голова (ох, как часто в жизни меня сравнивали со старшим братом и всегда не в мою пользу!)

Эх, вылетел бы я из института из-за этой чертовой «начерталки» после первого же семестра, если бы отличница Томочка Беляева (группа АТ-65-1). Она при моем горестном третьем заходе, в той же аудитории сдавала зачет по той же «начерталке» в положенный ей первый раз. Именно Тамара, хоть и не ведала, что наступит момент и нас объединит киностудия «Юность», не бросила в беде, а наоборот, набросала на листке решение задачи.

Удивительно! Г-сподь обязательно сведет, казалось бы, совершенно параллельные линии.

«Спасительница» – Томочка Беляева

Снимаю я, осенью 1989 года на днепропетровском вокзале свой фильм «Санитарная зона» (известный в народе под скромным названием «Бля!»). И мучаюсь с массовкой. Перрон и две с половиной тысячи человек. Должны быстро (!) выбежать и занять свои места. И гоняю я эту бедную массовку, состоящую из пенсионеров и школьников (как говорит в фильме Люба Полищук: «пенсионеры, школьники... Больше не соберешь»).

И ведь совесть мучает, что гоняю их, бедных. Но отрепетировать – то надо. Пленка «Кодак» больших денег стоит.

Короткий перерыв и ко мне прорывается дама из массовки. Ассистенты ее «назад!», а она:

– Ефим Михайлович! Ефим Михайлович! Вы меня помните?! Я доцент Романова. Я Вам в Горном начертательную геометрию преподавала!

Постояли мы, поговорили, повспоминали. Очень она хотела сфотографироваться с народным артистом СССР Владимиром Самойловым, игравшим роль полковника Косолапова в фильме. Для всех женщин в массовке он когда-то был секс символом. И во время съемок, они буквально обмирали, когда по мизансцене он оказывался рядом.

Сфотографировались Романова с Самойловым на ее фотоаппарат. Потом и меня рядом поставили. «Щелк». И она, гордая, вернулась в свой коллектив.

Кончился перерыв. «Внимание, массовка на исходные позиции!»

И подумал я злорадно:

– Вы меня гоняли, дорогая доцент Романова, теперь вот я Вас...

ПОСТ СДАН. ПОСТ ПРИНЯТ.

Проходит первый учебный год. В мае 1966 года приезжает из Феодосии Лев Попов. Собирает «старичков» – Толю Ирзу, Сашу Китаева, Гену Мазура и Сашу Мельникова. И ставит вопрос о творческих планах на будущее. Тем более что Лев по состоянию здоровья возвращаться в институт не собирается. Но и «старички» как раз к этому времени уходят на преддипломную практику. Волей-неволей речь заходит о передаче эстафеты.

– А подайте-ка сюда такого-сякого.

Тут «Старички» посоветовались и подали Льву Гальперина.

Из характеристики на меня Семена Бурды (русский язык)

– Любит все контролировать и расхаживать с микрофоном по сцене.

Из характеристики на меня моих родственников и Аркадия Шмиста (идиш)

– швицер, цидрейтер, шлимазл и шлимээл в одном лице.

Из характеристики на меня жены одного из студийцев (русский язык)

– Гальперин?! Да он просто хам!

Из характеристики на меня Главного бухгалтера ДГИ С.П. Первеева (русский язык)

– склонен к авантюризму в разумных пределах

Из неофициальной характеристики парткома института (русский язык)

– шумный, не соблюдает субординации, амбициозен, мало предсказуем. Еврей.

Кадр из фильма
«Санитарная зона» или «Бля!»

Из характеристики на меня – самого меня:

- Романтик. И как положено романтику – малообразован, мало информирован.
- Наивен и нахален до наглости.
- Очень любопытен. Азартен. Непоседлив.
- Ленив. Любит свободу, только потому, чтобы никто не мешал проявлять лень.

Со всеми характеристиками я согласен. Был таким, есть. И буду.

Если честно, в первый год учебы я в студии «Юность» появлялся крайне редко. Захлестнула свободная студенческая жизнь. Девочки из музыкального училища, КВНы, концерты. А если пленки проявить или фотографии попечатать, то у меня была – рядом с домом – своя, достаточно оснащенная, студия в школе №38, где я проводил занятия с учениками восьмых классов. Так что все вполне могло остаться на уровне разговора. Лев предложил. Я не возразил. И разбежались.

Но я же мечтал же о кино. И была уже идея сделать серьезный фильм. Поэтому я пожал Попову руку и, действительно, стал у штурвала.

Дело в том, что весной 1966 года прочитал в газете «Прапор Юности» прекрасный очерк журналиста Владимира Дубовика о действовавшей в годы войны в Амур-Нижнеднепровском районе Днепропетровска подпольной комсомольской организации. Судьба ребят была трагической. Помню, сильно меня задел этот очерк. Встречался я с Владимиром, разговаривал.

Опять немного в сторону... Удивительно Г-сподь собирает мозаику! На последних двух курсах института к нам в группу с вечернего отделения перевелась сестра журналиста Валя Дубовик. Мы дружили. По ее аккуратным конспектам с прекрасным почерком и не единого пропуска занятий мы с Борей Цегельницким сдавали экзамены. Как?! А мы следили, чтобы у Вали были хорошие белые тетради и хорошие черные чернила. Условие было – каждая тема, каждый вопрос на отдельной странице. Потом нам оставалось перефотографировать постранично проспект. И получались прекрасные «шпоры»! Вот документальное подтверждение – мы с ВЦ фотографируем конспект Вали Дубовик.

КВН 1966 г.
На сцене И. Кагаловский и Е. Гальперин

«Когда я принял студию, то Боря стал рядом».
Е. Гальперин и Б. Цегельницкий

К сентябрю 1966 года сценарий фильма «Галка-профессор» уже был даже отпечатан.

На той самой машинке, что потом снималась в кино. «Эрика». Я апробировал текст на семинаре творческой молодежи, организованном тогда в первый раз Обкомом комсомола в Орловщине.

Когда читал его вслух среди молодых поэтов, прозаиков, художников, пришла уверенность, что фильм уже можно делать.

Везли нас с семинара в Днепропетровск веселой толпой молодых дарований в автобусе. Высадился я прямо под стены родного института. Небритый, в ветровке, но окрыленный успехом творец. Иду и думаю – как камерой бы хорошей разжиться, да пленкой. И снимать, снимать. Смотрю – ба, да я возле кабинета ректора.

Вхожу в приемную.

– Здравствуйте. Я студент – говорю секретарю – Очень хотелось бы поговорить с ректором.

– А вы записаны на прием?

– Нет.

– А вы знаете, конец рабочего дня.

– но все-таки...

Заходит секретарь в кабинет. Выходит.

– У вас есть пять минут.

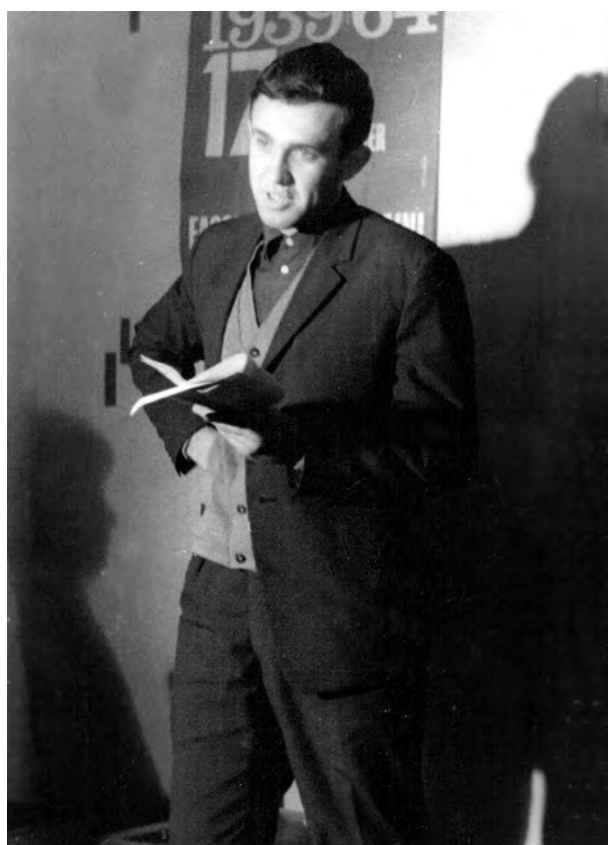
Звезды так встали, господа! Принял меня тогда в начале сентября наш суровый ректор. Александр Александрович Ренгевич.

– А по моему – спросил он в начале разговора – у нас на киностудии шустрый парень из Крыма? (именно такой был у руководителей речевой оборот – «на» – «на парткоме», «на профкоме», «на хоре», «на оркестре»).

– Теперь вот я за него на киностудии.

И «Бендера понесло»... Какие пять минут! Говорили мы с Александром Александровичем долго. Про всякое. Про культуру, про кино, про книги. И потом обратился он к проректору Николаю Яковлевичу Биличенко и главному бухгалтеру Сергею Павловичу Первееву (светлая им память!). Мол, возьмите под крыло. Они и взяли (более полно про материальную поддержку в главе «У нас с собою было»).

Уверен, что если бы меня, окрыленного семинаром в Орловщине, высадили из автобуса

Первая читка «Галки-профессора» в студии

На семинаре творческой молодежи в Орловщине

обкома комсомола не возле Горного института, а где-то поближе к дому и я бы тихо умылся, побрился, поел, проспал ночь, то к ректору я бы никогда не посмел заявиться. Пошли бы колебания, составления сметы, докладной... Долго бы ходил кругами по инстанциям. Сначала комитет комсомола и далее...

Кстати, именно к этому моменту – «Влет к ректору» – я бы отнес возникновение внутри студии некоего шутивого виртуального образования НИИВСа – Научно исследовательский институт Второго Счастья (то есть нахальства) имени Остапа Бендера. Нашей постоянно действующей ВШП (Высшей школы пройдох и проходимцев). Не правда ли, похоже по звучанию аббревиатуры на ВПП

(Высшая партийная школа)? Так что предлагаю празднование юбилея этого нашего легендарного внутрестудийного ВУЗа осуществлять в сентябре.

Между прочим, как, только, после передачи дел уехал Лев Попов, у студии тут же забрали комнату на третьем этаже общежития. Но, слава Б-гу, помещение в бомбоубежище оставили. Там был туалет, и ванна с решеткой для проявки и промывки пленки.

На балансе числилось два проявочных бачка для кинопленки, кинокамера «Адмира-16 Электрик». Была еще махонькая восьмимиллиметровая камера «Пентака-8». И в качестве музейного экспоната времен войны тяжеленная камера КС-50. Был кинопроектор «Украина-16». Три письменных стола и пять стульев. Стену украшала фотография Судакской крепости авторства Льва Попова. И все.

Нет. Еще была магнитола «Харьков-59». И к ней всего одна маленькая бобина с магнитной пленкой, на которой была всего одна песня. Тягучая. «Много дней дует знойный сирроко». Вот, можно послушать: <http://www.youtube.com/watch?v=sGkstumd8fg>

Когда в помещении собиралось больше пяти человек, становилось душно. И тогда мы по очереди крутили ручку вентилятора, которым, как и положено, было оснащено бомбоубежище.

Изредка в студию заглядывали для проявок своих фотопленок «старички-дипломники». Снисходительно похлопывали нас по плечу. Мол, «зеленые» Но были неправы. Среди нас было несколько уже опытных киношников. Валерий Бродский в армии занимался аэрофотокиносъемкой. Боря Цегельницкий еще дома, в Краснодаре, посещал киностудию во Дворце Культуры. Фото и кинотехникой владел свободно и, как говорят, был «рукастый». Все у него ладилось. Оператором он был тоже хорошим. И когда я принял студию от Попова, то Боря стал рядом. Тем более что он учился со мной в одной группе.

Я, чтобы отдаться творчеству и не забивать себе голову всякими технически-материальными процессами, назвался Художественным руководителем и создал еще одну должность для Бори – Технический директор. Сами понимаете, все ведь условно. Никакой табели о рангах, никакого штатного расписания и зарплат. Просто у Бори был свой комплект ключей от студии и от сейфа с техникой и пленкой. Он заглядывал и на склад института, и к Петру Михеевичу – начальнику фотолаборатории института, от которого мы зависели по части аппаратуры. А еще БэЦэ с удовольствием делился с приходящей молодежью своими знаниями и опытом в кино/фото.

«Стучи машинка пулеметом...»
Снимается «Галка-профессор»

У нашего пристанища был еще один плюс. Рядом, в подвале же, располагался буфет общежития и, если нас к вечеру собиралось много, то мы перебирались туда, оккупируя несколько столиков. Покупали, так и непревзойденный до сих пор по вкусу, пирог «Сметанник» (1 руб. 40 коп. – килограмм) и пили чай (бесплатно!). Сидели, разговаривали. Обо всем.

Тук-тук, а кто же в студии живет, если уже буфет и «сметанник»?

В конце сентября 1966 передо мной в коридоре института

нарисовалась группа студентов. Один из них был знакомый мне еще по школе №38 Савелий Лин. Общественник от рождения, с удивительным талантом казаться нужным и ладить с людьми. (Весь в своего хорошего папу!) В институте он сразу оказался на хлебном месте – стал старостой институтского хора. Хотя с пением у него было никак. И даже хуже.

– Вот сказал Савелий – ребята хотят прийти в студию, но стесняются. Знакомься.

Передо мной стояли, как-то отличающиеся внешним видом и манерами от наших, того времени, типичных студентов, два аккуратных мальчишка.

Так в студии появились Анатолий Косолапов и Владимир Моложен. Жили они в том же общежитии, где и студия, поэтому я сразу же передал им дубликаты ключей от помещения. И даже ключи от сейфа, где хранилась кинотехника.

– Вливайтесь, ребята, в ряды, осваивайтесь

Потом я стал замечать, что они – новички – как-то сразу же стали показывать правильные навыки в зарядке кинокассет, обращении с фото и кинокамерами, кинопроекторами. Оказалось, что по ночам они спускались в студию и как хотели, так и осваивали технику, не останавливаясь, чтобы раскрутить все по винтикам. Слава Б-гу, обошлось – техника выдержала их обучение. Но на всякий случай, после проведенного дознания, ключ от сейфа я на время у них изъял...

Кстати, когда, через годик, удовлетворяя детское любопытство «а что там внутри?» такое же действие с кинокамерой «Пентака 1х8» попытался осуществить новичок Толя

Калуцкий, то опытный Косолапов прокомментировал:

– Дурак, бля, надо же было перед этим заводную пружину спустить!

Да, не спустил Калуцкий, откручивая крепежные болты, пружину и она, тугая, вылетела. Раскрутилась. И разнесла милую камеру вдребезги. Слава Б-гу, никто не пострадал.

Перепуганный Калуцкий растворился в коридорах, долго обходил студию и студийцев стороной, пока не напоролся где-то на лестнице на Косолапова:

– Ты где делся?

– Так я ведь камеру это...

– Да ладно – буркнул Косолапов, который счастливо избежал такой же участи угробить камеру – бывает. Удалось списать. Так что приходи.

А. Косолапов и В. Моложен

И Калущкий пришел. Но, все это было потом – весной 1968 года. Прекрасная часть человечества в студии была представлена Томочкой Беляевой.

Той самой спасительницей Фимки в его войне с начертательной геометрией. Но ценность Тома была не в героическом спасении «рядового Гальперина», а в удивительном чувстве такта, культуре и оптимизме. Это значительно облагораживало наше общество. И студийцы потом жалели, когда Тома отдала свое сердце человеку не из нашего круга.

Валерий Бродский привел, своего ученика из секции самбо, которой он руководил. Но в отличие от своего учителя, студент-геофизик Ким Левин был менее суров и даже склонен к шутке. Как-никак из Одессы. А еще он рисовал. Археологи, раскапывающие сегодня стойбище студии в подвале второго общежития, обязательно должны наткнуться на фреску на стене. Ким Левин запечатлел там распятого на штативе кинолюбителя. А поверх него на хоругви шла надпись, переделанная нами из фразы писателя О.Генри. Это был, можно сказать, жизнеутверждающий принцип студии: «Главное не то, какие дороги мы выбираем; главное кто стоит у нас на дороге». Не правда ли звучит угрожающе победно? Это уже не скулеж упоминаемой мертворожденной предвозвестницы нашей студии (см. хронологию – студия «Весна» 1961 год).

Откуда-то набежал неумный Боря Мезенцев. Он был хозяйственный. Любил грызть гвозди и, что интересно, мог на вкус определять – в какой бочке поташ, а в какой тиосульфат. И проявители он составлял без весов. Щепотками, горстями, жменями. Проявители у него получались качественные. Кличку он получил от нас «Поручик». И недаром.

Как помнится, после института он начал политическую карьеру – дослужился даже до секретаря райкома комсомола в родной Волновахе. А потом опрометчиво перебежал дорогу секретарю райкома партии – увел его любовницу. И уж после пришлось убежать. Добежал до Колымы. Не подумайте плохого, сам передвигался. Без конвоя. Там и завис на административной работе в геологоразведочном тресте.

Как-то тихо возникли первокурсники 1966 года. Пришел Сережа Деркач. Кинолюбитель – одиночка со своей личной камерой «Киев 16-СЗ». Возник Толя Маценко, студиец еще из моей школьной киностудии. Отличник, деловой человек, он поступил на специальность АУ. Стало оживленно.

Набегал мой друг, бурлящий идеями и парадоксами, студент медицинского института, будущий легендарный исследователь и «возродитель» еврейской общины Днепропетровска Аркадий Шмист (партийная кличка «Кадик»). Студии в медицинском институте не было, и он прибил к нам. Влетал, ввинчивался в любой разговор. Произносил очередную свою парадоксально звучащую на первый взгляд идею. Или задавал странный вопрос. Тут же завязывался спор. А Кадик хитро улыбался из-под своих кустистых бровей и исчезал. Нет, Шмист даже начинал с нами несколько своих фильмов. Один из них был о врачах-реаниматорах. Но ни разу он не довел фильм даже до съемок. Зато потом он начал и довел до завершения большое дело. Но об этом в главе «Кадик».

То есть возникал уже творческий коллектив. И тут, как положено, в социалистическом обществе, партком, профком и комитет комсомола,

Здесь проявитель!

заметив шевеление в студии, запросили план работ. Ими был поставлен вопрос, как говорят сегодня – «чисто конкретно» – о принесении пользы родному ВУЗу.

Поэтому мы понимали, что наш рассказ о фильме про подпольщиков Амур-Нижнеднепровского района уткнулся бы сразу в их недоумение:

– но институт же находится в Октябрьском районе!?

Вот тогда-то нами и была впервые апробирована схема, которая неоднократно выручала нас и потом.

Мы поставили в план студии на первое место создание фильма «ДГИ – спортивный». А уж под прикрытием этого линжора поплыл катерок – фильм для души. Тот самый, который случился под названием «Галка-профессор».

На линкоре командовали Боря Цегельницкий (партийная кличка «БэЦэ») и Толя Косолапов (партийная кличка «Лапа»). В боцманах там ходил подходящий по крикливости Боря Мезенцев. Там вообще собралась большая и веселая компания. Потому, что спортзалы они же большие. Проекторов чтобы их осветить для киносъемки требуется много. Кому-то же надо таскать. Да и снимать спортивные мероприятия тоже ведь надо не в одну камеру. А потом всем нам нужны были зачеты по физподготовке.

А на катере под моей командой оказались Валерий Бродский (мастер спорта по самбо и поэтому никаких кличек никто себе позволить не мог) и Володя Моложен (партийная кличка «Баржа»).

Нет, конечно, совсем четкого разделения не было. И когда затевались те или иные съемки, или речь шла о проявке снятого материала, то подключались все.

Забегая вперед, про фильм «ДГИ – спортивный»... Ведь много тогда наснимали. Но все руки не доходили смонтировать. А потом, увы, сдали пленку на серебро.

ТЮРЬМА

Блатной Валек, гроза нашего района, вдруг подошел ко мне на улице и вежливо поздоровался:

– Крепкий пацан – объяснил он своему окружению – с самим Олейником разговаривал.

Дело в том, что в нашем фильме, обязательно должны были присутствовать тюремный коридор, дверь тюремной камеры и «автозак» – фургон для перевозки заключенных.

В просторечии того времени – «Воронок».

И я записываюсь, ни много, ни мало на прием к самому главному – комиссару милиции Днепропетровской области генералу Олейнику. Это сейчас вроде как-то простым кажется, а тогда...

Вообще таких придурков я знаю двоих. Это Аркадий Шмист и я. Нас ничего не останавливало. Если Кадику что-то было надо, он не начинал с нижнего административного звена, а шел сразу в облысполком. И я тоже, если надо было подключить где-то на улице для съемок прожекторы, шел прямо к начальнику «Горэлектро». До районных начальников я не снисходил. Так и в ситуации с тюрьмой. Не меньше чем к Комиссару милиции области.

Знаете Днепропетровскую «Лубянку»? На улице Короленко громадное округлое здание. Это был наш областной ГОСУЖАС – МВД и КГБ. Со стороны Троицкого базара вход был в облМВД.

В назначенное время я вхожу в огромный кабинет. Сажусь. Вдали на том конце длинного стола большой, широкоплечий дядя в красивом генеральском мундире.

– Слушаю – говорит он.

Я, было, открываю рот, чтобы начать говорить. Ан нет. Из динамика за моей спиной начинает доклад какой-то невидимый сотрудник. Сначала мое имя, отчество, фамилия. Дата рождения. И далее все про меня, вплоть до студии

«Юность» и цели визита. Особенно меня поразила последняя фраза в докладе:

– По месту жительства характеризуется позитивно.

Пауза. Я молчу, ошарашенный. Генерал молчит и разглядывает меня.

– Ну, что, поможем – говорит он – Но уж в тюрьму «зась»! А остальное...

Займется тобой Бондаренко.

– Бондаренко? – переспрашиваю я ретиво, стараясь записать фамилию.

– Не волнуйся. Тебя найдут – говорит комиссар милиции.

Да, меня нашли. Буквально через два дня. Бондаренко оказался подполковником, замполитом Горотдела милиции. Кстати, дочка была у него такая симпатичная, Семнадцать лет. Наташа. Сразу же изъявила желание влиться в наш (в основном мальчижеский) коллектив. Что интересно – спустя годы стала она ни много ни мало, а следователем по особо важным делам прокуратуры Украины.

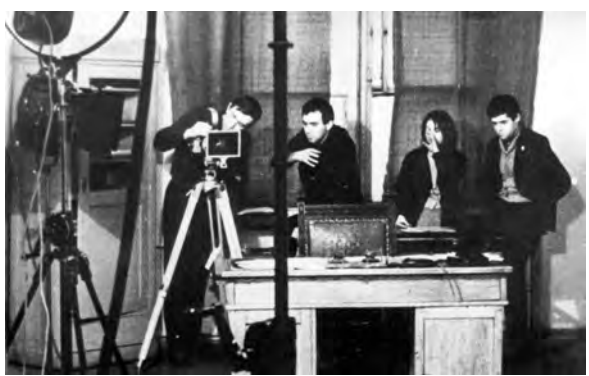
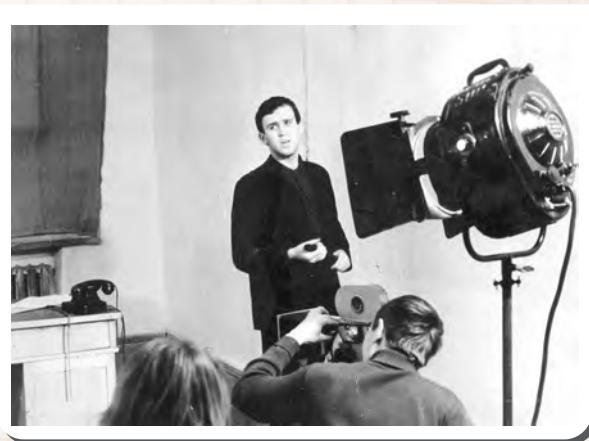
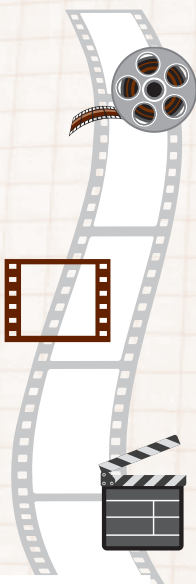
А подполковник Бондаренко дал нам возможность снять дверь камеры в подвале Городского отдела милиции, а потом предоставил тот самый «воронок».

Но вот в тюрьму, действительно, нас пускать никто не собирался. А ведь через весь фильм должен был проходить образ длинного предрассветного тюремного коридора. Мы стали искать подобное.

Широкие коридоры в подвалах первого корпуса института, которые, действительно, в годы войны использовались фашистами как тюрьма, были широкими (не осветить нашей аппаратурой), да еще и поделенными на короткие участки между всякими кафедрами.

И мы вышли из положения. Остановились на коридоре второго общежития нашего института. Выбрана была ночь. Глубокая. Это чтобы студенты уже перестали шастать.

Было тихо и пусто. Лучами прожекторов пробили перспективу уходящих

Рабочие моменты съемок фильма
«Галка-профессор»

вдаль дверей. Таким образом, привнесли драматизма. На тележку из буфета, на которой обычно перевозили ящики с молоком, поставили стул. На стул водрузился с камерой «Адмира-16 Электрик» оператор Валерий Бродский.

– Мотор! – мы, стараясь, плавно покатали тележку.

Три дубля. Очень волновались, проявляя негатив. Но Г-сподь нас вел. Все получилось именно как надо. Мерцающий предрассветный коридор ухода.

Что интересно – я все же утолил свою непонятную тягу к местам заключения. Спустя десять лет (в 1977 году) я снимаю в зоне строгого режима (УЛ. 314/15 г. Перевальск) – фильм по заказу МВД УСССР и по просьбе друзей знаменитого кинорежиссера Сергея Параджанова, который отбывал там в это время свой срок.

«ГАЛКА-ПРОФЕССОР»

Весна 1966 года. Я все кружусь вокруг темы о юных подпольщиках Днепропетровска. Задел меня этот материал. Почему? Сегодня я могу объяснить словами. А тогда только смутное ощущение общности с теми ребятами. Что вело их тогда? Ну, прежде всего, конечно, свойственная юности жажда поступка и желание восстановить справедливость.

А к этому еще тотальное комсомольско-патриотическое воспитание. Словом, «Долой фашистских оккупантов!» и при безудержном желании проявить себя, отсутствие какого-либо опыта. Задорные они были, гордые. Оттого и неосторожные...

А мы, студийцы, как раз вступали в ту же стадию – юность и жажда поступка. И закономерен был наш интерес к тем, кто однажды свой поступок совершил. Так сказать, мы примеряли на себя. Нас тоже заботила та самая грань, когда инстинкт самосохранения шепчет «удержись», а максимализм юности толкает «делай!». Когда ты полон уверенности в своих силах и одолевает желание оставить свой след. Успеть наследить! Самое трудное, понимали мы, это сделать первый шаг. Правда, потом, увы, наступает момент сделать последний.

И вот кружу я возле памятника героине подполья – Галине Андрусенко. Памятник этот стараниями Владимира Дубовика был установлен на проспекте имени Гагарина перед заводом шахтной автоматики. Читаю текст на стеле. Там фраза «Ее расстреляли на рассвете».

И тут озарило. Рассвет! Вот же оно – ключевое слово. Ведь рассвет – это всегда начало. Дня. Жизни. А тут наоборот. Расстрел.

В то время, увлекаясь Эренбургом, я читал его, ныне прочно забытый роман «Буря». И там был вариант песенки Французского сопротивления:

Свободу не подарят,
Свободу надо взять.
Свисти скорей, товарищ,
Нам время воевать.

Мы жить с тобой бы рады,
но наш удел таков,
что умереть нам надо
до первых петухов. /3 р.

Нас горю не состарить,
любви не отозвать,
свисти скорей, товарищ,
нам время умирать. /3 р.

Другие встретят солнце,
и будут пить и есть,
и, может быть, не вспомнят,

как нам хотелось жить./3 р.

И пришло понимание, что героиней фильма будет девочка, печатавшая листовки. Умница, отличница в школе. «Профессор». Галина Илларионовна 17 лет. В ее, сбереженной матерью, записной книжке было: 15.09.1939 на бюро райкома ЛКСМУ спросили, кому принадлежит высказывание «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». «Как же не знать, если Долорес Ибаррури – моя любимая героиня»

И подумал я, что ведь был у нее первый шаг. Что это было непросто – ударить в первый раз по клавишам пишущей машинки. Громко ведь стучит. А потом расклеивать листовки. Ночь и комендантский час...

В начале лета мы даже попробовали снять эпизод «волнение перед печатанием первой листовки». Колеблющаяся свеча, колебания героини.

Съемку я тогда проводил уже объединенными силами – своими школьниками из киностудии школы № 38 (Витя Чеканов, Вова Слепой и, ставший потом нашим, Толя Маценко) и нашими студийцами – Борей Цегельницким и Светланой Мудрак.

После этой пробы стало мне ясно, что так – с налета – не получится. Надо готовиться всерьез. И технически и творчески.

К концу лета, в жаркой Евпатории в один присест (16 августа 1966 года) в блокноте за два часа я записал сценарий вперемежку с дикторским текстом. Удивительно, но фильм я сложил точно по той записи. И диктор начитал тот самый текст.

Получился фильм – диалог. Мы говорим с Галей, а она идет. И молчит.

В двух поворотных по драматургии точках фильма – когда совершается Первый шаг и когда Последний – текст становится стихами. Наш студийный поэт Алексей Мартыновский (где ты, Леша?!) написал эти строчки. Кстати, по нынешним временам, текст удивительно современно национально звучит...

Пусть станут крепостью руины,
Пусть станет дзотом каждый дом,
Пусть станет наша Украина,
Врагов сжигающим костром

Признаюсь, сегодня меня коробит сталь и пафос в звучании закадрового текста. Ведь писал-то я в расчете на негромкое произношение его. Почти бормотание. Но не сладил. Ни со своей эмоцией, ни с диктором. Что поделаешь, в те времена было принято говорить о войне патетично.

Тогда же, в августе, определился я с методом съемки. Камера должна быть субъективной.

То есть кроме начальных планов памятника и титров в конце, все как бы глазами героини.

Один кадр мы даже сняли, будто героиню облили водой, чтобы она пришла в себя. Изображение, размытое водой, становится резким.

Вообще, потом из рецензий и разговоров с профессионалами мы узнали, что нами был использован целый арсенал выразительных средств киноискусства. Более того, учась потом в Киевском театральном институте имени Карпенко-Карого я буду проходить на лекциях эти средства. А ведь мы шли на ощупь.

К зиме с 1966 на 1967 мы определились, как говорят сегодня, с «локациями». То есть, с местами

Ефим Гальперин и Алексей Мартыновский обсуждают сценарий фильма «Галка-профессор»

проведения съемок:

«Кабинет следователя» – аудитория на четвертом этаже института, рядом с редакцией газеты «Артемовец».

Портрет гитлера кто рисовал? Операторы Бродский и Моложен, ассистирует Тома Беляева. Помогают Света Мудрак и Боря Мезенцев. Камера «Пентафлекс».

«Клеят листовки на стене». Ночь, проходная танкопарка, возле второго общежития, напротив входа в аспирантский блок. Клеят листовки Света Мудрак и Мезенцев. Снимает Боря Цегельницкий. Камера «Красногорск».

«Пишущая машинка» – стол в студии-бомбоубежище. Печатала Тома Беляева. Оператор Бродский. Камера «Красногорск».

«Обыск в доме» – Амур-Нижнеднепровск, дом Андрусенко. Снимает Бродский, ассистирует Володя Моложен. Бросаю книги я. Камера «Пентафлекс».

«Дверь камеры». Улица имени Короленко. Городской отдел милиции. Снимает Бродский. Камера «Красногорск».

«Фургон для перевозки заключенных («Автозак») в пути. Остановка в снегу» – улица имени «Двадцатого партсъезда». Снимает Бродский. Камера «Красногорск».

«Подъем из подвала» – выход из бомбоубежища между вторым и третьим корпусом института. Снимает Бродский. Камера «Красногорск».

«Коридор тюрьмы». Ночь, коридор второго общежития. Снимает Бродский, камера «Адмира-16» (нужен был длинный план и поэтому использовалась камера с электроприводом).

«Овраги». Ботанический сад. Оператор Бродский. Камера «Красногорск». (мороз, другие камеры не выдерживали).

Кто был в кирзовых сапогах? Там снято наступление сапогом на былинку. Вспомнил. Я сам.

«Титры» – стол в студии (бомбоубежище). Барабан. Протягиваем лист черной бумаги с надписями. Кто писал? Кто крутил? Тома Беляева. Снимал Боря Цегельницкий. Камера «Пентафлекс».

А еще были кадры кинохроники и фотографии. Фото класса Гали Андрусенко.

И еще... Вы не поверите, но в фильме есть фото моей мамы. Помню, тороплюсь из дома в студию. Мы выходим с мамой во двор. Я достаю фотоаппарат и говорю:

– Мама, мне нужен один кадр. Такой... Вспомни что-нибудь горькое.

И мама вспоминает. И начинает мне рассказывать. А я, глухой, ведь не слушаю. Я фотографирую.

Так что в фильме в одном из самых эмоциональных мест стоит портрет моей мамы.

Почему я столь подробен. Да вот хочу поделиться своим смутным ощущением...

Дело в том, что мы снимали в местах, среди стен и среди вещей, из которых еще не выветрился дух той беды. И это не мы – как хвалили нас кинокритики – «так удачно передали атмосферу». Это само время прорывалось сквозь пленку.

Кабинет следователя снимался в одной из аудиторий нашего института. А ведь в здании ДГИ во время войны были спецслужбы гестапо и жандармерии. В аудиториях были кабинеты. А в подвалах камеры. Оттуда уводили на расстрел.

В выпуске «Артемовца» с подборкой творчества наших студийцев есть большое стихотворение нашего Алексея Мартыновского «Баллада об уходящих». Там как раз про памятную очевидцам того послевоенного

Моя мама. «Она рассказывает... А я... фотографирую»

времени надпись «Ухожу!», которая тянулась по стене в подвале ДГИ и которую, как и все остальные весточки в камерах, старательно забелили после войны.

Да что говорить... Стол в кабинете следователя был из уцелевших в институте в годы оккупации. Письменный прибор на столе, принесенный мною из дома, был трофейный немецкий, купленный когда-то палой на рынке. И пишущая машинка, снимавшаяся в кино, была тоже трофейная немецкая «Эрика». И даже шапка с длинными завязками у нашей Светы Мудрак, которая клеила листовку, была как раз такая, как носили в сороковых. Это заметил режиссер Лев Рошаль.

Да и портрет гитлера в кабинете следователя был старательно по квадратикам перерисован с официальной фотографии. Помню, после съемок мы весь реквизит свалили в коридорчике возле студии в бомбоубежище. И мимо проходил пожилой вахтер общежития. Как увидел портрет, как шарахнулся.

А эпизод «Обыск в доме» (до какой щенячьей наглости надо было докатиться!) мы снимали прямо в доме Галины Андрусенко. И падающие книги и этажерка были ее – Гали. Бедная, бедная мама Гали – пережить второй обыск...

Да и зимние овраги в Ботаническом саду мы снимали очень близко к местам расстрелов.

На той съемке я потерял сознание. Слава Б-гу, оператор Валерий Бродский – мастер спорта по самбо – на своих могучих плечах дотащил меня до сторожки и там отпоил водой. Неужели дал знать себя психологический фон того места и это меня пробило? Хотя вполне может быть, что дело не в эмоциях. Просто перемерз. Вот вчера (по E-mail в Томск) переспросил Валеру.

– Кто еще с нами был?

– Были вдвоем – ответил он – Холод был собачий. Больше дурных не нашлось.

А еще документальности происходящему на экране придавала используемая нами пленка. Была она невысокого качества. Да, еще и наша кустарная проявка добавляла изображению зернистости.

Что интересно – сегодня в блестящем голливудском кино старательно царапают пленку и укрупняют зерно на изображении и применяют эффект съемки с рук – покачивания, неровно, с перекосом. Все, чтобы только добавить эмоциональности, правдивости. Усилить эффект присутствия. Мы же с нашей несовершенной техникой, да при недостаточности навыков пришли к тому же. К ощущению, будто это репортаж оттуда. Из 1943 года.

Мистика?! Нет. Повторяю – просто слишком мал был отрезок отделявший нас от того времени. Каких-то двадцать лет. Вот и пробился к нам тот миг перед рассветом.

Смотрю сейчас отстраненно на экран. За давностью лет притушилось чувство, что это мое кино. Просто иду от восприятия. И оказывается, сначала все приходит к тебе в ощущениях и только потом уже включается мозг.

Кстати, большая часть фильма была снята не «Красногорском», добытым в Москве, а камерой «Пентафлекс-16» производства как раз немецкой страны (ГДР). Ее по доброте душевной одолжил нам чудный человек Витя Пешков – руководитель студенческой киностудии ДГИИТа.

В киношных кругах гуляет фраза великого режиссера Альфреда Хичкока:

Дома у Галины Андрусенко.
Беседа с ее мамой

«в документальном кино Б-г режиссер, а в игровом кино режиссер Б-г».

Как по мне, так создатель жанра фильмов ужасов был крайне самоуверен. Потому и там и там... Везде режиссер один. Б-г! А мы просто должны успевать подхватывать то, что нам перепадает.

Потом еще всего несколько раз в жизни я буду ощущать это счастье. Когда все необходимое подворачивается вовремя. И каждый кирпичик становится точно на свое место. Когда странно, но тебя, как бы, ведут. И все удается!

КИЕВ, ПОЛЕВАЯ, 8

Тут до нас дошел слух о предстоящем Всесоюзном фестивале любительского кино. Как никак – пятьдесят лет Советской власти. Конкурс со всеми этапами отбора. Городской смотр, областной. И уж если совсем все сложится удачно, то можно надеяться, чтобы твою работу попадет на республиканский фестиваль. В самом Киеве! Пусть даже не в конкурсной программе, но хотя бы покажут.

Наш фильм к этому времени уже был смонтирован. И даже титры мы сняли, мотая черный лист ватмана с текстами на самодельном барабане. Осталось смонтировать негатив и напечатать копию. Снимали мы ведь на негативной пленке А-2, позволявшей экспонировать при низкой освещенности. Уровень – 180 единиц ГОСТа.

Встал, конечно, вопрос об озвучивании фильма. Принятые тогда системы звукового сопровождения в любительском кино не обеспечивали синхронности изображения со звуком. Был только один выход – печатать копию на пленке с магнитным поливом и на эту дорожку наносить звук. Единственное такое место в Украине было в Киеве. Там, в довольно странном чьем-то бывшем особняке, имелся целый комплекс по изготовлению 16 мм фильмокопий со звуком. Звукоцех, монтажная, проявочная машина, копировальный аппарат.

Как я понимаю сейчас, это была такая хитрая лавочка. В какой-то степени подпольный цех, но не для вязания кофточек, а для создания заказных фильмов мимо государственных киностудий. А кроме этого там еще была единственная на весь Киев лаборатория по обработке модных тогда немецких цветных обратимых пленок ORWO (ORWO-Colour и ORWO-Chrome), производства ГДР.

И вот мы (Володя Моложен и я) едем в Киев. В руках у нас бумажка с адресом «улица Полевая, 8». А в спину нам дышит, надвигающаяся неумолимо, весенняя сессия. Времени нет. Поэтому уложились мы в восемь дней и ночей (приехали 25 марта, уехали – 31 марта 1967). И так как выхода не было, то мы с Вовой, как махновцы, просто оккупировали лабораторию. Как нам это удалось, не помню. Но что взятки не раздавали, это точно. Не из чего было. И опыта такого у нас не было. Но в результате другие работы были отодвинуты. Все сотрудники и все оборудование работало только на нас.

О, как мы складывали фонограмму! Чудо за чудом. Все возникало вовремя, все приходилось к месту. Музыка из фильма «Чистое небо», композитор Михаил Зив. А мелодию песни «Замучен тяжелой неволей» – не бравурную, а ту, старую, когда плакать хочется – приволок откуда-то наш звукооператор Марик Факторович.

Удивительно душевный парень был. Наш сверстник. Он настолько проникся сопричастностью к фильму, что сидел с нами ночами. Мы записывали насвистывания и шаги конвоира. Я печатал шаги и свистел в гулком ночном вестибюле лаборатории.

– Четче каблуком! – кричал Вова из аппаратной – свисти громче!

Я четче ступал и насвистывал громче.

Помню как орал Вова на Марика, когда тот уронил в ворох пленки на полу кусочек со звуком клацающего затвора винтовки, который мы раздобыли на киностудии им. Довженко.

Спали мы в общежитии политехнического института. Питались странно. В столовой медицинского института были всего пару раз. Далеко ходить. А надо было

присутствовать при процессах и следить, чтобы сотрудники лаборатории вдруг не отодвинули нашу работу и не занялись своей плановой. И потом еще во время обеденных перерывов сотрудников, мы просто подменяли их на рабочих местах. Так что, в основном питались всухомятку. Гастроном был рядом, Но хлебного отдела в нем не было, а, значит, за хлебом надо было бежать кварталов пять. К метро «Большевик». На это тоже не было времени. Вот мы с Вовой и питались – сыр и колбасу ели со сладким печеньем. А запивали кефиром и лимонадом. И все.

Колбаса «Отдельная» – 21 копейка сто грамм. Если загуливали, то брали «Любительскую» по 28 копеек. А однажды мы ели даже колбасу «Столичную». Та стоила целых 31 копейка – сто грамм. С тех пор изредка я ем сыр или колбасу со сладким печеньем и вспоминаю.

Дикторский текст к фильму начитывал чудный человек Георгий Середенко. Говорил, что такого удовольствия давно не имел. Правда, ругались мы. Жора с его голосищем все в драму срывался, а мы от него задушевности требовали. И он нас осилил. Не удержали и сами не удержались от патетики. Но все равно, столько души Жора вложил в текст. И денег ведь не взял.

Как мы не спешили, самая первая копия фильма, когда уже все сведено – картинка, музыка, шумы, диктор – вышла из обработки всего за три часа до отхода поезда. Мы сели с сотрудниками лаборатории – все вместе – и впервые увидели целое кино. Потом коробку с фильмом в зубы и на поезд.

Стучали колеса. Проводница разносила чай. Мы пили его и ели колбасу с печеньем. Времени купить с собой в дорогу хлеба не оказалось.

Володя Моложен ехал притихший.

– Чего это ты, Вува? – спросил я – устал?

– Кино получилось – тихо и удивленно сказал Вува.

И я с ним так же тихо и удивленно согласился.

Потом, всего несколько раз в жизни я буду ощущать это счастье.

Получилось то, что я хотел.

Через день случилась премьера. Первый публичный показ в актовом зале института на торжественном вечере, посвященном Дню Геолога. Это было 2 апреля 1967 года.

А потом мы с Вовой оглянулись и увидели такие хвосты по курсовым заданиям и маячившую впереди сессию, что ахнули и принялись наверстывать.

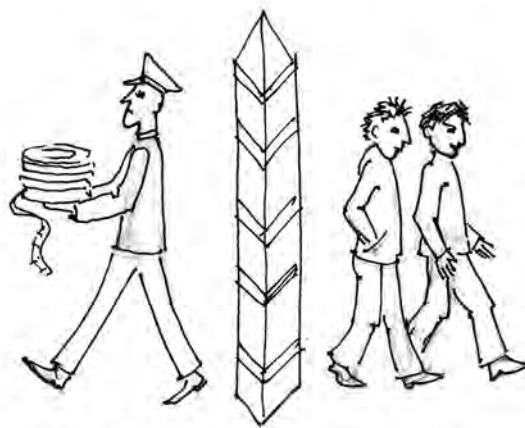
На республиканский фестиваль любительского кино (областной смотр мы тоже прозевали, но всеми правдами и неправдами протиснулись в список на Киев) поехали Борис Цегельницкий и Анатолий Косолапов.

И вот на них-то свалился тот самый успех и признание. Они вернулись ошалевшие и не затихали с рассказами – как бежал к ним после просмотра обниматься и целоваться сам Председатель жюри знаменитый кинорежиссер Григорий Рошаль, как рыдали на груди другие члены жюри, как журналисты бросились брать интервью.

Для всех нас, двадцатилетних пацанов, это было невероятно важно и знаменательно.

Ну, просто тебе Канны с красной дорожкой. А что!? Конечно. Республи-КАНСКИЙ фестиваль самодеятельного кино.

Потом было еще много фестивалей. Мы выходили на сцены. Мы получали призы. С международными фестивалями было сложнее. Туда возили только наши фильмы, а нас не пускали. Не выездные мы были. Но все в пределах приличия – призы и дипломы оттуда

«За рубеж вас не берем – только фильмы»

нам передавали. И за это спасибо. Ведь все это в нашей жизни было впервые!

Тем более что мы оказались как бы в струе общественных ожиданий и задач партии. КПСС тогда разыгрывала военно-патриотическую тему «Никто не забыт, ничто не забыто».

Но, в конце концов, вся эта суматоха вокруг, медные трубы славы и успеха – это ерунда. Важен был катарсис, который пережили мы, авторы. Радость, удивление от того, что мы, оказывается, можем передать другим свои мысли, свои эмоции. И что наши ощущения находят отклик у множества людей.

Потом жизнь моя покатила дальше, но я уже точно знал, что если чего-то очень сильно хочешь, то Г-сподь поможет и все у тебя обязательно получится. Несмотря ни на что. Главное – только точно знать чего ты хочешь.

Правда, вот про Всевышнего тогда не знал. Никто не сказал, никто не надоумил. Сам я крайне смутно догадывался, но пугливо отгонял предвидения своей судьбы, знаки, картинки и очень точные подсказки. А ведь случилось все так, как мне нашептывалось. Просто глух и слеп был. Или боялся (и боюсь), что все вот как предсказывается, так и сбудется. И ничего не изменишь.

А спустя тридцать лет я снимаю в главной тюрьме страны. «Бутырка», г. Москва.

Так что были у меня в жизни тюрьмы и зоны. Слава Б-гу, повидал все это со стороны кинокамеры.

1996 год. Внутренний двор Бутырской тюрьмы. Снимается телевизионный сериал о поэте и философе Игоре Губермане «Гарики и Человеки». Эпизод «Машина для перевозки заключенных».

– Ну, видели ли вы когда-нибудь «автозак»? – смакуя момент, спрашивает меня бывалый «зэк» Губерман.

– Да что там, видел – через губу отвечаю я – более того, ездил в нем. Мотор! Съемка!

Валентина Аркадьевна Пономаренко на открытии областного конкурса любительских фильмов. 1974 год.

НЕСЛУЧИВШЕЕСЯ КИНО

Я обязательно должен включить в свой текст этот рассказ. И именно в этом месте.

Потому что так уж случилось, что мы – Толя Косолапов и я – прожили

рядом с этим человеком несколько лет. И я все порывался снять о этой женщине кино. Уж очень это так было похоже по теме на наш фильм «Галка-профессор». Но только с хорошим концом. Хотя, что такое хороший конец.

Хотеть-то я хотел, но понимал, что не дадут снять. Было еще рано. А потом уже стало поздно.

... Оккупированный Днепропетровск. Ей шестнадцать (хотя, как она уцелела, и ее не забрали на работы в Германию?). Живет она с семьей в доме на улице Тихой. Теперь это улица имени Челюскина, между улицей имени Серова и улицей имени Ленина.

И выполняет она задания подполья. В ее обязанности входит встретить в определенном месте человека, перевести его через мост на ту сторону Днепра и передать следующему связному.

Это потом, после войны она узнает, что Главный врач инфекционной больницы для военнопленных Александр Федорович Хохуля и врач Евгения Георгиевна Попкова с риском для жизни выбили право отпускать после лечения по домам тем, кто проживал до армии в днепропетровской области. Но только лиц рядового состава. А они под эту сурдинку отбирали опытных бойцов и командиров и переправляли их в боевое подполье Новомосковска и Павлограда.

У нашей девочки задача была простая. Встретить и передать, как эстафету. И вот однажды встречает она излеченного молодого командира. Пересаживают они ночь недалеко от бывшего деревянного моста через Днепр, потому – что проход был разрешен только днем.

Ох, видно, хорош был командир, потому что когда она рассказывала, что пересаживали, то мечтательно закатывала глаза.

Вот сколько раз убеждаюсь – Г-сподь экономно выбирает места действия. Все рядышком.

Там же недалеко от этого места, где провели они тогда ночь (кварталов пять) был тот подвал тюрьмы, в котором она потом ждала смерти.

Перевела наша девушка командира через мост, а там следующего связного в этот момент не оказалось. И пошли они дальше. До Новомосковска. Там он в отряд, а она назад. А возле моста через Днепр ее ждет мальчишка лет десяти. Соседский. А может даже и родственник ее. Ждет уже два дня. Предупредить, что уже два раза приезжали к ним домой с обыском. Ищут ее. То есть, домой ей нельзя никак.

И он уводит ее и прячет в склепах старого еврейского кладбища. Сейчас это район парка имени Хмельницкого. Интересно, что тридцать лет спустя ее кабинет будет в здании как раз через дорогу от этого парка.

В склепе она отсиживается, а мальчишка носит ей еду. И так вроде бы с месяц продолжалось.

– Чем он промышлял, я не знаю – вспоминала она – но парень был рискованный. То ли в банде немецкие продуктовые склады взламывали, то ли для подполья оружие воровали.

Однажды под утро приполз он. Подстреленный. На ее руках умер. И тогда она в отчаянии и надежде, что про нее забыли, пошла домой. Вечером пришла. А утром за ней приехали. Дворник выдал. Она вспоминала, что после войны этот дворник там и жил. И был опять дворником.

Девушку арестовали. Били. Но, так как мало чего она знала, то ничего рассказать фашистам и не могла. И на одном допросе присутствовал самый страшный человек в городе – начальник полиции «СД» Днепропетровской области обергруппенфюрер Вильгельм фон Мульде.

И должны были девочку расстрелять. Но Г-сподь уберег. Дело в том, что ее держали не в основной тюрьме СД, а в филиале. Их таких, оказывается, много было по городу. А та в которой держали нашу девушку – эта мини-тюрьма была в доме на нынешней площади им. Демьяна Бедного. Она мне показывала полуразвалившийся дом и подвалы под ним. Вот там их и держали в очереди на расстрел. Потому что допросы уже кончились.

Каждую ночь кого-то увозили. А потом вдруг наступила тишина. Ни вызывают, ни переключки, не еды. Заключенные кричали, били в двери. Никого. Так и лежали они на каменном полу в темноте, умирая с голода.

Потом всю жизнь ей про это будут напоминать ее почки. Немеренно ела она арбузы, которые привозили ей из Никополя.

И так бы все они умерли, во всех пяти камерах. Но кто-то снаружи открыл двери. Это был конец октября 1943 года. Оказывается, ушли немцы. В основном здании тюрьмы успели всех заключенных расстрелять, а про этот филиал забыли.

И стала наша девочка жить. Учиться. И брать от жизни все что можно. Веселая, хохотушка. Ее и ее подружку заметили серьезные партийные мужчины. И расцвела у них любовь.

Вообще была она женщина непосредственная. Рассказывала о своих походах в обком партии в таком тоне: «У меня и подруги были постоянные пропуска. Проходим через охрану, а за спиной, охранники шепотом говорят: «Це обкомовські бляді пішли». И хохочет...

Конечно, пошла у нее карьера. Потом ответственный партийный мужчина пошел вверх по служебной лестнице. Ох, высоко. Уехал в Киев. А девушка вышла замуж за одного из днепропетровской охраны этого ответственного человека. И пошла дальше по жизни.

И была уже, ни много ни мало, заместителем начальника Управления культуры Горисполкома. Ей, молоденькой, были подведомственны театры и, что интересно, оркестры. Все. Помню еще, как она, смеясь, рассказывала про утверждение репертуара ресторанных оркестров.

А еще она рассказывала, что пришла в театр Шевченко и спрашивает: «Где директор?»

А вахтер, весь такой важный, глядя на эту юную особу и не подозревая, что это начальство, – ответил: «Їх нема. Вони наверху пробують молоду актрису!»

И тут случилось ей присутствовать на обсуждении важного идеологического проекта.

По заказу Обкома партии был написан роман о героях павлоградского подполья.

Работал над ним уважаемый писатель, мастер монументальной прозы – Александр Былинов. Он же Александр Иосифович Бейлинов.

И вот сидит важный обком с управлением культуры и обсуждают они написанное. Отмечает, что недостаточно отражена ведущая роль партии в героическом восстании. И просят всех товарищей высказаться по другим мелким недоработкам. Вот и к нашей героине подходит очередь вставить «свои пять копеек».

Она встает и говорит, что автор допустил неточность. Что в тексте кровавый палач обергруппенфюрер Вильгельм фон Мульде погиб (или исчез из города) в феврале 1943 года. А вот она утверждает, что в августе 1943 года он еще творил свои кровавые дела в Днепропетровске.

– Позвольте – робко пискает автор – я в архивах копал

– Не позволю! – отвечает наша героиня – Я видела его в августе.

– Это как?! – встряет в разговор сам Первый секретарь обкома партии тов. Ватченко.

– А так – отвечает наша героиня – вот как Вас сейчас. Метров в пяти от себя.

– И что он делал? – пробует пошутить Ватченко

– Меня допрашивал.

Тут весь Обком партии вошел в стопор. Конечно, быстро запросили справку в КГБ про нашу героиню. Все, оказалось именно так. И автору книги пришлось менять даты пребывания кровавого палача в Днепропетровске.

Но вообще-то партия не любила таких шуток. И потом, когда случился очередной казус...

Дело в том, что Днепропетровский украинский драматический театр взялся за постановку пьесы главного разрешенного в Украине сатирика и юмориста Коломийца «Фараоны».

Как положено, комиссия управления культуры спектакль посмотрела и разрешила к премьере. Пара спектаклей прошло успешно. Но покатылся

городом смешок. И бдительные люди донесли в обком, что имеет место быть сатира на Первого секретаря.

Дело в спектакле происходило в колхозе. И на огромном заднике сцены была изображена большая свинья. Или кабан. Что вообще-то по ходу пьесы могло быть и даже текстом обыгрывалось.

Но... Видите ли, то самый Первый секретарь обкома партии страдал, так сказать, лишним весом. Ну, такая слабость у украинских начальников. Малоподвижный образ жизни и потребление чудного сала... Вот и у товарища Ватченко с обменом веществ, увы, было не совсем в порядке. Нет, он, конечно, с этим боролся. Ходил на работу пешком через центр города. Километра два – три с утра. Да еще в сопровождении председателя Управления КГБ по Днепропетровской области генерала Янова (уточнить бы надо фамилию), которому такой моцион тоже не вредил. Но все равно, товарищ Ватченко смахивал на то самое животное, которое художник - постановщик (не местный ведь!) опрометчиво изобразил на сцене. Короче, налицо были неконтролируемые аллюзии. А это серьезно. Вон в ЦК КПСС была даже целая комиссия по этим самым неконтролируемым...

Так что, не называя, конечно, при обсуждениях конкретную пиллюлю, спектакль подвергли обструкции. И пошли серьезные оргвыводы. Полетели головы. Режиссера и художника – постановщика уволили с волчьими билетами. То есть, с запрещением работать в Украине.

А заодно прочистили и отдел культуры горисполкома. Что, дескать, руководитель про обергруппенфюрера Мульде помнит, а день сегодняшней проглядела. И вылетела наша героическая подпольщица с работы.

Но, слава Б-гу, связи-то были. Отсиделась, и так как связь телефонная с тем самым партийным мужчиной была утеряна, поехала с какой-то своей подружкой в Киев. Там в ЦК ее не пропустили, и она пробралась к нему, минуя охрану, в загородную резиденцию Кончу-Заспу. Встретились. Владимир

Валентина Аркадьевна Пономаренко вручает награду руководителю любительской киностудии Дворца культуры «Машиностроитель» Александру Сачкову. 1964 год.

Васильевич был при памяти и принял меры. Так что опустилась наша героиня на запасной аэродром в профсоюзы. Председателем Совета по кино.

Удивительно хороший человек был. Немножко запыленный, но светлый, добрый и трогательно простой.

– Что ты мне Карла Маркса цитируешь про мерило свободного времени! Ты мне Ленина давай. На хрена мне твой Маркс! – правила она Толю Косолапова, когда он ей готовил выступление на открытие фестиваля.

И вот про нее – про В. А. (да будет светла память о ней!) я хотел сделать кино. Уж очень поражен я был ее удивительной жаждой жизни. Уверен, я бы ее уговорил на откровенный разговор. Но сами понимаете, при советской-то власти такое кино...

Спустя добрых два десятка лет в США для телевидения я брал интервью у одного очень шустрого еврея Мили Фрийдмана (эта передача стоит на YouTube, можно посмотреть).

Он, восемнадцатилетний, попал в окружение под Запорожьем в августе 1941. Ярко выраженный еврей, он прошел пять – шесть (правда, полевых) фашистских лагерей. Уцелел. И все шел к линии фронта. А как перешел, то, конечно, попал в руки СМЕРШа. («Смерть шпионам») Но даже и у них прорвался. Потом воевал, был дважды ранен.

И вот я спрашивал его в фильме

– Как Вам удалось, Милия уцелеть? Что вело?

– Я хотел жить – отвечал он.

– А что другие тысячи, миллионы, не хотели?

– Не хотели! – твердил он – А я хотел!

Вот сегодня я его, как и нашу В.А, хорошо понимаю. Она хотела жить!

ПОСЛЕВКУСИЕ

Лето и осень 1967 года у нас в студии прошли в эйфории. Как там, у Сталина (не к ночи будь он, помянут), называлась статья? «Головокружение от успехов». Это был юбилейный год. Страна праздновала 50 лет Октябрьской Социалистической Революции. И мы попали в этот круговорот.

Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства, Москва – май.

Всесоюзный Слет победителей походов славы советского народа, Ленинград – июль.

Декада украинского искусства в Москве – сентябрь.

Торжественное закрытие Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства, награждение победителей, Москва – октябрь.

Только в середине октября мы перевели дыхание. Пришло время вспомнить, что вообще-то мы учимся в горном институте. Это раз. И, во-вторых, что теперь надо «держаться марку», делать следующий фильм. Ну, с занятиями ясно – нас взяли в оборот строгие педагоги. А с кино надо было самим строиться.

В это время произошли кое-какие изменения в составе студии. Пришли привлеченные слухами об успехах молодые студийцы, но отошли от дел некоторые «старички».

Валерий Бродский уже вышел на преддипломную практику. И еще ушел Боря Цегельницкий.

Почему? Эту историю я изложу только для понимания атмосферы в студии.

Боря был умный, проницательный Он мог быть прекрасным инженером, изобретателем.

В любой технической отрасли. Вот руководителем, как по мне, нет! Было в БэЦэ нечто...

Я с ним по этому поводу шутил:

– Откуда у тебя, Боря, родившегося в еврейской семье, столько шляхетского гонора?

То есть, Цегельницкого изредка заносило. И неудивительно, что при появлении в студии Косолапова, пробежала кошка между Толей и Борей. С одной стороны, так сказать, маститый кинолюбитель, а с другой стороны независимый Косолапов, уже повидавший в военном училище старшин с их ором и раздачей нарядов.

С триумфального для нас республиканского смотра в Киеве они вернулись уже с жалобами друг на друга. Ну, чего не бывает, думал я, притрутся.

Но к середине октября в мое отсутствие, это глухое противостояние Лапы и БэЦэ, с попытками покомандовать со стороны Бори и ворчанием Толи достигло, видимо, критической точки.

Приезжаю. БэЦэ кипит.

– Да, что... да как он смеет. Да, я... Да, в Краснодоне...

– Брось. Еще наступит время, и вы будете работать вместе – уговаривал я Борю.

Кстати, так и случилось. Боря с Толей почти два десятка лет были в одной связке. И как-то же уживались. Более того, Толя содействовал БэЦэ по жизни в Днепропетровске много. И часто.

Так вот, Боря неумолим. Выдвигает мне ультиматум.

– Короче, Фима, или я или Косолапов.

Пойти тогда на поводу у Бори – это значило дестабилизировать ситуацию в студии. Сломать чудную атмосферу товарищеских отношений в коллективе.

Я принял тогда Соломоново решение. Да, именно Соломоново. Во-первых, потому что оно мне показалось мудрым, а во вторых папу Бори зовут Соломоном.

– Боря – сказал я (странно, но вот помню сказанное, потому что не часто в жизни говоришь умно) – я не люблю, когда меряются хуями, лычками, кто дальше пишет и прочим гавном. Клади свои ключи. Будешь просто членом студии

– Нет! Никогда! Я уйду! Навсегда! – вскричал Боря, бросил ключи и вышел.

На следующий день я предложил ничего не подозревавшему Толе Косолапову взять на себя полномочия технического директора, потому что мол, Боря хочет целиком отдаться учебному процессу.

А с Борей мы продолжали дружить. Учились по-прежнему вместе. Дружили. К экзаменам вместе готовились. Но в студию он ни ногой. И только спустя полтора года в мае 1969 года, не выдержала его душа – БэЦэ возвращается в студию. И мы с ним едем в Краснодон снимать фильм по его идее – «Что ты знаешь о Солнце?»

Ну, это будет потом, а пока нет в студии Бори Цегельницкого. Полномочия материально – ответственного у Косолапова.

И тут на тебе! Буквально спустя неделю наш новый Технический Директор пропадает.

В полном смысле этого слова. Дело было так. Мы втроем (Косолапов, Вува и я – brave киношники) вальяжно вливаем в комитет комсомола. И Косолапов напарывается на взгляд. Можно сказать, подрывается на mine. Мина – милая девушка – первокурсница Наташа N.

Ба-бах! Крейсер идет ко дну.

Потом два месяца кряду я вылавливаю Лапу в коридорах, в общежитии, на улице, чтобы подписать требование на склад по химикатам, пленке и пр. Его нигде нет. Он где-то в парках, на скамейках... Тогда изредка поздними вечерами я устраиваю засады в общежитии, потому что он туда приходит поспать.

А ведь в это же время я играю в разные игры с ректором, парткомом и профкомом, чтобы застолбить место для киностудии в сдающемся в эксплуатацию четвертом корпусе института. Тяжко было одному! Но прорвались.

К зимней сессии любовь заканчивается. Похудевший, потерявший с десяток «кагэ» Лапа наконец очухивается. После сессии мы переезжаем в новое помещение. Двигаясь процессией со своим имуществом из бомбоубежища в новое помещение, подхватываем на улице студента.

– А ну давай, помогай.

Тонкий, звонкий студент, пыхтя и потя, сгибаясь пополам, тащит с нами нажитое студией имущество. Даже делает несколько ходок. И при неработающем еще лифте затаскивает «яуфы» с пленкой на четвертый этаж... Так в студии завелся Толя Калуцкий.

Е. Гальперин, А. Маценко,
С. Бурда в студии.

Вообще компания подбиралась постепенно, но качественная. «Приходи, пригодись!» – таков был наш девиз.

Каждый привносил с собой свое. Был у нас трогательный, романтичный, легкоранимый Толя Пасынков. Всегда удивленный Москвитин. Штатным романтиком стал у нас Сережа Деркач, штатным резонером, считающим метры пленки и граммы проявителя прижимистый, ворчливый, но добрый изнутри Толя Пашан. Еще возникли веселый, но ответственный Толя Маценко и толковый, но задумчивый Толя Гороховский. А еще тот самый молчаливый, но исполнительный Толя Калуцкий и, судя по всему, его родственник порывистый Мнацакян Аюпян.

А обеспечивал тональность розыгрыша, дурашливости у нас Слава Бабич (партийная кличка «Фаня»). Он был удивительно артистичен и тонок в ощущениях и проявлениях. У меня есть фотография улыбающегося Славы. Ехидного и с закрытыми глазами.

Вот. Удивительно фотогеничен. Он играл в нашем студенческом театре миниатюр. На него ходили, как на театральную знаменитость! Эх, надо было бросить ему родной институт и ехать в Москву поступать в «Щуку» (Училище им. Щукина). Именно в «Щуку», а не в какой-нибудь ГИТИС или Школу – студию МХАТа. Советское кино и театр тосковали по такому типуажу, по такой индивидуальности.

Отношения в студии строились на взаимоуважении и доверии и честности. Камеры, фотоаппараты, пленка и химикаты... Если что-то

Слава Бабич – «Фаня»

удавалось раздобыть, все шло в общий котел. И все мы этим пользовались. Мы! Помню, Слава Бабич когда-то решил побыть добрым для своих сокурсников и намотал десятка два фотокассет студийной (!) пленкой. Тут же подвергся обструкции. Такое было правило: «В студию всегда. Из студии никогда!».

Но еще немного о старожиле Толе Косолапове. Это ведь было лицо нашей студии. Ходил Толя в свитере крупной вязки. Со времен закончившейся любви он вернулся в прежнюю весовую

категорию. Статный, крупный, породистый. Вальяжный. Девчата бросали «косяки». Не то, что на нас. По субботам, помнится, уезжал Толя в свое Синельниково. Ожидая электричку, обязательно съедал пирожок с мясом. Или с картошкой...

Если возникали какие-то «Проверяющие» или начальственные гости в студии, я выставял вперед Толю. Его солидный вид, умение правильно формулировать их радовало, а партком и профком института успокаивало. Толя полностью соответствовал формуле успеха – три «О» + одно «А». Обязательный. Обстоятельный. Обаятельный. Адекватный!

Мы его, представительного нашего, даже сдавали в наем. Например, сосватали в Обком комсомола на лето (два года подряд) на должность заместителя начальника отдела по спортивной работе. Ну, туда, где разрабатывались методички «Ленин и коньки», «Ленин и лыжи». Вот, представляю себе, как сегодня собираются в институте коллеги по работе в обкоме комсомола – профессор кафедры истории (в те годы секретарь Обкома комсомола по идеологии) Виктор Пушкин и проректор Анатолий Косолапов. И ведут они неспешные беседы, что, дескать, рановато они функционировали в комсомоле. Вот лет на двадцать попозже и были бы олигархи, как Тигишко или, не дай Б-г, Ходорковский.

А если сваливались на нас гости из Москвы (помнится, с Центрального телевидения, из Редакции Народного творчества), то в «Лица Студии» добавлялся Володя Моложен. Вот уж кому надо было учиться не на электроприводе, а в МИМО. Я всегда представлял его на дипломатической работе. Послом где-нибудь в Монако или во Франции. На фото Баржа справа.

В осень 1967 года студия обзаводится еще одним членом, польза от которого оказалось весьма и весьма.

Студенты А. Косолапов и Е. Гальперин, профессора Н.Ф. Кременчуцкий и Е.Ф. Эпштейн на творческом вечере киностудии

«Посол в Монако» – Володя Моложен

В студии Семен Бурда, Ефим Гальперин и Алексей Мартыновский

Случилось так, что первого сентября я по традиции пришел на праздник «Первого звонка» в свою бывшую школу №38. Там встретился с любимым мной учителем Львом Семеновичем Бурдой. Известным во всем городе не только своими удивительными знаниями физики (самый лучший репетитор для заумных абитуриентов университета), но и удивительным одесским юмором. А главное, мудростью!

– Послушай, дорогой, – сказал он мне – по слухам ты успешно заправляешь любительской студией в горном институте. Там ведь Сенька, сыночек мой, студентом числится. Возьми охламона к себе. А то ведь сблядуются вконец.

Я понимающе улыбнулся. Слава о «донжуанистости» Сени ходила не только в Кировском районе, но даже выхлестывалась уже в Октябрьский район города. И по местному Бродвею (Проспект Карла Маркса, от угла улицы Короленко до угла улицы Серова) прощвырнуться без того, чтобы не наткнуться на Сеню было невозможно. Как мне помнится, сам стихов он тогда не писал. Разве что пародии. Помню:

Подруга Глаша тихонечко поет.
 Вся раскраснелась, а губы марципаном
 Тебе на третье что – меня или компот.

Еще читал он громко вслух девочкам стихи французских поэтов в переводах и рассказывал об обнаженной натуре в творчестве итальянских художников. Но не только этим он славился. Был шлейф из какой-то романтической истории его любви в бытность школьником к своей учительнице русской литературы.

В начале октября я встретил Сеню в коридоре института. Подошел к нему. Мы были шапочно знакомы через моего соседа Фиму Струпинского.

– Слушай, Сеня, а приходи ты к нам в студию.

– А что я там буду делать? Кино не мой удел.

– А ты приходи. Будем разговаривать...

И Сеня пришел в студию. Тогда мы еще квартировали в бомбоубежище. Показал я ему наш фильм-лауреат. Он отнесся к фильму снисходительно. Акт творчества признал, но с позиций высокого искусства, коему он старался соответствовать, был прохладен...

И тогда сразу же, по какому-то поводу, сам того не заметив, он подкузьмил Косолапова. Толя, помню, даже рвался тут же вывести его в коридор «поговорить».

Я, как мог, успокоил Толю. Дескать, Сеня же, не заметив, это сделал. А раз не специально, то не злонамеренно. Это требует уже снисхождения.

– Прости его, Толя – говорил я – забудь.

Сеня все время переживал какие-то Любви... Разные и разнообразные. Девушки – это было главной его слабостью. Мы все в студии знали, что если что-то говорится Бурде, а мимо проходит особа женского пола, то текст надо повторять. Зашумление происходило именно на момент проноса тела.

В студийных процессах до осени 1968 года Сеня не участвовал. Но заглядывал. Разговаривал. А к осени – видно сломалась очередная любовь – зачастил.

Совсем недавно я рассказал Сене про мой разговор с его палпой. Дескать, вот почему я его тогда пригласил в студию. И почувствовал, что это его заело. Как же так?! Значит его судьба (а студия оказалась важной частью его жизни) – это не его свободный выбор!? Мол, Фимка сварил кашу. А я удивился. Дело ведь не во мне. Это ведь какое счастье для отца – хоть опосредствованно, как бы через меня, но поучаствовать в выстраивании жизни своего ребенка.

Сегодня Сеня в аннотациях к своим славным поэтическим сборникам гордо пишет «снял документальные фильмы, ставших победителями республиканских и Всесоюзных фестивалей в Советском Союзе». Все верно! Так и было. Снял Сеня в студенческой самодеятельной киностудии «Юность». И немного после нее, но в

том же ареале – самодеятельное кино. Да, не упоминает Сеня студию. Но все равно приятно. И светлая память папе – Льву Семеновичу Бурде!

ЭТЮДЫ

Как я уже отметил в истории по захвату Калужского, в марте 1968 года случилось важное событие в нашем быту. Мы вышли из подполья, в самом прямом смысле слова. После нескольких наших намеков руководство родного института решило, что негоже лауреатам всяческих фестивалей быть детьми подполья. Тем более, что может какая-никакая пресса в гости напроситься и даже какие-то делегации приехать за опытом работы.

В это время как раз сдавался в эксплуатацию новый корпус института. И несмотря, что между кафедрами шла драка за каждый квадратный метр площади, нас наградили по-царски. Две комнаты по двадцать квадратных метров на первом этаже – кинолаборатория и фотолаборатория, и две (60 и 20 квадратных метров) на четвертом этаже – съемочный павильон и монтажная.

И в этих чудных условиях мы продолжили изучать, анатомировать поступок. Во временах, в ситуациях. И нашим инструментом было кино. Более того, для нас «делание кино» было тоже ведь поступком.

Весной 1968 года мы приступили к съемкам сразу двух коротких киноновелл. Мистически-патетическое киноэссе «Мадонна» и остропублицистическое «Больно». И если в первом, рассказывая о комсомольцах, погибших при кулацком восстании в Никополе, мы обходились отраженными планами – винтовка, пулемет, крупные и общие планы девушки в буденовке и длинной шинели, то фильм «Больно» стал попыткой игрового кино.

Для этого мы сдружились с театральным училищем города (кстати, из него вышли и Лия Ахеджакова и Сергей Гармаш) и пригласили сниматься двух студентов. Один из них, Виктор Фокин, потом в 70-х станет популярным актером советского кино.

В «Мадонне» операторами были Сергей Деркач и Володя Моложен, а в

Виктор Фокин в фильме «Больно»

Две героини – реальная и сыгравшая ее в фильме «Мадонна» – Надежда Потемкина

«Больно» попробовал свои силы за кинокамерой выпускник Горного института, известный фотохудожник Виктор Арсирий, в дальнейшем фотокорреспондент АПН.

Но вообще в работе были задействованы все студийцы. Потому как кино, напоминаю, коллективное творчество. В конце концов, даже если ты и режиссер, и сценарист, и оператор в одном лице, все равно есть масса сопутствующих вспомогательных операций. А еще ведь необходимо, чтобы было с кем-то перемолвиться словом, сверить ощущения. То есть должна быть творческая атмосфера. Так что кто-то снимал, а остальные помогали.

А потом другой из нас снимал, а кто-то помогал.

Летом я повез озвучивать фильмы по протоптанной дорожке в Киев на Полевую, 8.

К этому времени, верные делу НИИВСа (Научно-Исследовательский институт Второго Счастья) им. Остапа Бендера, Толя Косолапов и Вова Моложен двинулись на обязательную студенческую практику в город Александрию. На Семеновско-Головковский угольный разрез. Там они, работая электрослесарями пятого разряда, в порядке оказания шефской творческой помощи, сняли кучу материала про доблестный коллектив разреза. Помню звонок в Киев:

– Фима, жди нас! Не уезжай! Везем кучу пленки! Выручай!

Приезжают. Пленку в обработку. Кстати, особенно хорошо печатался рабочий позитив, если в темной комнате копировальщице Ларисе ассистировал Косолапов.

Садимся, складываем кино. Сочиняем залихватский дикторский текст в лучших традициях советской оптимистической кинодокументалистики: «нескончаемым потоком идет уголь стране...». Подбираем бравурную музыку. И выдаем кино «на-гора» в сжатые сроки. Не привыкать...

После этого благодарные авторы «накрывают полянку» мэтру в кафе над станцией метро «Большевик». Я предвкушаю «котлеты по-киевски» за счет угощающей стороны – Вовы и Толи. Потому что работе над этим самым «Семеновско-Головковским» сопутствовала запарка по времени. А в районе кинолаборатории, в гастрономе, не стали продавать хлеб. И питались мы по-прежнему – колбаса со сладким печеньем.

Ну, этот наш обед гораздо художественнее описывает в своем мемуаре «приглашавшая сторона». А я просто думаю, что это место и время подчеркнуть, что мы не существовали в безвоздушном пространстве. И вся наша жизнь не протекала в комнатах с красным фонарем для печати фотографий и не только за камерой. Мы дружили со всеми творческими самодеятельными образованиями института. И лично со многими из их участников. А это были: литературная студия «Уголек», хор, студенческий театр миниатюр, дуэт Шляхов и Хаенко, вокально-инструментальный ансамбль «Террикон» с голосистой певицей Ларисой Петечко и, наконец, большой джазовый оркестр Владимира Марховского.

Да, еще в городе были сильные любительские студии. Толковые ребята студии «Наш фильм» завода радиорелейных приборов (руководитель Вася

Ефим Гальперин и Виктор Арсирий на съемках фильма «Больно»

Сябро). Ими уже был создан фильм «Память сердца» – Лауреат многих фестивалей. И делали его Игорь Александров и Владимир Вязовский. Ах, как мы уважали Владимира Ивановича. Вот уж, как говорят, благородных кровей... Мудрец. Добрый, думающий.

Была студия при Дворце культуры «Южмаша». Там заправлял шустрый Лев Кошанский. Потом его сменил Володя Скачков. В ДИИТе руководил студией великодушный Виктор Пешков, в ДМЕТИ предприимчивый Анатолий Стафидов. ДК железнодорожников – Мольнер Олег. Была студия на Шинном заводе, возглавлял которую Виктор Передерий.

И были еще приятели – актеры театров города и журналисты газет, радио, телевидения. Был целый мир, в котором нам было весело и уютно. Спокойно и хорошо.

«ФЕСТИВАЛИМ».

«Мы сегодня гуляем, мы сегодня фестивалим!» – так поется в песне Верки Сердючки.

О, это весьма привлекательная сторона существования в кинолюбительстве. Это как наркотическая зависимость. Многих эта штука даже развратила!

В наше время Профсоюзы, которые «Школа коммунизма» – именно под их эгидой расцветал всякий вид самодеятельного творчества трудящихся – не скупилась на праздники. Вовсю шли всякие Декады искусства. Цветы, музыка, фанфары. Как потом выяснилось – страна радостно вступила в эпоху застоя.

Такое же творилось и в мире любительского кино. Фестивали, смотры. Было весело, в продаже всегда были какие-то дефициты – книги, одежда. И много вкусной еды. А еще были значки, дипломы, важные творческие разговоры. И девушки, как бабочки, вокруг...

Места были приличные – Киев, Москва, Ленинград. Один раз только было скромно – город Калинин (Тверь). Для нас, юных студентов, для которых даже Днепропетровск был уже о-го-го, выезды, знакомство с новыми городами, да еще и в таких сладких обстоятельствах, это была блестящая возможность увидеть мир.

Правда, чтобы попасть в эту атмосферу праздника, надо было все-таки снять кино. И с этим кино пройти все отборочные смотры. На уровне города, области, края, республики. Но даже и после этого успешного слалом лично попасть на фестиваль было непросто.

Разнарядка обычно была строгая. Один человек от области. Обычно это был инструктор Совета по кино Областного Совета профсоюзов. Правда, если в области была известная, уважаемая и плодovitая студия, то

Получение наград фестиваля в Житомире.

Облсовпроф брал на себя расходы по командировке руководителя этой студии.

Мы считали, что это несправедливо. В конце концов, кино – творчество коллективное. Поэтому с первого фильма, с первого фестиваля в Киеве, был взят за основу принцип – «Где один, там должно быть не меньше, чем два».

То есть одного автора законным путем посылал в командировку на фестиваль Областной Совет профсоюзов, а на второго мы сами выбивали командировку в институте. А уж по прибытию основной игрок при регистрации выпрашивал вторую аккредитацию, а то и место в гостинице. Так мы и проехали в 1967 году массу этих праздничных мероприятий.

В 1968 году (24 сентября – 7 октября) предстоял уже зарекомендовавший себя Всесоюзный фестиваль «Золотое Полесье». Фанат кинолюбительства, Юрий Яковлев, пользовавшийся как врач партийное руководство в Житомире, вскружил им головы планом «Нью-Васюки». И они поддались.

Представьте себе, в этом скучном областном центре Юрий разжег огонь фестиваля столичного уровня. Пригласил туда профессиональных кинематографистов – актеров и режиссеров. И те с радостью согласились. Что говорить, весь город и вся область жили тогда этим праздником. Украшения на улицах, премьеры фильмов во всех кинотеатрах. Ну, просто Канн.

Увы, потом, этот фестиваль усохнет. И это еще одно доказательство роли личности в истории – уйдет из жизни Юрий Яковлев. Но это будет потом.

А пока, наслушавшись восторженных отзывов о предыдущем фестивале – «Золотое Полесье -66» от наших коллег из других студий, мы готовились всерьез к этому – «Золотое Полесье -68». Везли мы туда два фильма – «Мадонна» и «Больно». Но тут Комиссия по работе с кинолюбителями Союза кинематографистов СССР во главе с Григорием Львовичем Рощалем вставило в обязательную программу Фестиваля (на бис) фильм «Галка-профессор». Это было для нас сюрпризом. Потому что по правилам фестиваля больше двух фильмов от одного коллектива быть не могло. Мы оказались перед выбором «Мадонна» или «Больно». Но, заступившая в это время на должность «Мамы кинолюбительства Украины», Даная Павловна Трофимова, как опытный функционер и мудрый искусствовед предложила просто соединить «Мадонну» и «Больно» вместе и выставить на фестиваль под названием как один фильм – «Этюд». О, как она была категорически права! Материал только выиграл от этого контрапункта тем.

О делегации. Всем нам хотелось поехать. Но в разрядке, прибывшей на Областной Совет Профсоюзов, было строго-настроено указано – «Руководитель студии «Юность».

Мне показалось это неэтичным. Ведь фильма два. И тот и другой делала группа энтузиастов. Как же мне одному вкушать сладость фестивальной суеты?

Кроме того, мой опыт проезда по фестивалям в 1967 году утвердил меня в понимании, что участие в фестивалях это не только награда, благодарность, признание тебя и твоего личного участия в творческом процессе, но еще мощнейший импульс. Подстегивание честолюбия и твоего творческого «Я», чтобы сделать все для участия в следующем фестивале. Более того, чтобы стать там опять победителем. В свете прожекторов... Лауреат! Называл я это «обкатка фестивалем».

Короче, я всеми правдами и неправдами выпрашиваю в Облсовпрофе простое информационное письмо о фестивале и несу его в институт. А там по кругу с протянутой рукой. В результате нам удалось выпросить пару командировок в ректорате, пару в профкоме. И еще я пронесся по симпатизирующим нам кафедрам, выбивая из них командировки по их научным темам.

В результате нам удалось привезти на фестиваль в Житомир большую группу. Человек десять. Потом я долго уговаривал дирекцию фестиваля об аккредитации всех – пропуска, питание, участие в экскурсиях и посещение киосков и магазинов с дефицитом. Решилось и

с проживанием. Часть наших ребят была поселена в весьма приличное общежитие пединститута.

С тех пор, когда я появлялся на очередном фестивале и подходил поздороваться к Данае Павловне, она заглядывала за мою спину.

– Ну и сколько ты, Фима, в этот раз привез нелегалов?!

Что интересно, вот протоптали мы эту дорожку по кафедрам и, профкому и ректорату, приучил их поддерживать. А потом по этой дорожке уже шли легко. Всегда на фестивалях делегация студии «Юность» поражала своей многочисленностью. Помню, уже в 1985 году Калущкий приволок в Москву на фестиваль большую группу студентов. Правда, никто из них ничего и не снимал. Да и девушек в группе было подозрительно много. Но Ренегат всегда любил, чтобы вокруг него было много симпатичных девушек...

Получив стопку командировочных удостоверений, я стал складывать делегацию. В ней было старшее поколение – Вова Моложен, Толя Косолапов, Коля Дымченко. Из молодых Толя Гороховский, Сережа Деркач.

Тогда я впервые использовал служебное положение в родственных целях. Протащил в делегацию своего двоюродного брата Феликса Махлевича. Он учился в медицинском институте, но еще со школы мечтал стать оператором. И я понадеялся, Это было бы приобретение для студии. Такого тщательного, дотошного борца за чистоту я не знал.

Но Фелю совратить в кинолюбительство даже после фестиваля не удалось. Он реализовал себя в урологии и гинекологии. Что в принципе близко...

И включил я еще в состав делегации Сеню Бурду. В список тогда не попал Толя Калущкий.

По этому поводу я несколько комплексовал. Сейчас Толя Калущкий говорит, что вообще этого не помнит и обиды не держит. Спасибо! А я вот помню и чувствую вину.

Все паковали чемоданы. Правда, случился небольшой бунт на шхуне. Моложен и Косолапов восстали против кандидатуры именно Семена Бурды.

Я выдержал не один наезд от них.

– Подумаешь! Кто такой!? Только ходит и треплется. Подначивает... Нет от него никакой пользы!

Но все-таки десант сколачивал я, и Сеня поехал.

Фестиваль прошел во славу нам. Мы отхватили призы за оба фильма.

Насмотрелись фильмов наших коллег из других республик и даже из Италии и Югославии. Почувствовали себя своими на этом празднике жизни, на празднике кино.

А еще мы накупили хороших книг. Помню одну из них – чудную книгу «Антология французской поэзии в переводах лучших российских поэтов».

Радушные хозяев фестиваля не знали меры. Кормили на убой и почти бесплатно. Житомирщина ведь край грибной. Поэтому в меню во всех кафе и ресторанах, обслуживающих фестиваль и гостей, были удивительные блюда с грибами. Разве что компоты и пирожные были все таки без них.

Помню на наших самых красивых, на гусар – Сеню, Вову и Толю – спикировали две стройные девушки – студентки педучилища – временно продавщицы в сувенирном киоске гостиницы. У них были еще какие-то экзотичные польские имена типа Ванды и Яны. Спикировали они резко и алчно. Вува благоразумно отполз. А вот Сеня и Толя вынуждены были «отгусарить». Все произошло днем, прямо в киоске. Девушки закрыли дверь, вывесив табличку «Закрывается на обед». Там они, красавицы, и отобедали нашими красавчиками...

Польза от поездки в Житомир для студии получилась большая. У всех начался творческий зуд. Деркач, отснявший много хроники на пионерской военной игре «Зарнице» летом 1968 года и уже старательно забывший про этот материал, вдруг стал терзать меня – давай из этого делать кино. Уже проклевывалось и название этого фильма «Пароль – Родина». Оживился Калущкий, примериваясь создать фильм о геодезической практике в Орловщине. Так возникла идея фильма «Мы – геодезисты»...

Своеобразно это преломилось в Сене Бурде. Зима с 1968 на 1969 – так

должны будут исследователи его поэтического творчества датировать тот самый взлет. Да-да, Сеня вдруг зафонтанировал стихами. Хорошими стихами! Да, он и сам признает, что это случилось именно в этот период. То есть не всегда только несчастная любовь становится спусковым крючком к творческому взлету поэта...

А потом Сеня написал песни к фильмам студии. А там начал снимать и сам кино. Захотелось ему оцененного творчества! Захотелось взойти на сцену, получить приз под аплодисменты, поймать восхищенные взгляды женщин. Обкатка фестивалем дала себя знать.

И для студии его проснувшееся честолюбие обернулось пользой. Потому как на пользу студии пошла приращенная артистичность и творческий настрой Сени. Не хватало в студии общей культуры, информации по части искусства. Да и хотелось другого уровня общения. Ведь ребята же не только умеют ставить диафрагму и размещивать проявитель для пленки. Они, как-никак, творчеством занимаются. И Сеня привнес свое. Шутки, розыгрыши в коллективе стали более утонченными. А потом и вообще, начали даже закрепляться на бумаге. У студии появился свой печатный орган, свои поэты, афористы, и художники – карикатуристы. Разговоры поплыли о Бродском, о Рембо и Верлене. Книжки хорошие стали обсуждаться. И ворчание «стариков, что, мол, треплется, под ногами путается» исчезло. Вон, Толя Косолапов вспоминает: «...Не оценили мы тогда его целесообразность появления в киностудии. А ты, Ефим, полусерьезно, говорил: «Самый умный среди нас Бурда. Но хорошо, что он этого не понимает...».

А я продолжал возить Сеню на фестивали, где он скептически оценивал творчество кинолюбителей. И вот как-то на фестивале в Киеве идем мы втроем. Сеня, я и чудный киевский журналист Нора Верховец. И она говорит:

– У меня есть сюжет коротенького фильма – плаката.

Рассказывает:

– Маленький мальчик выпускает в окошко маленькую птичку. А потом заметка в газете: «С аэродрома в Германии не смог взлететь американский атомный бомбардировщик. Авария. В мотор самолета попала птица».

Нам нравится этот антимилитаристский сюжет.

– Дарю – говорит Нора.

– Ну почему же – говорю я – мы в титрах напишем автора.

– Обойдусь – говорит Нора.

– Ну, вот Сеня как раз и снимет. Давай, Дорогой – предлагаю я – пора от кинокритики перейти к кинотворчеству.

Забегая вперед в осень 1969 года. Приз за самый короткий фильм на всесоюзном фестивале любительского кино «Профсоюзы – школа коммунизма» удостоен был фильм нашей студии «Юность» – «Птицы большие и маленькие». Авторы – Семен Бурда и Слава Бабиц (партийная кличка «Фаня»).

Да. Взались воплотить сюжет Норы два самых колоритных наших студийца. Сначала долго шли обсуждения. Потом...

Нет, я все же должен оставить для потомков творческий процесс создания этого фильма.

Съемки шли в помещении студии на четвертом этаже. Сначала привели мальчика, который должен открывать форточку и отпускать птичку. Сеня принес в коробке птичек, Вульгарных воробьев, которых он прикупил на рынке за свои кровные деньги.

Оператором был Слава Бабич, который держал руках кинокамеру второй раз в жизни.

Он пристроился за спиной мальчика. Ребенок задачу выполнил точно – получил птичку из рук Сени, открыл форточку и выпустил ее. Она, конечно, улетела. А Слава, оказывается, еще даже не включил камеру.

На втором дубле, камера была запущена вовремя. Но мальчик выпустил птичку.. не в том углу форточки, в который прицелился Слава. И так далее...

Все свободные от учебы и жизнедеятельности студийцы собрались в студии. Они делали вид, что оказались тут по делу. И сдерживая смех и рыдания, наблюдали процесс съемки. Это была материализация идиомы «выбрасывание денег на ветер».

Потому что с каждым несвоевременным включением камеры или неточной панорамой улетала не просто незафиксированная правильно на пленку птичка. Улетал рубль Сени.

Стоял ор. Сеня кричал на Фаню. Фаня кричал на Сеню.

– А ты сам бери камеру и снимай, а я буду подавать птичку!

– Ты же знаешь, что я не могу снимать!

Улетело в тот день не менее десяти рублей. Но три дубля (в денежном эквиваленте – три рубля) вроде удались.

Потом была вторая серия съемок.

С помощью редакции «Артемовца» была напечатана как бы страница газеты, в которой и было сообщение о том, что потерпел аварию американский бомбардировщик, в мотор которого попала птица...

Этот эпизод, казалось бы, снимать было проще. Ведь не было движущего объекта. Листик закреплен на стенке. Камера на штативе. Требуется всего лишь плавный наезд на текст. Но как же, чтобы без рывка. Ребята спорили.

– Правее. Нет, левее.

Камера была хрупкая, маленькая, восьмимиллиметровая.

Потом была проявка пленки. Потом был монтаж. Сеня и Слава учились склеивать пленочку шириной восемь миллиметров. А длина всего фильма – призера Всесоюзного фестиваля была 2 метра или 524 кадрика.

Мне кажется, что я обязан поделиться совершенно неожиданным продолжением истории с этим фильмом. Спустя два десятка лет мой двоюродный брат Алик, уехавший на историческую Родину в Израиль из города Кривого Рога, сдает вступительный экзамен на работу в главную по водоснабжению компанию Израиля «Мекорот». И должен он – инженер – пройти через модные тогда психотесты. Вопрос там был: сочините лаконичную историю про взаимодействие совершенно несовместимых предметов. И брат Алик, наслышанный в детстве о творчестве киностудии «Юность» от родного

брата Феликса Махлевича, выдает на психотесте историю, запечатленную в фильме «Птицы большие и маленькие». Психолог компании «Мекорот» восхищенно говорит «Яффе!» («прекрасно!» – иврит) и мой двоюродный брат вот уже двадцать два года является ударником труда Израиля. Тут уж, действительно, не знаешь, где и как наше слово отзовется.

И напоследок веселая житомирская история того самого 1968 года. Сеня Бурда в самом конце фестиваля прикупил очень приглянувшуюся ему красивую синюю вазочку за 10 рэ.

И признает, Сеня, что начал писать всерьез стихи, как раз, глядя на эту синюю вазочку. И была эта вазочка у него всю жизнь. А перед отъездом в США он ее подарил очень хорошему человеку. О том, что этот человек прекрасный, я готов похвастаться.

Но тогда, купив эту вазочку, Сеня превысил свой скромный студенческий лимит. Вышел на ноль. А утром следующего мы уже уезжали. И нечем было ему расплатиться за свое проживание в общежитии за весь период. Как раз 10 рэ.

Сеня исхитрился. Чтобы не «светиться» перед комендантом общежития утром (расчет должен был произойти при уходе) он пришел ночевать в гостиницу ко мне. Спать пришлось нам с ним на одной кровати. Во сне Сеня толкался, крутился. Не дал спать. И вот недавно, спустя сорок лет, я шутливо напомнил об этой ситуации. А Сеня вдруг взвился, будто я тыкаю в его вечную бедность.

И начали они с женой копать в памяти и вытащили оттуда какую-то незнакомую мне историю о том, что лет двадцать назад при косвенном моем присутствии в ней, они «полюбили» на пару сотен долларов.

И тогда я ему ответил, что в мире все компенсируется. Видимо так, опосредствованно, была взята с него плата за ночь со мной.

У НАС С СОБОЮ БЫЛО

Каждую весну в городе проходил Смотр художественной самодеятельности Вузов.

К этому времени все «гладили шнурки» и «начищали пуговицы». Горный институт на этих смотрах гремел. И хотя в обязательной программе типа «Хор» мы были не очень, но зато, ни у кого не было такого оркестра, как оркестр нашего украинского Лундстрема – Владимира Марховского и такого конференса, как Эдуард Шляхов и Семен Хаенко. И, конечно, ни у кого не было такой киностудии. Мы были козырями.

Да что там масштабы города. Когда мы поехали в Ленинград (апрель 1970) на Дни Дружбы горных институтов страны... Такой киностудии ни у кого не было.

Так что, если Марховский, Шляхов и Хаенко были знамениты максимум в масштабах города и области, то мы в силу специфики и экзотичности наших занятий стояли «круче». А что?! Лауреаты всесоюзных и даже международных смотров.

При этом думаю, по затратности (кино и фотоаппаратура, пленка, поездки на фестивали и смотры) мы в сравнении с теми же саксофонами, трубами и барабанами оркестра Марховского не сильно отягощали бюджет института.

Проректор ДГИ Н. Я. Биличенко вручает награду Е. Гальперину

А снабжение у студии было хаотичным. Ведь строить долгосрочные планы – заказывать за год вперед материалы, вписываться в разрядки, мы, студенты, особенно не могли. Нам нужно было все сегодня. Поэтому вели мы себя – шутил проректор Николай Яковлевич Биличенко – «как бандиты».

То есть смотрели, где что плохо лежит. Мы «стучали» ректору, что мол, есть на кафедрах аппаратура, но не используется. И, после строгой ревизии, прибирали ее к своим рукам.

С заведующим материальным складом у нас были прекрасные отношения. Вот она то и ставила нас в известность, если что из кино-фототехники и материалов прибывало на склад. Тут уж мы не зевали. Махновским налетом, успев быстренько подписать в бухгалтерии «требование», мы уводили из-под носа кафедр и служб института все возможное – пленку, фототехнику, химикаты. Однажды мы успели перехватить у кафедры рудничного транспорта почти всю партию шикарной итальянской фотобумаги «Феррари». Жулики!

А если вдруг требование или накладная не подписывались, (не под то настроение мы попадали в административно-хозяйственной части или в бухгалтерии), то мы запускали Марика Соркина. Был у нас в студии такой мальчик с немигающим глазом. Он скулил под дверями бухгалтерии, он высиживал и гипнотизировал.

Я уже упоминал, что в самом начале, приступая к съемке «Галка-профессор» мы были озабочены поиском правильной кинокамеры. Без параллакса. То есть, чтобы то, что видит объектив, видел и оператор. В СССР такого до этого не было. В имевшихся тогда в обиходе простеньких камерах видеоискатель не был совмещен с объективом.

И вот как раз к лету 1966 года оптико-механический завод под Москвой выпустил первую партию камер с зеркальным obtюратором под названием «Красногорск».

Именно о ней говорил я тогда на первой встрече с ректором. Тогда первая партия этих камер поступила только в один магазин в СССР – магазин «Кинолюбитель» на Ленинском проспекте в Москве. И именно за ней, выбив командировку, я рванул в сентябре 1966 года.

Приезжаю в магазин... И на тебе! Оказывается именно на камеру «Красногорск» есть строгая инструкция управления торговли. Дескать, это товар повышенного спроса. И по безналичному расчету отпускается только московским организациям.

Напоровшись на это правило, я, было, мотнулся на сам завод в Красногорск. Впустую. Проторчал в проходной день. Завод-то военный.

Вернулся в магазин к директору. Тот неумолим.

– Я не могу выписать счет. У меня инструкция по лимитированному товару.

– Хорошо – говорю я – скажите мне, хотя бы, на каком этапе сработает это «не положено».

И он, милый человек, мне, провинциальному пацану двадцати лет, снисходительно излагает схему оплаты по безналичному расчету.

Выписанный магазином «счет-фактура» поступит в бухгалтерию ДГИ. Институт переведет сумму с указанием «за что» в Центральный банк СССР. Тот переведет сумму, опять же с указанием «за что» в Московский городской банк.

– И абзац! – говорил он мне – потому что сумма с указанием «за что» поступила в то самое место, где есть инструкция «за что не положено».

– Хорошо, а если вы не напишете «за что»?

– А на это, молодой человек, есть у меня ревизия и ОБХСС.

– А как – спрашиваю я – работает схема перечисления, если все внутри Москвы?

– Ну, это просто. Все на уровне районных отделений банков. От одного – другому. Мимо городского банка, где есть эта самая пресловутая инструкция.

То есть, я, как Штирлиц, понимаю, что надо обойти этот самый Городской банк. Уговариваю директора магазина выписать счет на камеру просто на

«Красногорск»

«Киев-16У»

«Конвас»

«Родина»

«Пентафлекс-16»

Кинокопировальный
аппарат КАУ-16

Горный институт, без указания Днепропетровска. Успокаиваю его тем, что вот сейчас с этим счетом рвану в Московский Горный институт, и буду просить их, чтобы они купили, а потом как-нибудь...

Директор, добрый и наивный человек, дает команду. Мне выписывают счет-фактуру на «горный институт». Сами понимаете, что на то, чтобы пойти по кабинетам незнакомого, спесивого, столичного ВУЗа задора у меня бы не хватило.

Я звоню дорогому нашему главному бухгалтеру Сергею Павловичу Первееву (да будет светла Память о нем!) и 450 рублей (стоимость камеры) в виде аванса срочно в тот же день, без указания наименования товара перечисляются прямо на отделение банка района, к которому относился магазин. А мне отправляется телеграмма-доверенность. Просто – на получение товара на сумму 450 рр.

– Ефим, учти, переводы авансом – предупреждает Сергей Павлович – могут лежать неподтвержденными не больше трех дней. Иначе автоматически сбрасываются обратно.

9 утра следующего дня. Я в Октябрьском отделении банка. Коробка конфет и букет цветов...

– Поступил ли срочный перевод на 450 рублей для магазина «Кинолюбитель»?

– Да. Вот только что.

Мне любезно ставят штамп «оплачено» и круглую печать на том самом счете-фактуре, где указан просто Горный институт.

К открытию магазина я был у дверей. Милый директор, как я уточнил перед этим, приходил к одиннадцати.

Предъявляю счет с отметкой об оплате и доверенность. Выхожу из магазина с камерой («Красногорск», заводской номер 417) в одни двери, а в другие в это время заходит директор.

Что интересно, что спустя год мы без трудностей обзавелись второй камерой «Красногорск». Она была вручена лично мне. Так в накладной и в дипломе: «Главный Приз автору фильма Е. Гальперину за Первое место на конкурсе любительских фильмов Всесоюзного слета победителей похода по местам боевой славы (Ленинград, 24 июля – 1 августа, 1967 год). По возвращению со смотра я принес камеру в студию. Потом при каждой инвентаризации всплывал вопрос

– Почему одной камерой больше?

С кинокамерой «Киев-16У» было проще. Все же внутри республики. Пробыли заявку в отделе Министерства среднего машиностроения. И я получил одну из первых – прямо с конвейера на заводе в Киеве.

Шло время. Мы выросли и стали поговаривать о нормальной 35 миллиметровой камере «Конвас». Казалось бы, чего проще – закажи. К тому времени в институте уже с пониманием относились к нашим просьбам. Но в СССР все было по разнарядке. Особенно дефицит. И был порядок. Сначала подается заявка. Пару лет ее отклоняют. Потом, наконец, принимают и ставят в очередь. Это еще год-два неизвестности. А потом странные пути доставки. Произвольные. То прямо на заказчика, то через систему торговли.

И вот в очередной раз посещаю я магазин наглядных пособий. Был такой на проспекте имени Карла Маркса. Мы там всегда по безналичному расчету покупали всякие проявители-закрепители.

Прохожу по коридору в кабинет директорам магазина оформлять бумаги. И тут мой пытливый глаз выхватывает в углу подсобки типичный кофр камеры «Конвас». Такой черный продолговатый ящик с металлическими углами.

– «Конвас»? – не веря глазам, спрашиваю я.

– «Конвас» – отвечает директор

– Откуда?

– Да это прислали по разнарядке для Криворожского горно-обогатительного комбината.

– А они знают?

– Пока нет.

– А если? – спрашиваю я директора магазина.

– Ну, если завтра утром ты будешь к открытию магазина с чековой книжкой...

Я несусь, высунув язык, в институт. К родному главному бухгалтеру. А уже конец рабочего дня. С ним мы движемся к ректору. Ведь как-никак, а две с половиной тысячи рублей. Мне, не материально ответственному, более того, совсем безответственному студенту вручают эту самую книжку.

– Сам заполнишь!

Утром, только открылся магазин... Это была не Москва и все проще. Через час я уже тащил – почему-то в трамвае (мог такси взять по такому случаю) этот самый кофр с камерой «Конвас». Той самой, которой были сняты все 35-мм фильмы студии, начиная с «Заботы» и заканчивая «Прислушайся...».

Да, к 1970 студия «Юность» была экипирована по-взрослому. Объективы, прожекторы. Большая проявочная машина. Полная линейка кинокамер в двух форматах – 16 мм и 35 мм. Да еще изредка мы по старой дружбе брали у Виктора Пешкова человека широкой души, руководителя любительской киностудии ДИИТа «Пентафлекс-16». Солидно выглядела камера. Импортная. И качество снятого материала было значительно выше.

Да-да, помнится, к тому времени мы раздобыли еще подержанную камеру для синхронной съемки «Родина».

А еще, используя личные связи (друг Шурик Молчанов, спасибо тебе!), я добился перевода с баланса на баланс (то есть бесплатно) чудной машинки – копировального аппарата для шестнадцатимиллиметровой пленки КАУ-16.

А уж фотоаппаратура в студии была вся, какая только выпускалась в стране. И даже огромный фотоувеличитель «Беларусь» был у нас. И объективы – какие хочешь. И пленки было всегда более чем достаточно.

Почему я так подробно вспоминаю? Почему так детально об оборудовании? А чтобы подчеркнуть нашу активную позицию «Аля-Мичурин».

– Нельзя ждать милости... Надо брать! – что-то вроде этого было в ходу в студии и в нашем сочиненном смешном институте Второго счастья имени Остапа Бендера.

На том и стояли.

Тот же самый славный и главный бухгалтер Сергей Павлович Первеев, серьезный человек, ветеран войны, бывший полковник, вздыхал и приговаривал:

– Ну, нет для тебя, Гальперин, слова «Нет». Склонен ты к авантюризму. Но, что интересно, в разумных пределах – и добавлял всегда – Не там ты родился.

– Ну, вот – говорю я через сорок лет, живя в США – Сергей Павлович, я «там». И что?

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В студию обратились из обкома комсомола.

– Ребята у нас областной слет победителей военно-спортивной игры «Зарница». Приезжайте, снимайте.

Была такая тогда в СССР популярная пионерская военно-спортивная игра. В ней были все элементы начальной военной подготовки, но в соревновательной форме. Смотр строевой песни, разборка и сборка автомата на скорость, стрельбе из пневматической винтовки, метание «гранат», перенесение боеприпасов, преодоление полосы препятствий. И конечно, оказание первой медицинской помощи, и даже конкурс рисунка был тоже на военную тематику. Апофеозом соревнования в масштабах уже области были «Аля военные учения». Даже с участием танков.

Формировались две команды. Целью обеих команд является захват флага противника. У каждого из участвующих был индикатор жизни/смерти – погоны. То есть каждому участнику наклеивались или пришивались по два погона на плечи. Для того чтобы «убить» солдата противника, надо было сорвать с него погоны.

Я специально так подробно вспоминаю условия игры, чтобы вам, сегодня, стало понятно суть того действия для детей от 9 лет до 13.

– Поедем «в поля» – сказал я Сереже Деркачу – Там танки, пушки, пионервожатые. Каша из полевой кухни у костра. Сплошная романтика.

И мы поехали. Наснимали всякого. При этом еще подружились с оператором днепропетровского телевидения Ваней Заика, и он нам сделал подарок. После того, как редактор телевидения настроил из его материала сюжетик на три минутки, отдал все остальное. А наснимал он немало. Но все это была сырая хроника событий. А на «сложить кино» не было не только времени. Не было концепции.

Но после увлекательной поездки на Всесоюзный фестиваль в Житомир (см. главу «Фестивалим!») мы с воодушевленным Деркачем вернулись к материалу. Но опять же, я был занят еще многим другим, а Сереже сильно не хватало организованности. И тогда я волевым усилием назначил на фильм продюсера. Гвардейца, обязательного человека. Тщательного до скрупулезности и вездливый в деталях. Это был наш славный Толя Маценко (партийная кличка «Мацек»). Азы кинолюбительства он освоил еще в той школьной киностудии.

Толя к работе подошел всерьез. Он собрал все в кучу. Пленку, записанные звуки. А еще Мацек потребовал разговоров на тему.. Вот мы и сядем, разговаривали. Важно то, что все мы довольно неоднозначно воспринимали материал. Не было «Ура! Родина! Патриотизм!»

В июне 1969 года Сергей с Толей съездили на следующий финал игры. Поснимали еще хроники. А Толей кроме того было сделано много фотографий. Вставленные в фильм они добавили ритмичности и многозначности.

А потом уже после укладки фильма в жесткие рамки конструкции, Сережа еще раз ездил в Павлоград доснимать уже попавшего нам в кадр мальчишку лет 12 в форме десантника, с деревянным пистолетом Стечкина в деревянной же кобуре.

Мы сознательно отказались от привычного в любительском кино, да и во всем советском документальном кино закадрового дикторского текста. Ведь именно с его помощью расставлялись нужные акценты, и подсказывалось, под каким соусом воспринимать увиденное. Мы же оставляли за зрителем право смотреть, осмысливать, формулировать для себя самого.

В рассказах детей нам удалось выловить довольно часто звучащую жуткую, парадоксальную фразу: «меня убили, и я не играю». Под нее мы собрали эпизод, который столкнули с хроникой конкурса бравой строевой песни. В звукоряде мы дважды – в начале и в конце фильма – дали в звуке (сами сочинили) короткое интервью с обобщенным генералом. Кстати, там пара генералов на слете было. Так вот рефреном звучал вопрос интервьюера «Все военное... военное?» и дидактичный ответ генерала в стиле «Родину защищать».

А еще протянули мы через фильм чудную тревожную песню «Огромное небо» (композитор Оскар Фельцман, слова Роберт Рождественский). И пела ее трогательно юная пионерка.

Ах, не хватило нам умения работать со звукорядом. Сделать плавными переходы шумов, реплик и музыки. Так чтобы звуковые темы прорывали одна другую.

Оглядываясь назад, понимаю, что фильм «Пароль – Родина» оказался более зрелым по мысли, чем, например, наш очень патриотический блокбастер «Забота». Там максимум неоднозначности, которую мы себе позволили – это слова в финальной песне: «Недобрая наша солдатская память». А вот в «Пароле» (может, это только мне кажется) мы пошли дальше... Предчувствие беды, задолго до нее.

Ведь расцвет игры, то есть милитаризация мозгов детишек, закрепление в подрастающем поколении рефлекса воина и жертвенности пришлось как раз на 70-е годы. Пройдет ровно десять лет и детки, возвращенные «Зарницей», без

каких либо колебаний и стеснений будут брошены в мясорубку войны, под иезуитским лозунгом «выполнение интернационального долга». Так «Зарница» уткнулась в Афган.

Увы, по традиции, мы заканчивали фильм буквально в последнюю минуту перед фестивалем. Более того заключительный этап – монтаж всей фонограммы, перезапись – мы могли осуществить только в Киеве на той самой Полевой, 8 с дорогим нашим звукооператором Мариком Факторовичем. Там же и монтаж негатива. И печать звуковой копии. Ведь это было 16 мм.

Надо было успеть собрать негатив. Причем двух фильмов «Пароль – Родина» и «Мы – геодезисты». В студии было объявлено осадное положение. Спали по два – три часа прямо на полу. На мешках, набитых отходами кинопленки. Все равно не успевали. Сели уже в поезд на Киев. И там, в купе продолжается подбор негатива. Бедный Толя Калущкий упал в обморок, но пленку из рук не выпустил.

– С негативом надо ведь осторожно – прошептал он, когда пришел в себя.

Хорошо, что фонограмму «Мы – геодезисты» мы полностью собрали и перезаписали с Николаем Олейником в Днепропетровске. Оставалось только перенести звук на копию. Что мы и сделали.

С «Пароль – Родина» было сложнее. Интервью с генералом мы записали в Днепропетровске. За полковника говорил Владимир Вязовский. А песню «Огромное небо» мы записывали во дворе лаборатории на Полевой, 8, пока склеивался уже наконец-то подобранный негатив. Сводили всю фонограмму ночью. Копия фильма вышла из проявки рано утром в день показа. И сразу в Октябрьский Дворец, где тогда проходил республиканский конкурс кинолюбителей. Показ в программе смотра в 12 часов дня. Без четверти двенадцать я внес фильм в аппаратную. А Толя Маценко...

– Я не поехал – не было сил – вспоминает Толя – остался в кинолаборатории, спать. Сидя на стуле.

Там же спал и Деркач.

«Пароль – Родина» стал лауреатом Республиканского фестиваля, нескольких слетов победителей «Зарницы». Призы, награды, пресса. А вот на Всесоюзном фестивале любительского кино что-то, чувствуем, не то... Показали наш фильм в утренние часы. То есть в пустом зале. Втихаря. В пресс-релизе его не упомянули. А потом и вообще...

Подошел ко мне зампреда жюри, чиновник из ВЦСПС (кажется, Байков была его фамилия) и так пальчиком мне однозначно погрозил.

– Это вы ребята не своим занялись. Не туда зашли...

Я, честно, тогда не понял.

– Чего это он?

Так впервые пришлось столкнуться с настоящим работником идеологического фронта – специалистом по аллюзиям, по неконтролируемым подтекстам. Одним из тех, кому положено было проявлять бдительность, кому чудились крамольные метафоры, оскорбительные символы, ситуации, подвергающие поношению нечто основополагающее.

Г-споди, ну где?! Вот как раз кинолюбительские смотры демонстрировали убогость мировоззрения нашего советского человека. Ведь, худо-бедно, в кинолюбительство и в фото приходили не самые последние хмыри из подворотни, а те, кто старался думать. Читающие, увлекающиеся искусством. Но, ведь что лепилось нами!

Не нужна была никакая бдительность. Все мы равнялись на взрослый советский кинематограф, в котором на самом деле абортывалось всякая мысль. Начиная с заявки и заканчивая монтажом. И это в художественном кино. А настоящего документального кино в стране вообще не было. Так что, какого от нас диссидентства можно было ждать? Хотя, разве, что, как от малых детей, которые могут чего-то допустить по безответственности своей...

Можно, конечно, тему «безответственность – ответственность» пропустить. Но ведь все в жизни – это набор опыта.

Был ли на нас наведен ответственный глаз? Был.

Вначале был у нас Петр Михеевич Соколенко. Заведующий лабораторией множительной техники. Он был материально-ответственным лицом. Вся аппаратура, пленка, химикаты студии оформлялись на него. И уже им передавалась в пользование киностудии.

Но дело, видно, было не только в этом. При всей внешней простоте Петр Михеевич был дядя серьезный, с налетом секретности на лице и с хитростью в разговоре. И весь олицетворял собой бдительность и ответственность.

Именно под его началом была вся множительная техника института. Более того, все пишущие машинки перед праздниками сносились в одно место, опечатывались и брались под охрану как раз под руководством товарища Соколенко.

А тут мы, студенты безответственные, да и еще кинолюбители. А ведь у нас в руках как раз была некоторым образом множительная аппаратура. Звуко- кино- фото.

И потом, мы с нашими фильмами – идеологический момент. Так сказать, воздействие на умы.

Был над нами секретарь комитета комсомола института Миша Белый. На самом деле был он очень смуглый. Скорее всего – грек. Был его заместитель Яша Голодный, который потом вырос аж до секретаря райкома партии.

Потом повыше комсомола – члены парткома по культурно-массовой работе – Панкова. Фоменкова...

А выше череда Секретарей парткома. Что интересно, все они у нас были с фамилией, оканчивающейся на «ский - цкий».

И был отдел кадров. И начальник там был подполковник КГБ в отставке.

А ведь еще где-то вдали маячил Первый отдел института. Кстати, а ведь никогда я с Первым отделом не пересекался. После меня руководители студии уже имели встречи, а я нет. Странно, почему?

Может, потому что чуял спинным мозгом конъюнктуру. Всегда был в струе. Работал в рамках дозволенного. Даже в мыслях не забегал на диссидентские поля. Бедные, мы бедные, слабые умом и чутьем. Крепкий продукт советской провинциальной школы. Но, видно, что-то сквозило из нас, чувствовалось, что степеней свободы у нас побольше, чем у остальных студентов. Потому что, помню, нас спрашивали с изумлением:

– А вы что, ребята, так часто в Москве бываете?

Дескать, там ведь воздуха свободы больше.

Кстати, после показа в конкурсной программе «Мы – геодезисты» с легким дикторским текстом, полным шуток, написанным Таей Зориной и так же весело прочитанным под задорную музыку и с душевной финальной песней, написанной Сеней Бурдой, подошел ко мне, как бы вообще-то, автор фильма Толя Калущкий и говорит:

– Фима, так тут, оказывается, на фестивале много таких фильмов про студентов, про учебу. Только ведь у нас хуже.

– Почему?

– Да, несерьезное кино. Со смехуечками.

– Вот увидишь, Ренегат, – сказал я – что заметят как раз нас. Мы же не рапортуем, а рассказываем.

Так и случилось. У фильма были призы, пресса. Показ в Москве. Потому что в цене был уже не официоз. Пока еще не родилось в стране настоящее документальное кино, но уже ценился неформальный подход.

Так вот... Все мы в воспоминаниях сошлись на том, что первое название студийной газеты «Смехуечки» с которым мы носились, как с писанной торбой, было предложено именно Калущким. О, как нам оно понравилось! О, как мы были счастливы!

Мы-то тогда думали, что мы с Толей на одной волне. Что это он так классно приколотся. Тонко сыронизировал. А на самом деле это ведь Калущкий ставил диагноз нам. Вешал ярлык на непонятное ему. Это же надо –

вместо того чтобы вцепляться, устраиваться в жизни, мы занимались... Да-да, «смехучками». В переводе на сегодняшний язык прагматизма, охватившего мир, мы были «лохами». Безответственными. И глядя из Сегодня, получается, что да – Толя был прав. Он шел в ногу со временем. Молодец!

Правда, хоть в чем-то мы забежали вперед. Чужали. Помнится, Деркач настаивал на таком финале фильма «Пароль – Родина» – мальчишка с деревянным пистолетом уходит от нас. Так сказать, вдаль. В будущее. И рефреном в звуке проигрыш последних строк из той же песни.

А город подумал,
а город подумал,
а город подумал
ученья идут.

Так вот, Что с тем финалом «от Деркача», что с тем финалом, что есть сейчас «от меня и Толи Маценко». Последний кадр застывает и под завершение песни поднимается пламя и всплывают роковые цифры. Так было, помните, в фильме режиссера Сегеля «Дом, в котором я живу». Только у Сегеля всплывали цифры «1941 год», а у нас бы всплыли другие цифры – «1980 год». И потом титр:

«К 1980 году, когда участники этой «Зарницы» достигнут призывного возраста, будет развязана война в Афганистане».

КРЕПКА БРОНЯ!

Диплом инженера-механика я защищал на кафедре рудничного транспорта.

Руководителем проекта у меня был доцент Виктор Иванович Тарасов. Душа-человек!

А потом, согласно программе ВУЗа, полагались военные лагеря с принятием воинской присяги и перехода в качество лейтенант.

– Опять армия – заскучал я и раскрутил одну из последних своих удачных авантур в горном институте.

Мы с Толей Косолаповым, заступающим на должность руководителя студии, убедили начальника военной кафедры полковника Балашова в том, что им просто позарез нужен учебный фильм про военные сборы выпускников института.

Так мы решали несколько своих, совершенно шкурных, задач:

Во-первых – облегчали себе жизнь в армейской реальности.

Во-вторых – наполняли ее приятным для себя смыслом – делать кино.

Причем, была задействована привычная для нас схема (см. про фильм «ДГИ – спортивный»). Руководству представлялась обязательная программа – создание познавательного, очень полезного фильма – пособия. А уже под это планировался очередной творческий прорыв. Мы снимаем дополнительно материал, чтобы слепить уже свое кино. Забегая вперед, отмечу, что фильм «Забота» для военной кафедры оказался большим, но приятным, сюрпризом.

Снимали мы его на киноплёнку 35 мм – любимой нашей камерой «Конвас». Оператор Борис Цегельницкий, режиссер Ефим Гальперин.

А отвлекающий маневр – съемки учебного пособия для кафедры на узкую плёнку (16 мм) славной кинокамерой «Красногорск» выполняла бригада, где оператором был Володя Моложен.

А еще в группу поддержки кинопроекта в военных лагерях, то есть, в облегчающий жизнь наш льготный «Аля Список Шиндлера» мы включили и Семена Лина и даже самого «Бата» – Юру Нестеренко.

Пользуясь современной терминологией, генеральным продюсером над всем этим – договариваться с военным начальством, просить в распоряжение группы «свой» танк и даже добавку для «съемщиков» в столовой – был Анатолий Косолапов.

И нам удалось! Было все. И освобождение от нарядов, в том числе и на кухне и, даже, от караулов. И строевой подготовки я тоже не помню. А какая

была у нас своя каптерка в клубе! Учитывая, что все мы – человек двести – располагались в одной огромной палатке в два этажа, славная каптерка стала нашим убежищем. Можно было расслабиться и даже побыть наедине с самим собой. Там мы проявляли фотошленки, печатали фотографии для стендов. Помню, как Савелий Лин кричал на Вову. Тот капнул на его х/б галифе фиксажем.

И потом, это была еще возможность вырваться на волю в Днепропетровск. Вроде как бы за пленкой. А кроме этого мы могли привозить на выходные жен и подруг киношников.

А какие чудные полковники уважали нас! Да будет светла память наших преподавателей – полковника Урицкого и полковника Розенберга.

Помню, оба месяца я старательно уклонялся от караульной службы. Но для зачета надо хотя бы раз побывать часовым на посту. И я, под самый конец лагерей, стал им.

Охраняемым объектом был заводик Военторга по изготовлению «ситро» – два сарайчика на берегу реки.

Так как этот объект был довольно далеко от караульного помещения, и водить каждый час туда смену часовых «замотаешься», то было договорено, что я иду туда на всю ночь.

Доставил меня туда разводящий. Пост я принял – два навесных замка на дверях. Рядом, у реки, валялась перевернутая лодка. Вот на ней я и проспал всю ночь. Правда перед этим насмотрелся на звезды и послушался птичек. А чтобы во сне не скатиться с лодки, я под бок пристроил свой автомат Калашников-47.

Как ни странно, но не было в нашем льготном «списке Шиндлера» Сени Бурды. Почему такая несправедливость или оплошность случилась, не помню. Может, это было связано с его отходом от студии в связи с началом его бурной семейной жизни. Но пройдет время, и он будет мобилизован на написание текста песни и дикторского текста к фильму и будет тогда мне пенять:

– Ага, как облегчить жизнь в лагерях, так Сене Лину и Вове Моложену, а как кино «на-гора», так вспомнил...

Но зато при досъемках крупных планов я снял его в танке на месте механика-водителя. В шлеме, за рычагами боевой машины. Он прекрасно сыграл «расслабление после боя».

Лето было чудное. Пользуясь карт-бланш, данный руководством сборов, мы снимали все, что хотели. Для нас маршировали роты и носились по полигону танки...

Не обошлось, конечно, и без ЧП.

Помнится, снимаем мы на полигоне большим телеобъективом МТО-500 движение танка на камеру. Удивительное завораживающее зрелище...

И вдруг перед нами возникает какой-то младший лейтенант.

– Прекратить! – истерически орет он – вы арестованы!

– А у нас разрешение на съемку от самого полковника Чумаченко! – кричу я.

– А колыхал я твоего полковника Чумаченко! – кричит мне младший лейтенант.

Нас загружают с аппаратурой в «газик» и везут к начальнику сборов полковнику

«Танкист Семен» в фильме «Забота»

Чумаченко (Удивительно, но потом еще много в жизни студии будет связано с этим жовиальным, удивительно предприимчивым полковником).

Тут я, конечно, немного испугался и быстро «перевел стрелку». Можно сказать, трусливо подставил Толю Косолапова. Мол-де, он у нас главный распорядитель. И вот нас с Толей вводят в кабинет.

Выясняется, что это не простой младший лейтенант, а младший лейтенант из Особого отдела дивизии. И все дело в том, что где-то километров в пяти от нашего места съемки на полигоне обкатывался совершенно секретный тогда танк Т-64.

Наши доводы, что пять километров наша оптика ну никак не пробивает, этим самым младшим лейтенантом во внимание не берется.

– Отдайте весь снятую сегодня пленку! – орет он – мы проявим и проверим, чего вы там наснимали!

– Но это же важный для нас материал! – кричу я – А вот если там ничего такого про вашу секретную технику нет?!

– Вернем – орет он.

Присутствующий при этом полковник Чумаченко, вытирает пот со лба.

– Отдай по-хорошему, Гальперин. С кем связываешься – шепчет он мне.

Помню, Толю, побывавшего уже до института в армии, в отличие от меня сугубо штатского, тогда поразило, как легко задавил шумного всесильного полковника какой-то серый, как мышь, младший лейтенант. Да, наивные мы были... Не знали тогда, что и маршалы перед такими лейтенантиками бывали бессильны...

Для Толи это впечатление – младший лейтенант против полковника – было настолько ярким, что он сегодня в своем мемуаре это событие отразил. По-своему. Но так и должно быть – у каждого свое видение, свое воспоминание.

А я, спустя много лет, вставил это столкновение в фильм «Бля!». Там у меня прямой и честный лейтенант милиции удивляется, как лебезит грозный полковник МВД перед каким-то лейтенантом. Оказывается, тот из КГБ.

И истина была изложена в фильме во фразе, ставшей слоганом, ушедшим в народ:

– ГВ – это не ВД, Шурик!

Возвращаемся к ситуации в кабинете полковника Чумаченко:

– А где вы пленку проявлять будете? – уточняет Толя, надеясь поставить младшего лейтенанта в тупик.

– А где положено! – рявкает младший лейтенант.

– А гарантируете возвращение проявленного, если там ничего запрещенного?! – встрял я.

– Слово офицера!

Я гляжу в честные голубые арийские глаза младшего лейтенанта – особиста своими честными голубыми, но не арийскими... Решительно достаю из кофра «Конвас» две полные кассеты кинопленки.

– Верю! – вручаю и жму ему руку.

Мы расстаемся. Представьте себе, спустя два дня кассеты вернули. А пленку нет. Понятно было, что просто, не заморачиваясь, вымотали пленку на солнышке. И Акт составили об обезвреживании. Еще долго на заднем дворе особого отдела дивизии ветер носил обрывки той пленки.

На одной кассете были сняты кое-какие незначительные детали маневрирования танка, которыми можно было пожертвовать. А во второй кассете была вообще еще неэкспонированная чистая пленка. Главную кассету того дня – завораживающее движение танка на камеру – мы не отдали. В этом можно убедиться, глядя фильм «Забота». Жулики, мы, жулики!

В сентябре после проявки материала, выяснилось, что для фильма «Забота» нужно поднять несколько пейзажей в тех же местах. Энтузиастом поездки на досъемы вдруг оказался как раз полковник Чумаченко. Под съемки он выбил «Газ -69» из гаража института. Торопил нас, чтобы пораньше выехать.

Рванули мы на тамошний танковый полигон. В воскресенье ведь стрельбы нет. И тут я понял все про активность полковника. Мы начали снимать, а он бросился с водителем грибы собирать. Их там было море. Потому как зона закрытая и грибникам ни-ни. Хотя всего часа полтора езды от города.

Мы отснялись. Выходим к месту, где оставили машину. А ее нет! Поорали. «Ау-Ау!» Пошли еще снимать. Потом стали сами грибы собирать. К середине дня появился полковник Чумаченко.

Оказывается, он машину доверху загрузил грибами и повез в Днепропетровск. Там у себя дома разгрузился и вернулся снова за грибами. Ну, и за нами тоже.

Весь путь назад он ворчал, что мы много места занимаем в машине со своей камерой и штативом. И что из-за нас он мало грибов привезет. Все это помню, а вот кто со мной ездил снимать, не помню? ВЦ уже вроде был в армии...

Кстати, масса материала снятого на 16 мм была проявлена, но никогда не смонтирована. В таком виде его часто показывали на военной кафедре. Все были рады, узнавая себя. И полковник Чумаченко тоже радовался, но ворчал:

– много Лазаря наснимали... Не любил он нашего славного полковника Урицкого...

В зиму с 70-го на 71 год я потихоньку складывал кино. Днем я работал режиссером – оператором Днепропетровской экспериментальной лаборатории по производству технических средств обучения Министерства Черной металлургии УССР и снимал льющую сталь и всякие заказные фильмы, а вечером приходил в пустую студию и задумчиво клацал прессиком. Клеил и переклеивал пленочку. К весне уже кино было сложено.

А впереди маячил очередной круг фестивалей. И было у нас теперь чем в нем участвовать. Но кино у нас как – никак 35 мм. Своими силами ни звук не сделать, ни копию напечатать.

И тут, как и положено, слово за руководителем студии. Толя Косолапов штурмует директора вышеуказанной ведомственной киностудии Минчермета Николая Савельевича Свириденко. Тот вначале строит из себя неприступную крепость. Ссылается на план и дикую загрузку лаборатории. Но Толя героически высиживает в кабинете целый день. Звонят телефоны, вбегают с бумагами на подпись. А Толя сидит и смотрит в глаза Николая Савельевича.

Оп-па! Крепость пала!

Кстати, тогда в момент падения, как раз и западет боевой наш Толя в душу Свириденко. Придет время, и он пригласит Косолапова к себе, на должность своего заместителя и Главным инженером. И будет им весьма доволен. А как могло быть иначе? Косолапов – это три «О» плюс одно «А» – Обязательный. Обстоятельный. Обаятельный. Адекватный!

Короче, мы получаем «зеленую улицу» для завершения фильма! Но времени-то в обрез.

Хорошо, что с нашей репутацией мы можем заявиться на Республиканский фестиваль, мимо городского и областного этапов смотра. Более того, под наше честное слово в Киеве фильм уже впечатан в Программу показа. Более того, уже куплены билеты для поездки на фестиваль.

А «кина» у нас пока нет! И есть только двое суток, чтобы оно было.

Смонтирован негатив фильма. Песня Борей Котляром спета.

Кадр из фильма «Забота»

– «Днепр», я «Волга», прошел рубеж развертывания в ротные колонны. «Днепр», я «Волга», прием! – эти реплики Толей и мною уже наговорены.

Остается вечер на запись диктора и ночь на сведение фонограмм. Утром должна была случиться проявка негатива фонограммы и печать копии. И в Киев самолетом!

О, это был сумасшедший день. В обед автор дикторского текста Сеня Бурда предъявляет свои каракули... Да! Каракули! И по форме (имеется в виду его почерк) и по содержанию.

И это после того как я терпеливо отсидел с ним у монтажного стола неделю, втолковывая про лирического героя и про то, что куда, к какому эпизоду... Представленное Сеней, было просто поэтическим текстом. Метафоры, сравнения, описание рассветов.

Ох, сознаюсь, была уже у меня в тот момент паническая мысль вообще отказаться от диктора. Сделать весь фильм на музыке.

Но после дикого моего ора прямо на набережной Днепра перед Гипрометом (Сеня был там инженером и это был его обеденный перерыв) и его ответного ора, что он поэт, а не вульгарный сочинитель каких-то вшивых дикторских текстов, текст мы все-таки общими усилиями переводим в кое-какую конкретику.

Оглядываясь назад, признаюсь – я был тогда не совсем прав. Как раз контрапункт железа на экране и поэтических образов в тексте Сени добавил глубины, объема, философичности и многозначности материалу. Усилил эмоциональную составляющую в восприятии фильма зрителем. Спасибо, Сеня!

К шести часам ждем Диктора. Нами приглашен известный институтский чтец – декламатор, лауреат нескольких конкурсов и по совместительству студент параллельного нам курса (специальность ТМ) Слава Чистяков.

О, это была вторая засада! Потому что Слава является весь расслабленно-томный. Мол, у него голова очень болит. Голоса нет. Но деваться мне уже было некуда. Искать кого-то поздно. И вот я ласково выгуливаю Славу на свежем воздухе. Там же, на Набережной у Гипромета, где днем спорил с Сеней.

Николай Олейник – звукорежиссер многих фильмов киностудии и Анатолий Косолапов

Потом я загоняю маэстро Чистякова в тон-студию. Сразу же после первого дубля он опять выпадает в осадок. Мы орем на него вдвоем – я и звукорежиссер. Слава снова начинает произносить текст... Потом из трех дублей мы что-то выбираем.

И опять же – оглядываясь назад, думаю, повезло – то как. А ведь был бы Слава бодр.

О, как вцепился бы он в этот красивый текст. Уж Слава постарался бы раскрасить его в лучших традициях школы художественного чтения. Было бы выговаривание каждой буквы, придыхание, ударение. А я бы стал ним бороться. Гасить эмоции...

Но благодарение Б-гу, Слава еле дышит. И вот это его негромкое бормотание дает ощущение, будто наш лирический герой стеснительно проговаривается своим друзьям. И это приглушает декларативность военно-патриотической темы фильма. Обеспечивает атмосферу

доверительности. Правда, бравурная (по музыке) финальная песня немного портит это настроение. Но тут уж...

Ночью великий Николай Олейник осуществляет сведение всех звуков.

Утром проявляется фонограмма, делается печать первой копии. Более того, мы успеваем сделать корректировку по свету и печатаем вторую копию.

Фильм был показан вовремя. Помню реакцию зала. Помню, Председатель жюри, легендарный оператор Панкратьев, со слезами на глазах благодарил нас за кино и нервно курил. Помню, наша кинолюбительская мама Даная Павловна Трофимова обронила несколько ласковых слов. Редко с ней такое случалось.

Косолапов еще помнит огорченные лица наших постоянных соперников – кинолюбителей Львова. А мне казалось – они тоже радовались за нас. Но Толя помнит лучше!

Потом кино пошло по разным фестивалям, слетам и даже ушло в Украинский республиканский кинопрокат. Так что купонов мы с этого фильма настригли много.

А вот и текст Семена Бурды к песне из фильма:

Пойми, никогда не пустеют казармы,
С солдатом на время прощается армия.
Пройдет он неспешно по улицам детства
Не робким мальчишкой, но бравым гвардейцем.
Потянутся сытые, сонные будни
Но звуки ночные солдата разбудят
И трубят зарю ветра яростный шепот,
И слышится армий невидимых топот.

Припев:

Так многие лета зовет нас под знамя
Недобрая наша солдатская память.

Веди меня, дождь – барабанщик, на плац!
Оркестр, смешай времена ненадолго,
Сегодня поверка солдатского долга, –
Бойцы – ветераны уходят в запас.
И если придется в смертельной атаке
Хранить нам Отчизну, которой живем, –
Пусть рвется земля под звенящие траки,
Чтоб, смяв тишину, танки шли напролом.

Припев:

Так многие лета зовет нас под знамя
Недобрая наша солдатская память

Пойми, никогда не пустеют казармы,
С солдатом на время прощается армия...

Кстати, наш любимый Вова Моложен увидел фильм «Забота» впервые спустя три года после съемок. И то – по телевизору. Я, будучи на службе в армии, в Тирасполе, устроил показ фильма на республиканском телевидении Молдавии. (Как мне удалось это сделать!? Обалдеть!).

Первого июня 1973 года я дал телеграмму Моложену, мол, смотри кино. Третьего июня в воскресенье, Вова и посмотрел фильм у себя в Бельцах, по телевизору! Расчувствовался. И сразу же, проделав 209 километров, нарисовался у меня в Тирасполе. Помню ресторан. Кажется, назывался «Флуераш». На выезде из Тирасполя в сторону города Бендеры. Пили коньяк «Белый аист».

ОТХОД

(«ОДИН ИЗ НАС»)

С осени 1971 по август 1973 была у меня служба офицером в родной Советской Армии. И проходила она, Слава Б-гу, в задушевной Молдавии (город Тирасполь). Можно было самолетом быстро подлетать и домой и на всякие мероприятия. Что я и делал, благодаря солидным письмам из Украинского Совета профсоюзов. Спасибо Данае Павловне Трофимовой (да будет светла память о ней!) Так я побывал на фестивале «Золотое Полесье-72» и на Юбилейном вечере студии в марте 1973.

В самом конце службы (лето 1973 года) попробовал я опять поступить во ВГИК. На специальный курс профессора Альтушулера «Режиссура учебного кино» (кстати «альт шуллер» на идише так и будет «старый учитель»). Но опять звезды не так стали, и я вернулся в часть, готовиться к дембелю.

При моих наездах в студию, мы с Косолаповым муссировали вопрос о будущем. Нужна была плодотворная идея. Подумали, что положено воспеть бы 75-летнюю историю института. Юбилей ведь не за горами. Но я уже умный – прошу деньги за работу. Смешные, правда. В сентябре 1973 года уже человек гражданский – заключаем договор с институтом на написание сценария и всяческую сборку иконографического материала. И все за целые 300 рэ.

Тут вдруг бац! Перемены. Областной Совет профсоюзов выполняет указание центра – создает Областной клуб кинолюбителей.

И кто может возглавить такой клуб? Конечно, руководитель самой главной студии области. Народной. Лауреата всяческих фестивалей... Короче, в институт приезжает сама Секретарь Облсовпрофа товарищ Ольга Тимошевская и просит товарища Толю Косолапова взойти на...

Толя колеблется. Мечется. Советуется со мной. Я одобряю! И тогда Толя говорит:

– Фима, если я и шагну, то только в связке с тобой.

А мне что. Армия за спиной. Возвращаться под крышу Министерства черной металлургии к Свириденко на заказные фильмы и льющийся чугуун? Под эту кучу начальников, в переплетение интриг и связей?

А тут вроде бы другие степени свободы и возможность что-то бурно делать. Хотя совершенно непонятно – что такое этот клуб. Да и в верхах никто не знал, с чем эти киноклубы едят и чем они должны заниматься. Это была езда в незнаемое. Эксперимент, рассчитанный на творчество трудящихся масс на местах.

Ну, семинары, ну, творческая и техническая помощь кинолюбителям области. Но как? И надо все время рапортовать. Это же профсоюзы, которые школа коммунизма. И чем-то надо каждый день заниматься. Самого себя загружать.

Короче, стал я старшим методистом при директоре Анатолии Федоровиче Косолапове. Тарахтящий мини-автофургон с чудным человеком Васей Куденцовым в качестве водителя и странное помещение на окраине города. Далековато. Но это для меня, а для Косолапова из его семейного гнездышка пешочком пройти.

Я бурлю, встречаюсь с главным инженером фотокомбината города Юрой Ганкиным, бывшим ассистентом оператора у меня, в бытность работы у Свириденко. Делаем на базе пункта по обработке пленки на проспекте Титова что-то похожее на киевскую кинолабораторию, которая на Полевой, 8. Проводим переучет всей кинотехники в области и всех любительских студий. Пишем наглые письма на все заводы и фабрики, требуя открытия новых студий! И часть из этих предприятий, взятые нами на испуг, действительно, открывают студии. Короче, занимаемся показухой.

Кстати, благодаря деятельности Толи Косолапова (я-то в сентябре 1974 года сдзертировал в студенты КГИТИ имени Карпенко-Карого) Днепропетровский

киноклуб стал одним из лучших на Украине и не только. Приезжали перенимать опыт из многих республик Союза.

Так вот параллельно с организацией клуба я работал над сценарием про ДГИ. Как-никак, а аванс получен и потрачен. Пишу, копаюсь в документах. В сценарии выделяю два блока. В историческую часть закладываю два «момента гордости» – революционер (оказался эсером) Костюшко-Валюжанич и участник снятия фашистского флага с Эльбруса Андрей Грязнов. Второй блок – современность – деятельность кафедр и содействие процветанию Родины.

Теперь надо было набирать изобразительный материал для исторической части.

Еду сначала в Киев, в Республиканский архив фото-кинодокументов. Копаюсь в картотеке. Про наш великий вуз ничего. Ни хроники, ни фоток. А ведь пересмотрел такое... Это сейчас запросто можно увидеть, а тогда «Закрытый фонд» – выступления Троцкого. Петлюры, Махно и т.д. Но все, увы, не в тему.

Еду в Красногорский архив документального кино под Москвой. Сижу и просматриваю все, что подходит под ключевые слова: ДГИ, Днепропетровск. Ничего.

Беру картотеку: «ВОВ на Кавказе». И натыкаюсь на целую коробку киноматериала 1944 (!) года. На коробке рукой надпись «Снятие немецкого (так написано) флага на Эльбрусе».

Просматриваю на монтажном столе. Идут альпинисты в снегу. Вырывается из снега фашистский флажок. Отбрасывается. Втыкается в снег советский флажок.

Причем, там несколько дублей выбрасывания и установок. Твердое ощущение, что это, как было снято, так никогда и не разбиралось. Все засветки, все холостые прокрутки пленки.

И кадры хорошие, не расхожие, не тиражированные в десятки фильмов о войне. Как говорят сейчас – эксклюзив!

Потом автор хроники – легендарный фронтовой оператор Петросов расскажет при встрече (это запомнил Сеня Бурда), что работал он ручной камерой «Аммо», что его схватила горная болезнь наверху, когда снимали оригинальный флаг.

– Да не флаг – уточнит оператор – так, обрывок...

И Петросова держали под руки, чтобы только снять этот кадр. А на следующий день, боясь, что этот материал не получится, оператор подстраховался. Заново отснял весь процесс на какой-то горке, уже одев бойцов приличнее. Именно те кадры съемки второго дня, которые были постановкой и вошли в официальную хронику о войне. А в найденной мною коробке были съемки первого дня. Петросов очень обрадовался, увидев этот материал, который и стоит у нас в фильме.

Но это все мы узнаем потом, а пока неясно – есть ли в кадрах Грязнов. Если нет, то останется использовать эту хронику просто как обычный иллюстративный материал, а диктор расскажет про нашего героя.

Короче, вписываю в заказ на печать дубль – негатива всю коробку (это не сильно увеличило затраты на фильм о ДГИ). Привожу материал. Разыскиваем вместе с Толей Косолаповым в институте и в городе людей, которые когда-то общались с Грязновым.

Как мне помнится, мы сели в просмотрном зале второго корпуса ДГИ, потому что нужен был большой экран. Смотрели внимательно. Но никто Грязнова не заметил. Повторили...

На экране эпизод, где группа альпинистов сидит в штабе. Оператор ведет панораму по лицам участников восхождения

– Вот! – крикнул один из приглашенных на просмотр – Вот там! Один из них!

– Один из них! – подумал я – почему «из них»? Из нас.

А потом приглашенные нашли еще одно появление Грязнова, в кадре, когда группа стоит в строю на снегу у флага.

И тут я окончательно, как говорят «просек». Надо делать отдельно фильм про эстафету поколений. Почему, мол, интересуемся Андреем Грязновым? Потому что он не только один из них там, в 1944 году. Он один из нас. Сегодня.

Кадр из фильма «Один из нас» (1973 г.)

То есть решено – снимаем наших альпинистов из института, поднимающихся на Эльбрус и прокладываем кинохроникой с кадрами самого Грязнова.

До этого мы делали обычно черно-белое кино, а тут было решено снимать цветное. Потому что напрашивался контрапункт – черно-белые кадры хроники плохо экипированных бойцов и ярко – оранжевое действие современных альпинистов. В чудном снаряжении.

Принялись мы за дело. Все по старой схеме. Линкор – фильм «История ДГИ» будет снимать Сережа Деркач с ВЦ. (В съемках

участвовали Калущкий и тогдашняя молодежь студии), а я собираю команду, отдельно, под фильм «Один из нас».

Взялся снять все, что в горах Приэльбрусья наш героический Толя Гороховский. Связались с альпинистским клубом нашего института. Эти контакты осуществлял Толя Косолапов.

Ему очень нравилась идея с фильмом. Мэтры альпинизма – Муравейник и Прудников – «снежные барсы» с кафедры вентиляции приняли предложение с энтузиазмом.

У них была запланирована очередная экспедиция на Эльбрус в июле. Они согласились прихватить и наших операторов.

Готовим киноэкспедицию. Что еще важно – мы заказываем в кинопрокате все документальные фильмы про альпинистов и внимательно просматриваем вместе с альпинистами из клуба. Гороховский ходит с блокнотом и все важно фиксирует.

Как вспоминает он сейчас «Толя Косолапов очень активно участвует в подготовке! Волнуется за меня».

Дело в том, что это фактически был операторский дебют Толи Гороховского. И поэтому Косолапов предлагает для усиления придать «Гороху» в помощь, как опытного оператора Сергея Деркача. Но при этом, имея опыт общения с этим «славным гаером», Косолапов инструктирует Гороховского быть с ним жестче.

Два полноценных вечера с Толей проводит Боря Цегельницкий.

– Это была школа молодого бойца по обращению с камерой «Кюнас» – вспоминает Толя. Оговорено было все вплоть до возможности отказа камеры в условиях холода. В одной кассете (Гороховский называет ее, почему-то «сырая») была удалена вся смазка. Вот она-то, «сырая», и спасала. Работала безотказно! Замерзать было нечему.

Я расписываю с Гальпериным операторский план. В нем подробно – из какого угла кадра цепочка альпинистов выходит, куда уходит. Это чтобы было легче стыковать с хроникой. Наконец, мы едем!

Дальше было у них привыкание к разряженному воздуху, отмерзание пятых точек и всякие другие казусы. Важно, что Гороховский со всем справился! Как он вспоминает: «Снимал с рук, стоя, с колена, лежа. И все, из-за нехватки кислорода, как бы в полусне. На акклиматизацию ведь времени не было. Кассеты с пленкой и камеру грел на животе».

Деркач старался носа на холод не высовывать. И это было хорошо. Потому что не мешал. Уже только потом, у подножья, с его участием впервые был расчехлен штатив и снят фиксированный, устойчивый кадр «Вершина». На одну кассету с цветной пленкой. А потом на другую. С черно-белой пленкой.

Чтобы, (как было в памятке от Гальперина) можно было при монтаже обозначить смену времен. С 1943 на 1974. И там же, внизу, были проведены кое-какие досьемки – крупные планы, детали.

Было, оказывается, и притирание со «снежными барсами». То ли Муравейник, то ли Прудников выразили недовольство бессмысленным, на их взгляд, хождением то направо, то налево и количеством дублей.

Вспоминает Гороховский «Стоим, материмся. «Снежный барс» напрягается. И я напрягаюсь. Он нервно

сжимает альпеншток. Я вспоминаю Троцкого. Но вдруг он машет рукой. Поворачивается. Идет. А за ним и его группа. Что важно – в указанном мною для съемки направлении. Больше споров не было. Снимали».

Спустя десять дней с Эльбруса привозится материал. Тот же Гороховский, никому не доверяя, везет его проявлять на Одесскую киностудию. Отличные кадры!

Как мне кажется, именно после этого фильма Толя приобщился к горам. Каждую весну, пока он жил в стране, он поднимал семью и ехал в Домбай. Это стало для него традицией.

А я пока делаю экспликацию для комбинированных съемок кадров военной хроники. То есть, стоп-кадры, рапиды выбрасывания фашистского флага, трепетание нашего флага, наезды на Андрея Грязнова.

И на той же Одесской киностудии все это исполняют. Кто ездил с заказом на комбинированные съемки в Одессу, не помню. Кажется, опять же Толя Гороховский. Но не уверен. Может БЦ.

К этому времени разыскали мы в Москве оператора Никиту Петросова. Договорились о встрече и о съемке.

– Я всех соберу! – кричал нам в трубку Петросов.

И собрались уцелевшие герои того восхождения на Эльбрус. И был накрыт праздничный стол. И была нетронутая рюмка с фронтowymi ста граммами для Андрея Грязнова.

Снимал в Москве БЦ. Помогал ему опять же Гороховский. Они сняли отличный материал. А к тому же взяли магнитофон и сделали короткие интервью. Поехал с ними Сеня Бурда. Потому что, как-то само собой разумелось – дикторский текст об эстафете поколений будет писать Сеня. Это у него хорошо получалось со времен «Заботы». Так что я предложил ему войти в атмосферу фильма и заодно прокатиться в Москву...

А сам я в это время уже первые месяцы как учусь в Карпенко–Карого и наезжаю в родную студию «на доделывать» родное кино. Складываем по эпизодам. Сеня пишет варианты текста. Обсуждаем звукоряд. Ведь в фильме звучит песня, написанная самим Андреем Грязновым. Первичное название песни «Граната». А в шестидесятые, благодаря Юрию Визбору она стала популярной уже под названием «Баксанская».

Уже и титры готовим. Я помню, что был сочинен титр – благодарность оператору Петросову. Во-первых – просто порядочность соблюсти, а во-вторых – некий конъюнктурный момент – добавлялась достоверность, политический и академический вес фильму.

Но в фильме этого титра нет. В суматохе забыли. В какой? Да, в самый последний момент случилась переделка титров. Почему?! Вот к этому мы и идем...

Кадр из фильма «Один из нас» (1944 г.)

Последний технический этап. Записан дикторский текст. Фонограмму фильма делает, как обычно, Коля Олейник. Едут печатать копию для фестиваля опять в Одессу. Привозят.

Как сейчас помню... Я в очередной раз приезжаю в Днепропетровск. 17 февраля 1975 года (у меня помечено в дневнике). В студии на четвертом этаже меня отводят в угол в маленькой комнате БЦ и Сеня. Стоят, мнутя.

– Фима, понимаешь, ты же все-таки уже профессиональный киношник (я вхожу в сессию первого семестра первого курса) и могут не так на фильм посмотреть на фестивале. Короче, мы тебя из титров вынули. Уже.

И я промолчал. Постояли, поговорили о чем-то. Разошлись.

Почему я сегодня пишу про это, случившееся почти сорок лет назад? Такое у меня правило. В сценарии фильма «Бля!» я делегировал произнести его исполнителю роли полковника Косолапова: «Привычка у меня такая – Все доводить до конца».

Вот я и хочу, чтобы не оставалось недосказанности.

– Почему – спрашивал я себя тогда и спрашиваю сейчас – почему я промолчал? Почему спустил все на тормозах?

Я ведь всегда трепетно относился к титрам фильма. Не вставлял всех тех, кого можно было бы вставить. Мол-де, помогали же. Я титры понимал, как утверждение творческого участия.

Про авторское право и про то, что оно-то и закрепляется упоминанием в титрах основного творческого состава – автор сценария, режиссер, оператор и композитор – я ничего не знал. Как и то, что упоминание в титрах является основанием для начисления гонораров.

Сами понимаете, никто нам гонораров платить не собирался. Тогда почему же это вынимание? Разве я не делал этот фильм?

Кстати, интересно, кому из них первому пришла в голову эта идея? И все было рассчитано. Ведь это цветной материал, а, значит, копия печаталась в Одессе. И если я буду возражать, то на исправления уйдет много времени. А сроки фестиваля поджимали.

Нет, это можно было ожидать от Сени, который старательно шел по моему следу. Но от Бори...

А я? Я-то чего отмолчался? Может, решил – «ладно, проживаем этот момент. И живем дальше». Потому что в маму пошел (да будет светла память о ней!) Она всегда говорила:

– Лучше, сынок, худой мир, чем хорошая ссора.

Правда, оглядываясь назад, я сильно с мамой не согласен. И в связи с судьбой старшего брата Алика. Да и в связи со своей.

Но почему? По-че-му?!

Сегодня, оглядываясь, я могу сформулировать свое ощущение тогда. Я стоял и смотрел на ребят, как бы со стороны... (кстати было у меня тогда удивление, потому что эта ситуация мне до этого уже снилась, То есть еще одно мое «дежавю»).

– «Отжимают» – пришло мне в тот момент на ум слово из воровского жаргона. Тогда, в начале 80-х, это слово существовало разве что у ларька или в подворотне. Сегодня это слово используется в описании процессов мирового масштаба. «Отжимать» – жаргон – оттеснять, оттирать, забирать.

Так вот вместе с этим словом, тогда на четвертом этаже в студии, мне пришло понимание, что передо мной стоят не Боря, соратник в течение многих лет и не Сеня, которого я пригласил в этот мир кино и опекал.

Передо мной стояли взрослые чужие дядьки. И «отжимали», то, что было придумано и сделано (за исключением мелких заключительных доработок) мною.

Подумать только – что они «отжимали»? Миллионный бизнес, корабль, чемоданы с долларами, особняк на берегу Женевского озера. Нет! Фамилию в титрах любительского фильма. Славы захотели... Г-споди, какой? Ну и что – это им сильно помогло по жизни?

Вот в тот момент мне стало отчетливо ясно – для меня юность кончилась. И в буквальном смысле и, как студия «Юность».

А премьера фильма на фестивале в апреле 1976 года в Киеве получилась шумная, яркая.

Но это, опять же, благодаря Толе Косолапову. Догадался он, мудрый, с помощью своего тестя разыскать в Киеве потомков Грязнова и пригласить на показ.

Из мемуара Косолапова: На экране – молодой Андрей Грязнов, а в зале – его внук Андрей Грязнов... Даная Павловна Трофимова, инструктор Совета по кино Укрсовпрофа, неизменный друг и соратник всех кинолюбителей Украины, по окончании просмотра, объявила в микрофон: «В зале присутствуют жена, сын и внук Андрей Грязнов...». Эмоции зрителей зашкаливали! Все участники просмотра, стоя, приветствовали семью Грязновых, да и создателей фильма.

Затевая кино «Один из нас», я даже не представлял, что может случиться такое событие – внук Андрей смотрит на молодого деда.

Я напомнил об этом эпизоде нашему, ставшему сейчас равнином, Толе Гороховскому.

Он растрогался и сформулировал в новой, освоенной им теологической манере:

– То есть, я, оказывается, участвовал в связывании поколений. Это великая миссия!

А, ведь, это вообще была моя первая съемка в жизни. Как вы ребята, рисковали! Но вот, Всевышний помог. А все потому, что я не для славы делал – тут Толя выдержал глубокомысленную паузу – То, что делается для славы, Г-сподь выбрасывает на свалку.

КАДИК (АРКАДИЙ ШМИСТ)

Это были непростые годы. 1991, 1992. Самые урожайные на отъезд. В Израиль. В Америку. Да, даже в Австралию. В Германию тогда прорывались пока единицы. Вот и я приехал в Днепрпетровск прощаться. И вечером меня разыскала по телефону жена Аркадия Шмиста, Белла:

«Надо встретиться! Поговорить!» Они приехали на своем разбитом «Жигуленке».

– Поговори с Кадиком! Вы же друзья!

Белла рубила воздух рукой, приводила веские доводы – почему надо ехать. Аркадий, нахохлившись, сидел на заднем сидении машины, моргал и приводил смехотворный на то время довод:

– Понимаешь, я пробил пропуск в архивы КГБ. И каждое утро я прихожу туда на Короленко и работаю. Ты даже не представляешь, какая тут в Днестре была кипучая еврейская жизнь. Именно в Екатеринославе была сама крупная Еврейская библиотека в Российской Империи. И была огромная еврейская гимназия. А синагог, а школ...

Это все он мне говорил поздним вечером января 1992 на берегу Днепра, после того как лопатками изрубили демонстрантов в Тбилиси. И танками брали телецентр в Вильнюсе. То есть власть пыталась открутить все назад. И я взывал к его рассудку:

– Кадик? Ты вообще понимаешь, что происходит. Представляешь, как они на тебя смотрят.

Действительно, ходил ведь Аркадий уже с года 87-го в длинном черном пальто, в шляпе и с бородой. И манера разговора та же. Ну, чистый тебе еврей! Представляю, как он их там, в КГБ раздражал.

Короче, жена Кадика, Белла уехала тогда в Израиль сама. С двумя уже взрослыми дочками. Ох, непросто им пришлось на Земле Обетованной. И все в Днепрпетровске возмущались – как же Шмист бросил их там – самим выживать... Я ему не судья. Потому что, знаю, жил он потом всю оставшуюся жизнь с жутким чувством вины.

– Понимаешь, я им звоню. А они не хотят со мной разговаривать – говорил

он мне тихо.

Помог бы Кадик своим девочкам там? Тогда? Боюсь, наоборот. Его присутствие, конечно бы, увеличило «корзину абсорбции» (шекелей бы выделили бы больше), но его рефлексии сильно усложнили неимоверно трудное, как и всех остальных, вживание семьи. Представляю, как сошел бы Кадик – романтик еврейства – «на нет», столкнувшись с жесткой реальностью израильской жизни. Ведь он был самый большой ребенок в той семье.

В это время рухнул окончательно пресловутый железный занавес. И как чертики из прорванного мешка посыпались в Украину, как и во все другие республики СНГ еврейские деятели самого разного сорта из Израиля, США, Европы. И так получилось, что встречал их всех Аркадий.

Селил в гостиницы, заботился о кошерном пропитании, знакомил с ситуацией в регионе. Радужный хозяин, он водил их по городу, с упоением рассказывая про бывшую здесь еврейскую жизнь. Купался в этом непривычном для нас внимании к еврейству. Радовался – вот оно Возрождение! Вот, наконец- то востребована история Еврейской Атлантиды.

Сегодня это понятие стало расхожим. Так образно стали называть существовавший в Восточной Европе особый культурно-исторический материк, уничтоженный Холокостом. Это сейчас можно много про еврейскую жизнь на Украине прочитать. А тогда только КГБ за семью печатями владел (для чего?!) информацией об этой замечательной цивилизация на идише.

Вот тогда по утрам в архиве Комитета Государственной безопасности на улице Короленко, предъявляя пропуск удивленному прапорщику, нырял Кадик в пыльные папки, как ныряльщик на дно, за обломками этой цивилизации с названием «Еврейский Екатеринослав». От времен Запорожской Сечи до периода кипучей капиталистической жизни. Заводы, наука, медицина, культура. Институты, училища. Потом Советская власть, не к ночи будь она упомянута. Потом оккупация – фашисты. А потом опять НКВД и КГБ...

Думаю, Кадик прекрасно понимал, что в худшем случае если вернется КПСС с гэбней, то последние свидетельства той еврейской жизни окончательно исчезнут. Разве что, может быть, Советская власть ими поторгует, если найдется покупатель. А если нет – никто и никогда не узнает, как опускался на дно этот кусочек Атлантиды. Как умер мир еврейства Днепропетровска и окрестностей. Трагедия, у которой есть конкретные имена, фамилии.

Поэтому, представляете, как радовался он, встречая гостей еврейских деятелей. Как чувствовал себя Шлиманом, открывающим Трою. Ему казалось, что это в его силах. В силах человека, который тут вырос и жил, сохранить какие-то остатки этой цивилизации, чтобы она не пропала совсем. Хотя бы память и могилы предков накопившихся здесь за сотни лет.

– Понимаешь – Он поднимал глубокомысленно вверх палец – я прочитал «Пока есть, кому помнить предков, они живы. А значит, пока мы живы, живы те, кого нет с нами»/

Вот нашел след его переживаний в сборнике «Перестройка и еврейские культурные ассоциации на Украине»:

«Аркадий Шмист, который позднее основал днепропетровскую ассоциацию «Тарбут ве-рахамим» («Культура и милосердие»), так описывал свое впечатление от первой встречи киевской АЕК: «Я увидел евреев, которые обсуждали эту (еврейскую) тему. Честно говоря, я просто сидел там и плакал. Меня глубоко взволновал тот факт, что я дожил до того момента, когда это стало возможным».

Я верю, что это не для «красного словца» было им сказано и что Кадик, действительно, плакал. Потому, что понимал про этих еврейских визитеров все. Потому что очень часто он показывал и рассказывал глухим. Да, глухим!!!

Они навалились, как вороны. Мародеры. Трофейная команда. Задача у многих этих деятелей оказалась простая – поднять массы и зачистить территорию. Они рассматривали местных евреев, только как массу потенциальных клиентов Министерства абсорбции Израиля. Эти бойкие

«Ударники движения по вывозу» из организаций с названием «Натив» и «Сохнут» были полны решимостью выполнить и перевыполнить план. И никто из них не задумывался – а справится ли с этой волной Израиль? Нужны ли там все? Ждут ли? Обеспечат ли вниманием, участием? Да чего там! В «караваны», на «территории»! Главное отрапортовать. И ведь, увы, получалось у них. Срывали с мест. Везли.

«Куда позднее, в 2000 году, я встретил в Иерусалиме московскую еврейскую писательницу Аллу Гербер, наиболее рьяно раскручивавшую «скандал в ЦДЛ с обществом «Память».

– Вы, израильтяне, – сказала она, – должны поставить мне памятник. Это я привела сюда миллион русских евреев.

Я не успел удивиться – писательница рассказала мне, что она пустила слух о близящихся погромах. В распространении слухов ей помог, по ее словам, Черниченко.

Она не смущалась, не расстраивалась, не ведала угрызений совести – она была довольна выполненной работой.

Израиль Шамир, статья «Заговор безмолвия», Журнал «Наш современник».

Увы, «Атлантида Идиш» этих мародеров не интересовала. Представляете, какая идиосинкразия к еврейству должна была в Аркадии выработаться. Не случилось. В отличие от начетчиков и хапунов, сбежавшихся на пайки и подарки, он ощущал себя благодарным потомком, представителем Атлантиды.

Кадик был одержим идеей – еврейская жизнь на Украине должна продолжаться, сохранив форму исторической преемственности. Обоснованного непрерывающегося существования. И он искал союзника.

И тут на территорию Днепропетровской области десантировался молодой (30 лет!) и необстрелянный еще Посланник Любавичского Ребе Рав Шмуль Каменецкий. Именно Кадик встретил его, помог закрепиться, навести мосты с местной администрацией и пошел с ним рядом с девизом «Мы здесь живем!». Потому что если Сохнуту нужны были высокие показатели по отъезжающим в Израиль евреям, то для хасидов, активно бросившихся на освоение новой территории, нужны были, наоборот, оседлые евреи. Ведь только тогда удастся им свить тут свои гнезда.

И для Аркадия стало ясно – никакой массовой панической эвакуации с выключением света последним евреем в аэропорту не будет. Он решил это для себя. И убедил всех.

Вот, интервью того времени в котором хитрый израильский журналист задает Кадику, казалось бы, вроде бы теологический вопрос:

– Как вы считаете, должны ли мы ехать в Израиль до прихода Машиаха или ожидать здесь его прихода?

– Дом еврейского народа в Израиле. Но жить нужно там, где человек хочет – отвечает Аркадий.

Представьте себе тогдашнее первое массовое собрание официально основанного в городе общества еврейской культуры, которое проходит в театре им. Тараса Шевченко.

Религиозные евреи, сионисты, светские евреи... Шум, гам. Вы даже не представляете себе, какой антагонизм существует между всеми этими группировками. И к этому добавьте традиционное неприятие мнения одного еврея другим евреем. И вот они вместе избирают своим вожаком Аркадия Шмиста. Это дорогого стоит.

Можно долго перечислять, что удалось сделать Кадику. И еврейскую школу открыть. И отбить у городских властей здание самой большой в городе синагоги. И установить памятник евреям, расстрелянным в Днепропетровске. И много чего еще успел наш романтик Кадик. Музей, помощь старикам, своя регулярная телепередача, газета, педагогическое училище. Памятные доски, мемориал погибшим в Холокосте.

Шмист мог уговорить кого угодно и на что угодно. Он обладал высокой степенью проходимости кабинетов всяческих начальников – любили они евреев или наоборот. Нравился ли им лично Аркадий или нет. Он не лебезил,

не кланялся, не суетился. Он терпеливо дождался. Часто от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Но делали! Лишь бы отвязался. У него были свои максималистские резоны. Своя система доказательств. Он искренне не понимал, почему до сих пор не дошло до собеседника – очередного чиновника – что дело, с которым он пришел, имеет мировое значение. Да, Кадик был из тех, кто не плывет по течению, а сам формирует ситуацию.

Я помню (Г-споди, сколько же я помню!), нам с Кадиком лет по шестнадцать. Мы проходим возле тогдашнего Дворца культуры швейной фабрики имени Володарского и он мне:

– А это же синагога.

Я не поверил. Перед нами возвышался роскошный дворец, совсем не похожий на маленькую темную синагогу на Мостовой, в которой я бывал.

– А знаешь, почему синагоги строили обязательно из камня? – спросил Кадик и рассказал мне, что в средние века в войнах города сгорали дотла. И для евреев, которые возвращались на пепелище, старая синагога, которая всегда строилась, в отличие от жилых строений, из камня, служила единственным доказательством их бывшего присутствия в разоренном городе. То есть была их грамотой на право возвращения.

– Ничего – сказал Кадик, плотоядно поглядывая на здание – Будет еще здесь синагога.

Я посмеялся. Вокруг была крепкая советская действительность. Но вот пришло время. И Кадик поучаствовал в отбивании здания у тогда еще довольно крепкой советской власти. И теперь стоит белое величественное доказательство, что не пришлые мы все с вами, а настоящие аборигены!

А эта чудная история с названием:

– Кадик – сказал я ему с ехидцей, посетив синагогу после реставрации – Так ведь «Золотой Розой» называлась синагога во Львове, а в здесь была просто Екатеринославская главная хоральная.

– Ну-у-у! – Кадик хитро улыбнулся. – Заметь, во Львове синагогу так в чувство и не привели. Не то, что мы. И потом это же красиво.

Кстати, так он ответил и на вопрос – почему он перевел на украинский язык знаменитую песню «Ирушалаим шел Захав» – «Золотой Иерусалим».

– Потому что красиво!

Нет, не боюсь сформулировать: все, что есть сегодня Днепропетровская еврейская жизнь – это исполнение мечты Кадика. И если никогда уже не возродить во всей силе и мощи ту цивилизацию на идиш, то хотя бы можно расставить на глади жизни буйки над тем местом, где затонула наша Атлантида.

А квинтэссенцией, великим жестом, крещендо всей деятельности Кадика для меня стал вот это:

30 мая 2000 года Аркадий Шмист, начав работу в 10.25, в 14.30 благополучно отделил герб Советского Союза от стены здания бывшего клуба швейников, в котором в самое ближайшее время снова будет Хоральная синагога «Золотая Роза».

Работа велась на высоте в буквальном смысле соответствующей важности момента, и увенчалась полным и окончательным успехом. После чего Аркадий Шмист предложил сдать герб в формирующийся еврейский исторический музей.

Сшибание герба на здании бывшего клуба швейной фабрики, а ныне синагоги было для Аркадия актом сакральным. С последствиями в высших мирах. В этом был весь Аркадий, в еврействе Аарон.

Время шло. И как случается во все времена. В бой поднимаются, идут на прорыв, бросаются на амбразуру романтики. Всякие Данко, освещающие дорогу своим, вырванным из груди, сердцем. Потом приходят трофейные команды и приписывают победу себе. В Дн-ске вроде все, слава Б-гу, выглядело пристойно. Пришли реалисты. И нашего романтика Кадика, слава Б-гу, не закопали. Не залили желчью, кляузами. Хотя сначала на Кадика попытались

повесить кое-каких собак. Ведь шел дележ пирога и должностей.

Да! Аркадий, может и хотел бы стать профессиональным евреем, то есть как некоторые, отхватить кусок пожирнее. И потом получать деньги только за свое еврейство. Ведь жил он очень бедно. Очень. Две-три рубашки. Один костюм. Но не получалось у него торговать собой.

О, много чего я наслушался про Шмиста, наезжая в те годы в Дн-ск. По-всякому его обзывали. Шлимазл, Цидрейтер. То есть ненормальный.

Действительно, казалось бы... Из семьи потомственных, успешных и уважаемых врачей. Мама – доктор. Папа – доктор. И сам он тоже успешный кардиолог с почти написанной кандидатской диссертацией. Думающий, ищущий. Заведующий первым в Украине отделением послеинфарктной реабилитации. Заметьте, совершенно новая по тем временам отрасль в медицине, сулящая блестящее будущее и материал для докторских диссертаций. Очень острый ум (лезвие, на котором и сам он часто обрезался). Мгновенная реакция. Четкое видение ситуации. Парадоксальность суждений.

– Понимаете, – нашептывали мне – он все время веселится... Нельзя понять, всерьез он говорит или шутит.

Да, Кадик для многих был неудобен. Много было в нем острых углов. Очень сильно был он не в полад с общественным мнением. Излишне категоричен в суждениях. До провокативности. Бунтовщик. Крушитель мифов. Своими ехидными вопросами он заставлял думать.

– А наришке мэнч? («придурочный» – идиш) – и это говорили за его спиной. Так ведь мир вокруг нас тоже ведь безумный. Так как же тут не придуриваться. Ведь легче выживать, дело делать.

Да, носился с бредовыми идеями. Строил всю жизнь странный дом. Старая чугунная винтовая лестница возвышалась в центре этой, как мы шутили, «стройки века». Было много других воздушных замков.

Но вот надо же - Г-сподне провидение. Попал на Главное дело своей жизни. Осознавал ли Кадик в полной мере смысл своего вклада? Всего, что он делал? Мог ли сформулировать цель поступков? Думаю, нет! Он жил, как дышал. Был все-таки человеком эмоции, ребенком, придуривающимся хитрым взрослым.

Когда все устаканилось он занял свое место. Присудили Кадику титул – старейший член общины. (Ему тогда было 54 года). Можно считать, член королевской фамилии. Правда, к серьезным хозяйственным делам не подпускали. И всерьез с местными олигархами он не пересекался. Но все-таки руководитель целой организации. Областной центр «Тарбут верахамим» (центр «Культура и милосердие»).

То есть оказался на должности умного еврея при губернаторе. Правда, губернатор, то бишь, глава еврейства тоже еврей. Слава Б-гу за этот случившийся союз! Потому что Рав Каменецкий смог перевести все прекрасные порывы души Кадика в реальную Пользу. Для себя. Для Хабад Любавич. И уж заодно для евреев Днепропетровщины.

И вот... Мощная еврейская община. Масса бизнесов в мире, завязанных на нее. Регулярные авиарейсы Тель-Авив – Днепропетровск. Куча израильских организаций в городе. Даже есть Консульство Израиля. И кто у нас сегодня самый влиятельный в Украине Раввин? Да, соратник Кадика Шмуэль Каменецкий. И как апофеоз, как свидетельство, что еврейская жизнь бьет тут ключом – в строй вступает самый крупный еврейский Центр в мире. «Менора».

Да, что там говорить – сам Президент Израиля Шимон Перес выступает в синагоге «Золотая Роза». Да и представители мирового еврейства (и не еврейства) выступают там же. И все Президенты Украины по очереди, излучая любовь к еврейскому народу, отметились в ее стенах.

А, представьте, если бы не осталось бы евреев, смогли бы хасиды обеспечить себе такую «массовку» в течение двадцати лет. Да никогда! Но это я так. Ерничая в стиле раннего Шмиста периода студии «Юность».

Кадик приехал на праздник Песах в 2006 году в Израиль. Так случилось, что, наконец, жена и дочери прервали молчание. Простили они мужа и отца. Семья возвращалась к жизни. Вечером они должны были собраться за праздничным столом. Все вместе.

Утром Аркадий пошел к морю. Дескать, Миква – предпраздничное ритуальное омовение. На пляжах в Хайфе часты неожиданные кратковременные прибрежные течения, уносящие прямо от берега. И если не приведи, Г-сподь, тебя прихватывает и тянет в море, то не надо сопротивляться и рваться против течения. Надо плыть параллельно берегу. Течения эти узкие. Двадцать – тридцать метров в ширину. Плынешь, плывешь. И выплываешь из него. А там спокойно к берегу. Кадик этого не знал. Да и привык он – всегда против течения...

Есть чудная хасидская история. Ее рассказывают, когда сидят «шиву» (траур) по очень приличным людям. Когда причитают:

– Что же он так рано ушел от нас? Почему?

И тогда начинается рассказ. Что вот собирает Г-сподь у себя в небесах великих цадиким (мудрецов – иврит) Поговорить о том – о сем. Обсудить очередной «пасог» (главу – иврит) по части мироздания. И вот однажды всплыл какой-то сложный вопрос. И не оказалось ответа у мудрецов. Даже, извините, у Б-га. Огорчились. Но тут кто-то из участников этого Г-споднего круглого стола вспомнил, что этой проблемой на земле занимался, скажем, реб Моня из Бердичева. И ему, наверняка, есть что сказать.

– Ах, так – сказал Всевышний – Какие проблемы! Пусть сядет с нами за стол и расскажет.

Раз! И в Бердичеве уже горюют по преждевременно ушедшему ребу Моне. Так думаю, случилось и с Аркадием Шмистом, в еврействе ребу Аароном.

Кадик понадобился Всевышнему. Вот он, нахохлившийся, как грач, с острым взглядом из – под лохматых бровей, теперь сидит за тем столом. Шмист заслужил! Сделал достаточно, чтобы Г-сподь принял его, улыбаясь.

Я смотрю на эту фотографию.

Честное слово, я очень завидую моему другу и состудийцу Аркадию Шмисту. И невероятно сожалею, что не стоял тогда рядом и не помогал ему бить по зубилу. Он прожил свою жизнь, как хотел! Свободным человеком!

СТУДИЙНОСТЬ!

Объединяло нас в студии любопытство к жизни! Желание наследить. Совершить поступок. Жизнь свою и радости свои мы доверяли друг другу. Открыто жили! Без задних мыслей. Эйфория молодости.

Мне всю жизнь потом не хватало организованности и повышенного чувства ответственности Толи Косолапова, дипломатичности Володи Моложена

и вспыльчивости Бори Цегельницкого, «понтovitости» и умения бросить вроде бы беспомощный разоружающий взгляд на девушку Сени Бурды. Оптимизма, умения формулировать и расставлять все по своим полочкам Тома Беляевой, уверенности и твердости Валеры Бродского с его лозунгом «Не жохай!», свободы от общественного мнения и всяких постулатов Аркадия Шмиста. Нет, конечно, кое-что я перенял, но мало.

Как ни странно, но жизнь в студии «Юность» разбаловала меня. И потом, работая в профессиональном кино с разными съемочными группами, с разными операторами, трудно мне приходилось. Страдал. Все время не хватало атмосферы студийности. Когда рядом единомышленники, а не люди, обрабатывающие зарплату и поглаживающие свои амбиции. Когда говоришь:

– Ну, очень надо – и, казалось бы, невозможное, но делается.

В 1989 году привалило мне счастье. Довелось еще раз испытать это чувство студии «Юность».

Случилось это так. В стране уже все сыпалось, Распадались привычные производственные схемы. Именно тогда мне удалось выйти в свободное плавание.

Идея, с которой я носился, с помощью прекрасного человека и соратника Семена Винокура воплотилась в сценарий. Мне удалось найти кооперативную контору (такой себе нарост на студии имени Горького), которая дала мне права не только режиссера, но и продюсера. И я запустил проект «Санитарная зона» он же «Сэнит Зон». В народе фильм больше известен под названием «Бля!». Сатирическая комедия про абсурд нашей с вами жизни.

Сделал я тогда все, что хотел. Вытащил с Одесской киностудии чудного оператора, с которым учился и снимал свой диплом «Старик», Игоря Чепусова. А на должность директора я уговорил нашего студийца Анатолия Гороховского. Он, живущий размеренной (не бедной) жизнью с ежегодными выездами – весной на Домбай, осенью в Дагомыс – загорелый, откатавшийся на лыжах, был мною пойман и совращен.

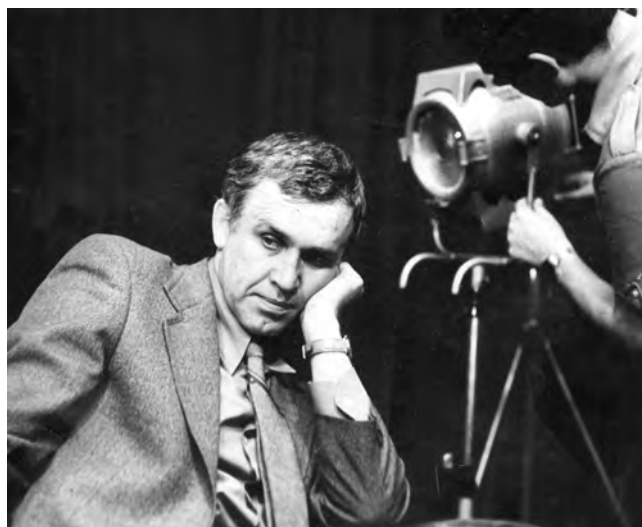
– Хочешь, Толя – сказал я ему – тряхнешь стариной. Только там, в студии «Юность» ты организовал съемку в Приэльбрусье, а тут массовки по три тысячи человек, поезда Дружбы, хлеб с солью... Ну?!

– Можно прочитать сценарий? – важно спросил Гороховский.

Прочитал. И согласился.

А ведь попадал Толя в чужую среду. Мало того, что сама Москва со своей спесью, но это еще Москва киношная. С уж совсем непростыми нравами. Это тебе не «снежные барсы» в горах. Тут съемочная группа человек под шестьдесят. Тут актеры – «звезды». И у каждого свои причуды. Тут бюджет под пятьсот тысяч долларов, то есть по нынешним масштабам миллиона три «зеленых».

Причем планового распределения фондов уже в стране не было. И киноплёнку «Кодак» мы покупали из-под полы. Буквально в подворотнях назначались встречи. А к концу фильма и «Кодак» кончился в стране. Днем с огнем не найдешь. И одну досъемку Любы Полищук пришлось провести на

В раздумьях ...

пленке компании «Фуджи». А там подложка синеватая. И это видно и сейчас на копиях.

Да и съемки были непростые. Все как я предупредил – вокзал, поезда, массовка, павильоны. Напряженный темп работы.

Обычно на студиях подобные мероприятия проводят целые административные подразделения с участием производственного отдела Госкино. И притом – это специально обученные, «заточенные» под это люди. А тут был один Толя Гороховский и к нему два молодых необстрелянных администратора.

Я все приговаривал

– Толя, понимаю, что это невозможно, но надо...

И Гороховский не спал ночами, он переделывал рабочий график вокзала и товарной станции города Днепропетровска, чтобы мы могли спокойно снимать.

И не было для Толи слова «нет». Он без тени сомнения входил в кабинеты крутых начальников и в подсобки магазинов.

И в результате на нас работала вся Приднепровская железная дорога, милиция, хлебозаводы. Четко трудилась трехтысячная кино-массовка. Мы жили в главных гостиницах города. По вечерам после трудового дня нас ждала сауна с пивом.

Да что там говорить. Поезд «Москва – Днепропетровск» всегда с трепетом и верноподданностью принимался на первый путь Днепропетровского вокзала. Но там, на перроне в октябре мы снимали кино. И представьте себе, в течение трех недель главный поезд Днепропетровщины принимался на замызганный восьмой путь.

А потом, когда уже мы свернулись и уехали... Вдруг, после проявки материала, оказалось что нужна еще одна громоздкая экспедиция в Днепропетровск. И Толя не впал в истерику, а тихо спросил

– Надо?

И сделал еще одну экспедицию. Тогда я наградил его по своему – дал шустрому оперативнику уголовного розыска в фильме фамилию Гороховский.

А потом была Москва. И там тоже были совсем непростые съемочные объекты. Камера хранения на Казанском вокзале. Главный корпус Московского энергетического института. Для сцены «туалет депутатов Верховного Совета» мы, не много не мало, заняли павильон электроники на ВДНХ, а внутренность пустого вокзала мы снимали в промерзшем здании московского ипподрома.

Помню, для съемки объекта «Вестибюль вокзала» (мы как раз снимали в вестибюле МЭИ) нам нужна была статуя Ленина.

– Нужен Ленин – сказал я.

– Будет – сказал Толя.

И большой белый Ленин возвышался в кадре.

И когда выяснилось, что в туалет нужны особые унитазы, Толя вышел на американское посольство. Унитазы American Standart были в кадре.

Часто съемки шли ночью, потому что снимали мы «звезд», у которых день был расписан по часам. И Толя был в работе двадцать четыре часа. Днем готовил объект, а ночью на всякий случай дремал, но рядом со съемочной площадкой.

А это – совершенно неподъемное в условиях работающей в напряженном графике железнодорожной станции...

Афиша фильма «Бля!» или «Санитарная зона» (1989 г.)

Для сцены героического подвига «бросок милиционера на рельсы перед поездом Дружбы» Толя заставил главный железнодорожный мост через Днепр работать на нас. И украшенный флажками и шариками состав не один раз, а несколько дублей подряд проходил по мосту.

Я до этого работал с разными директорами картин. И в Свердловске и в Киеве и в Москве. Те в первую очередь щадили себя. Но зато каждый свой поступок подавали как подвиг!

О, какие театральные представления устраивали они – профессиональные директора фильмов. Как били они себя в грудь, рвали на себе тельняшки, разыгрывали жертвенность для родного режиссера, как притворялись Александрями Матросовыми. Все обставлялось шумом и гамом, скандалами и всякими другими театральными эффектами. И подавалось это в виде большого одолжения для творческой группы. Часто голос директора фильма на съемочной площадке звучал громче режиссерского.

Толя же ворочал всей этой машиной в тишине. Всегда разговаривал спокойно. Вполголоса.

– Ты себе ни в чем не отказывай, Фима – говорил он мне.

Вот как перед В-гом... Оглядываясь назад. Не будь Толи, не случилось бы фильма «Бля!». Спасибо!

Слухи о чудесах, которые творил Толя расходились кругами. Уже звонил сам Владимир Мотыль («Белое солнце пустыни»). Мол, не одолжишь ли директора на картину. Интересовались Толиными планами на будущее и другие режиссеры.

Эх! Жаль, накрывалось к этому времени все кино в стране. А то бы мы с Гороховским еще много чего сделали.

Но все сыпалось. И мы тоже посыпались... Из страны.

Однажды, во время особенно тяжелых съемок, помню, я посетовал, что вот Толя устает очень.

– Фима, – сказал мне Толя – за то, чтобы с крыши родного днепропетровского вокзала летел милиционер с красным флагом, я жизнь готов отдать.

Это трудно объяснить нынешним молодым, но тем, кто прожил жизнь в душном Днепропетровске, в душном СССР с его красными флагами и милиционерами... Я думаю, для Толи участие в фильме было очень важным для него самого поступком.

« жизнь готов отдать...» Так, к сожалению и случилось. Хорошо, что все-таки в переносном смысле. Потому что именно в этот период невероятной занятости, не выдержав этого напряжения, семейная жизнь Толи треснула. Распалась семья.

И для Толи рухнул мир, который он старательно строил. Своими руками. Жена не сильно в строительстве участвовала. Так... Милостиво изволила принимать.

Это была трагедия, которую непросто было пережить. Но видно так было угодно Г-споду – провести Толю, ныне иерусалимского раввина Нафталия Гороховского через все и вывести на верный путь к Храму.

Работа над проектом «Сэнит Зон», он же «Санитарная зона», он же «Бля!» в какой-то мере, действительно, оказалось продолжением жизни студии «Юность». Потому что на роль замаскированного гребешника я пригласил самого душевного нашего студийца Анатолия Мацек.

– Ты мне нужен, Мацек.

– Всегда готов!

– Как актер!

– Э-э-э – задумался Мацек.

– Нужен именно ты.

– Ладно – вздохнул Мацек.

А еще в эпизоде я снял красивую дочку Толи Косолапова Анечку. Более того,

одному из главных героев – главному начальнику всего этого «шухера» на вокзале, начальнику МВД города – я дал в фильме фамилию Косолапов. До этого у меня в фильме «Старик» эту фамилию носил хулиган-двоечник. А здесь главный человек – полковник МВД. Играл его, между прочим, секс-символ советского кино 70- годов, Народный артист СССР, Лауреат Государственной премии РСФСР имени Станиславского и двух Государственных премий СССР Владимир Яковлевич Самойлов.

Таким образом, я как-то соединил социальное функционирование двух начальствующих в то время наших студийцев – Заместителя министра МВД Молдавии Володи Моложена и Проректора Горной Академии Анатолия Косолапова.

Помнится, мы тогда паниковали. Время было начинать съемки, а нет исполнителей двух ведущих ролей – «Полковник Косолапов» и «Диссидент Михаил Михайлович».

И тут... Ну, конечно, Г-сподня Воля! Я оказался в Доме Кино по каким-то своим делам.

Там в буфете увидел Самойлова. Он был в курточке и кепочке. Скажем так – имел непрезентабельный вид (потом он расскажет – ехал на дачу картошку пропалывать). И вот он стоит вроде вальяжный, представительный, но такой... Вот как бы на рыбалку.

– Вылитый Анатолий Федорович Косолапов – решил я для себя – росточком, только, пониже.

Пока я раздумывал, актер исчез. Тогда я позвонил на студию и попросил своего любимого ассистента по актерам, великого человека, профессионала Танечку Суренкову:

– А давай отошлем сценарий Владимиру Самойлову?

– Что вы – охнула Таня – он же самый главный в советском кино секретарь парткома и вообще всяческий партийный начальник. Вам мало реакции Басилашвили?

(Басилашвили я, было, пригласил на роль диссидента и получил «В антисоветском кино я себя не представляю». Это же какое счастье, что он отказался и возник чудный Сережа Газаров).

– Таня, Дорогая! Звони Самойлову, засылай сценарий. Вот чувствую...

Студенты Киевского государственного института театрального искусства. Слева – Ефим Гальперин

На съемках фильма «Санитарная зона». Ефим Гальперин и Владимир Самойлов

И представьте себе, Владимир Яковлевич с удовольствием принял сценарий. И с удовольствием снимался. Более того сыпал «бля!» и там, где в тексте и не было вписано.

– Впервые чувствую себя свободным – говорил он – Это же, как здорово. Съемка, а я в камеру произношу «Бля!»

Чудный человек был Владимир Яковлевич. Все приговаривал:

– А режиссер меня не любит. Не любит...

– Это же почему же! Люблю!

– Нет! Вы мне делаете мало замечаний.

– Ну, что вы, Владимир Яковлевич, все прекрасно. Единственное... говорите вы немного медленнее, чем... Скороговорочки бы.

– Вы мне мха-а-а-то-в-цу – отвечал он раскатисто, играя на низах – предлагаете нарушить традиции.

И что интересно. Заканчиваем очередной звонкий эпизод. Самойлов играет с полной отдачей. Кричу «снято!» Владимир Яковлевич подходит и шепчет мне на ухо «И этот эпизод, Михайлыч, вырежут, бля. Вот увидите!»

– А вот и не вырезали, бля! – кричу я Владимиру Яковлевичу из сегодня. И он, довольный, улыбается мне.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1968 год. Снимаем самый патетический эпизод самого патетического нашего фильма «Мадонна».

Аллея Героев напротив горного института. Ночь. Вечный огонь. Прожектора наготове. Девушка – студентка университета (жаль, не помню ни имени, ни фамилии... помню только, что с математического факультета) в длинной кавалерийской шинели и буденовке стоит у Вечного огня. Образ комсомолки, погибшей во время белого мятежа. Отблески огня и темнота вокруг. Девушка дрожит на ветру. Ведь зима!

Появляется электрик из ГОРЭНЕРГО (я их там три дня уговаривал). С криками «Давай, давай, побыстрее, бля!» мгновенно подключает прожекторы.

«Внимание! Съемка!» Кто был за камерой, не помню. Бродский или Моложен... (БЦ тогда с нами не дружил).

Девушка склоняется к огню. Тишина. Нас тоже бьет дрожь. И от холода и от момента, случающегося на кладбище, когда тревожишь память ушедших. Мимо проезжает поздний трамвай...

«Стоп! Снято!»

Электрик с тем же криком «Давай, давай побыстрее, бля!» мгновенно отключает прожектора и исчезает. Студийцы во главе с Косолаповым радостно сматывают кабеля, уволакивают прожекторы, кинокамеру, а заодно и замерзшую девушку. На Аллее пусто.

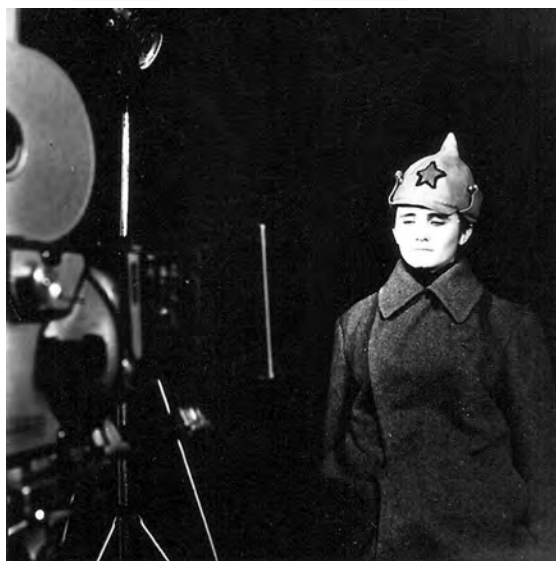
Я и Моложен – задерживаемся почему-то...

И вдруг в ночи к нам подходит мужчина. Тревожно оглядывается по сторонам.

– Слушайте, ребята, тут никого не было – спрашивает он нас.

– А что?

– Да еду я, понимаете, в трамвае, дремлю и вдруг у этого... Вечного огня... девушка в длинной шинели и

На съемках из фильма «Мадонна»

буденовке! Ночь, понимаете, считай кладбище, понимаете... И она в буденовке, шинели. И на колени становится... Вы здесь давно?

– Давно.

– И ничего не видели?

– Ничего – переглядываемся мы с Вовой (ох, любили мы розыгрыши).

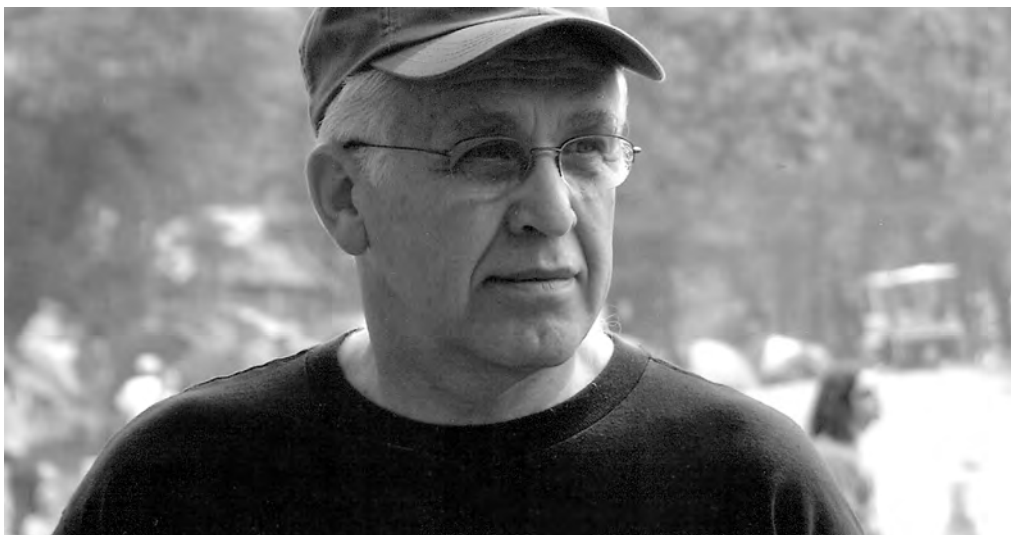
Мужчина пожимает плечами:

– Привиделось, значит, мне – говорит он с досадой – Специально же слез с трамвая на следующей остановке, чтобы вернуться. А трамвай-то последний. Придется, бля, на такси тратиться.

И он ушел.

Ночь. Аллея Героев. Языки пламени. Тишина...

Вот и думаю я – а может и нам все привиделось. Студия, камеры, бачки. Проявители и закрепители... Пирог «Сметанник», посиделки. Целая жизнь привиделась.

Ефим Гальперин. 9 ноября 2012 года (23 Хешвана 5773 года)
Fair Lawn, New Jersey, USA

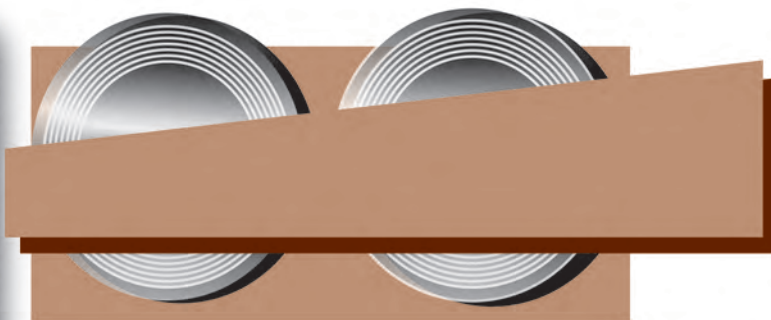

Некоторые публикации
из газеты

КИНОСТУДИИ...

с предисловием
и комментариями А. Косолапова

60-е годы были потрясающим временем, веселым, беспокойным, мятежным... Новая музыка, новые песни, новые фильмы. В созданной в эти годы киностудии «Юность» горного института жизнь была тоже насыщенной событиями, интересной и многогранной. Но нужно было, чтобы пролетело много лет, чтобы мы осознали это были лучшие годы нашей жизни.

... Я пересматриваю листочки из оранжевой пухлой папки. Её долгое время

хранил Ефим Гальперин, а, уезжая на постоянное место жительства в Соединенные Штаты Америки, передал на хранение мне. В те времена мы были уверены, что расстанемся навсегда... Это архив студийной газеты «Наши с вами смехуёчки».

Название газеты появилось в результате проведенного конкурса. Моя память не сохранила имя победителя, но Анатолий Калуцкий настаивает на своём авторстве:

Я предложил «Наши смехуечки», а то ли Гальперин, то ли Бурда добавил еще одно слово и получилось «Наши с вами смехуечки».

Поверим ему....

Главное то, что у нас была настоящая стенная газета. Да-да. Фанерный щит на стене. Над ним две коробки из-под киноплёнки, на них наше вызывающее название. Под щитом лучом расходились две деревянные рейки, как ножки у штатива, получалась стилизованная кинокамера.

На щит кнопками можно было приколоть любое сообщение, объявление, стихотворение, поздравление и т.п. Причем это мог сделать каждый член киностудии, и даже гость. Если места было мало, то прикалывали и на рейки.

Как у всякой приличной газеты, у нашей тоже были редакторы. Сергей Деркач и Семен Бурда. Их деятельность, кроме сочинения своих текстов, сводилась вообще-то к поиску пустого места на доске, чтобы вставить ещё один обрывок бумаги с новой заметкой. Таким образом, текст или рисунок, провисевший долго, уходил в архив. Так обеспечивалась свежесть выпусков.

Руководство института, партком, профком косо поглядывали на это название. Чтобы уйти от наскоков и придать названию благозвучность звучание, мы сменили букву «х» на букву «ф». Получилось еще нахальнее «Наши с вами смефуёчки». На том и стояли лет пять.

Но в 70-х годах пришлось уступить настоятельным рекомендациям секретаря парткома Г.Т. Липицкого. И с этого момента газета стала называться «Что ж вы, черти, приуныли?». Теперь фанерный щит украшали по бокам два барельефа идолов с острова Пасхи. Идолы были вырезаны из пенопласта и раскрашены в чёрный цвет нашим студийцем, студентом архитектурного факультета строительного института Анатолием Пухаленко.

Ну что, перелистаем старые странички, пожелтевшие свидетельства той поры?! Вот объявления о приеме в студию. Они разных лет и в меру кокетливы.

Объявление

Кино состоит из трех компонентов: кинокамера; киноплёнка; кинолюбитель.

Наличие первых двух и отсутствие третьего вынуждает киностудию «Юность» с надеждой обратить свои взоры на людей, толпящихся у этого объявления.

Приходите к нам, и вы не пожалеете.

Корпус №4, 4 этаж, комната 78. Круглосуточно.

Объявление!

Весна на носу! Геолог готовится охрипнуть у романтического костра, электрик вместо диодов, катодов, электродов рисует в конспекте ромашки, шахтостроитель бодро напевает: « Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», механик, забыв эпюры, анализирует кардиограмму своего влюбленного сердца, а горняк приходит к выводу, что

« жизнь хороша и жить хорошо». Весна на носу!

Как прекрасен этот мир! Стоит только взглянуть на него через зрачок кинокамеры и ты навсегда – Наш. Наш, потому что:

Геологи,
Электрики,
Шахтостроители,
Механики,
Горняки,

кино внесет в ваш безумный, безумный мир строгую четкость пощелкивания кинокамеры, гармонию черно-белой пленки и философскую объективность (от слова «объектив»).

Итак, в гостях у «Юности» – Вы Хозяева. Чувствуйте себя как дома!
С приветом! Совет студии.

Объявление

Для Вашей Народной киностудии «Юность» весна всегда была порой свершений!

Очнувшись после долгих, навязанных осенью философских изысков и устав от сессии и зимних каникул, студент, если он человек творческий, стремится к действию!

Все фильмы киностудии «Юность» – лауреаты всесоюзных и международных фестивалей – задуманы весной!

Всех студентов ДГИ, готовых творить кино, совет студии приглашает на вечер идей и споров!

Будем делать кино!

15 марта 1969 года. Корпус № 4, комната 78, 16-00.

А вот строгое взывание к порядку совета студии с резолюцией Е. Гальперина «Быть посему»...

...Нахожу среди страниц газеты шуточный тест для поступающих в киностудию:

Приказ по студии № 26

В связи с доорачиванием работ в студии, приказываем:

- 1) Самостоятельно привести в порядок все материалы по фильмам. Все черновые материалы подготовить на сдачу серебра. Перебрать материалы в фильмокатах,

Приказ по студии № 26

В связи со сворачиванием работ в студии, приказываем:

1. Съёмочным группам фильмов «Мы – геодезисты», «Пароль – «Родина», «Что ты знаешь о Солнце» привести в порядок все материалы по фильмам. Все черновые материалы подготовить на сдачу серебра.

Перебрать материалы в фильмокатах, в архиве и оставить лишь необходимое.

Съёмочную аппаратуру привести в полный порядок и определить на хранение.

Все это произвести к 15 октября 1969 г. К 14-00.

2. Группам «Птички...», «Самоизмельчение руд» и технических по геодезии собрать материал и подготовить к монтажу.

3. Всем студийцам всю аппаратуру студии, находящуюся в личном пользовании, в связи с инвентаризацией принести в студию.

За невыполнение платим нарядами ВСЕМ!

Совет студии.

Тест

Умеете ли вы переносить большие тяжести на большие расстояния?

Пишете ли вы стихи?

Однолюб ли вы по характеру?

Верите ли вы слухам?

Правда, что Гомер был близорук?

Есть ли у вас родственники за «железным занавесом»?

Хотите ли посвятить всего себя кино?

Хотите ли вы быть сыном шейха?

Подберите синоним к слову «ЛЮБОВЬ».

Родственники ли Грэхем Грин и Александр Грин?

Говорят, господин Моше Даян в свободное время играет на виолончели, как вы к этому относитесь?

Чем отличается херувим от парикмахера?

А вот целый Манифест, написанный Е. Гальпериным в содружестве с С. Бурдой, в стиле футуристов с налетом коллективной мании величия:

Наш манифест

Уже давно прошла пора, когда кинолюбитель снимал все, что движется.

Хватит! Кинолюбительство – это не прикладное к технике съемки.

Это искусство! Человек, не знающий, что сказать людям, или пытающийся сказать то, что известно, не вложив ни своей активной мысли, ни своих открытий в этом мире, пусть не берет в руки камеру!

Как не берет в руки кисть человек-нехудожник!

ВЫПСКА ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Всю историю существования нашей студии можно разбить на 4 великих периода.

Розовый - "Галка профессор"

Голубой - "Больно", "Царь" и др.

Серебряный - "Забота"

И наконец 4-й период - период во время которого мы живем
З О Л О Т О Й!!!

Мы в расцвете сил, мы достигли своего зенита.

Нас признают, нас показывают, с нами хотят встречаться.

Так погибла Римская империя.

Что ожидает нас? Извращения, мужеложство и прочие нехорошие склонности.

Десятый год существования будет фатальным.

Нам не прожить его.

Барвары войдут в неё и на обломках древней цивилизации, их дети будут заколачивать гвозди нашими кинокамерами.

"Мир родился - мир должен умереть"

Ничто не спасет нас - адепты почил на лаврах

Всё проходит: "Суета сует- сказал Еклезиаств, всё суета..."

Так не хватает слов простых,
И каждый день меня хоронит
Непостижимость красоты,
Среди которой - посторонний.

Уже мне снится мой погост,
И я поэзией развенчан
И ничего здесь моего:
Ни камня, ни друзей, ни женщин.

Мне снятся странные кочевья:
Бредут сквозь дождь наискосок
Дома - ещё вчера песок,
Столбы - ещё вчера деревья.

С. Бурда.

И как в приличной газете у нас было много рубрик. Одна из них называлась «Штучки». И этих самых «штучек» было более чем достаточно. Авторство многих из них установить не просто... Вот незначительная часть их:

*Юл. Бринер – Крис: «Для меня лично кинолюбительство – блеф, в Ваш узкий формат не входит мой кольт 45-го калибра».

*Главное требование к кинозвездам – чтобы они светились изнутри.

*Второе хобби. Директор киностудии «Юность» А. Косолапов собрал у себя на дому 193 двутавровые балки различных размеров. Общий вес коллекции – 14 тонн.

*Гражданин Волопуев Н.З. собирает денежные знаки образца 1961 года. Ценной коллекцией заинтересовалась прокуратура.

*В местном допре на предстоящей неделе состоится конкурс на лучшее колоратурное сопрано. Победителей не судят.

*Братья Гонкур: «Авторы в своем произведении должны уподобиться полиции: они должны присутствовать везде, но нигде не показываться на глаза».

*Редкое хобби у гражданина Павианова. Он собирает чужие мысли.

Из рубрики «О природе вещей»

Автомобилей и вишен цветенье,
Побег и паренье, в витрине варенье –
И косточка в милицейском свистке.

(Тит Лукреций Бурда) 1970

Из рубрики «Наша история»

В стране советской, полуденной
Среди степей и ковылей
Семен Михайлович Буденный
Скакал на серой кобыле!

В. Герман

Из рубрики «Происшествия»

Зритель с криком врассыгнуто
Кто вокруг посеял страх?
Берегитесь – оптимист
С кинокамерой в руках!

(бывший оптимист С. Бурда)

[перевод с украинского]

Из рубрики «Маленькие»

Ночь крылом задела крыши,
Ты идешь ко мне нагая,
Лишь ресницами прикрывшись...
Ты... а, может быть, другая?

(Семён Бурда в соавторстве с Евгенией Гофнер)

...Съемочная группа шла на рысях...
А в киностудии «Юность» сидели
трое старых студийцев и пили за
здоровье каждой лошади.

...На съемках одна из лошадей
сломала ногу...

...Пристрелили Сеньку...

насталась крутая зима. Стало скучно...

С. Деркач

Лошади пугаются людей и...

Положила ногу

Пристрелили Сеньку...

Чтобы не пугался.

«Вн с ним побудите тутанно

как лошади, сло прирешитесь

не витьте. Не надо робить а...»

Там охотился на этот случай

Андрей Воронцовский соавтор «О любви»

Литературный журнал «ИСКУССТВО» 1970

Из рубрики «Эпиграммы»

На Е. Гальперина

Какой наш Фимка настороженный
И осторожный, вместе с тем...
В его глазах слезинки рожениц
И стон натянутых Антенн...

Редакция журнала «Вечерний свисток» сообщает о готовящихся к публикации записных книжках известного писателя ХУЗ, два месяца назад пропавшего без вести после творческой встречи с группой читателей.

Ниже предлагаем Вам ознакомиться с некоторыми творческими заметками писателя, которые помогут создать представления о широте его таланта, потому что сдержанный пессимизм тов. ХУЗ не помешал ему (мы не боимся этого слова) плыть крутом водовороте жизни.

...Календарный листок врет – долгота моего творческого дня неопределима.

...Вчера мне сообщили: мой цикл рассказов о пограничниках «Если бы я был доберман-пинчером» переведен на суахили.

...Удивительное наблюдение: в молодости посвятил жене сонет, который начинался словами «Homo Sapiens Erectus». Вчера родилось двустипшие:

Эхо спит в портьерах, как прогнать тоску?

А жена-мегера дрыхнет на боку.

...Задумал суперэссе о современнике «Сентиментальный блюз»; его план: родная Сибирь. Он, физик, в командировке, Она сослана за тунеядство. Конфликт. Любовь. Коллизии. Взаимная перековка. Мыслью диалог: «А по первах дети бывают?», – спросил он дрожащим от нетерпения голосом.

Она растянула губы в улыбке бывалой Джокондцы.

...Удел Союза Советских Писателей – пустыня Хобби и terra Impotencia.

...Мои творческие усилия, как и братьев по перу, и соседей по духу, – это только крохотные ручьи, впадающие в полноводную реку с гордым названием «Соцреализм».

(К печати подготовил С. Бурда Веселый)

Из рубрики «Актуальные диалоги»

Декан: Меня не путает превращение ДГИ в ДГИК (Днепропетровский государственный институт кинематографии), но всё-таки, ребята, пожалуйста, посетайте лекции.

Отвечаем: Главное не в том, какие дороги мы выбираем, а в том, кто стоит у нас на дороге.

Из рубрики «Наблюдения натуралиста»

Летчик-испытатель живет 5 лет.

Кинорежиссер – 4 года.

Юхим Гальперин работает в киностудии 3,5 года...

Фима: «Ну и что?»

Сенька: «Неужели это конец?»

...Таки, да...

По «Принципу Питера» каждый должен иметь Руку. У нас Руки нет, зато есть Лапа. А у Лапы есть Рука...

Наибольшее количество публикаций принадлежит нашей «писучей» команде: Семену Бурде, Сергею Деркачу, Виталию Герману, а в силу наличия в них поэтического зуда стихов и зарифмованных текстов было больше всего.

Пародия на высокого Горного поэта

На черном фоне красный крест,
Там много девушек окрест...
На мрачном небе ... я один.
В друзья бы Фрейда (это врач)
Любовь ушла.

Сергей Деркач.

*Вздох
Сильных, знаю, любят бабы
Только хилый я и слабый.
Знаю, любят беззаботных -
Я нее грустен и в субботу.
Эх - ма!
(Сенька-культурист)*

Позор

Я от стыда краснею,
Непосвященным, ох, видны...
Позор! Украли портупею!
На чем же держатся штаны?
Когда я был для вас примером,
Когда при портупее был, -
Тогда я, братцы, офицером
В атаку танкову ходил...
Теперь жалеть и плакать поздно,
Без портупеи тяжело мне.
Я для нее, наверно, создан
Скакать на розовом коне.

Отдайте, братцы, портупею!
Ох, если б знали, как мне тяжело...

В. Герман

Нахожу и свой автограф, поздравление литературной студии «Уголек» с 10-летием. Это был веселый капустник в буфете четвертого корпуса института. Почетными гостями были Наталья Александровна Фоменкова и поэт Игорь Пуппо.

От киностудии зачитывали это поздравление я и Ефим Гальперин:

Нам склеить два куска монтажной пленки -
Совсем не сложно. Это мы умеем.
Но склеить две строки удачной рифмой -
Тут, уж, простите, с этим очень трудно...
Мы ямбы и хорей проходили в школе
И, опираясь на полученные знанья,
Решили все же поздравлять стихами.

.....
Часто ночью вам не спится,
Часто рифма не дается,
Часто сердце на пределе
В слишком частом ритме бьется,
Вдруг возникнут две строки,
Рифмой сжатые умело -
Так рождаются стихи,
Первые, несмелые.
Нам понятны ваши муки,
Часто мы ночами тоже,
Просыпаемся среди звуков,
Что сердца наши тревожат...

(окончание поздравления не сохранилось).

.....
Однажды в студии произошло «ЧП». Наши поэты Семен Бурда и Сергей Деркач, покидая поздним вечером киностудию, не закрыли кран в раковине. Было временное отключение воды, кран остался открытым, а ночью пошла вода. Затоплены были не только помещения киностудии, но и комнаты этажом ниже. В то время я был руководителем киностудии и, естественно, устроил разгон виновникам. На что «перепуганные» поэты отреагировали в газете по-своему:

Сага о студийном потопе или вещий сон одного студийца

Посвящается А. Косолапову

Хлопнула дверь в туалете,
Вышел, поправил штаны,
Звать меня Толиком, дети,
Вижу я вещи сны...

Как-то наелся моркови,
Выпил кефира стакан,
Сон посетил изголовье,
Мыслей поднялся буран...

Субботней полночью,
Когда вахтеры дремлют,
Когда блокнот терзает графоман
И благодать окутывает землю,
Вдруг заработал наш студийный кран.

Я влез на шкаф, чтоб ноги не промокли,
И крана мне никак не закрутить,
Я издаю беспомощные вопли,
Я смыт волной... Куда же дальше плыть?!

Плыву на стуле, словно на Кон-Тики,
И загребая левым сапогом,
И дергаются чресла в нервном тике,
И темный угол кажется врагом!

Мне не забыть кошмаров тех зверинец,
Луна, как заяц прыгала в окне,
И в скважину замочную мизинец
Водоворотом затянуло мне.

...Проснулся, надо мною домочадцы
И почему-то мокро подо мной...
Вот это сон, вот это вещий, братцы,
Я от него и до сих пор чумной!

Запуганные студийцы
С. Бурда, С. Деркач
17.03. Потоп, день второй.

А потом, дописка В. Германа:

Держим ушки на макушке,
День второй – начало сушки.

Ниже – ещё одна дописка Алексея
Мартиновского:

Много жидкости – беда,
Стали хохмы докучать!
Так работает Бурда
при поддержке Деркача.
Зеленый Зуб

...К нам в киностудию пришла новая студентка Лена Макарова, сестричка нашего друга, заместителя секретаря комитета комсомола института Нины Макаровой. Красивая, обаятельная девушка была всеобщей любимицей, но, несмотря на то что по ней вздыхали некоторые студийцы, вышла замуж за лидера «конкурирующей» организации, солиста-гитариста вокально-инструментального ансамбля «Террикон» Сергея Заспенко (Заславского).

Вот вздыхает Сергей Деркач в преддверии дня рождения Лены...

Четвертые сутки
Пылаем душою,
Живем в предвкушении
Семнадцатова.
Подайте бокалы
Поручик Гальперин,
Корнет Косолапов,
Налейте вина!

Мы пьем за рождение,
За счастье и долю
Той дамы, что «Юности»
Богом дана,

И, если мы тоже
Чего-нибудь стоим,
Так это представьте,
Не наша вина.

А где-то жена
Ожидает с метлою,
Что ж Вы приуныли,
Наш старый корнет,
Что Ленке лишь 20,
Что мы не герои
Романа ее,
В чем сомнения нет?

Давайте же выпьем
Без всяких истерик,
Хоть Ленка навеки
Не наша жена,

Подайте бокалы,
Поручик Гальперин,
Корнет Косолапов,
Налейте вина...

С. Деркач

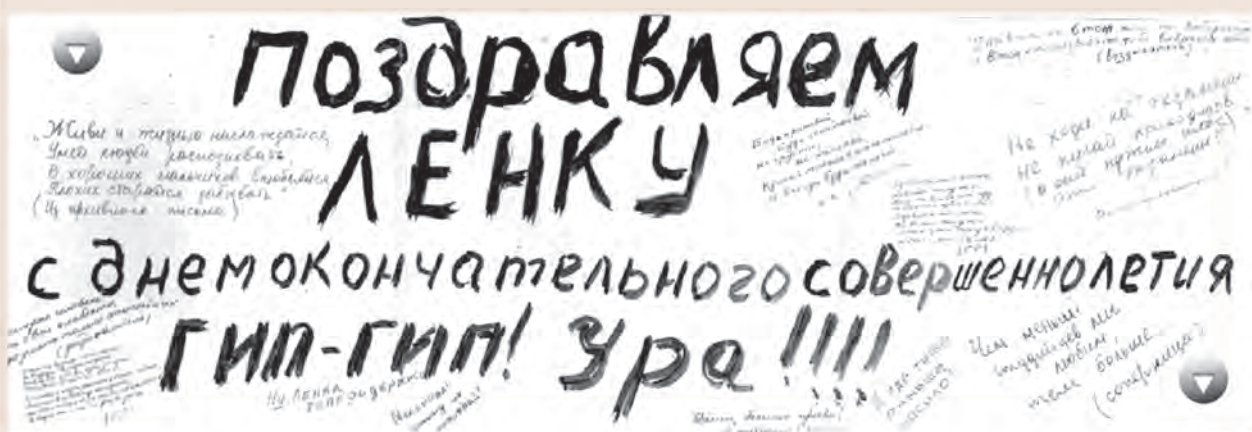
Сонет в честь именинницы

Я Вас люблю,
Как самый светлый день,
Как солнце и как мятную конфету,
Как эскимо, как утреннюю лень,
Как свежую вечернюю газету.

Я Вас люблю
И вечером, и утром,
И за обедом, и когда я сплю
Я Вас люблю – Ну.... каждую минуту
И от любви немею и горю.

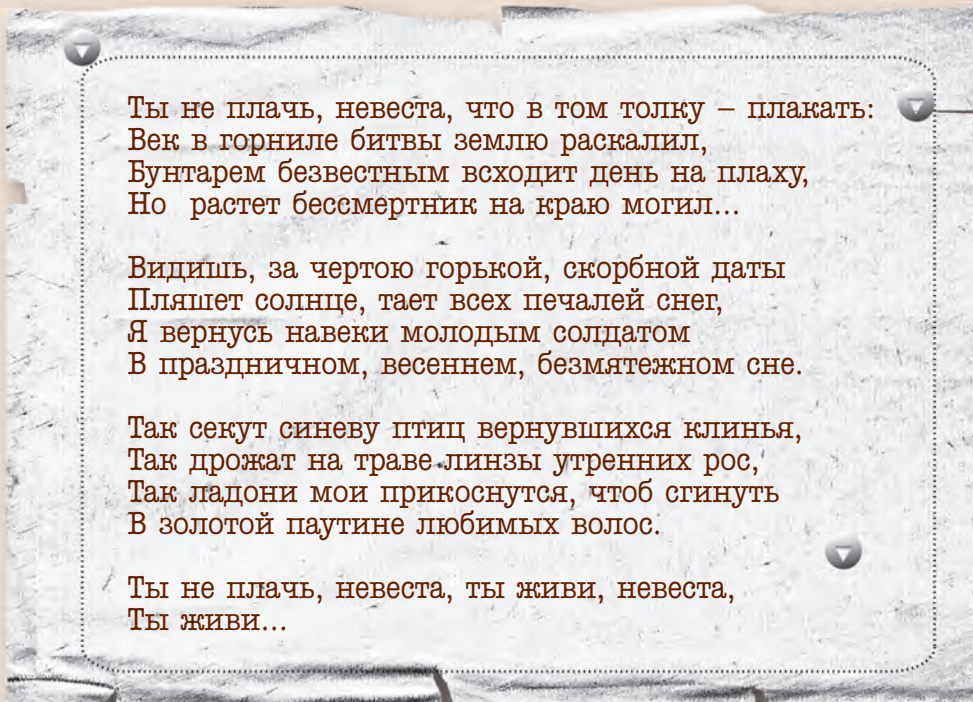
Я Вас люблю,
Где б ни был я и шлялся –
На лекции, в театре и в метро...
На днях я в магазине потерялся
И все-таки любил – себе во зло
Так полюби ж и ты меня за муки –
Я страстный и я многое могу...
Хотя б на день, на час или минуту,
Не то в тайгу сорвусь и убегу...

С. Деркач

В киностудии задумывали снять фильм памяти студентов, не вернувшихся с войны. Сюжет разворачивался вокруг памятника «Скорбящая невеста», установленного в парке имени Шевченко у Дворца студентов. Я попросил Семена Бурду написать стихотворение – обращение погибшего солдата к своей невесте.

И дал ему первую строчку как тему, которую надо развить в стихотворении: «Ты не плачь, невеста, что в том толку – плакать...». И хотя фильм так и не был снят, стихи остались...

Ты не плачь, невеста, что в том толку – плакать:
Век в горниле битвы землю раскалил,
Бунтарем безвестным всходит день на плаху,
Но растет бессмертник на краю могил...

Видишь, за чертою горькой, скорбной даты
Пляшет солнце, тает всех печалей снег,
Я вернусь навеки молодым солдатом
В праздничном, весеннем, безмятежном сне.

Так секут синеву птиц вернувшихся клинья,
Так дрожат на траве линзы утренних рос,
Так ладони мои прикоснутся, чтоб сгинуть
В золотой паутине любимых волос.

Ты не плачь, невеста, ты живи, невеста,
Ты живи...

На официальные и неофициальные праздники, дни рождения и другие всплески ликования в газете всегда появлялись поздравления, написанные членами киностудии. Иногда это были авторские заметки, но зачастую – коллективное творчество. Ниже поздравления девушек нашей киностудии с Международным женским днем.

День 8 Марта

Самые симпатичные мальчики и мужчины киностудии «Юность» (отгадайте сами кто есть кто) поздравляют своих не менее симпатичных и я не побоюсь этого слова женственных со-трапезниц по перу и камере с тем же с чем мы могли поздравить и себя, не принадлежи мы к более страстной и могучей половине человечества.

Предаваясь воспоминаниям о днях прошедших, я вижу перед собой одинокую фигуру царицы Савской, у ног которой лежали мы, еще молодые неопытные, наивно верящие в восходящую звезду малого кино.

Все течет, все меняется.

Царство раскололось на провинции.

У каждой своя властительница.

И у нас появилась возможность выбирать, кого назвать своим вдохновением, у чьих ног лечь.

И мы легли...

В конце концов!

Все километры отснятой пленки, все моря использованного проявителя и все количество перебитых прожекторных ламп не стоят одного единственного взгляда, который дарит тебе твоя избранница. Особенно, если такой подарок преподнесен в день 8-го Марта.

Чем одарить Вас за него?

Нечем!!!

Что есть у нас? Чем владеем мы?

«Только руки, только сердца, немножко любимое дело...»

«Но если ты в «Юности», если поэт – расплатишься белым телом»

Редакция

*В день 8го марта
Вот эти симпатичные мальчики и мужчины
«Юность» (отгадайте сами кто есть кто)
поздравляют своих не менее симпатичных и я не побоюсь
этого слова женственных со-трапезниц по перу и камере с тем же с чем мы могли
поздравить и себя, не принадлежи мы к более страстной и могучей половине
человечества.
Предаваясь воспоминаниям о днях прошедших, я вижу перед собой одинокую
фигуру царицы Савской, у ног которой лежали мы, еще молодые неопытные,
наивно верящие в восходящую звезду малого кино.
Все течет, все меняется.
Царство раскололось на провинции.
У каждой своя властительница.
И у нас появилась возможность выбирать, кого назвать своим
вдохновением, у чьих ног лечь.
И мы легли...
В конце концов!
Все километры отснятой пленки, все моря использованного проявителя
и все количество перебитых прожекторных ламп не стоят одного единственного
взгляда, который дарит тебе твоя избранница. Особенно, если такой подарок
преподнесен в день 8-го Марта.
Чем одарить Вас за него?
Нечем!!!
Что есть у нас? Чем владеем мы?
«Только руки, только сердца, немножко любимое дело...»
«Но если ты в «Юности», если поэт – расплатишься белым телом»
Редакция*

А вот поздравление с днем рождения. Сергея Деркача:

МАЗАРИ СЧЕВУЩА

...Сколько ему сегодня? Точно на этот вопрос никто не может ответить. На вид – молодой. Но первое впечатление обманчиво. Солидный творческий багаж и занимаемая должность говорят о многом.

В детстве он был талантливым ребенком. Когда все кричали, со всеми вытекающими после этого последствиями – он молчал. Он кричал после.... Все окружающие поняли, что перед ними вундеркинд. Тогда он еще смотрел на мир осмысленными глазами. Кислое было кислым, сладкое сладким, квадратное и круглое – голова и попа – все было при нём.

В трехмесячном возрасте он, было, заговорил, но этим так испугал своих родителей, что благоразумно молчал до того, как стал членом киностудии «Юность». После этого ударился в очередную крайность – начал слагать стихи. Трудно сказать, к чему бы всё это привело, если б его не забрали в армию. Там в течение двух лет он ходил во внеочередные наряды. Сами понимаете куда. И там он украдкой писал на стенах. Стены, они все стерпят. После возвращения из армии он стал «богемой». Повел аморальный образ жизни: курил натошак, знакомился с девушками в трамвае, изредка пропускал лекции – ну, вы понимаете...

После трудной и мучительной борьбы за него коллектива студии и уже после того, как все махнули рукой и, плюнув, сказали: «Эх, Серега!» – он вдруг перековался.

Теперь его не узнать никому. Ни дома, ни в студии, ни в комнате общежития, где он проживает. Он такой простой, скромный, честный, что, встретившись, вы его тоже не узнаете. А если вы все-таки захотите с ним познакомиться, поищите. У него к левому рукаву синего свитера пришита белая тряпочка.

Так мы его находим.

Я помню его еще тогда, когда он робкий и застенчивый, от испуга путавший слова перелез через порог студии и замирая от страха сказал: "Я могу писать... и еще считать...", а ещё у меня есть Киев-16С / последнее известие здорово позабавило и вызвало одобрение всех "старичков" студии/. Тогда не чем было снимать. Правда Сережкиным Киевом-16С даже тогда ничего не снимали.

Прошло много лет.

Продан Киев-16С, явно задаром.

Прошли томительные дни военной службы.

Он снова с нами и даже справляет дни рождения.

Сколько ему сегодня? Точно на этот вопрос никто не может ответить. На вид – молодой. Но первое впечатление обманчиво. Солидный творческий багаж и занимаемая должность говорят о многом:-

- режиссер фильма "Царь Родина / 10 мин. ч/б о детях/
- режиссер фильма "Море в двух шагах"/10 мин. ч/б о детях.
- редактор газеты "Что ж Вы, черти приуныли?"
- студент с 1966 года.

"Ай да наш Серега
Славный мальчуган
у него наружу
выступил наган..."

ОЧЕСЛЫВЕЦ

ГОРЯЧО ЛЮБИМОГО НАМИ И ЖЕНЩИНАМИ ЗЕМЛИ СЕРГЕЮ ДЕРКАЧА
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ СТУДИЯ "ЮНОСТЬ"!

ПРОХОДЯТ ДНИ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ,
ЦВЕТЫ УТРАТ И СРОКИ ПЛАТЕЖЕЙ,
МЫ ИДЕМ ВЕСНЫ, И МЫ С ТОВОЙ СОЛДАТЫ
НА ЭТОМ ПРЕДПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ!

Ранее считалось, что основное
занятие м. Деркача (Derkačscho)
ка. свободе - писать стихи.
Ан кет! Нет тут то што!
На гусей караван - рож не
раззевай!
Он-ко-велику паредовик.
Слава, слава Деркачу
Победителю.

А вот так газета откликнулась на рождение дочери в семье тогдашнего секретаря комитета комсомола ДГИ Якова Голодного:

Вам, дорогие читатели!

Традиционные роды жены секретаря комитета комсомола ДГИ увенчались традиционным концом: родилась дочь!

Шесть секретарей знает наше Поколение и у всех первенец – дочь!!!

На вопрос: «Почему создалось такое положение?» тов. Я. Голодный ответил: «Виновата нехватка времени!» Какой глубокий смысл заложен в этих трёх словах!

Редакция газеты объявляет конкурс на лучшее имя дочери Якова и Нины Голодных.

Первое предложение уже поступило. Это имя составлено из имен отца и матери: Яшна!

Тов. Голодный заявил, что если он догонит автора этого имени, то наградит его ценным указанием!

Наши выводы:

1) хочешь, чтобы у тебя была дочь, – стань секретарем;

2) первого апреля иногда происходят серьезные вещи. Недаром народная мудрость гласит «В каждой шутке есть доля шутки».

Наше комсомольское решение: в ознаменование славного события переименовать первое апреля («День смеха») в «День рождения»!!!

В 1974 году у меня родилась дочь. Неумолимые поэты С. Бурда и С. Деркач откликнулись на это событие своеобразно, переделав в поздравление «Сагу о студийном потопе»:

Сага о рождении нового человека

или Вещий сон Анатолия Косолапова

Хлопнули двери роддома,
На пол я сполз вдоль стены,
Вам я скажу, как родному:
Вижу я вещие сны...

Помню, наелся моркови,
Выпил кефира стакан,
Сон посетил изголовье,
Мыслей поднялся буран...

Субботней полночью, когда вахтеры
дремлют,
Когда поэт взмывает на Парнас,
А благодать окутывает землю,
Дочурка Аня с криком родилась.

Я уши закрывал, чтоб не оглохнуть,
И крика мне никак не прекратить.
Я издаю беспомощные вопли,
Я изгнан в кухню... Как мне дальше
жить?

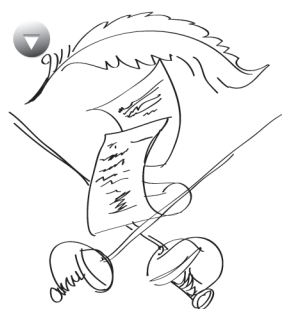
Покинули меня святые лики,
Из ванной черти мажут сапогом
И дергаются чресла в нервном тике,
И темный угол кажется врагом.

Похоже, жизнь моя и песня спеты,
В зубах – пелёнка... чистая... одна...!
Спасибо бог, хотя тебя и нету,
Что их не двойня, а всего одна.

(Злорадствующая редакция «Наши с вами...»)

Настольными играми, как-то: водкой, преферансом и шахматами, студийцы не увлекались. Зато время от времени каждый мог принять участие в так называемом словесном турнире. Участники получали возможную первую строчку стихотворения или прозы и должны были предложить свой вариант продолжения; история должна была быть краткой и законченной. Было любопытно видеть, как по-разному “устроены головы” участников.

Увы, в архиве отыскиались только два образца таких экзерсисов: Итак, первая строка: “ Последний снег, прощальный поцелуй...” На исполнение дано было не более трёх минут.

Версия А)

Последний снег, прощальный поцелуй...

Точки следов скрылись за углом дома.
Старик Время закрывает дверь в прошлое –
Встреч не будет.

Подняв воротник пальто,
Я иду бесконечными улицами,
....Слышишь ли ты в проводах
Мелодию колыбельной?

(Сергей Деркач во грусти)

Версия Б)

Последний снег, прощальный поцелуй...

Ты отдаляешься, ты почти невидима –
Вуаль снежинок застит глаза.
Прощай, прости, что не был счастлив...

Двое на улице – вечер и я,
Бар закрывают не скоро...
Пойду, поджую своего Пегаса!

(Семён Бурда во грусти)

И понятно, что в те времена не обходились по примеру «Литературной газеты» без пародий на главных в СССР поэтов.

Посв. А. Вознесенскому

Ты идешь по паркету,
Как царица по паркету,
Из вокзального буфета,
Где дают лапшу с котлетой.

Провожать тебя приду я,
Спросишь: “На фига, придурок?”
Мы, гуляя по перрону,
Будем чмокаться влюбленно.

(Не стоянье – не лежанье...
Голова моя баранья!),
Ты придешь, мой одуванчик,
На студийный наш диванчик?!

Моя милка – сексапилка,
Комсомольская копилка,
Посвящу я ей балладу:
“В бочке мёда – капля яду”

Владимиру Маяковскому.

Утром вымлет в небе зорь
окровавленного сердца клобы
горлопана и шавара —
одиночки.

Иногда на взлёте не хватает вдоха,
А вокруг только морзи — „хе-хи!“ да „ха-ха!“
Иногда лобастых ласкает эпоха,
как мачеха.

Вы, товарищ поэт, вы заботы —
вы не только со временами сити,
это плакат становился знаменем,
А строка из свинца отлитой.

Вы, товарищ поэт, вы нежности —
нам петь в пампидный вой —
мы лупим от вашей нежности,
мы трубили и рвем в бой. —

Я смотрю на портрет-клише:
мир ошуган о взгляд крутой,
но бывает — на вырассе — сбой. —

И такие не струсят,
Такие не бросят,

Самолёт в захлестнувшей петле —
унокон промучалит осень
мелким доперисом в серой мгле,

Утром вымлет в небе зорь
окровавленного сердца вехи
горлопана и шавара —
Человека.

В. Герман

И ещё... В нашей газете было очень много стихов. Это было, конечно, «злоупотребление» служебным положением наших редакторов Бурды и Держача. Но ведь им хотелось публикаций! Хотелось внимания! Ещё бы первые, искренние стихи. Серьезные и смешные. Совершенные и не очень... Потом авторы сознаются, что именно тогда, в те годы, писалось свободно. Ведь всё шло от души и сердца.

А мы были первыми читателями. Обсуждали, критиковали, восхищались. Большинство тех стихов мы знали наизусть. И когда потом читали их, правленные авторами и опубликованные в книгах, то огорчались. Нам кажется, что тогда, в первоначальном виде, они были лучше. Прозрачнее...

У арки вокзальной, где солнце печет,
Где липнет к губам лихорадка, дороги,
Он взвешивал граждан, он видел лишь ноги,
И ног было много – чего же еще?

Как будто весами он был отгорожен
От улицы всей, но у всех на виду
С ногой деревянной, лежащей, как сторож,
Как кость на резиновом, стертном ходу.

Казалось, он дремлет на этом параде,
Под солнцем лицо было – красный лоскут,
Он брал две копейки наощупь, не глядя,
И клал их в засаленный куль на боку...

... И там был бродяга со взглядом окольным,
Тот взвешивал души: «А этот подаст?..»
Потом эскимо покупал и довольный
В тень уходил на скамейки у касс.

Там, на ногу ногу сидел он закинув,
Зарывшись в мороженое, как в пух,
О чем-то с собой разговаривал вслух
И корчил прохожим веселые мины.

Хранил он за пазухой листик зеленый
И спички, и шарик стеклянный хранил,
Он часто у будок торчал телефонных,
Но видел ли кто-нибудь, как он звонил?

К полудню кончалось пиво в буфете
И нагревалась вода.
Тёр вокзал воспаленные веки,
Смагивал поезда.

Людей в раскаленные зноем вагоны,
Как уголь с лопаты, швыряли перроны...
Вокзал ненасытен был, как решето,
Он жизнь их заполнил, он стал для них домом...

И вряд ли были они знакомы,
А если и да, так что?

Ода телефону

За стеклом белые клопы.
Вегер, скоро восемь
Молчит телефон
Молчит и зевает
как рыба,
которую на холодный лед
Рыбак бросил.

(Кхе, - скажет и -
возьми паузу, -
бага! кланит башку
велеварманисем, пере-
копей с навоза не
боится коровы),

А провода заполнены криком.
Спешат сказать ~~сказано~~
Самое важное
Неважно это,
Важно
Расшишать в трубке
Голое шипит.
Люблю...

люблю вино едкое
ледяное из холодильника
Нечное, изекокет губы -
Потрескашкине как глина.

(А пиво? Знаешь, сперва водоган
исебанеишь, а потом пиво -
хорошо?
У кого создал? Скажи по-то-
рошнее).

(Согласен!)

На ветру целоваться
Глупо. Но бл вает
Приятно делать глупости
и бесшмеленные подарки
жарко. (Кухаркам)

(Что тоже глупо)

На часах пол девятого
Звонка нет
Хочу покошнате нерриналино
Что случилось?

Перебираю
возможные неприятности
с тобой, а молчит со мной
Внезапно.

(Станкдно смеи, зачем
лиют работы в адуши,
Требуи придунай обхолова?)

Часы бьют девять.
От-та-ан-н-о сопроти вляюсь
Ударам.

(Боят не ногиши,
своими, а на пола
турносаи ботши
с каромаша. Зав
но. Снефк ириво
ириу, итотл ири-
ворилои иёрвша)

Все...
недай бесшмеленно. (Кхе равно бьют,
своими!)

холодные клопы
вры ваютел в кошнату
бдеваю пальто
шарф
сапучев недай
конца зимы
шарт

через три месяца (Сиди, нези, несаеи!)

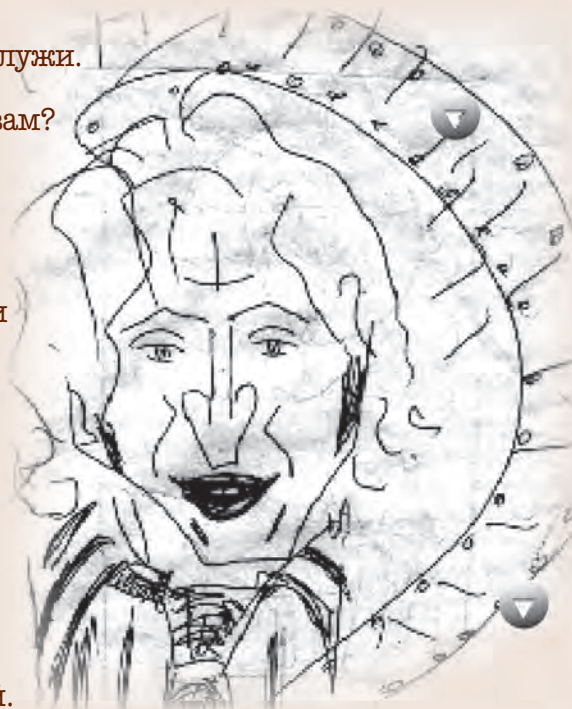
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Огромный Миргород с фонтаном вместо лужи.
Кого я встречу в переулках детства?
Двух маникюрш, живущих не по средствам?
Альфонса, получившего наследство?
Любимую с постылым скрягой-мужем?

А душный вечер сплетнями опутан,
(Невольно хочется кого-то оболгать),
Мужчины пьют – давным-давно от скуки
Друг другу понаставили рога.

Перетирает жвачку новостей
И лечит печень, и брюзжит сердито
Мой друг, провинциальный Прометей,
Прикованный незримой цепью быта.

Торопится на роды сонный фельшер,
(Быть может, этот осчастливит свет?)
Мне долго и тревожно смотрит вслед
Единственный достойный человек –
Наш городской печальный сумасшедший.

Семён Бурда

Всегда жить

Голос твой далеко,
Он остался у моря
Летом.
Почему же это так беспокоит?
Юность?
Вместо солнечных дней
Блики всплывших монет –
Помнишь, помнишь?
Далеко ли ты,
Хороша ли ты,
Ты куда летишь,
Ты куда летишь
Октябрь. –
Простуженные деревья.
Все бы ничего –
Но голос твой далеко,
Он остался у моря
Летом.

Виталий Герман

Я запомнил из ночи нестройной
Лишь свидания у ручья,
Там, на улице Водопойной,
Проживает любовь моя.

Я на двор выхожу в исподнем,
Над клозетом мерцает Арктур,
Решено: объяснюсь сегодня,
Ведь уже закончился март.

...День ушел, подрумянив улицы
Розовеющим кремом «Закат»,
У крыльца в ожиданьи волнуясь я,
Как читающий письма солдат,

Вспоминал ее губ кораллы
И пришептывал свежий стих,
Она вышла, тихо сказала:
«У меня теперь новый жених»...

...Синий март покидает город,
Я стою – белокурый Лель,
Дождь весенний каплет за ворот ...
Я пописал – пора в постель...

Семён Бурда

Спасибо Наташке
(новогодняя ночь 1973-1974г)

Танцуй, девконка,
вечер твой.
Танцуй безудержно,
без Любелей
Танцуй,
Танцуй,
Танцуй,
Танцуй
Как только раз
танцуют в жизни

Как вот сейчас,
когда кричит,
сорвавши
голос
пьяный

Танцуй! тенор,
когда партнер летит
бессильно
голову
откинув.

Танцуй!
забывши про рассвет
Танцуй!
ветушная танцешь в Лету
Танцуй!
под беспощадный визг
Сума
скользящего кларнета...

Ашшнь!
Проиграна пластинка.
Рассвет
Бликует на стекле
И только
теплая пышилка
Загнана
крепко
в кулаке
(Пострадавший)

Я знаю мало,
 А что изменится, если я буду знать больше?
 Я буду счастлив?
 Не лучше ли забросить кинолюбительство
 и всерьез заняться наукой.
 Получать хорошую ставку
 и влюбится в секретаршу своего начальника.
 Поменьше разъезжать и назвать
 собаку именем своей первой любви.
 По вечерам пить кофе и перечитывать
 Фенимора Купера:
 «Бедные индейцы ... жена, налей еще чашечку».
 К 40 годам отрастить брюшко и, посмеиваясь,
 вспоминать старого друга –
 стал режиссером и в 32 года загнулся от паралича сердца.
 Что нужно человеку?
 «Хороший дом, хорошая жена и обеспеченная старость»,
 А он умер, когда ему было 22.

Сергей Держак

Тает льдинка на губах,
 Все не соленая,
 А сжигают на кострах
 Мусор и солому.

Улыбнешься и пройдешь,
 От огня сожурившись.
 Было, слезы, правда, ложь,
 Чей-то смех тоскующий.

Проживем – переживем,
 Зарево-пожарево –
 Курим, пьем, смеемся, врем –
 На кого позаришься?

Только выйдешь за порог,
 Кружит воздух голову,
 Холодеют пальцы ног –
 Весело и голодно.

Виталий Герман

Этот день не хорош, не плох,
 Это мы придаем ему вид
 И поэтому, видит бог,
 Он недолго здесь простоят.

Но и в сумерках каждый миг –
 По подобию твоему,
 То ли это скребется мышь,
 То ли тени спешат во тьму.

Аберрация слов и снов,
 От которых душа болит,
 Притяженья чуждых миров,
 Наложенья чужих орбит.

Мы с тобой об одном твердим,
 Но среди искаженных «Я»
 Мне глаза застигает дым
 Бытия.
 Как мне выйти за этот круг,
 Боль моя, мой последний предел?
 И плывут на холодном ветру
 Отраженья твои по воде...

Семён Бурда

С. Деркач

Каптры погаснут. Горю. Сороч
 Продлив, ~~и~~ ^{недолгую} ~~жизнь~~ ^{жизнь} весну
 Ты похоть повись на блесну
 Огни далеких пароходов.

Они почти всегда одни
 Морзюка рвется нитью тонкой
 И страшным штормом на огни
 Размещены по горизонту.

~~Они почти всегда одни
 Морзюка рвется нитью тонкой
 И страшным штормом на огни
 Размещены по горизонту.
 Опасности не разлетелись
 Ты похоть повись на блесну
 Огни далеких пароходов.~~

С. Бурда

Зовут их океанский гул
 А как заливши, тожно шума
 И это я ~~есть~~ ^{есть} на берегу —
 Рыбак маленькой и неуклюжий?

... Огни далеких пароходов
 Повно, я или опылен
 И это мне это время года,
 И это мне шени всех времен?

... Ступитесь влюб, как сумасшедший
 Вкопая отбивуши от рчк
 Утопающего не ишедший
 Спасательной темный кри?

* * *

Могильный привкус на губах,
Тепло камина...
Вино сухое, пестрый плед
И запах тмина.

Трещат сосновые дрова
И разговоры...
Портретов древних чернота
И вспышки ссоры.

Мой замок в наши дни нелеп,
Он бредит прошлым...
Он, как свихнувшийся прадед,
Смешон немножко.

Но на заре спешит опять
В мир, где горячка,
И в блеклых старческих губах
Улыбку прячет...

Сергей Деркач

* * *

(По мотивам «Avveu road»)

По пустынной дороге изгнания
Колосками зеленой ржи
Вырастают тоскливые странники,
Как бесплотные миражи.

Где-то с ревом авто пожирают асфальт
Звезды скрючены в чаде бензинном –
Где-то голые «girls» на эстрадах стоят
Манекенами из резины.

Отрешенные от желания
И отвергшие суету
Без надежд и тревоги странники
Молчаливо бредут в пустоту.

Всем, чьи души до крови сбиты,
Всем страдальцам, кто нач и сир,
Монастырские двери открыты –
Обещают и кров, и пир.

Мне,
Не сдавшему ТОЭ в сессию –
Все надежды захоронить.

Виталий Герман

ПЕСНЯ О ЛЮДИ

Фиолетовой дымкой
Подернутый глаз,
И косит норовисто и гордо,
Как влюблен я, сударыня, в вас, –
Отчего ж вы отводите морду?

Как упругость травы,
Ветер вылизжет шерсть,
Как стройны ваши бледные ноги,
В горделивое ржанье вплетается весть
О какой-то далекой дороге.

И пускай нам цыганка
Пророчит беду,
Ночь гнусавит уныло в поля,
Я шепчу, как в горячечном пьяном бреду,
«Королева моя! Королева моя!»

Виталий Герман

Задаче

Без Родины, без чести
Я жил в родном краю,
Я пел чужую песню,
А думал, что свою.

И, право, надоела
Вся эта кутерьма:
Тюрьма, в которой тело,
И тело, как тюрьма.

По хлипкому мосточку,
Где хлюпает вода,
Возьми меня, мой отче,
Куда-нибудь, туда...

(Вариант Первый)

Я буду на коленях
Петь гимны круглый год,
И ангел в поощренье
Мой тришпер изведет

(Вариант Второй)

Тебя я славить стану,
Но забегу вперед
И ангел в назиданье
Мне что-то оторвет

Семён Бурда

Я дул на пепел свб-котёр розжечь пытался
Вдруг понял: каждый миг, сомненья и грехи —
Мой век кепавторим — и огонь испугался
И... сел об этом написать стихи

С Бурда

«... Кварталы всевегичной гешуе,
Как рыбы углывают в толщину ноги...»
Поэт, ты гветвуешь, как уцираешь
Среди вещей, насорленных трудом? —
Стихами урсе не вырваться на свет
Из потной спальни. В тусклом море склина
Лишь гудитая единственный маяк —
Стихи, которих ты не написал.

(Сенька-итохондрик)

Переставлять на кухне утварь,
Вздыхать, что деньги — как вода,
Дремать над чаем мутным утром,
Гадая, вторник или среда

Всё в этом доме обветшало,
И незачем на помощь звать,
Как будте нам с тобой осталось
Уже не жить, а деживать

Довериться земным причудам,
Теряя то, к чему привык,
И забывать, пада рассудок,
О том, что в прошлом — были Вы

Всё скрылось в солнечной пыли:
И детских игр высокий галее,
И беспричинная весёлость,
И первый снег могильных плит

И пехеренный благовест,
И в поминальных пятнах платье
И Ваших рук прещальный крест
Несу по жизни, как проклятье

Ночь утешает мир любовью,
Засовез больше, чем дверей,
Свеча коптит у изголовья,
У ног лежат одежды дней

Я знаю истину одну,
 Что грусть смешна, любовь не легка,
 Что я любимую свою
 Сведу с ума к началу лета.

Что я курю в своей квартире,
 Что я с соседкой на ты,
 Что двадцать два везу жизнь четыре
 Не пять, не десять и не три.

Что я курю подвосточен вош,
 Что не хватаю звезду с небес,
 Что я в плену своей же роли —
 Фигляр, бездельник и снайпер.

Derkatsch

ВОЗРАСТНОЕ

Ты недоверчив и умен...
~~Делай слова, в них грехи свои.~~
 Ну что же, "ЮНОСТЬ" отзвенела,
 Как тетива, Кентавр времен
 В нас выпустил цинизма стрелы.

С. Бурда

Состав мчался по рельсам судьбы
 Мелькали города, поселки, полустанки.
 На каждом из них тебя могло ждать счастье,
 стоило только сойти.
 Но ты спешил, тебе было некогда --
 и жизнь продолжала двигаться по заранее намеченному
 курсу ~~...~~.

/Серёжка - меланхолик/

Кто читает плохие книги?
 Наверно, преимущественно плохие люди... -

Поцелуев извоноких
иссякает река,
Но твоя, как ребенка,
Равнодушна цыка:

А в толпе горю тесно,
Близок страшный обряд
И фальшивая оркеструда,
Провошая тебя.

Наши души — скитальцы,
Каши пьши дики
И навек наши пальцы
Скисало зло в кулаки

Да в столетии герцвом
Каждый видит привок
Лишь братание мертвых
Вместо братства живых

1971.2

С. Бурда

* * *

Наш мир не проснется – усталый старик –
Под тягостной ношей к земле он приник.
И катится ужас, как катится смерч,
По пыльной дороге волочится смерть.

Мертвые руки сжимают приклад,
Застывшие очи на солнце глядят.
Холодные губы погибших ребят
О жизни беззвучно твердят и твердят...

Сергей Держак

* * *

Этот мир виноватый,
Не замолит слеза.
Пятаками заката
Нам закроют глаза,

Словно пальцы по горлу,
Словно к сердцу – игла,
Поползут разговоры
От угла до угла.

Бьют прощальные склянки,
Дальше некуда плыть,
И во тьму твой кораблик
Катит мертвая зыбь,

Но хранят эти стены
Твой болезненный шаг,
Все, к чему, хоть мгновенье,
Прикасалась душа.

Наши будни истлеют,
Им забвенье – удел,
И себя пожалеют,
На тебя поглядев,

Кумовья и дядья,
Ты сегодня над всеми,
Словно высший судья.

А в толпе горю тесно,
Влизок страшный обряд,
И фальшивит оркестр,
Провожая тебя.

Наши души – скитальцы,
Наши песни – дики,
И навек наши пальцы
Сжало зло в кулаки,

Да в столетии черством
Каждый видеть привык
Лишь братание мёртвых
Вместо братства живых.

* * *

Тир без крыши. Трава под настилом.
Восклицанья. Насмешки. Азарт...
Спины, локти, приклады, затылки,
Молчаливых мишеней глаза.

И к барьеру спешат протесниться
Отставник, призывник или ферт,
Рыжеусое солнце на лицах.
Счёт патронов, кассир в галифе.

Обо всём забывая на свете,
До конца беззаботного дня
Всё стреляют, всё метят и метят
В балерину, в лошадку.. В меня.

Семён Бурда

* * *

Ты на листе сплетаешь слов узоры,
И мысль, как муравей, ползёт едва-едва...
Оставь стихи, смотри, ночь распахнула створы –
И кружатся миры, кружится голова,

Распахивает свой конверт кровать,
И суточный завод часов идёт на убыль,
Мучительно, тоскливо сознавать,
Что прожит день, как прожит лишний рубль.

Семен Бурда

Страшная смесь
Детства и взрослости,
Не надо смешаться,
Моя маленькая,
Как по этапу иду из прошлого
От глаз коленок
А глазами рамками,
Ракетным осколками
Сердечных таймств.
Наст не выдерживает
Тех таянств,
Проваливаюсь с любимой
Вднем завтрашний,
Буде только память,
Только память...

А снег падает
Лохматыйми медвежонками
И каждый коровит
Облизать руку,
Лицо... сердце...
Покрывать, побегать,
Куснуть, чуй-чуй,
Играючись...
Перевертываюсь всею
И закрываюсь
Любимой как щитом
От писк медвежых.
... Царапины по сердцу.
Откровенность, что в моду
Не вошла за сто веков,
Мешает мне сказать,
Что медвежонком,
То-бишь сметкой,
Падающей с неба,
Уже стала ты.
И попросить сквозь сон:
Останься маленькой,
Не вырасти в медведя!

А. Косолапову

Так с каждым бывает, но коротко длится
 Весной вас преследует песня без слов
~~Ужасная мечта~~ ~~ваша мечта~~ ~~взрывает~~ ~~считала~~

Однажды в
 Мечта по

Вы бросили
 Вчера

Но сдерживает

Реальной

Так с каждым бывает, но коротко длится...
 Весной вас преследует песня без слов,
 Однажды вам душу взрывает любовь,
 Мечта позовет вас полуночной птицей

Вы бросили б всё, вы готовы на подвиг,
 вчерашних светил потускнело гало
 Но сдержит эмоций победный галоп
 Реальности голос - резонный, но подлый

И песня уйдет, словно солнце, за горы,
 И память изнашивается, как башмаки.....
 Но спринтером сердце бежит от тоски,
 Ломая запреты, законы, заборы...

Семен Бурда

И (А) песня у

И память

Но спринтером сердце бежит от тоски
 Ломая ^{качки} запреты, законы, заборы.

С. Бурда.

Вот такая была наша газета... Веселая, звонкая, добрая. Я надеюсь, что студийцы прочитают и вспомнят и строчки, и связанные с ними события той поры. Окунутся во времена своей молодости. А тот, кто впервые прочитает материалы нашей газеты, возможно, сумеет представить, как мы жили в бурные шестидесятые годы и потом в уже осторожные семидесятые.

Далеко не все из газеты вошло в предлагаемую вам подборку. Пусть не обидятся на меня авторы нашей газеты «Смехуёчки», если я что-то важное забыл или не вспомнил. Но ощутить дух газеты, ее вольнолюбивый характер, творческую атмосферу киностудии эта подборка, как мне кажется, читателю поможет...

Да, Мы были тогда молоды. И не задумывались о том, что когда-то постареем...

*Всё меньше мы к безумствам склонны
И всё тесней знакомых круг.
В анкетах наших немудрёных
Нет ни проступков, ни заслуг.*

*Крутой изгиб трамвайных веток
Нас подгибает без труда...
Зелёной искрой в проводах
Ещё одно пропало лето.*

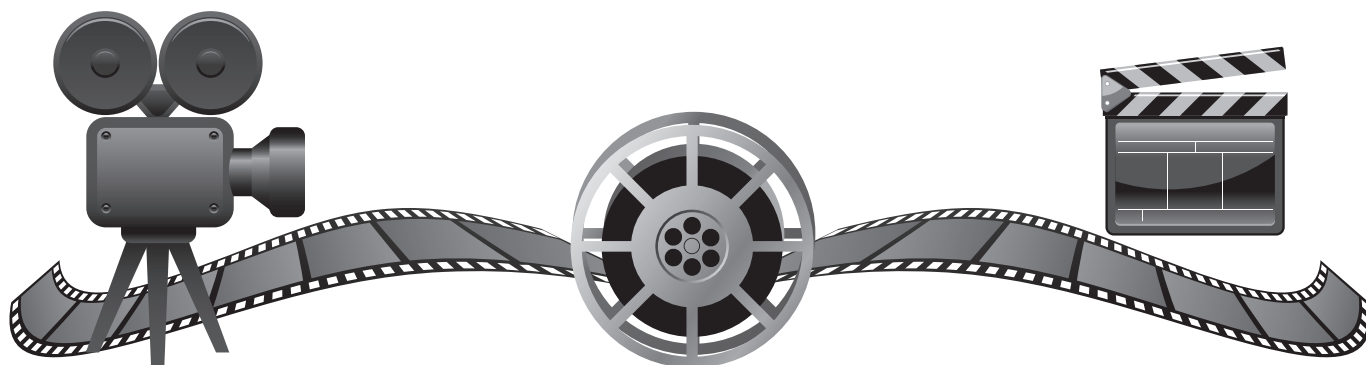
*И некогда владать в отчаянье,
И колебания не впрок,
Но иногда из сгущённых
Возникнет новый диалог.*

*Потянет ногу тоской нездешней,
Как будто рядом - край земли,
... Ноябрь к зиме готовит вещи
И рассыпает нафталин.*

1969 год

Семен Бурда

«Тропой романтиков»

Видовой, смешанный цветной и черно-белый, 16 мм, 120 м.
Продолжительность показа 10 мин. Звук отдельный (магнитофон), 1964 год
Авторы сценария – Лев Попов и Владимир Китаев
Режиссер – Лев Попов
Операторы – Лев Попов, Александр Мельников
Художник – Анатолий Ирза
Автор дикторского текста – Светлана Графская
Звукооператор – Николай Олейник.

«Здравствуй, Будущее»

Хроникальный, черно-белый, 16 мм, 120 м. Продолжительность показа 10 мин.
Звук отдельный (магнитофон), 1964 год
Режиссер, оператор и художник – Анатолий Ирза
Автор дикторского текста – Светлана Графская
Звукооператор – Николай Олейник
В игровых эпизодах в ролях: Владимир Ковальчук и студенты ГРФ.

«Соревнования по скалолазанию»

Хроникальный сюжет черно-белый, 16 мм, 100 м. Звук отдельный (магнитофон), 1965 год
Режиссер и художник – Анатолий Ирза
Оператор – Борис Дригола
Монтаж – Анатолий Ирза
Автор дикторского текста – Светлана Графская
Звукооператор – Николай Олейник.

«Учебная практика студентов ГРФ на полигоне в селе Орловщина»

Хроникальный сюжет черно-белый, 16 мм, 100 м. Звук отдельный (магнитофон), 1966 год
Режиссер – Владимир Ковальчук
Оператор – Николай Котовенко
Монтаж – Анатолий Ирза
Автор дикторского текста – Светлана Графская
Звукооператор – Николай Олейник.

«Галка-профессор»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 120 м. Продолжительность показа 10 мин.
Звук совмещенный, 1967 год

Автор сценария, дикторского текста и режиссер – Ефим Гальперин

Операторы – Валерий Бродский, Владимир Моложен, Борис Цегельницкий

Монтаж – Ефим Гальперин

Звукорежиссеры – Марк Факторович и Владимир Моложен

В фильме использована музыка из кинофильма «Чистое небо» композитора И. Зива

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ Золотая медаль фестиваля. Главный Приз. Диплом 1 степени. Звание лауреата. Приз ЦК комсомола Украины
Республиканский фестиваль самодеятельного киноискусства (Киев, март 1967)
- ★ Приз. Диплом 1 степени. Звание лауреата
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Москва, май 1967)
- ★ Главный Приз. Диплом
Всесоюзный слет победителей похода боевой и трудовой славы (Ленинград, июль 1967)
- ★ Диплом. Звание лауреата
Декада украинского искусства и литературы (Москва, октябрь 1967)
- ★ Диплом. Звание лауреата
Всемирный фестиваль молодежи и студентов (София, Болгария 1968)
- ★ Диплом. Звание лауреата
Международный фестиваль любительского кино (Белград, Югославия 1968)
- ★ Главный Приз. Диплом. Звание лауреата. Приз ЦК ВЛКСМ
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Житомир, Украина, 1968).

«Мадонна»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 55 м. Продолжительность показа 4,5 мин.
Звук совмещенный, 1968 год

Автор сценария, дикторского текста и режиссер – Ефим Гальперин

Операторы – Владимир Моложен, Анатолий Косолапов

Монтаж – Ефим Гальперин

Звукорежиссер – Марк Факторович

В фильме использована музыка И.С. Баха.

«Больно»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 55 м. Продолжительность показа 4,5 мин.
Звук совмещенный, 1968 год

Автор сценария, дикторского текста и режиссер – Ефим Гальперин

Операторы – Виктор Арсирий

Монтаж – Ефим Гальперин

Администраторы – Анатолий Косолапов, Тамара Беляева

Звукорежиссер – Марк Факторович

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз и диплом 1 степени. Звание лауреата. Приз прессы**
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Житомир, Украина, 1968)
- ★ **Диплом. Звание лауреата.**
Международный фестиваль студенческих фильмов (Белград, Югославия, 1970).

«Наш «Семеновско-Головковский»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 116 м. Продолжительность показа 10 мин.

Звук совмещенный, 1968 год

Авторы сценария и дикторского текста – Анатолий Косолапов, Владимир Моложен

Режиссер – Анатолий Косолапов

Оператор – Владимир Моложен

Монтаж – Анатолий Косолапов

Звукорежиссер – Марк Факторович

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз за лучший документальный фильм**
Республиканский смотр самодеятельного киноискусства (Одесса, 1968).

«Мы – геодезисты»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 110 м. Продолжительность показа 10 мин.

Звук совмещенный, 1969 год

Автор сценария и режиссер – Анатолий Калущкий

Операторы – Анатолий Калущкий, Сергей Деркач, Анатолий Пашан

Автор дикторского текста – Тая Зорина

Автор текста песни «Залитый солнцем полигон» – Семен Бурда

Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Диплом первой степени и звание лауреата**
Республиканский фестиваль самодеятельного киноискусства (Киев, сентябрь 1969)
- ★ **Почетная грамота**
5-й Всесоюзный фестиваль любительских фильмов «Профсоюзы – школа коммунизма», (г. Калинин, октябрь 1969)
- ★ **Диплом первой степени**
Всесоюзный фестиваль горных вузов страны. (Ленинград, 1970).

«Пароль – Родина»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 118 м. Продолжительность показа 10 мин.

Звук совмещенный, 1969 год

Автор сценария и режиссер – Сергей Деркач

Операторы – Сергей Деркач, Анатолий Пасынков

Фото в фильме – Анатолий Маценко

Монтаж – Сергей Деркач

Звукорежиссер – Марк Факторович

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз, диплом первой степени и звание лауреата**
Республиканский фестиваль самодеятельного киноискусства (Киев, сентябрь 1969)
- ★ **Диплом фестиваля**
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Москва, май 1969)
- ★ **Первое место**
Всесоюзный фестиваль художественной самодеятельности горных вузов. (Ленинград, 1970)

«Птицы большие и маленькие»

Экспериментальный, черно-белый, 8 мм, 2 м. или 524 кадрика.
Продолжительность показа 20 с. Звук отдельный (магнитофон), 1969 год.
Автор сценария и режиссер – Семен Бурда
Операторы – Вячеслав Бабич
Монтаж – Вячеслав Бабич

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз и диплом «За лучшее лаконичное решение темы современности».**
Звание лауреата
Первый Всесоюзный фестиваль восьмимиллиметровых фильмов (Ленинград, ноябрь 1969)
- ★ **Диплом**
Международный фестиваль студенческих фильмов (Белград, Югославия 1970).

«Надежда»

Черно-белый, 8 мм, 30 м. Продолжительность показа 4 мин. Звук отдельный (магнитофон), 1969 год.
Автор сценария – Вячеслав Чистяков
Режиссер – Анатолий Косолапов
Операторы – Сергей Деркач, Анатолий Калущий

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз и диплом**
Первый Всесоюзный фестиваль восьмимиллиметровых фильмов (Ленинград, ноябрь 1969).

«Что ты знаешь о Солнце...»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 265 м. Звук совмещенный, 1969 год
Автор сценария – Борис Цегельницкий
Режиссер – Ефим Гальперин
Операторы – Борис Цегельницкий, Иван Крашкин

Монтаж – Ефим Гальперин
Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Приз и диплом фестиваля. Звание лауреата**
Республиканский фестиваль самодеятельного киноискусства (Киев, март 1969)
- ★ **Диплом фестиваля**
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Москва, май 1969 год)
- ★ **Приз и диплом фестиваля. Звание лауреата**
Международный фестиваль самодеятельного кино (Скопье, Югославия 1970).

«Потомки Артема»

Хроникально-документальный, черно-белый, 16 мм, 115 м.
Продолжительность показа 10 мин. Звук совмещенный, 1970 год
Автор сценария и режиссер – Анатолий Косолапов
Автор дикторского текста – Наталья Фоменкова
Монтаж – Анатолий Косолапов
Звукорежиссер – Николай Олейник.

«Атака»

Экспериментальный, черно-белый, 16 мм, 75 м. Продолжительность показа 7,5 мин. Звук совмещенный, 1970 год
Автор сценария – Вячеслав Чистяков
Режиссер – Анатолий Косолапов
Операторы – Анатолий Калущкий, Олег Морозов.
Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Диплом Первой степени**
Восьмой Республиканском фестиваль любительских фильмов (Киев, 1975).

«Забота»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 297 м. Продолжительность показа 9,5 мин. Звук совмещенный, 1971 год
Автор сценария и режиссер – Ефим Гальперин
Оператор – Борис Цегельницкий
Монтаж – Ефим Гальперин
Автор дикторского текста и песни «Недобрая наша солдатская память» – Семен Бурда
Композитор фильма и исполнитель песни – Борис Котляр.
Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Первая премия. Диплом, звание лауреата**
Республиканский фестиваль самодеятельного киноискусства (Киев, март 1971).

- ★ Приз, Диплом, звание лауреата. Приз Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Москва, май 1971)
- ★ Золотая медаль и диплом ВДНХ
Декада украинского искусства и литературы на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (Москва, май 1971)
- ★ Диплом
Всесоюзный слет победителей походов боевой и трудовой славы (Киев, 1971)
- ★ Приз. Диплом, звание лауреата
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Житомир, 1972).

«Море в двух шагах»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 110 м. Продолжительность показа 9 минут 40 с. Звук совмещенный, 1972 год
 Авторы сценария – Сергей Деркач, Семен Бурда
 Оператор и монтаж – Сергей Деркач
 Автор дикторского текста – Семен Бурда
 Звукорежиссер – Николай Олейник.

«Как объяснить тебе...»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 297 м. Продолжительность показа 9,5 мин. Звук совмещенный, 1972 год
 Автор сценария и режиссер – Анатолий Косолапов
 Операторы – Сергей Деркач, Анатолий Калущкий
 Автор дикторского текста – Семен Бурда
 Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ Диплом Первой степени и звание лауреата
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев, 1972)
- ★ Диплом и приз
Всесоюзный фестиваль самодеятельного киноискусства (Житомир 1972 год)
- ★ Диплом первой степени
Всесоюзный конкурс любительского кино (Москва, 1973).

«День будущий»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 536 м. Продолжительность показа 17 мин. Звук совмещенный, 1975 год
 Автор сценария – Ефим Гальперин
 Режиссер – Сергей Деркач
 Операторы – Сергей Деркач, Анатолий Калущкий, Олег Морозов
 Звукорежиссер – Николай Олейник.

«Один из нас»

Документальный, цветной, 35 мм, 272 м. Продолжительность показа 9 мин.
Звук совмещенный, 1975 год
Автор сценария – Ефим Гальперин (при участии Анатолия Косолапова)
Режиссерская группа – Анатолий Гороховский, Ефим Гальперин, Борис Цегельницкий
Операторы – Анатолий Гороховский, Борис Цегельницкий
Монтаж – Борис Цегельницкий
Дикторский текст – Семен Бурда
Автор песни «Баксанская» – Андрей Грязнов
Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Главный Приз и звание лауреата**
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев, 1975)
- ★ **Диплом Первой степени и Приз ЦК ВЛКСМ**
Всесоюзный конкурс любительских фильмов (Москва, 1975).

«Прислушайся, услышишь вновь...»,

Художественно-документальный, цветной, 35 мм, 2 части, 547 м.
Продолжительность показа 15 мин. Звук совмещенный, 1977 год
Автор сценария и режиссер – Семен Бурда
Операторы – Борис Цегельницкий, Юрий Клименко, Анатолий Калущкий
Ассистент режиссера – Сергей Деркач
Ассистент оператора – Леонид Чернологов
Художники – Ирина Чиркова, Надежда Чанышева.

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Специальный Приз, Диплом Первой степени, звание лауреата, Приз Прессы**
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев, 1977).

«О земле, о любви, о цветке»

Экспериментальный, цветной, 16 мм, 87 м. Продолжительность показа 8,7 мин. Звук совмещенный, 1978 год.
Автор сценария и режиссер – Сергей Деркач
Оператор – Богдан Белосевич.

«Дочери ее и сыновья»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 272 м. Продолжительность показа 9 мин. Звук совмещенный 1980 год.

Автор сценария, дикторского текста и режиссер – Семен Бурда
 Операторы – Анатолий Калуцкий, Сергей Деркач, Александр Савченко
 Звукорежиссер – Николай Олейник

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Диплом первой степени и звание лауреата**
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев, 1980)
- ★ **Диплом первой степени**
Всесоюзный конкурс любительских фильмов (Москва, 1980).

«День из Августа» – 1980

Документальный, цветной, 35 мм, 264 м. Продолжительность показа 8 мин.
 Звук совмещенный, 1980 год
 Автор сценария – Анатолий Калуцкий
 Режиссер – Ирина Михненко
 Оператор – Александр Сало

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Диплом первой степени и звание лауреата**
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев 1980 год)

«Короткое лето»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 94 м. Продолжительность показа 9 мин. Звук совмещенный, 1981 год
 Автор сценария – Вячеслав Чистяков
 Операторы – Анатолий Калуцкий, Владислав Николенко

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ **Диплом первой степени**
Республиканский конкурс любительских фильмов (Киев, 1982).

«На батуте нравится всем»

Спортивный киноочерк, черно-белый, 35 мм, 290 м. Продолжительность показа 9 мин, 1982 год
 Автор сценария и режиссер – Сергей Деркач
 Оператор – Богдан Белосевич
 Монтаж – Сергей Аксенов

«Снимается кино»

Документальный, черно-белый, 16 мм, 84 м. Продолжительность показа 8,7 мин. Звук совмещенный, 1983 год
 Автор сценария – Лидия Погребняк
 Режиссер – Тамара Полякова
 Оператор – Дмитрий Синягин, Александр Поляков.

«Ветераны всегда в строю»

Документальный, черно-белый, 35 мм, 160 м. Продолжительность показа 15 мин.
Звук совмещенный, 1984 год
Автор сценария – Григорий Чумаченко
Режиссер – Ирина Михиенко
Операторы – Александр Сало, Евгений Шульгин.

«Жил-был архитектор»

Мультипликационный, цветной, 16 мм, 74 м. Продолжительность показа 3,5 мин.
Звук совмещенный, 1985 год
Автор сценария – Александр Малиновский
Художник-мультипликатор – Дмитрий Нагаец
Операторы – Юрий Лузан, Павел Перминов

Участие в фестивалях и смотрах:

★ **Диплом Первой степени**

Всесоюзный фестиваль любительских фильмов (Куйбышев, 1986).

«Улицами Таллинна»

Видовой киноочерк, цветной, 16 мм, 60 м. Продолжительность показа 6 мин. Звук совмещенный, 1987 год
Автор сценария – Владимир Коренной
Оператор – Александр Поляков
Монтаж – Валерий Патрикеев.

«Соприкосновение»

Экспериментальный, цветной, 16 мм, 72 м. Продолжительность показа 6,5 мин.
Звук совмещенный, 1989 год
Автор сценария и режиссер – Олег Коротенко
Операторы – Юрий Попов, Владимир Коренной.

«Песнь радости, песнь печали»

Игровой, экспериментальный, черно-белый, 35 мм, 4 части, 1200 м.
Продолжительность показа 40 мин. Звук совмещенный, 1991 год
Автор сценария и режиссер – Олег Коротенко
Оператор – Юрий Попов.

«Горный: ступень к вершине»

Рекламный, цветной 16 мм, 20 м. Продолжительность показа 2 мин. Звук совмещенный, 1992 год
Автор сценария – Наталья Руссу
Операторы – Анатолий Калущкий, Дмитрий Шакович
Монтаж – Александр Мусинов.

«Горной науки плоды»

Хроникально-документальный видеофильм, цветной, формат VHS.
Продолжительность показа 7,5 мин. 1993 год
Автор сценария и дикторского текста – Ольга Бондаренко
Оператор – Андрей Колоколов
Монтаж – Дмитрий Шакович.

«3 глубин земних до вершин небесних»

Научно-познавательный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 7 мин. 1994 год
Автор сценария и дикторского текста – Надежда Черевко
Оператор – Александр Мусинов
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Керол Брандт пропонує руку допомоги»

Видеосюжет, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 12 мин, 1995 год
Автор сценария – Анатолий Калущкий
Операторы – Владимир Коренной, Виталий Буштрюк
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Приходите: здесь вам рады»

Рекламный видеофильм, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 6 мин. 1996 год
Автор сценария и дикторского текста – Людмила Брега
Оператор – Владимир Коренной
Монтаж – Андрей Ботов.

«Настоящие мужчины мечтают стать военными»

Видеосюжет, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 22 мин. 1997 год
Автор сценария и дикторского текста – Людмила Брега
Операторы – Андрей Ботов, Александр Мусинов
Монтаж – Дмитрий Шакович.

«Инженер должен уметь все»

Рекламный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 13 мин. 1998 год
Автор сценария и дикторского текста – Надежда Черевко
Операторы – Владимир Коренной, Андрей Колоколов
Монтаж – Андрей Ботов.

«Лощмани порогів Дніпрових»

Документальный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 20 мин.
1999 год
Автор сценария и режиссер – Галина Пивняк
Операторы – Владимир Коренной, Андрей Колоколов
Монтаж – Андрей Ботов.

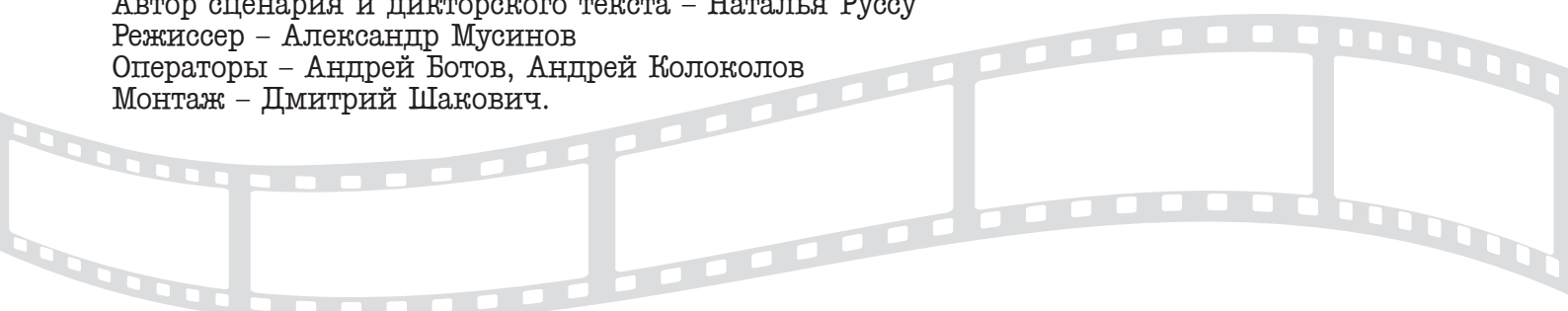
«Талант і доля Геннадія Півняка»

Фильм-биография, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 28 мин. 2000 год
Автор сценария и дикторского текста – Наталья Руссу
Режиссер – Александр Мусинов
Оператор – Анатолий Калуцкий
Монтаж – Андрей Ботов.

«Відома в Україні, визнана в світі»

Рекламный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 6,5 мин. 2000 год
Автор сценария и дикторского текста – Наталья Руссу
Режиссер – Александр Мусинов
Операторы – Андрей Ботов, Андрей Колоколов
Монтаж – Дмитрий Шакович.

«На грани взрыва»

Научно-познавательный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 4,5 мин.
2001 год
Режиссер – Александр Мусинов
Операторы – Владимир Коренной, Дмитрий Шакович
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Виват, академия!»

Рекламный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 11 мин.
2002 год
Автор сценария и дикторского текста – Надежда Черевко
Операторы – Владимир Коренной, Виталий Буштрюк
Монтаж – Андрей Ботов.

«Наука не знає кордонів»

Рекламный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 8,5 мин.
2003 год
Автор дикторского текста – Кристина Трубачева
Операторы – Анатолий Калущкий, Виталий Буштрюк
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Пізнаємо світ, світ пізнає нас»

Документальный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 25 мин.
2004 год
Автор сценария – Геннадий Пивняк
Режиссура – Галина Тимонюк
Оператор – Александр Мусинов
Монтаж – Андрей Ботов.

«Дорогою майбутнього»

Познавательный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 8,5 мин.
2004 год
Автор сценария – Людмила Брега
Режиссер – Анатолий Калущкий
Операторы – Андрей Ботов, Виталик Буштрюк, Владимир Коренной
Монтаж – Андрей Колоколов, Дмитрий Шакович.

«Квітни, юність гірничча!»

Рекламный, цветной, формат VHS. Продолжительность показа 5 мин. 2004 год
Автор сценария и режиссер – Валентина Шабета
Оператор – Владимир Коренной
Монтаж – Светлана Ткаченко, Анна Калущкая.

«Динамика горной науки»

Видеоотчет, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 9,5 мин. 2005 год
Автор дикторского текста – Ирина Соболев
Оператор – Андрей Ботов
Монтаж – Владимир Коренной.

«Среди сосен дышится легко»

Рекламный видеофильм, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 6 мин. 2005 год
Автор сценария и режиссер – Надежда Черевко
Операторы – Андрей Ботов, Александр Мусинов
Монтаж – Дмитрий Шакович.

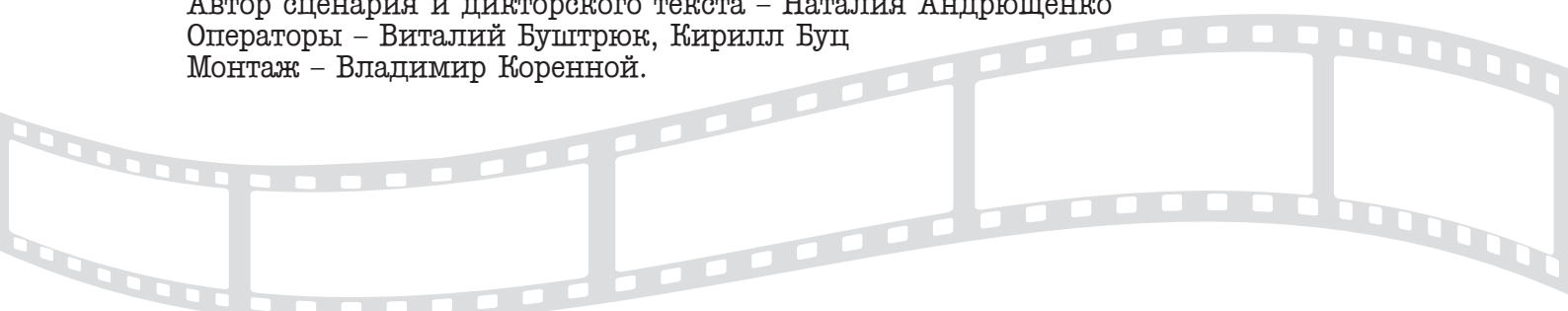
«Братство»

Документальный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 13 мин. 2006 год
Автор сценария – Геннадий Пивняк
Режиссер – Галина Тимонюк
Оператор – Александр Мусинов
Монтаж – Андрей Ботов.

«Крик люблячого серця»

Киноочерк, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 11 мин. 2007 год
Автор сценария и дикторского текста – Наталия Андрущенко
Операторы – Виталий Буштрюк, Кирилл Буц
Монтаж – Владимир Коренной.

«Свічечка любові»

Документальный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 14 мин. 2008 год
 Автор сценария – Кристина Трубачева
 Режиссер – Юлия Роскокоха
 Операторы – Владимир Ватулев, Кирилл Буц
 Монтаж – Владимир Коренной.

«Нам судьба подарила тебя»

Рекламный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 8,5 мин. 2009 год
 Автор сценария и дикторского текста – Марина Пашкевич
 Режиссер – Вика Какубава
 Операторы – Владимир Коренной, Кирилл Буц, Вадим Ходак
 Монтаж – Светлана Ткаченко, Анна Калущкая.

«Вимір Часу»

Художественно-документальный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 38 мин. 2009 год
 Автор сценария и режиссер – Наталия Андриющенко
 Операторы – Анатолий Калущкий, Андрей Фролов
 Монтаж – Владимир Коренной.

«Газетним рядком про гірничий»

Информационно-познавательный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 15 мин. 2010 год
 Автор сценария и дикторского текста – Ирина Соболев
 Операторы – Андрей Фролов, Владимир Коренной
 Монтаж – Анна Калущкая

Участие в фестивалях и смотрах:

Диплом участника

5-й Всеукраинский фестиваль экранных искусств «ДНІПРО-СІНЕМА».

«Мой путь»

Биографический очерк, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 6 мин. 2010 год
 Автор сценария и режиссер – Наталия Андриющенко
 Операторы – Владимир Коренной, Артем Гусак
 Монтаж – Анна Калущкая, Светлана Ткаченко.

«Горной науке посвященные»

Рекламный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 7 мин. 2010 год
Автор сценария – Валентина Шабетя
Операторы – Владимир Коренной, Станислав Мардаровский
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Будинок над Дніпром»

Документальный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 45 мин. 2010 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Операторы – Владимир Коренной, Станислав Мардаровский
Монтаж – Светлана Ткаченко

Участие в фестивалях и смотрах:

★ **Диплом участника**

5-й Всеукраинский фестиваль «ДНІПРО-СІНЕМА».

«Слово – це любов»

Художественно-документальный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 27 мин. 2010 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Оператор – Владимир Коренной
Монтаж – Анна Калущкая.

«НГУ – Донбасс угольний»

Информационный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 34 мин. 2010 год
Автор сценария – Ирина Соболев
Оператор – Владимир Коренной
Монтаж – Анна Калущкая.

«Простори гірничої дружби»

Информационный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 9,5 мин. 2010 год
Автор сценария – Ирина Соболев
Операторы – Владимир Коренной, Станислав Мардаровский
Монтаж – Светлана Ткаченко.

«Крок до мети»

Учебно-познавательный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 15 мин. 2011 год
Автор сценарий – Ирина Соболев
Операторы – Владимир Коренной, Станислав Мардаровский
Монтаж – Анна Калущая.

«Детские мечты»

Документальный очерк, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 13 мин. 2011 год
Авторы сценария и дикторского текста – Ирина Соболев, Ольга Юдина
Оператор – Станислав Мардаровский
Монтаж – Анна Калущая, Светлана Ткаченко.

«У ногу з часом»

Информационный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 25 мин. 2011 год
Автор сценария – Сергей Фурса
Режиссер – Ирина Соболев
Операторы – Владимир Коренной, Андрей Огийченко
Монтаж – Сергей Подрез, Анна Калущая.

«Науки юношей питають»

Научно-популярный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 10 мин. 2011 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Операторы – Владимир Коренной, Артем Гусак
Монтаж – Светлана Ткаченко, Анна Калущая.

«Долі, пов'язані історією»

Информационно-исторический, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 21 мин. 2012 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Операторы – Владимир Коренной, Артем Гусак
Монтаж – Анна Калущая, Светлана Ткаченко.

«Мое життя – гірничий»

Фильм-биография, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 30 мин.
2012 год
Автор сценария – Елена Сотникова
Режиссер – Наталья Лесневская
Операторы – Владимир Коренной, Станислав Мардаровский
Монтаж – Анна Калущкая, Сергей Подрез, Марина Пашкевич.

«Душа поет»

Видеоинформационный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 43 мин. 2012 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Операторы – Владимир Коренной, Сергей Подрез
Монтаж – Анна Калущкая.

«Мовою німецьких класиків»

Информационный, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 5,5 мин.
2012 год
Автор сценария – Наталия Андрищенко
Оператор – Евгений Цип
Монтаж – Владимир Коренной.

«Непогасна зоря»

Художественный очерк, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 7,5 мин. 2012 год
Автор сценария – Лика Мушкудиани
Операторы – Стас Мардаровский, Евгений Цип
Монтаж – Сергей Подрез.

«Выпускной бал»

Видеосюжет, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 6 мин. 2012 год
Автор сценария и дикторского текста – Дарина Бутко
Операторы – Станислав Мардаровский, Владимир Коренной
Монтаж – Сергей Подрез

Участие в фестивалях и смотрах:

- ★ Специальный диплом за популяризацию лучших университетских традиций способами экранных искусств
8-й Международный фестиваль экранных искусств «ДНІПРО-CINEMA»
им. Данила Сахненко.

«Вічність у сьогодні»

Художественно-публицистический, цветной, формат DVD. Продолжительность показа 17,5 мин. 2013 год

Руководитель проекта – Галина Тимолюк

Автор сценария и дикторского текста – Наталия Андриющенко

Операторы – Станислав Мардаровский, Владимир Коренной

Художник – Анна Калущая

Монтаж – Сергей Подрез.

Дикторский текст к фильму

«ГАЛКА-ПРОФЕССОР»

Автор – Ефим Гальперин

Стихи – Алексей Мартыновский

Титр:

«В Амур-Нижнеднепровском районе г. Днепропетровска в период оккупации, с сентября 1941 по декабрь 1942 года, работало антифашистское подполье, созданное по заданию партии.

Действия организации наносили большой урон фашистским оккупантам.

В декабре 1942 года члены организации были схвачены фашистами.

Одним из активных участников подполья была школьница Галина Андрусенко.»

«... В школе ее называли профессором. Очень Галка была до знаний жадная... Так и звали – Галка-профессор...»

(из воспоминаний одноклассника)

«... Ее расстреляли на рассвете...»

(надпись на памятнике)

Заглавный титр фильма «ГАЛКА-ПРОФЕССОР»

Скрипнула дверь, и грубый голос бросил в темноту камеры: «Андрусенко». Эхо понеслось по темному коридору. «Андрусенко». Ударилось снова в сумрак камеры – Выходи!

Значит все. Прощайся с друзьями и иди по коридору.

Длинный, очень длинный коридор. Сзади идет человек, совсем чужой – враг, и насвистывает: «Вер ди зольдатен марширен, ди медхен шпацирен».

Вот и пришел твой час, Галка. Ты ведь знала, что предстоит. Помнишь, ты подумала об этом тогда, когда ребята принесли тебе пишущую машинку. Ты залила больше масла в снарядную гильзу, протерла литеры на машинке и зарядила первые четыре листа под копирку..

А потом остановилась. Села за стол и задумалась. Перед тобой белые листы. Перед тобой – твое оружие. Ты ведь знала, что враг не оставит тебе жизнь, потому что каждый лист – это смерть. Так что же?

Вспоминай повешенных на улицах твоего города, вспоминай топот толпы военнопленных, что ведут мимо твоего дома, в концлагерь, на смерть.

Вспоминай глаза, сухие глаза матерей, сухие, потому что уже все слезы выплаканы.

Вспомнила? Тогда иначе нельзя. Галка-профессор, выбей большую букву «Т». С этой буквы начинается слово «Товарищи», а со слова «Товарищ» начинается борьба. Бей, Галка, бей. Зови: «Рідні мої Земляки. Ворог на нашій землі...».

Вкладывай, Галка, силу в каждое слово. И всаживай, как в обойму, слова в строку: «Смерть фашистським загарбникам!».

Ты знаешь, Галка, возле окон
Стучат фашистов сапоги.
Идет к востоку враг жестокий.
Есть путь борьбы и нет других.

Стучи машинка пулеметом,
Патронной лентой стань строка.
Твой, Галка, нужен клич народу:
«Громите лютого врага».

Пусть станут крепостью руины,
Пусть станет дзотом каждый дом,
Пусть станет наша Украина
Врагов сжигающим костром.

А по улице мимо тебя, мимо твоей машинки, мимо дома твоего, грохочут днем и ночью кованые сапоги и насвистывается надоедливый мотив: «Вер ди зольдате марширен...».

Двоится огонек свечи, пальцы дрожат от усталости. Но утром придут ребята за листовками, и забыт сон, забыта смерть.

Но она придет и скажет пропитым голосом: «Відчиняй! Поліція!».

... А коридор длинный, очень длинный коридор. Ты помнишь это, как в кино, до войны, в кинотеатре «Большевик» показывали арест подпольщицы, но это было в кино. История.

А теперь ты молчишь. Пока идет обыск в доме, ты молчишь. Ты думаешь, глядя на спину полицейского, неторопливо роящегося в книгах:

– Как может он? Человек, родившийся в моей стране, человек, говорящий на моем языке, над его колыбелью пелись те же песни... Как же это? Неужто страх смерти страшнее страха предательства?

А потом он поднялся, вскинул небрежно винтовку на плечо, шагнул к двери и страшно просто рывкнул: «Пішли. Досить. Нагулялась!», и распахнул дверь в гудящую декабрьскую ночь.

А коридору нет конца. Очень длинный коридор. Очень темный. «Вер ди зольдате марширен...».

... Следователь сначала был вежлив. Он предложил сесть, пододвинул коробку конфет – Битте, фройляйн.

А потом бил этими руками по лицу. Глушил резиновым шлангом. Били, били... Ты держалась. Это только в книжках хранят гордое молчание. А в жизни кричат страшно. И ты стонала, и все хотела потерять сознание, чтобы не чувствовать эту адскую боль. Но сознание было крепким. Оно не терялось. И вопрос был прямой «Кто?». И губы шептали: «Я, только я, никто другой, отпустите остальных. Только я, все начала я».

Галка-профессор, ты не можешь иначе. Ты зачеркиваешь свою жизнь, чтобы жили другие. Но ведь эти звери все знают. Есть на свете черные души...

А коридор кончается... Вот ступеньки. По ним надо подняться последний раз. Помнишь, как ты пролетала в школе такие же ступеньки и влетала в класс: «Ребята, а я задачу решила!».

А теперь так трудно подниматься, когда болит избитое тело и сзади свистит конвоир: «Вер ди зольдате марширен, дас медхен шпацирен».

Какой надоедливый мотив... Пойми, ты, солдат, скоро твои «медхен» будут плакать, потому что ты когда-то начал маршировать!

" В Амур-Нижнеднепровском районе г. Днепротроивка в период оккупации, с сентября 1941 по декабрь 1942 года, работало антифашистское подполье, созданное по заданию партии.

Деятельная организация нанесла большой урон фашистским оккупантам.

В декабре 1942 года члены организации были схвачены фашистами ...

Одним из активных участников подполья была школьница

ГАЛИНА АНДРУСЕНКО . "

"... В школе ее называли профессором Галка была до знания жадная"

(из воспоминаний однокурсника)

"... Ее расстреляли на рассвете.... (надпись на памятнике)

Над планетой начинаются рассветы.

Скряпнула открывающаяся дверь, и грубая голова в темноту камеры: " Андрусенко" .Охо принесла темному коридору: " Андрусенко" . Ударилось в оурик камеры: " Выходи Значит все.Прощай Дуэнья . И иди по коридору.

Та знаешь , Галка, возле окон Стучат фашистов сапоги. Идет к востоку враг жестокая. Вот путь борьбы и нет других .

Стучи машинка пулеметом, Патроны ленты остань отрока. Тяла, Галка, нужен ключ народу: "Трещите летога врага!" Пусть станут крепостью руины, Пусть станет дотом каждая дом, Пусть станет наша Украина, Врагов скигающих,коотром.

А по улице мимо тебя, мимо твоей машинки, мимо дома твоего, грохочет днем и ночью кованые сапоги и насчитывается надоедливый мотав : " Вэр золыдате марширен...." Двоятся сапоги, пальцы дрожат от усталости. Но утром придут ребята за листовками, и забьт оон, забьт о смерти . Но она придет и скажет приятным голосом: "Відчина! Поліція! . "

А коридор длинный, очень длинный коридор. Ты помнишь это, как в кино. До войны в кинотеатре "Большевик" показывали арест подпольщца, но это в кино. История. А теперь ты молчишь . Пока идет обмок в доме,

длинна, очень длинна коридор. Сзади человек , совсем чужой - враг и неизвестный солдат марширен, мит даж меджен шпацирен! Вот и пришел твой час, Галка. Ты ведь предостяг . Помнишь, ты подумала об этом : ребята принесли тебе пистолет машинку. Ты зашла в омаридную гильзу, потеряла литеры и закричала первые четыре листа под копирку.. остановилась, Сега за отял и задумалась, Ид листа, Перед тобой твоё оружие. Ты ведь зна не оставит тебе жизнь , потому что каждый Так что же?... Вопомнига повешенных на уличт герода, вопомнига топят тилпы вонючопленн мимо теоя, мимо твоего дома, в концлагеря и Вопомнига глаза, сухие глаза матерей, сухие, + потому+ что уже все олезы выплагани..

Вопомнига? Тогда иначе нользы. Галка-профессор, забьт большую букву "т". В этой букви начинается слово "Товарищи". А об олова " Товарищи" начинается борьба. Стучи , как пулемет ,Галкина машинка.Вэа, Галка, бэа! Явля" Рідні мої Земляки.Ворог на нашу землі "

и, Галка, силу в каждое слово. Словная, как в ооому, олова в отруду: ты загарбиникам ."

ты молчишь . Ты думаешь , гляди в оспину полицейского, не-торопливо рождетом в книгах. Как может он? Человек, родившийся в моей стране, человек,говорящий на моем языке, над его колыбелью пелась те же песни. Как же это? Неужто страх смерти страшнее страха предательства? ". А потом он подтянул, вонючка небрежно выткнул на плечо, шагнул к двери и страшно просто рывнул " Пшла , дооить, нагулялася!" Рапоахнула дверь в гудую декабрьскую ночь.

А коридору нет конца. Очень длинна коридор. Очень темна . " Вэр золыдате марширен...."

Следователь сначала был велик. Он предлоил поддвинуть рукой коробку конфет. " Битте фройнд! И потом бил отими руками по лицу. Глауши ревант ванган. Вила , била , она держалась. Это тель книжках хранил гордое молчание. А в жизни кри страшно. И она отонала,и все Хотела потерпеть : чтобы не чувствовать эту алокую боль. Но озын было крепким. Кто не терпелось . И вопрос был пр "Кто?" И губи шептали : " Я , только я, никто . отпустите остальных . Только я, все начала и " Галка - профессор, ты не хочешь иначе. Ты заче овою жизнь, чтобы жила друзья. Но ведь эти звер знает.Вот на свете чернее Души...

А коридор кончатся. Вот ступеньки. Но ни подтянуть последний раз.

Помнишь, как ты пролетала в школе ступеньки и влетала в класс. " Грохота , а и "

А теперь так трудно поднимать, избьтое тело и озын озиотит конюду: " Вэр маршири , дво меджен шпацирен" Каким над Пойми, ты, оиддуй , окуро твои" меджен " буду потому + что ты когда-то начал маршировать.

А рассвет встает над землей. Се блещит снег. Галка, теб: италкивает в мавку ВОПОМНИТЕ , СРАВНИТЕСЬ! Галка- профессор, бить,отыла + би врагом, ты была би хороши может быть,отыла би учителем, ты была би ходо Ты, может быть... Главное ты - человек , ГА

А машинка не останавливается.. Клет Потом отог: " выходи" тыла вляла"ди". Болит тело, хлаоши, под бооми ногами тает снег . Галка, это твоа последна рассвет! Ты и последние шаги по земле. Сжирнишь , деуки милого Галому.

С каждым рывком бьтает темная пать озрива,готовячи теби пелгитить, а озын скривит оапыи коняси.

Вонючка. Рассвет, негть поднимает снег, плещет снежные цепи бросает ковыи онега в пиза под каошиа, овиотит в стьлах автомата.Ветер обретет за теоя и, чувствуй дине останавливать ему шаг смерти, гудит он пришлоно у теоя в уаг,Галка. А жить хочется.Зедь еще не любила ты, не встречала ты верную настоящую весну. и вт края оарна нет!

Не огинишь. Ты точно знаешь, что за ошине серий отрой.

Они в омытеньи - Ты шагашь , как-будто крылья за оспиноа,

Им кажется , что ты, как птица. Сейчас взлеташь в небое проттор. в-небее-проттор

Они команди не дождавшихся, начнут отстрелять почти в упор.

В грохоте выстрелов затихнет ветер и последним шелестом девичьих губ принесетоя " Ухожу "

и памятник "Галина Илларионовна Андрусенко Член ВЛКСМ Год рождения 1924 Год бооомертия 1943г."

А рассвет встает над землей. Серееет небо, белеет снег. Галка, тебя вталкивают в машину!

ПОДОЖДИТЕ, ОСТАНОВИТЕСЬ!

Галка-профессор, ты, может быть, стала бы врачом... Ты была бы хорошим врачом. Ты, может быть, стала учителем. Ты была бы хорошим учителем... Ты, может быть,... Главное, ты – Человек, Галка!

А машина не останавливается. Едет она по рассвету. Потом стоп.
– Выходь. Иди!

Болит тело. Холодно. Под босыми ногами тает снег. Галка, это твой последний рассвет. Твои последние шаги по земле. Выпрямись, держи высоко голову!

С каждым шагом все ближе темная пасть обрыва, готового тебя поглотить, а сзади скрипят сапоги конвоя.

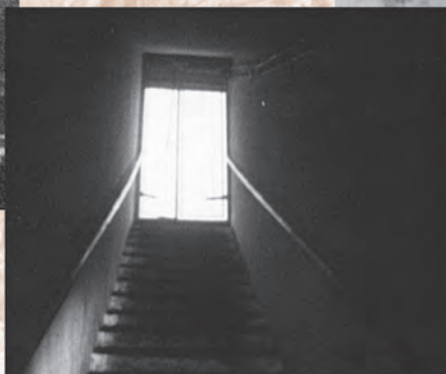
Конвой. Рассвет. Ветер поднимает снег, плетет снежные цепи, бросает комья снега в глаза под касками, свистит в стволах автоматов. Ветер борется за тебя, Галка, и, чувствуя, что не остановить ему шаг смерти, гудит прощально у тебя в ушах...

А жить хочется. Ведь еще не любила ты, не встречала ты первую настоящую весну. И вот край обрыва. Нет!

Не оглянись –
Ты точно знаешь,
Что за тобою серый, вражий строй.
Они в смятенье –
Ты шагаешь, как будто крылья за спиной,
Им кажется, что ты, поднявшись,
Сейчас взлетишь в небес простор,
Они, команды не дождавшись,
Начнут стрелять почти в упор.

В грохоте выстрелов затихнет ветер и последним шелестом девичьих губ пронесется: «Ухожу». И будет памятник. Диктор читает текст на стеле:

Галина Илларионовна Андрусенко
Член ВЛКСМ
Год рождения 1924
Год бессмертия 1943

Монтажный лист фильма

«МЫ – ГЕОДЕЗИСТЫ»

Авторы: Анатолий Калущкий, Сергей Деркач, Анатолий Пашан

Автор дикторского текста – Тая Зорина

Автор песни – Семен Бурда

Аккомпанемент – Анатолий Пасынков

ЭКЗАМЕН В АУДИТОРИИ ДГИ

Среди первокурсников ходят слухи, что Ростислав Яковлевич Самарский – страшный человек. Но вы не верьте слухам. Если он и гонит ребят с зачетов, так это для чарующего страха. Без чары не может быть любви. А на кафедре геодезии есть такой негласный закон: «Каждый студент должен полюбить ГЕОДЕЗИЮ».

СТУДЕНТ ПОЛУЧАЕТ ЗАЧЕТ

Вот оно тихое студенческое счастье.

ПОСАДКА СТУДЕНТОВ НА КАТЕР

Пусть у зрителя не будет иллюзий относительно наших торжественных лиц. Если мы и собираемся путешествовать, то явно не вокруг света.

КАТЕР ОТХОДИТ

Но мы едем... Едем на первую практику!

ЗАГЛАВНЫЙ ТИТР ФИЛЬМА «МЫ – ГЕОДЕЗИСТЫ»

НА КАТЕРЕ

Форма спецодежды определена давно. Реквизиты необходимости наличия: гитары (хотя бы одной), сомбреро (типа «брыль»), домино или других интеллектуальных игр.

ДЕВУШКА С РЕЙКОЙ НА ПОЛИГОНЕ

Первые шаги на учебном полигоне.

СТАВЯТ ПАЛАТКУ СТУДЕНТЫ И ОПЕРАТОР

Здесь нам предстоит провести тридцать великолепных дней! Это будут дни практики, строительства, отдыха и ... киносъемок.

ОЧЕРЕДЬ В СТОЛОВУЮ

Сценария нет. Снимаем «поток жизни». Все без прикрас. Все мы актеры.

СТУДЕНТЫ ИДУТ НА ПОЛИГОН

Однако главное – это учеба. Вопрос особый. И об этом нужно говорить серьезно.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СО СТУДЕНТАМИ

Сколько раз мы слышали на лекциях: азимут, румб, дирекционный угол, превышения и поправки... На практике все проще и интересней.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Мы приступаем к съемкам.

РАБОТА НА ПОЛИГОНЕ

Съемкой называется совокупность действий на местности, производимых для получения плана или топографической карты. Это постулат, сухое книжное определение. Выверяем свои действия по книжным постулатам. И дело движется!

РАБОТА С ТЕОДОЛИТОМ

Теодолит. Два века назад был изобретен этот прибор. И не устарел! И сегодня без измерений горизонтальных углов и расстояний можно... растеряться на местности.

НИВЕЛИРОВАНИЕ

Нивелир – еще более древний инструмент. Уже в 17 веке он помогал людям ощущать «высоту своего положения». Все начиналось с «нуля».

СТРОИТЕЛЬСТВО НАБЕРЕЖНОЙ В ЛАГЕРЕ

Теперь здесь абрис сильно изменится. Здесь будет наша студенческая «Набережная туманов».

СТРОИТЕЛЬСТВО КОРПУСА

Нужно, чтобы из года в год на наших картах менялась ситуация. Этого требует жизнь, а мы привыкли шагать в ногу с жизнью.

МЕНЗУЛЬНАЯ СЪЕМКА

Аэрофотосъемка программой не предусмотрена. Поэтому на память институту мы оставим наши планы мензульной съемки.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК

Вероятность ошибок сведена до минимума! Но нужно сделать все возможное, чтобы ошибки не накапливались.

ОБЕД

Бендер был не прав – еда это культ, во всяком случае, какой же это поток жизни без еды?... Вот так.

НА КУХНЕ

Так каждый день. И прошел через это каждый – хотел он этого или нет.

КАМЕРАЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Все по жесткому графику. Мы измеряем, фиксируем, вычисляем, вычерчиваем, ошибаемся...

СПОРТИВНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ГРЕБЛЕ

И только здесь все точно. Секундомеры никогда не ошибаются. В который раз победила дружба. А в общем это называется: «Закаляем волю, закаляем здоровье»! Оно нам пригодится.

ЗАЧЕТ

Зачеты. Так называемые психологические опыты. Вопросы существуют для того, чтобы на них отвечать. Я волнуюсь вдвойне. Мне нужно отдать на ваш суд этот фильм и ... получить зачет по практике. Если все закончится благополучно...

ОПЕРАТОР ПОЛУЧАЕТ ЗАЧЕТ

С зачетом, кажется, все в порядке!!!

ЗВУЧИТ ПЕСНЯ

ФОТОГРАФИИ И ХРОНИКА ЖИЗНИ В ЛАГЕРЕ.
ВЕЧЕР. КОСТЕР. РЕВЯТА ИГРАЮТ НА ГИТАРЕ

В прожитом здесь отрезке жизни,
Под солнцем гомон, суета
И ночью птицею капризной,
Нас за собой звала мечта.

Нам звезды вежами мерцали.
Преподаватель нас простит –
Кратчайший путь между сердцами
Нам измерял теодолит.

В нас юность вечно будет длиться
И не порвать нам нить времен.
И вспыхнет в памяти зарницей
Залитый солнцем полигон.

«Все впереди у вас дороги» –
Нам шепчет ветер озорной.
Уходим бронзовые боги,
Мы возвращаемся домой.

ФОТОГРАФИЯ АВТОРСКОЙ ГРУППЫ ФИЛЬМА.
ПОЯВЛЯЕТСЯ ФИНАЛЬНАЯ НАДПИСЬ:

«До свидания».

Дикторский текст к фильму "Мы-геологички"

Подготовка к экзамену.
Студенты.
Преподаватель.

Нам фильм должен очаровать всех-геологичек и негеологичек.
Почему должен? Потому что так было задумано с самого начала.
Очарование... Почему такое слово на экзамене? Потому что без чар не может быть любви. А на кафедре геологии есть такой негласный закон: все студенты должны полюбить **ГЕОЛОГИЮ**.

В зачетке "отлично"

Работа отправляется на практику.
Поездка на теплоход.

Титр:

Над палубе теплохода.

Выгуляв на берегу Петляка.

Разбивка палаток. Выживание в лагере.

Орда первокурсников ходит слухи, что Ростомов Яковлевич Самарский - страшный человек. Но мы не верим ему: судим! Если он и грозит работ в зачет по два-три раза, так это опыта-дела для чужацкого студента. Потому как два года знают, что без отрыва-близка не охвата и удачи-не удачи.
И вот оно, такое студентическое счастье!

Пусть у зрителя не будет никакой относительности наших творческих лиц. Если мы и собираемся путешествовать, то лишь по округе отца.
Но... Мы едем! Едем на первую студентическую практику!

"Мы - ГЕОЛОГИЧКИ"

..Мы - геологички. Форма одежды утверждена давно.

Результаты тоже. Безосторожно рассмотрена и утверждена необходимость пальчаток:

- 1. о сменере типа "бурка"
- 2. геттеры, тот бы охотил!
- 3. домино /или другие интеллектуальные игры/
- 4. геологическое оборудование без которого практика производится не может.

Нам предстоит провести здесь, на учебном: тридцать возможных дней! Это будут дни откровенности, отдачи и...любовности.

Линия на линейке.

Исправление ошибок. Повторяю замер. Крушно: записи в журнале.

Область в столовой, с большим воздушным отдалением отдаленное впечатление.

Снять один из видов сьемки на полигоне. Запись в журнале. Камеральные работы.

Соревнования на лыжах.

Прыжки в воду.

Работа толкает ступеньку

Студенты сидят зачет

Под песню на склоне проходит кадры на лагерной жизни (на полигоне, в столовой

со всеми подробностями. Прочитав, листочек, выходящая работа в меритовость ошибок оведена до минимума.

Погода великолепная. . . Ну, а если дождь репит нам почитать, мы укроем планшет под зонтом. Конечно, что измерения сопровождаются неизбежными случайными ошибками.

И нужно сделать все возможное, чтобы ошибки не накапливались.
Вот так.
Бонус был исправлен. Еда - это культ.

Так каждый день.
Мы измеряем.
Фиксируем;
вычисляем, вычеркиваем, ошибаемся. . .

И только здесь все точно. Секундомеры никогда не ошибаются.
Как всегда, победил. . . другие.

А все это называется: "Бакалом поле, закалием злорозье".

"Талкин ступеньку, - говорит Николай Саввич - толкает зачет" ступеньку толкнул. . .

...Зачеты, так называемые, поинформационные снты. Я возмущен изобретением. Я должен отнять на Ваш суд этот фильм и получить зачет по практике... С зачетом, планшет, всё в порядке.

ИЮНИ:
"В прошлом здесь отрезки жизни,
Под солнцем гоним, света,
Ночью кипит капризной
Нам иногда звала мечта.

Крушно плавать! Отверд в оттолову. Обед.

Политон: "Работнич в линейках.
Ребята определяют телом на полигоне. Подготовка задания. Колесики, рейки. Мерные ленты. Дистансмены в трубки. Геологичкина одемка.

Измерения. Красная дужка с рейкой.

Измеряет. Работа с прибором.

Работа с мензулой.

Откровенность измерений на полигоне ЛУ!

Ползает. Бегомкрутит.

Сценария нет! Снимаем поток жизни. Все без прикрас все мы-актеры.

Однако Главное - это учеба. Это вопрос особый, и об этом нужно говорить серьезно. Сколько раз мы слышали на лекциях: азимут, дирекционный угол, прогибание, заложение, поправки... На практике все просто и интересно!

Мы присутствуем к одемкам.
Одемкой называется: Состоятельность деловая на местности, производных и для получения плана или топографической карты. Это инструмент, которое кинематическое. Но мы измеряем одемку деловую по кинематическим. И как не отрывом - дело деловое.

...Теодезит. Два века назад был изобретен этот прибор. И не угасал! И сегодня без измерений горизонтальных углов и расстояний можно... разотреться на местности.

Школяр - еще более древний инструмент. Уже в 17 веке он помог людям осознать высоту своего положения. ...Лодки, лодки, лодки... - все это устойчивые элементы рельефа, которые позволяют картам легче не отрываться. Хотя...

Это справедливо до тех пор, пока студенты не научатся смотреть на природу.

Теперь здесь акрило сильно изменилось. Здесь будет наша студентическая "НАБЕРЕЖНАЯ ТРАКТОРА".

Нужно, чтобы на наших картах не было ситуаций, которые требуют знания, а мы привыкли читать в книгу о жизни.

Агрогеология программы практики не предусмотрена. Поэтому на память институту мы оставим вам наши планы мезулажной одемки.

на ре-

иски-

Нам звезды веками мерцали
Превозмощней нас пролетит
Крайнейший путь между одами
Нам измерил теологич

В нас вконец можно будет длиться
И не повянет нам нить времени
И возмужает в памяти записной
Зачетный одемкой полигон

"Все вперед и Вас дороги" -
Нам нечеток ветер озорной,
Уходим бронзовые одемки,
Мы возвращаемся домой.

Литературный сценарий фильма «ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О СОЛНЦЕ...»

Автор – Борис Цегельницкий

Светает. В сером предрассветном воздухе чернеют терриконы.

Туманом стелется тишина над рекой, склоняет к воде ивы, скрадывает неяркий уже свет ночных звезд и звезд на копрах. Кажется, нет конца этому неначинающемуся рассвету. Часто и глухо дышит вентилятор шахты.

И тишина... с робкими тактами мелодии: «Спят курганы темные...» Тусклые, все в той же дымке неначинающегося рассвета дома шахтерского поселка еще дымятся самыми сладкими предутренними снами...

Шахтерские «коногонки» в полном ряду на подзарядке ждут первую смену...

Ждущие и никак не дождущиеся солнца, покачиваются подсолнухи. И круги на воде...

Замерла капель мелодии, скованная деловитым будильником:

– Вань, слышь, Ваня, в первую тебе. Вставай! (Эх, «соснуть» еще часа два...).

А на первый завтрак все в том же стакане со щербинкой молоко и та же яичница. А на второй завтрак «тормозок» в шахту и как всегда:

– Э – э, «тормозок» опять маловат...

Шахта. Уже получили наряд на смену. И тоже, как всегда, ни много ни мало. Сменил легкие сандалии на резиновые сапоги. Натянул робу, забрал с зарядки свою лампу. Вышел в серое утро. Звено уже расселось на бревнах у «подъема» и заядлые болельщики «Шахтера» успели по поводу последнего матча перемыть косточки всему основному составу и дошли до дубля...

– Ну, ладно, поболтали и будя. Пошли работать.

Отзвонила «рукоятница». Задвинулась предохранительная решетка перед клетью. Закрутились шкивы на копре. Ушла вниз клеть. Мелькают этажи отработанных горизонтов. Шуршание проводников. Глухие удары на стыках. Стоп. Приехали. Теперь уже здесь – под землей. Здесь – это на глубине 700 метров. Здесь, где сейчас кончает работу четвертая смена, здесь, где единственный свет – твоя шахтерская лампочка – «коногонка».

Уже люковой 4-й смены загрузил последнюю вагонетку. Черкнул мелом 4 – 97 и подвел черту: «Шабаш, четвертая!». И замурлыкал только ему понятную песенку...

Замигали в штреке огоньки. Первая смена на подходе. Разговорчики, шаги, гулко отдающиеся в штреке.

Николай только из отпуска, с моря:

– Удивляюсь Одессе. Стоит на море, а бычки дороже, чем у нас... Хлопцы, первая пришла!

Смену, как всегда, принимают и сдают на месте.

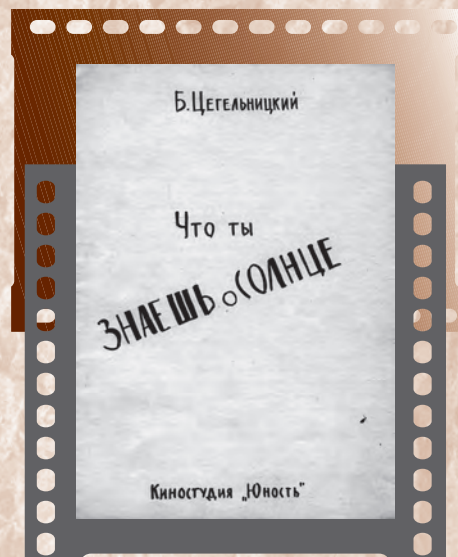
– Что-то кнопка заедает, но не беда, а вот за домкратом присматривай...

– Ну, ты идешь?

– ... Там я зубки заменил. Так мы не успели, то вы нишу дорубаете. И закрепите...

– ... И слесаря пошлете, а то шось шестьдесят третий на выключении барахлит...

«Смена сдана – смена принята» – этого не говорят, но когда последний из четвертой смены покинет лаву, всем ясно, что началась первая смена нового дня...

Нового дня, начавшегося серой рассветной дымкой по земле... Но все нет Солнца. Все ждут Солнца...

Мастер уже водрит слесарей:

– Давайте вверх и поглядите, что с приводом.

Те уходят вверх, пробираясь между массивными тумбами гидравлической крепи.

– Ну, проверим! Низ! Прокачай конвейера!

Взвыли гидромурты, загремели цепи по пустым рештакам.

В нише у люкового Сереги второй завтрак. Пойдет порожняк, не до «тормозка» будет. Успевай качать.

И пришел порожняк. По телефону в лаву к звеньевому:

– Шестнадцать порожняка под лавой... Скоро еще десять дадут!

А звеньевой:

– Ну, что, ребята, начнем качать?!!

В тишине первым залопотал отбойный у ребят, дорубывающих нишу. Затем взвыло сверло у запальщиков. Дернулись и провернулись шнеки комбайна. Пока вхолостую. А потом натянулась цепь, подтягивая комбайн, и врубились шнеки в уголь.

И началась работа. Та самая, где звенящие звуки падающего угля сливались с лопотанием отбойного молотка, грохотом цепей конвейера. Где все это воспринималось вместе с желтыми пятнами лучей «коногонок» на черной и блестящей массе, зовущейся «УГОЛЬ»...

Черные лица, что-то кричащие друг другу в этой невообразимой густоте звуков. Мерно вращающиеся шнеки и уносящиеся, мчащиеся по конвейеру, куски, груды угля. Все это добавляло в какофонию звуков мелодию, запомнившуюся с детства: «... руку дружбы подали, повели в забой...».

Каждое движение этих людей в забое было четким, выверенным и лица были строгими и напряженными, будто участвовали они в каком-то важном процессе, где нельзя подвести, где нужно держаться, чтобы не иссякла полная углем стальная дорожка конвейера, и эта, и эта... Донесенный конвейерами до «люкового» уголь (послушный повороту рукоятки) с грохотом ударял в дно вагонетки, и еще, и еще... Черкнул люковой на вагонетке мелом «1 – 1».

А уголь шел. И заполнял порожняк. И это было важным. Я пытался уловить, почему. Но уже взмахнул лампой поперек штрека «плитовой». Грохнул сцепками вагонеток состав, мощный гудок электровоза предупреждающе прогудел, и застучали колеса на стыках...

... Долго и гулко звучал в штреках их перестук. В грохот состава ворвался лязг «опрокида». «На-гора» – лязгнул «опрокид». «На-гора» – звякнул звонок и «скип» ушел вверх.

И снова мы увидели лица шахтеров там, в лаве. Лица строгие и напряженные, будто участвовали они в каком-то очень важном процессе, где нельзя подвести, где нужно держаться, в этой невообразимой густоте звуков, чтобы вдруг все стихло на земле, и вместе с углем «на-гора» вышло Солнце, заставив мир затихнуть на мгновение и затрепетать листвою, пенем жаворонка, запахом земли...

И плыл уголь по конвейеру, проблескивая на Солнце каждой гранью кусков. А Солнце вставало над терриконами, купалось в каждой капле росы, в листьях и проводах электропередач, блестело на стали рельс, по которым уходил в День, груженный углем железнодорожный состав.

Уголь этого дня. Этой смены. Где-то в этих вагонах шла к фабрикам, заводам, ТЭЦам миллионная тонна угля, добытая этой сменой, этим звеном...

Заключительный титр фильма:

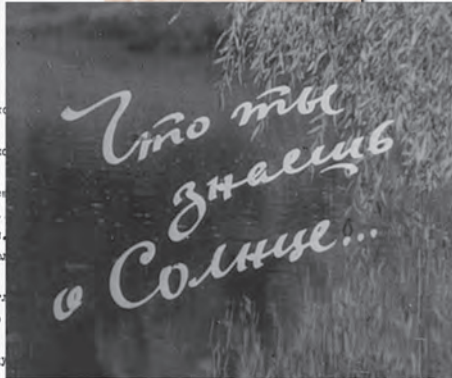
«В этот день седьмой пятилетки пошла
 «на-гора» миллионная тонна угля, добытая
 бригадой Н.Я. Мамаев,
 шахта Суходольская – 1
 г. Краснодон
 Ворошиловградская область
 УССР
 Союз Советских Социалистических Республик
 1969 год»

В.Цегельницкий.

" ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О СОЛНЦЕ..."

Литературный сценарий короткометражного кинофильма.

Утро... Ещё до рассвета далеко.
 Лёгкая дымка завила занавески улицы и домики шахтёрского посёлка.
 В предрассветной тишине часто шумит вентилятор.
 Ещё не погасли нечьи звёзды, ещё не погасли звёзды на южной тёмной полоске надвывает перелом будильников.
 "Витя, спишь? Витя в первую сегодня, вставай спозадел."
 Тяжело просыпается. Пошкун-каменного, подремать. Далеко пора.
 На улице уже видны ленточки, пока что, одинокие фигуры.
 Пошли на работу мастера, им пораньше. А потом шумной, говорливой толпой рабочий класс.
 "Скорее вчера погуляли!" " Ты небось и сегодня гуляешь?"
 " ...А я ему говорю, ты ставь здесь стойку, бо забавно..."
 Вот и она, знакомая и родная шахта. Каждый день издалека и по деловому спорит.
 Встаёт начальник участка-тишина. "Сегодня вам наряд 300..."
 Ожидает и слушает. Никогда ещё на этой шахте не вылажали столько за смену.
 Пошли переодеваться. Опять спор. Уже в шахтёрских выхлост на улице.
 Закурили. В ожидании они похожи друг на друга как близнецы.
 Там они должны помогать друг другу.
 Там, это на глубине 700метров.
 Там, где сейчас работает 4^я, там где единственный свет даёт шахтерская лампочка-поногонка.
 Закурили в беззвучном ритме жизни на километрах.
 Мелькают этажи обработанных горизонтов. Шурманье.
 Глухие удары на откатах.

Стоп. Приехали. Теперь уже под землей.

Вет себе под нос, что-то из собственных сочинений, витье к смеху.
 ро! Семь. Ну, поехали.
 "Под лаву" "Под лаву" "На лаву, прямо опятамалово ино и подремать. Разговор как-то не клеится-мешает этот стук.
 о дороге мелькнет лампой идуши под отвал.
 о лавы 100,50, а вот и она.
 ит и принимает на месте.
 засветит, но не бека, а вот за дождевиком приотматривай.
 ваткой, им пошли."
 ана -смена принята"-этого не говорят, но когда последний лаву-всем ясно, что началась 1^я смена нового трудового дня.
 63"командует комбайнер-"Вилочай 87".
 омчался по транспортеру, поспался рекой в заговетку;
 Она, другая, третья...
 Взмахнул лампой поперёк стрелки плечевой, пробежала полная реакция по остатку, мощный гулок электроваля предупредил заговетку и снова пререстук колбо-
 "На гора" "На гора"...
 Взянулся канат и скил ушёл вверх.
 Солнце только взойшло, закинул лучами просыпающуюся землю.
 ии вышло на гора.
 Задлеется на Солнце уголь.
 Уголь ужикел Солнце!

Дикторский текст к фильму

«Потомки Артема»

Автор – Наталья Фоменкова

Друг мой! Товарищ!

Послушай рассказ о большом и славном пути института, о его людях, об интересных событиях, о делах, которые ждут нас впереди.

Вот уже 50 лет носит наш институт гордое имя соратника товарища Артема Сергеева.

Ровесник! В мыслях своих и делах будь достоин чести называться «артемовцем».

С первых лет жизни горное училище связало себя с революцией.

В 1901 году студент училища, член Екатеринбургского комитета РСДРП Антон Костюшко-Валюжанич возглавил революционное студенчество и был одним из руководителей декабрьской политической демонстрации.

«Ленинская искра» писала: «Мысль о демонстрации подали студенты. Рабочие поддержали их».

В огне боев, в сражениях на баррикадах крепло и мужало студенчество. Октябрьская революция принесла институту второе рождение.

26 июня 1921 года в газете «К труду» опубликовано сообщение о регистрации партийной ячейки горного института. В ту пору коммунистов было всего 11 человек.

В институте открылся рабфак, «красным» деканом, стал профессор Маковский. Пролетарское пополнение провозгласило свой лозунг – «Рабочие Донбасса ждут «красных» командиров!». Секретарем партийной организации назначен участник Октябрьской революции Иван Михайлович Шишков. Любимцем студентов был коммунист Алексей Кузьмич Губа.

Жизнь звала к решению новых больших задач. Вспоминает бывший рабфаковец коммунист доцент Маймин:

– Мы строили шахты, учились, шли всюду, где были нужны. Но война нарушила наши планы.

С первых же дней коммунисты и комсомольцы на фронте. Их 226 человек, по зову сердца ушедших защищать Родину.

Коммунисты Яговдик, Иванов, Яровой и многие другие в составе 527 артиллерийского полка прошли славный боевой путь от Москвы до Берлина.

После освобождения Днепропетровска стали возвращаться из эвакуации эшелоны с имуществом института.

Бывший в то время секретарем партийной организации профессор Шилов вспоминает:

– Нас встретили руины.

Все было разрушено фашистами. И закипела работа по восстановлению института. Много сил отдал этому бывший в то время ректором коммунист Петр Григорьевич Нестеренко.

После победного салюта многие не вернулись домой. Светлую память о них мы свято храним.

Шли годы. Вырос и возмужал наш институт.

Слово ректору института профессору Александру Александровичу Ренгевичу:

- Ученые института в постоянном поиске. Из года в год научные исследования помогают производству в решении важнейших проблем.
Комсомолец 20-х годов, заслуженный деятель науки и техники, коммунист Сергей Андроникович Волотковский и сейчас сохраняет комсомольскую энергию и неустанный задор в поисках новых путей в науке.

В учебной, политико-воспитательной и научной работе впереди всегда коммунисты. И сегодня на заседании партийного комитета решаются важные вопросы жизни института.

Как и каждое лето готовятся к своему третьему трудовому семестру комсомольцы. Комсомол - верная опора и помощник коммунистов во всех делах. Мужает комсомол, растет смена.

Прием в партию. Это вопрос всегда в центре внимания партийного комитета. Принимаем самых достойных и принципиальных, отдающих делу жар своего сердца. Хорошую смену готовит комсомол.

Осенью 1969 года институт посетил дорогой гость - сын легендарного Артема генерал-майор Артем Федорович Сергеев, который приехал на 70-летний юбилей института. Как большой праздник отмечали мы эту дату, подводили итоги сделанному, намечали путь в будущее.

Обращаясь к комсомольцам, Артем Федорович призывал молодежь быть верными делу отцов, преумножать славные традиции института.

Каждый год 1 сентября к памятнику погибшим студентам, твоим ровесникам, в грозном 41-м сменившим зачетку на боевое оружие, приходят юноши и девушки.

Здесь они дают торжественную клятву. В ней слова о чести, о достоинстве, о высоком звании - советский студент.

Друг мой! Ровесник!

Ты тоже причастен к славной истории института. И от тебя зависит его будущее.

Перелистай страницы истории.

В труде и в бою всегда впереди под знаменем великого Ленина идут коммунисты.

ДИКТОРСКИЕ ТЕКСТЫ № 0-07
"ИСТОРИЯ АРТЕМА"
Друг мой! Товарищ-~~товарищ!~~
Есть твой ровесник в боях и славою даре институте, в его
делах, ~~успехах, победах, событиях, событиях,~~
делах, истории идут твои ровесники.
Вот уже 50 лет несет наш институт годные или сорванные за-
четки Ленина, ~~Серебряного юбилея~~ знаменитого комсомольца товарища
Артема Сергеева.
~~Дорогой Ровесник!~~
Каждый раз, когда ~~ты приходишь к памятнику погибшим студентам,~~
и делах будешь достоин чести ~~заветной организации.~~
С начала лет жизни гордые учаши
В 1901 году студент учаши, член
тебе (СДЮ) Антон Костомаров-заместитель и
девичество и один из них на революционные
демонстрации.
"Земляника несут!" полагал "Царь
дети. Ровесник ~~поддерживал~~
~~Костомаров-заместитель~~
В эти годы, в срединках на черн
девичество Октябрьская революция прин
дела.

- 3 -
Коммунисты Гродно, Кавказа, Правой и многие другие, в
составе 527 армилитаризованного полка прошли славный боевой путь от
Москвы до Берлина.
После освобождения Днепропетровска институт снова возвра-
тился в родной город.
Вышел в то время секретарем партийной организации профес-
сор Шваб вспоминает: "Все восприняли дружно. Швабский парад, Ша-
дардария, ~~освобождение~~ - все было разнуздано (фанатизм). И заживала
работа по восстановлению института. ~~Фанатизм выгорел~~
~~на то, что восстановлению института.~~ Много сил отдали этому бывшая
в то время ректоркой коммунист Нина Григорьевна Костомарова.
И ~~маленькая коммунистка~~ ~~не-воле-1~~
~~д. Костомарова.~~ После последнего она
Светлана пришла к ним на своего христин.
хал наш институт.
Слова ректору институте професс
Ученые институте в постоянном по-
исследования помогают производству в
делах. Комсомолец 20-х годов
науки и техники коммунист Володими
коммунисты выгорели и не ~~идут~~ ~~идут~~
в науку.
26 июня 1921 года рево
о регистрации партийной о
В ту пору коммунисты
нужна революция
революция славилась.
В 1901 году студент учаши, член
тебе (СДЮ) Антон Костомаров-заместитель и
девичество и один из них на революционные
демонстрации.
"Земляника несут!" полагал "Царь
дети. Ровесник ~~поддерживал~~
~~Костомаров-заместитель~~
В эти годы, в срединках на черн
девичество Октябрьская революция прин
дела.

- 5 -
Друг мой, товарищ, ровесник!
Ты тоже причастен к славной истории института. И от тебя зависит его
будущее.
Каждый год, 1 сентября, к памятнику погибшим студентам,
твоим ровесникам, в грозном 41-м сменившим зачетку на боевое
оружие приходят юноши.
Они не должны забыть команду, не забыли военных товарищей,
по в своем личном опыте ~~знают~~ что кто лучше во имя отечес-
твенных дел, заветов и славных.
Ты же
Ты отходи отсюда, ты ~~идешь~~, твои ~~полгода~~ ровесни-
ки, ты ~~был~~ один из ~~студентов~~ коммунистов.
Потому, что коммунисты, когда на парадном крае, в труде
и в бою, потому, что там, где трудя, всегда звучит:
Коммунисты вперед!
Здесь они дают торжественную клятву
В ней слова о чести, о достоинстве, о высоком
звании советский студент.
Ты тоже причастен к славной истории
института. И от тебя зависит его
будущее.
Перелистай страницы истории.
В труде и в бою всегда впереди под знаменем великого
Ленина идут коммунисты.

26 июня 1921 года рево
о регистрации партийной о
В ту пору коммунисты
нужна революция
революция славилась.
В 1901 году студент учаши, член
тебе (СДЮ) Антон Костомаров-заместитель и
девичество и один из них на революционные
демонстрации.
"Земляника несут!" полагал "Царь
дети. Ровесник ~~поддерживал~~
~~Костомаров-заместитель~~
В эти годы, в срединках на черн
девичество Октябрьская революция прин
дела.
С начала лет жизни гордые учаши
В 1901 году студент учаши, член
тебе (СДЮ) Антон Костомаров-заместитель и
девичество и один из них на революционные
демонстрации.
"Земляника несут!" полагал "Царь
дети. Ровесник ~~поддерживал~~
~~Костомаров-заместитель~~
В эти годы, в срединках на черн
девичество Октябрьская революция прин
дела.
Принимая славных достойных и преданных делу
наш своего сердца. Хорошую смену готовит комсомолец.
Осенью 1969 года институт посетил дорогой гость - сын
легендарного Артема генерал-майора Артема Федоровича Сергеева,
который приехал на 70-летний юбилей
института.
Как большой праздник отмечали мы эту дату, подводили итоги
сделанному, намечали путь в будущее.
Обращаясь к комсомольцам Артем Федорович призывал молодежь
быть верными делу отцов, преумножать славные традиции института.

Дикторский текст к фильму «Забота»

Автор – Семен Бурда

... Поймите, ребята, я ведь не из тех, кто слушает прописные истины как откровение, с просветленными глазами. Но недавно я заново открыл мир зеркальных заводов, поющих птиц, летнего дождя. Увидел землю, на которой вырос, простую и непостижимую. И сегодня я, любивший себя больше других, говорю, два очень серьезных слова – «переоценка ценностей». Потому что вместе с зелеными солдатскими погонами на мои плечи навсегда легла забота о моей земле.

Заглавный титр: «ЗАБОТА»

Человек ко всему привыкает. В шесть утра подъем, зарядка. Кормят нас солдатской кашей. Не всегда вкусно, но всегда много. Человек ко всему привыкает. Поверки, занятия, стрельбы. Стрельбы, поверки, занятия. Уже научились неплохо стрелять и ходить строевым шагом. «О, этот службу понял», – сказал мне старшина, который, сами понимаете, нам вместо отца родного...

Горизонт колеблется в жарком воздухе. Травы шумят, как деревья. А вокруг – степь, вся исхоженная муравьями и людьми.

Я солдат, ребята, и вчерашняя гражданская жизнь уже на задворках памяти. Двадцать километров – каждый день. Дорога хрустит на зубах. Иногда кажется, что в мире исчезли птицы, из грамматики исчезли времена, кроме настоящего. И нет ничего важнее, чем идти в ногу и равняться на стриженный затылок. Первые дни было во всем этом нечто киплинговское, этакая бравада «пыль – пыль – пыль от шагающих сапог». А дорога не кончается, и солнце прибили гвоздями к небу...

Человек рожден делать добро... И защищать его.

... Захлопываются люки и, кажется, мы отрезаны от всего белого света. Но сквозь эфирные помехи – спокойный голос: «Второй, я – Вышка. Доложите готовность», и уверенность возвращается к нам. И понимаешь... рождается чувство единства, без которого – нет армии.

... Кто-то из нас в шутку сказал, что знает трех великих тактиков: Суворова, Клаузевица и ... полковника Урицкого.

... Мы мало знаем своих учителей. Лишь однажды полковник заговорил о своей войне. В эти минуты каждый из нас горел в танке вместе с ним и, задыхаясь в черном дыму, рвал обгоревшими руками защелку люка... Заметил он это?

Это – моя река. И мой рассвет над рекой. И мой ветер. Все мы – часовые. Днем и ночью часовые. Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси бурю. Кто мы? Мы – земля.

Строю, в котором я иду, не одна сотня лет. Мы просто сменяем друг друга. Дети – отцов. Мы – частица этой земли. Мы пришли на нее жить, жить каждую минуту. И мы за нее в ответе... Чтобы нам не махала платками разлука... Чтобы аистам было, куда возвращаться весной... Пойми, никогда не пустеют казармы, с солдатами на время прощается армия...

Песня:

«Пойми, никогда не пустеют казармы,
С солдатом на время прощается армия.
Пройдет он неспешно по улицам детства
Не робким мальчишкой, но бравым гвардейцем.

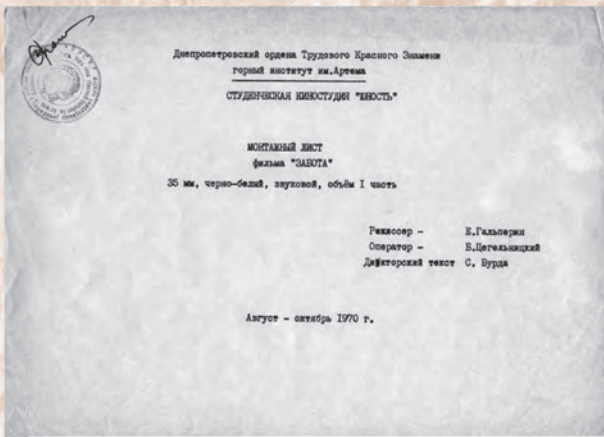
Потянутся сонные, сытые будни,
Но звуки ночные солдата разбудят,
И трубит зорю ветра яростный шепот,
И слышится армий невидимых топот...

Так многие лета зовет нас под знамя
Недобрая наша солдатская память.

Веди меня, дождь-барабанщик, на плац!
Оркестр, смешай времена ненадолго,
Сегодня проверка солдатского долга –
Бойцы-ветераны уходят в запас.

И если придется в смертельной атаке
Хранить нам Отчизну, которой живем,
Пусть рвется земля под звенящие траки,
Чтоб, смяв тишину, танки шли напролом.

Так многие лета зовет нас под знамя
Недобрая наша солдатская память...
Пойми, никогда не пустеют казармы,
С солдатом на время прощается армия...»

- 3 -

	1	2	3	4	5	6
15. С.П.	1,6 м	Ваня - мимо				
16. О.П.	1,1 м	Танк вылетает из леса				
17. О.П.	0,8 м	Танк - мимо нас				
18. О.П.	3,4 м	Танк из леса				
19. О.П.	1,8 м	Танки проходят мимо личности				
20. О.П.	1,8 м	Танки разворачиваются в боевую линию				
21. К.П.	1,4 м	Гусеницы разворачиваются				
22. О.П.	0,9 м	Танк разворачивается в танк				
23. О.П.	2,4 м	Танк в бок				
24. С.П.	1 м	Летит-цветочка				
25. О.П.	1,9 м	Полянка				
26. О.П.	2 м	Курсант крутит локон				Человек ко всему привыкает. В шесть утра-
27. К.П.	3,6 м	Курсант				подъем, зарядка. Кормит нас солдатской кашей. Не всегда вкусно, но всегда много. Че-
28. С.П.	2,6 м	Курсанты отвешивают краску нагла				ловек ко всему привыкает. Поверки, занятия,
29. О.П.	1,5 м	Разбегает гусеницы				стрельбы. Стрельбы, поверки, занятия. Уже
30. К.П.	2,5 м	Выбегает палец из трака				научились неплохо стрелять и ходить строе-
31. С.П.	2,3 м	Курсант контрагает				вым шагом. "О, этот служивый", - сказал мне
32. С.П.	1,7 м	Копается в трансмиссии				старшина, который, охмыльнув, нам вместо
33. К.П.	2,4 м	Работает дождевик				отца родного... Горизонт колеблется в жар-
34. К.П.	2,1 м	Смывается локон				ком воздухе. Траки шумят, как деревья. А во-
						круг - степь, вся искошенная муравьями и лядва-

- 2 -

№	План	Метраж	Видеоряд	Дикторский текст	При
1	2	3	4	5	
1.	-	3,6 м	Равора		
2.	в ЗТМ	2 м	титр "Киностудия ДПИ"		
3.	О.П.	1,6 м	Туман над полям		
4.	О.П.	2 м	Лесная поляна		
5.	К.П.	1,6 м	Заводь	...Поймите, ребята, я ведь не из тех, кто	
6.	О.П.	2 м	Блакущие деревья	слушает прописные истины как откровение, о	
				просветленным глазами. Но недавно я заново	
				открыл мир зеркальных заводей, помык птиц,	
				летяного дождя.	
7.	О.П.	2 м	Ибегают сигнальщик	Увидел землю, на которой вырос, простую и непо-	
8.	О.П.	5 м	Мимо - танки	отжимку. И сегодня я, любивший себя больше	
9.	К.П.	0,6 м	Гусеницы	других, говорю, что даю очень серьезные слова-	
10.	О.П.	0,3 м	Танк - мимо	переоценки ценностей. Потому что вместе с зе-	
11.	С.П.	0,9 м	Проходит танк в контро-	левыми солдатскими погонами на мои плечи на-	
			льном свете	всегда легла забота о моей земле.	
12.	О.П.	2 м	Танк выходит на ходу (о		
			титром "Забвота")		
13.	О.П.	4,7 м	Танки на марше (о автор-		
			ских титрах)		
14.	К.П.	0,6 м	Гусеницы		

- 4 -

	1	2	3	4	5	6
35. С.П.	1,5 м	Лесная дорога-солдаты(се нас)				И солдат, ребята, и вечеринки гражданская жизнь уже
36. К.П.	1,5 м	Самолет на нас				на "забвотных планетах". Каждый проходит до двад-
37. К.П.	2 м	Самолет мимо нас				цати километров. Дорога крутит на зубок. Иногда
38. О.П.	3,6 м	Созданы на нас				кажется, что в мире нечего лучше, из траншеи
						исчезли все времена, кроме настоящего. И нет ничего
						важнее, чем идти в ногу и развиваться на отрянутой
						зачленке. Первую дню было во всем этом нечто интел-
						лекское, отдале бравады, "шля-шля-шля из-под ша-
						пачих салтов", а дороги не кончатся, я, охмыль при-
						блел гвоздями к небу.
39. К.П.	4,3 м	Спринклер магалин				Человек рожден делать добро ...
40. О.П.	2,5 м	Автоматичи залетает				И защищать его
41. С.П.	0,6 м	Автоматичи стреляет				
42. О.П.	1 м	Падает минами				
43. С.П.	1,2 м	Ванка изнутри				
44. О.П.	4,9 м	Курсанты в танк				... Захлопываются двери и кажется, мы отрезали от
45. С.П.	5,3 м	Захлопнулись лок				всего белого света. По слову офицера полковник -
46. К.П.	0,6 м	Наводчик к прицелу				сплошной голос "Второй, я Ваня... Должноте гото-
47. К.П.	1,5 м	Командир смеет в прибор				вность" - в уверенность возмущается к нам И, показав-
48. С.П.	0,6 м	Наводчик опускает трубу				шь... В нас рождается чувство единства, без которо-
49. К.П.	1 м	Руководит наведением				го - нет армия.
60. К.П.	0,6 м	Наводчик к прицелу				

- 5 -

1	2	3	4	5	6
51. С.П.	1,3 м	Очередь из танка			
52. С.П.	0,7 м	Танки на огневой			
53. К.П.	0,8 м	Майор подносит бинокль в глаза			
54. С.П.	4,2 м	Имена джунглей			
55. С.П.	1,9 м	Лейтенант смотрит в оптический			
56. С.П.	0,8 м	Осужда лес			
57. С.П.	1,9 м	Выход на осужда лес			
58. С.П.	4,2 м	Преподаватель с двумя курсантами			
59. С.П.	3,2 м	Преподаватель			
60. С.П.	4,6 м	Преподаватель с группой			
61. К.П.	1,1 м	Преподаватель			

...Кто-то из нас в шутку сказал, что знает трех великих тактиков: Суворова, Калуженца и ... полковника Урицкого... Мы мало знаем своих учителей. Лишь однажды полковник заговорила о своей войне. В эти минуты

- 6 -

1	2	3	4	5	6
62. С.П.	2 м	Преподаватель вдале			
63. К.П.	0,8 м	Преподаватель с одним			
64. С.П.	2,5 м	Взвод			
65. К.П.	2,4 м	Курсанты			
66. С.П.	2,6 м	Выходит отвечать курс			
67. К.П.	1,6 м	Лидо курсанта			
68. К.П.	1,2 м	К а р т а			
69. К.П.	0,6 м	Лидо курсанта			
70. К.П.	1,2 м	Лидо курсанта			
71. С.П.	1,0 м	Космет доклад			
72. С.П.	1,4 м	Лидо курсанта			
73. К.П.	1,8 м	Курсант поднимает глаза			
74. К.П.	1,0 м	П р и ц е л			
75. С.П.	1,0 м	Танк в лесу			
76. С.П.	2,5 м	Панорама - танки в лесу			
77. С.П.	1,0 м	Танк в лесу			
78. К.П.	0,6 м	П р и ц е л			
79. С.П.	0,8 м	Танк в лесу			
80. К.П.	1,0 м	Враждается командирская бензина			
81. С.П.	0,7 м	Танк в лесу			

- 7 -

1	2	3	4	5	6
89. С.П.	2,3 м	Танк из леса			
90. С.П.	1,2 м	Механик захватывает рычаги шпиня			
91. К.П.	1,3 м	Г у с е н и ц и			
92. К.П.	0,4 м	Наводчик смотрит в прицел			
93. К.П.	0,4 м	Лидо наводчика			
94. С.П.	1,2 м	Танк на дороге			
95. С.П.	0,6 м	Командир смотрит в прицел			
96. С.П.	1,4 м	Танк на дороге			
97. Ю.П.	0,5 м	Командир смотрит в прибор			
98. С.П.	3,9 м	Танк в перекрестии прицела			
99. С.П.	0,7 м	В е р н я			
100. С.П.	0,7 м	Командир поворачивает башенку			
101. К.П.	0,2 м	Наводчик смотрит в прицел			
102. К.П.	0,2 м	Коска спуска			
103. К.П.	0,2 м	Командир кричит			
104. К.П.	0,2 м	В е р н я			
105. К.П.	0,6 м	Г у с е н и ц и			
106. К.П.	0,2 м	Наводчик			
107. К.П.	0,5 м	Г у с е н и ц и			
108. С.П.	0,3 м	В е р н я			
109. С.П.	0,9 м	Танк в дему разворачивается			
110. К.П.	0,3 м	Командир поворачивает			

- 8 -

1	2	3	4	5	6
111. С.П.	0,2 м	В е р н я			
112. К.П.	0,7 м	Командир кричит			
113. К.П.	0,3 м	Коска спуска			
114. С.П.	0,3 м	Танк в дему разворачивается			
115. С.П.	0,3 м	В е р н я			
116. С.П.	0,5 м	Танк мимо нас в дему			
117. К.П.	1,5 м	Гусеницы разворачиваются			
118. С.П.	2,2 м	Танк от нас в лес			
119. С.П.	0,8 м	Механик - рычаги на себе			
120. С.П.	3,5 м	Танк идет, останавливается			
121. С.П.	0,9 м	Командир отказывается от прибора			
122. К.П.	1,2 м	Наводчик отказывается от прибора			
123. К.П.	1,0 м	Механик поправляет клем			
124. С.П.	0,8 м	Командир отказывает лям			
125. К.П.	1,7 м	Лям отказывается			
126. С.П.	3,9 м	Пейзаж (на нерезкости)			
127. С.П.	1,4 м	Пейзаж			
128. С.П.	1,3 м	Завод			

- 9 -

1	2	3	4	5	6
132. С.П.	1,1 м	Часовой			
133. С.П.	0,7 м	Часовой на вышке			
134. С.П.	0,9 м	Часовой			
135. С.П.	1,1 м	Излет часовой мимо склада			
136. С.П.	10,5 м	Проезд мимо палатки			
137. К.П.	1,7 м	Джунгли по реке			
138. С.П.	2,8 м	Дивизионный мостик			
139. С.П.	1,4 м	Компан на реке			
140. С.П.	2,4 м	Р е к а			
141. К.П.	0,9 м	Дивизионный кричит: "Рота, подним!"			
142. С.П.	2,7 м	Высот здания			
143. С.П.	0,7 м	Выходит из строя курсант			
144. К.П.	0,8 м	Принимает посетителя Час			
145. К.П.	0,8 м	Курсант Попов			
146. С.П.	1,0 м	Курсант Комаров			
147. С.П.	1,7 м	Полковник подкалывает			
148. К.П.	3,4 м	Салюти на нас			
149. С.П.	2,7 м	Салюти на нас			
150. С.П.	3,9 м	Салюти на нас			
151. К.П.	1,0 м	Салюти мимо нас			
152. К.П.	1,8 м	Салюти на нас			

Это моя река. И мой рассвет над рекой. И мой вечер. Все мы - часовой. Днем в небе часовой. Кто же? Спроси заре, спроси лес, спроси буря. Кто же? Мы - охотки.

- 10 -

1	2	3	4	5	6
153. К.П.	1,1 м	Салюти на нас			
154. К.П.	3,3 м	Фото с переходом			
155. С.П.	2,2 м	Танки на вокзани			
156. С.П.	1,1 м	Доклад курсанта			
157. С.П.	0,5 м	Д о к л а д			
158. С.П.	2,6 м	Бегут к танку			
159. К.П.	1,3 м	В лям			
160. С.П.	3,1 м	Танки расходится			
161. С.П.	1,8 м	Идет танк (стоят в проекторе)			
162. С.П.	4,3 м	Панорама - механики на дороге			
163. С.П.	2,0 м	Дерево проливает мимо			
164. С.П.	3,4 м	Танк на нас			
165. К.П.	1,3 м	Инструктор			
166. С.П.	2,0 м	Танк в пали на вокзани			
167. К.П.	2,2 м	В лям механики			
168. С.П.	1,5 м	Танк идет (только стоя)			
169. С.П.	1,3 м	Дорога под гусеницей			
170. С.П.	1,1 м	Танк сворачивает к лесу			
171. С.П.	2,8 м	Лес проливает			

Чтобы нам не мучала плетками разлука...
Чтобы антаст было куда возвратиться весной.
Повыи никогда не плуется казармы, о солдаты
на время проливает армия ...

Дикторский текст к фильму «МОРЕ В ДВУХ ШАГАХ»

Автор – Семен Бурда

Я часто думаю о том, как долго мы ищем единственно верный путь, для которого рождены. Мы изменяем себе, меняем профессии, но счастливы те, кто вовремя понял, что же им нужно.

Я – ребячий капитан, командую вот этими пацанами и девчонками. Нет, не командую, я живу вместе с ними. Бок о бок. Каждое лето мы ходим по Днепру вверх до Киева и вниз до Херсона.

И мы приходим в Херсон, где большие корабли и большие чайки, где мореходка и «мореманы» и жара на улицах, где все пронизано морем, морем... Оно где-то рядом – в двух шагах...

Первый год камбуз топили дровами и углем. Грязь была жуткая. Потом стармех форсунку поставил. Дыму было! Все чумазые.

Наконец достал я электрокамбуз. Большой, в двери не влазит. Разрезали его, потом варили. И все это сами.

Реплики:

- Эй, палубные, живей поворачивайтесь, еще воды.
- «Комсомольская правда» опять нас обходит. Ничего, мы их зато на спартакиаде обставим.
- Валька, лучше чисть. Это те не кнехты драить.
- Держать вправо. Курс 240. Полный вперед.
- Учись, Сашка, картошку жарить. Женишься, что делать будешь?
- Мне картошку чистить не придется, я – мужчина.
- Ты представляешь, королева Марго? Он ее так любит, мне еще страниц сто осталось.
- А я в жизни замуж не выйду. Буду путешествовать.
- «Комсомольская правда», я теплоход «Александр Суворов», швартуемся к 5 причалу.
- Право руля. Малый ход.
- Юлька, на построение опоздаешь, и так красивая.
- Успею. Сегодня пойду с Толиком в кино.
- Жди, так он с тобой и пойдет.

Кто-то из древних сказал, что люди делятся на живых, мертвых и плавающих по морю.

Забавно! Кто же тогда мы? Я знаю на этой реке каждый поворот. Всю зиму мы учим ребят на штурманов, механиков, радистов, а летом плаваем вверх до Киева и вниз до Херсона. Я мечтаю выйти с ребятами в море, но у нас нет морского регистра. А где его взять? Суда у нас старые, шлюпки рассохлись.

Я мечтаю выйти с ребятами в море...

Реплики:

- Приготовится к отходу. Всем по местам.
- Мы с Колькой всегда вместе будем на корабле и в море.
- Хотим необитаемые острова открывать.
- Закончу школу, пойду в мореходку. Буду добиваться, писать...

Дикторский текст к фильму «КАК ОБЪЯСНИТЬ ТЕБЕ...»

Автор – Семен Бурда

Видишь ли, это засело во мне давным-давно – уехать... с самого детства. Невнятная тяга к переменам: в школе убежать с уроков, в институте от монотонности лекций...

Я ловил себя на том, что хочу быть там, за окнами.

Ну что еще сказать тебе? Как объяснить, что и мы однажды дожидаемся своего часа?

И нам дано тяготиться прощанием, и ждать отъезда; ждать – и не хотеть этого.

Еще мелькают в руках какие-то кульки, прощальная забота домашних..., а я уже не с вами, я чужой, я принадлежу пути.

И мы едем в Тюмень... мимо шлагбаумов, мимо полей под оглушительные песни товарищей.

Ветер продувает поляны, рвет песни, гонит воспоминания. Зачем мы едем туда? Как объяснить тебе?...

Заглавный титр фильма «КАК ОБЪЯСНИТЬ ТЕБЕ...»

Первая неделя была самой трудной. И не только потому, что втягивались в работу. Оказалось, что мы приехали за тысячи километров не затем, чтобы возводить прекрасные, светлые дома в героическом противоборстве с тайгой. Увы, мы строим всего-навсего птичники. Вначале эта новость мало кого обрадовала... Говорили: «Курытники, хохлатки, яйценосность...» – и криво усмехались. Но шли дни и как-то незаметно злополучные птичники стали частью нас самих. Мы строили их так, как будто жить в них нам, а не курицам, которых съедят нефтяники Тюмени.

Другие, может, и строят голубые города, не знаю...

Всякое большое дело начинается с перекура: кто молчит, кто смеется. Здесь разрешается быть только самим собой. Юрку вот уважают все. Для него слова «Даешь Тюмень» – не пустой звук. С таким можно и горы своротить. Андрей откровенно говорит, что приехал заработать – жениться собрался. Володя, наш мастер, здесь не новичок. И заботы у него другие: чтоб работа не стояла, и ребята в обиду не дать.

Еще ребята, еще... Вот они, моя бригада. Я верю, что и я здесь нужен. Вы только не улыбайтесь, человеку очень важно знать чего он стоит.

Реплики:

- Гвозди подай, Коля!
- Все, трап готов!
- Может перекурим?
- Не заработали еще.

(В кадре – неизвестно откуда зашедший на стройку местный мальчишка. Школьник. И почему-то с пионерским горном в руках).

Реплики:

- Гляди, ребята, гость к нам пришел. Ты что здесь забыл, а?
- Я..., мне нравится.
- Ребята, слышали? Пацану нравится жизнь. Так мы родственные души? А трубить ты умеешь?
- Умею!
- А ну, протруби!

... Усталость приходила незаметно. Перестаешь различать лица... И звуки то приходят, то отдаляются. Я вижу нас как бы со стороны – упрямые, сосредоточенные.

В такие минуты мне обидно, что мы строим не на века.

(Утро. Разговор возле умывальника)

Реплики:

- Ты что молоток схватил?
- Ты понимаешь, я к нему привык, ручку новую поставил, а вчера кто-то стянул, пришлось чужим работать. В общем целый день промучился.
- Вы вчера много сделали?
- Да как тебе сказать? Можно больше...
- Мы на седьмом птичнике перекрытие закончили, на восьмой перешли.

... Люди изменяют мир и незаметно меняются сами. Всему свое время: время собирать камни и время складывать из них дома.

Тени подстерегают день. Вот и солнце заходит – с камня на камень, по недостроенным стенам, по деревьям, по воде. Вода уносит отражения...

Она как время, она сама по себе. Тогда ко мне приходит беспокойство. И я хочу навсегда остаться на земле – в этих камнях, траве, деревьях. Понимаешь, навсегда остаться...

Еще почтальоны приносят известия, но листья уже плывут по реке, небо раздвигается к осени. Вечерами на наш палаточный городок, выгоревший на солнце, падают звезды. Они живут коротко, они чертят в небе короткие трассы и сторают, но в мире на мгновение становится светлей.

(В кадре – сушилка с рабочей обувью и лесная дорога, уходящая вдаль)

Финальный титр «КОНЕЦ ФИЛЬМА»

Дикторский текст фильма

«ОДИН ИЗ НАС»

Автор – Семен Бурда

В августе 42-го альпинистами фашистской дивизии «Эдельвейс» был установлен немецкий флаг на Эльбрусе. Они заявили: «Отныне и навсегда»...

Штаб Закавказского фронта, 4 февраля 1943 года.

Предписание: «Командирам альпотрядов прибыть в штаб Закавказского фронта для получения специального задания».

Говорит участник тех событий Александр Гусев:

«Это было не легким и не простым... Мы выполнили свой долг, как умели.

С годами многое стирается в памяти, но как забыть их, как привыкнуть к тому, что их уже не будет рядом. Не будет тех, с кем лежал в одном окопе, ходил под одними и теми же пулями. Для меня он навсегда остался просто нашим товарищем, Андреем, просто одним из нас...»

Заглавный титр фильма «ОДИН ИЗ НАС»

Что останется после меня? Цветы весной, кукушка в горах и листья клена осенью. Я знаю, что никогда так не думаешь о друзьях, как глядя на луну, снег или цветы. Мы не были с ним друзьями, и я не ходил с ним в одной связке, но здесь в горах я почему то вспоминаю его.

Порой мне кажется, что Андрей только что прошел по коридору горного и скрылся за поворотом... Это он бежит вместе со мной по аллее под проливным дождем – и вся жизнь впереди: работать над дипломом, ждать лета... А там – с друзьями в горы!

Диплом он защитил в июне. В июне 41-го. На фронте с августа, доброволец. Летом сорок второго направлен в район главного Кавказского хребта. Командир особого альпотряда.

Клухорский, Марухский перевалы, перевал Донгуз Орун... Лучшие альпинисты страны стояли насмерть против гитлеровских частей «Эдельвейс». Это была необычная война, война в горах, в трехмерном пространстве, где выстрела ждешь и сверху, и снизу. Андрей и его отряд были в самых опасных местах. Фашисты их называли «белыми духами». Они уничтожали патрули, обрушивали на врага лавины снега, устраивали камнепады. Они сами были лавиной!

Штаб Закавказского фронта 4 февраля 1943 года.

Предписание: «Приступить к выполнению специального задания по снятию фашистских вымпелов с Эльбруса и установлению государственных флагов СССР».

Они собрались у подножья, три отряда. Одним из них командовал лейтенант Грязнов.

В горах была метель, от мороза лопалась ледяная шапка на вершине так, что гудела и дрожала земля. Склоны гор простреливались противником. На чудом уцелевшем «Приюте одиннадцати» они пережидали непогоду. Шли 5-е сутки. Буран не затихал, и они снова пошли вперед. На зимний Эльбрус. В полной боевой выкладке шли усталые, только что вышедшие из боев люди.

Смотрите, так пишется героическая история войны: обмороженными пальцами, кровью на снегу...

О чем они мечтали, греясь у короткого, торопливого костра, о чем думали во время награждения? О чем задумался Андрей?

Они еще не знают, что через 30 лет будут встречаться в Москве. Вспомнят, как зимой сорок первого провели через перевалы Бичо и Донгуз Орун полторы тысячи раненых, больных, детей. Детей и раненых несли на руках – через бездонные трещины, по ступеням, вырубленным во льду.

Вспомнят, как сорок раз ходили через те же перевалы с тяжелым молибденовым концентратом в рюкзаках. Фронту нужна была легированная сталь для брони, для победы.

К столу не придет Габриэль Хергиани и Ника Персианинов. И Андрей Грязнов не придет к столу; он погибнет на Памире, в 49, открывая новое месторождение...

То, что мы сейчас здесь, это не наивное желание сделать жизнь с кого-то. Ложась на ветер, раскачиваясь теньями, словно солнечные часы, мы пришли, чтобы уравнивать себя в правах с прошлым.

Далеко внизу остались города, улицы, споры о главном в жизни. Горы... Здесь все другое: ветер, снег, обжигающие лицо, безмолвие... Иные мерки, иная всему цена.

И товарищ в связке доверяет мне свою жизнь, и во мне неуловимо меняется что-то. И пусть Эльбрус – не самая высокая гора; мы не ищем легких маршрутов. Это, как в жизни, это время действовать, это – преодоление.

И мы идем, и мне все время кажется, что Андрей и его друзья здесь; они все время впереди, и наша связка – она как нитка, втрое скрученная, не скоро порвется. И мы идем, идем за ними, след в след...

... Новогоднюю ночь 43-го года отряд Грязнова встретил в разведке. Они очень устали в тот вечер. На гребне Донгуз Оруна они оставили гранату с запиской для тех, кто придёт после:

– Ребята, – написали они, – мы сейчас бьемся с фашистами, нам тяжело. А вспоминаем мы костры, которые горели здесь, нашу довоенную жизнь. Желаем вам быть еще более счастливыми, чем были мы!

(Обрывки застольного разговора ветеранов-альпинистов)

– Мы тогда еще с Андреем ушли в метель...

– ... А песня наша, она ведь, ребята, с Андрея началась, Андрей тогда ходил и напевал ее про себя и как-то сами собой сложились у него слова: «Помнишь гранату и записку в ней».

Звучит песня.

На костре в дыму трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай.
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.

Синими, замерзшими, руками
Протирал, вспотевший автомат
И о чем-то думал... временами,
Головой откинувшись назад.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней...

Кадры военной кинохроники: группа альпинистов под командованием Андрея Грязнова завершает восхождение на вершину Эльбруса. Вырывается из снега вымпел фашистской Германии и водружается флаг СССР. Звучит салют из личного оружия покорителей вершины.

 Финальный титр «КОНЕЦ ФИЛЬМА»

Литературный сценарий фильма «ПРИСЛУШАЙСЯ, УСЛЫШИШЬ ВНОВЬ...»

Автор – Семен Бурда

Аллеи осеннего парка. Неяркое солнце сквозь листву. Брошенные или забытые газеты на пустынных лавках. Последняя паутина на ветвях. Камера скользит по деревьям, проезжает по аллеям и «замечает» человека, сидящего на скамье. Человек уже не молод: лица его не видно, только сутулая спина, туфли, выдавшие виды, палочка у ноги, прислоненная к скамейке.

Там, в глубине пустынной аллеи дворник подметает листву, медленно и мелко переставляя ноги. Человек сидит на скамейке.

Дикторский текст (Слова М. Светлова)

... Осень – не время для веселых историй. В старости тебя сопровождают только тени отшумевшей листвы. И еще воспоминания. Бывает в жизни такое состояние, когда пятно заменяет картину... Горящая горка листьев становится нерезким цветовым пятном.

Звучат стихи М. Светлова:

«Прислушайся, услышишь вновь:
Во мне звучит порою
За равнодушием – любовь,
Как скрипка за стеною...»

Появляется заглавный титр фильма:

«ПРИСЛУШАЙСЯ, УСЛЫШИШЬ ВНОВЬ...»

Титр:

МИХАИЛУ СВЕТЛОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Выход из нерезкости – и снова огонь. Но это уже огонь под ярким медным тазом, в котором варится варенье. Камера отъезжает. Немолодая женщина у таза колет щепки кухонным ножом и подкладывает их в огонь. Потом берет старую деревянную ложку и собирает клубничную пенку. Собрав её, она кладет ложку. Камера панорамирует за ложкой. Оказывается, рядом, что называется, «при ней», сидит мальчик. Одной рукой он держит блюдце, другой листает книгу на коленях.

Лицо мальчика.

Дикторский текст (слова М. Светлова)

... Кажется, моя мать – счастливый человек. Все она делает с удовольствием: варит варенье, продает семечки, ругает отца. Мы, как принято говорить, бедные, но честные, и книга, которую я читаю, пойдет на бумажные кульки. Кому-то повезет: съест семечки – и прочтет Пушкина.

Жизнь двора, текущая сама по себе... Голуби гуляют по насесту, сохнет белье, кошка нежится на солнце. Муравейник. Лицо мальчика. А потом мы увидим весь двор с улицы, как бы издалека – мальчика и его мать, которая проваливается в дремоту. Жаркий день, теплый воздух плывет над землей и изображение чуть дрожит и колеблется ... от жары или в памяти человека?

Слышен шум бегущих, орущих мальчиков, они цветными, нерезкими пятнами проносятся перед нами. Мальчик резко вскидывает голову, по брусчатке громыкает подвода... Мальчик смотрит на улицу из-за забора.

Солнце садится за голубятню. Давно сварено варенье, только камни и головешки на земле. Все ушли в дом, садится солнце оставляя длинные тени. Картинки быта и улицы – реальные, и рисунки – в стиле М. Шагала.

Дикторский текст (слова М. Светлова)

... И еще слова. Они бродят во мне после каждого прожитого дня, каждой прочитанной книги. Я бормочу их, но только про себя, потому боюсь показаться смешным на улице, где друг о друге знают все. И ты должен быть, как все.

Так было, так будет. Ну, а если нет? Так это все равно, как если бы скрипач Мотыка вылез играть на крышу, чтобы его было видно отовсюду.

Мальчик сидит на берегу реки, потом бросает в воду камешек, но странным образом волна от него оказывается такой сильной, что качает лодки у причала... Проход по цветущему яблоневому саду.

Звучат стихи поэта:

«Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой,
Я бегу, желанием гоним,
Горизонт отходит, я – за ним,

Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль,
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!»

Кадры цветущего сада сменяются рисунками Екатеринославской еврейской слободки, где жил поэт; снег над крышами... провода... портрет матери и мальчика.

Звучат стихи поэта:

«Мне мать на дорогу яиц принесла,
Кусок пирога и масла осьмушку,
Чтоб легкой, как пух, мне дорога была,
Она притащила большую подушку,

Мы молча уселись, дрожа с непривычки,
Готовясь к дороге, дороги не зная....
И мать моя долго бежала за бричкой,
Она задыхалась, меня догоняя...»

Цветные рисунки сменяются черно-белой хроникой времен гражданской войны, кадрами победной кавалерийской атаки «красных».

А стихи продолжают звучать:

«Забудем родителей, нежность забудем,
Опять над полками всплывает атака,
Веселые ядра бегут из орудий,
Высокий прожектор выходит из мрака,

Советские пули дождутся полета!
Товарищ начальник, откройте ворота,
Туда, где бригада поставит пикеты,
Пустите поэта и песню поэта!...»

Ночная комната в редакции. Печка-буржуйка отбрасывает блики на стену. Рядом на койке, укрывшись шинелью, спит человек. Пишущая машинка печатает «Распоряжение».

Звучит текст распоряжения:

«Разрешается получить на складе 1 (одну) пару ботинок б/у и 1 (одну) рубашку рев. поэту М. Светлову. Основание: стихи последнего номера».

Фото М. Светлова. Отъезд. Фото становится меньше, возникает фон – здание редакции. Появляются фото Михаила Голодного и Александра Ясного.

Проход по коридору, дверь распаивается, камера входит в комнату. В комнате печатный станок, гранки журнала, на столе еда, чай еще не остыл. На стене фотография В.И. Ленина. Крупно первые номера журнала «Юный пролетарий», газеты «Грядущая смена», статьи и фотографии из газет тех лет, рукопись Светлова. Его фотографии.

Дикторский текст (слова М. Светлова)

Мне 17 лет. Я завотделом печати первого на Украине комсомольского журнала. Большой человек. Я и мои друзья – Миша Голодный, Саша Ясный практически живем в редакции. Какие у нас были желания, кроме желания мировой революции?

Мы любили поэзию, любили красное знамя, под которым погибло так много наших товарищей. И лучше бы погасло солнце, чем померкло наше знамя...

Кинохроника 20-х годов 20-го века. Паровозный гудок крупно. Уходящие поезда. Переплетающиеся железнодорожные пути. На этом фоне в двойной экспозиции возникают фотографии Светлова, Маяковского и ... Москвы тех лет.

Чтение стихов М. Светловым (фотографии). Фонограмма – тема песни «Каховка».

Дикторский текст (слова М. Светлова)

Детство. Поэзия. Революция. Что еще было в моей жизни? Были дороги. Был Харьков, потом Москва. Был Маяковский, читающий мою «Гренаду». Была любовь...

Эпизод, связанный с переменами в жизни страны. Материалы хроники.

Зарождение и наступление сталинизма и атаки на культуру, на так называемых пролетарских литераторов. Танец на пикнике РАППа (Российской ассоциации пролетарских поэтов) – зловещая музыка, хоровод, напоминающий шабаш... Типографские машины, выбрасывающие клеветнические статьи и заголовки.

Поэты «левого» фронта – И. Сельвинский, В. Луговской; критика подлинной культуры и литературы. Травля Маяковского. Типографские машины, работающие, как Молох, перемалывающий все живое, ... обрыв музыки ... и воздушный шар, как душа, уходящая в небо... Это – смерть Маяковского, хроника его похорон. Это плачущий у его гроба Борис Пастернак. Это начало конца многих иллюзий, канун Великой Отечественной войны...

Дикторский текст (из письма М. Светлова)

... В Москве мне дали броню. Мне стало противно – и я уехал на фронт. Надеюсь, что плохого вы обо мне не услышите...

Звучит тема песни «Каховка».

Эпизоды войны, кинохроника... Фронтовые фотографии поэта, публикации в газете «Красная звезда» и других изданиях военного времени, с издательствами которых сотрудничал М. Светлов.

Снова звучит тема «Каховки». Москва встречает солдат-победителей...

Хроника – уже немолодой Михаил Светлов на московской улице читает стихи:

«Все ювелирные магазины – они твои,
Все дни рожденья, все именины – они твои,
Все устремления молодежи – они твои,
И смех, и радость, и песни тоже – они твои,

Весь этот город, все эти здания – они твои,
Вся горечь жизни и все страданья – они мои.

Уже светает, уже порхает
Стрижей семья,
Не засыпает, не отдыхает
Любовь моя.»

Вход в Литературный институт им. Горького. Написанная от руки картонная табличка на дверях: «Семинар М. Светлова». Студенты на семинаре. Панорама по лицам студентов. Хроника – пишущий Светлов.

Дикторский текст (слова М. Светлова)

... Наши любимые не стареют. Старимся мы. Для этих мальчиков из Литературного института ты уже наставник. Очень важно научить их говорить собственным голосом. Не подменять поэзию пафосом. Поэт – не связной между народом и поэзией, он – часть своего народа. Единственную вещь он не должен забывать: подлинная честность – это то, что у тебя никто никогда не отнимет.

Осенние улицы, облетающая листва, в парке снова жгут осенние костры. Атмосфера пустоты и одиночества.

Дикторский текст (слова М. Светлова)

«Наши любимые не стареют. Старимся мы. И только в старости мы понимаем, что же с нами происходило в юности... А что если так: годы молчания, груды пустых, неинтересных мыслей и строчек? Ты по-прежнему грустно-весел, и твои остроты повторяет Москва, но... Никогда не хвалите при мне моих старых стихов. »

Заснеженный Днепропетровск, родина поэта. Снег падает над балкой, над старыми домиками на склонах... Замерзший Днепр и пустые улицы.

Звучат стихи поэта:

Аллея осеннего парка. Не яркое солнце сквозит листвою. Прошедшие или забытые газеты на пустынных скамейках. Посиделка научна на лавках. Камера скользит по деревьям, пролетает по аллеям, и "замечает" человека, сидящего на скамье. Человек уже не молодой; лица его не видно, только согнутая спина, туфли, выдвинутые ноги, пальцы у ног, приложенная к скамейке.

Ты, в глубине пустынной аллеи, джорник сметает листвоу в кучу, медленно в намок переотпавшим ногам. Человек, сидящий на скамейке.

Дикторский текст

... Осень по времени для веселых историй. В старости тебя спросили: давай только тех откушанных листвоу. И еще вспоминаю. Какает в кинематографическое состояние, когда четко замечает картинку...

Мы видим, как горит осенняя листвоу, как стелется дым по земле. Белая гора листвоу становится на-резким светлым пятном. Выход из не-решительности - и снова огонь. Но это уже огонь под ярким летним солнцем, в котором вернется жаренье. Камера немного отъезжает. Старуха у таза колотит лезвием кухонным ножом. Потом она берет старую деревянную ложку и собирает ее лезвием. Старуха собирает лезвие и вкалывает ложку "на палец". Камера панорамирует влево. Оказывается, рядом, "при старухе", сидит мальчик. Одной рукой он держит банку, другой лезвием вытаскивает из банки лезвие мальчишки.

Дикторский текст

Кажется, моя мать - смелый человек. Все она делает с удовольствием: парит варенье, пролетает семечки, ругает отца. Мы, как принято говорить, бездельно, но честно, и книга, которую я читаю, пойдет на бумажные курали.

Кому-то повезет: съест семечки и прочтет Пушкина.

Лезвие джорна, текущая сама по себе: голубые гуашки прищипнут, сохнет белая, лезвие вытаскивает на солнце. Мурзевых. Лезвие мальчишки.

Дикторский текст

Три дня назад умер мой товарищ по реальному училищу Арка. Он распорядился своей смертью, как американский миллионер. Смысл у так? - Лезвие мальчишки. Потом мы увидели весь джор у ушны, как бы вылезла - мальчишка и старуха, которая превращается в джорную. Лезвие джорна, только лезвие вытаскивает над лезвием и выворачивает чуть дрожит, колеблется - от джорна как в памяти мальчишки? Смысл или безсмысл, орущих мальчишки - она читает, вылезшая лезвием пролетит в:

И лучше бы погасло солнце, чем померкло наше знание. Паровозный гул как крупно. Уходящие поезда. Выходы. Ни себе джорных поездов второй экспедиции фотографии Светлова, Малковского, Фокина тех лет. Чтение отком М.Светлова (фотографии). Фотограм-ма - мелодия "Хлопчат".

Дикторский текст

Детство. Поэзия. Революция. Что это было в моей жизни? Были дороги. Был Харьков, потом Москва. Был Малковский, читавший мне "Грину". Был некто-то ругался.

Была любовь...

Все квадратные мальчишки - они твои Все для рожденья, все кинематограф, они твои Все утренней молодежи - они твои И смех, и радость, и песни твои - они твои И всех счастливых альбомных губы - они твои И всех востаных оркестров труб - они твои Весь этот горел, все эти востаные - они твои Вся горячая жизнь и все страдания - они твои.

Бумажная табличка на дверях: "Семья М.Светлова Судилина на сканаре. Читавший стихи, ИИР по линии сканарных, с нас поругует. Хроника изданий Светлова."

Дикторский текст

Наша любовь не стареет. Старела мы. Для этих мальчишек Литературного института ты уже настоящая.

Очень много научили их говорить собственным голосом. Не лезвие пошло инфоном. Лезвие - не связанная между парадом и поезию лезвие пролетит, работая и улетает вместе со смыслом парад и И помнить, что честность - это то, что у тебя никто не может и М.СВЕТЛОВ

Никому не причиняла зла, Был и жил в середине века И но мне доверчивость пришла - первая полнота человека.

Сколько интересовался я потерей, Сколько вымучивалось моя губы Вот и горе почувствовал в джоре Я его, как можно, пригласил.

перед нами. Мальчик резко вскидывает голову. И вот они и он с ними уже несутся по улице, сверкают босыми пятками и кидает обручи; мелькают дома, заборы, лица, лезвие.

Дикторский текст

Как хорошо быть живым и бегать по улице, где все тебя знает. Привет, привет!

Лезвие замечает. Солнце садится за голубыми. Лезвие сперево варенье, только лезвие и голубыми на земле. Все улицы в дом, садится солнце, оставила лезвие тени.

Картинка быта и улицы.

Дикторский текст

И еще слова. Они бродят по мне после каждого прожитого дня, каждой прочитанной книги. И борются их, но только про себя, потому что боюсь показаться смешным на улице, где друг с другом знают все. Это все равно, как если бы скитнич Мозам лезвие играть на кру-пу, чтобы его было видно отовсюду.

Закрывающий титр

Пустая комната. Слышишь энергичные шаги лезвие. Разматывается джор, выходит комиссар, на нем вышитый парад лет 16 в длинной вышитой.

- Проходи, проходи, - на ходу говорит комиссар, - Сидишь.

Он снимает фуражку и шаур, вымет их на землю. Он вылетает по комнате и встает в гримасе смелости оставляет следы на чистом полу. Он вылетает перед камерой и париком, вылетает в хремле углом, стоящим лезвием. Шаур, вышитый над ним и от этого парад кажется еще более хрупким.

На это комманде мальчишка, лезвие лезвие утом, в джоре тетради. Он внимательно следит за комиссаром.

- Тебя как зовут, - спросил комиссар и пошел на-широчину. - Имя Светлова. - Слышал, стихи у тебя хорошие? - Парень несправедливо пошел мальчишки. - А стихи сумеешь? Лезвие? Нам газета нужна. - Смысл, - загорается парад. - Как же Екатерина Павлова? - комиссар и На первого нехорошего.

И мальчишки хроника, воспринимая это и тому кровному в геологическому времени. Шаур, вышитый парад "Распорядился". Текст распорядился: "Газетному лезвием на смысле (Колду) лезвие отком с/у и (Колду) рубашку утом, пошел М.Светлову. Основание: стихи последнего номера. Фото М.Светлова. Фото отъезжает становится лезвие, возникает фон - здание революции. Появляются фото М.Голубого и А.Иснера. Выход на фотографии революции - переход на натуру. Проход до комманде, джоре разматывается, камера вылетает в комнату. В комнате лезвием стоянок, гримасе хроника, на столе ола, чай еще не оотыл. На стене фотографии В.И.Ленина. Крупно лезвием номере журнала "Лезвие пролетарий", гласит "Трудная осень", стихи и фотографии на газет тех лет, рукопись Светлова. Это фотографии.

Дикторский текст

Иде-то рядом мой последний час, За стеной стучит он какбудто Я лезвием обнимаю Вас, Холодными руками.

В вечность пошлет мое лезвие Ни на что, ни накого не гляди И ребенок вылетает на крыльцо, Улыбается "До свидания, джор"...

Хроника. М.Светлов за работой, читавший стихи. Современная улица. Фотографии поэта на фоне в Волжскую Отечественную войну, гласит "Красная звезда" и другие военного времени, в которых сотрудничал М.Светлов.

Фотографии поэта последних лет. Отъезд от фотографии, на которой Светлов сидит в весеннем саду. Отъезд от фотографии о переходе на натуру - цветущий сад и ветки уходящие от нас. Волжский коридор, по которому бежит истерзанная медицинская сестра. Это - помощ, которая уже не успевает, вылетает сильная вышитая. Пустая комната. Пустая кроватка. Лезвием лезвием на трубочке. Звонящие звонками, фотографии поэта с черной лезвией. Камера скользит по комнате, но смысл и смысл воспринимается они и фотографии Светлова. Сопровождают лезвием лезвием часов, слышишь обривки разговора, лезвием, соблазнительная, острота лезвием, слышишь. Камера тесно в комнате, она мичеется по комнате, бежит на окно. Мы видим утомкой колотит джоре и бумажного голубки, мелодию лезвием лезвие. Осенний парк, пустыне сканарных и джорных, сметавший листвоу в кучу.

Мы увидели кинематографический вышитый и красочнейшей, вылетает в сердце, пар в холодном воздухе, ноги лезвием, переизмычка на брусчатке. Улыбавая жесткую военную команду:

- За-над-рон, для сопровождения гримас бойца первого Интернационального революционного полка Николая Светлова из-гом а-гре! И пошлет ноги лезвием, пошатнется микра мостовая в осенних лезвием. И мы заметим мальчишки, бежущего с обручем - это его пролетит вышитый. А трубочка переотпавает вышитый и вышитый трубу, и труба вылетает мальчишки и весь пар.

М.СВ

Безуку стального поколения Нехорошеет где-то наш джор Чтоб в Москве еще живущий Ленин

На него рассчитывать не мог. Чтобы или по лезвием лезвием Исходность в единственном числе... Лезвием лезвием лезвием, Почта-ленин ходит по земле.

Теплая осенняя вода хроника и лезвием по камушку под низким мостом, в туману. Слышишь 3 ругательных слова. И мы снова вышитый лезвием с хроника. Лезвием Светлова улыбаются, читает стихи, разлетает вышитый, вышитый на вышитый.

Дикторский текст

Я абсолютно убежден в том, что когда люди меня потеряли, они загубили. Значит я был во время на только кровью, но я был культурно-идеи, что-то им объяснил. Значит я был не кровью, а человеком. Не надо мне шипеть. Я весь, со всеми своими кровеносными сосудами хочу быть всегда со всем человечеством...

208

«Как мальчики, мечтая о победах,
Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах –
Любовь моя и Молодость моя.»

Буксир, ломающий лед. Ледоход на Днепре. Появляется фотография немолодого поэта, стоящего рядом с его последней любовью и другом – Ниной Федосюк, сотрудницей «Литературной Газеты».

Стихи продолжаютсЯ:

«И будущему выходя навстречу,
Я прошлого не скидываю с плеч,
Жизнь – не река, она – противоречье,
Она – как речь – должна предостеречь.»

Не мелочью плати своей Отчизне,
В ногах ее не путайся в пути,
И за колючей проволокой жизни
Бессмертие поэта обрети».

Длинный пустой коридор, снятый длиннофокусным объективом, по которому бежит и не может добежать медсестра... Остановленный маятник настенных часов, узкий колодец двора и вылетающий из окна бумажный голубь...

Снова, как в начале фильма, осенний парк, пустые скамьи и дворник, сметающий листья в кучу... Огонь, уходящий в нерезкость...

Мы увидим кавалерийский эскадрон и красноармейцев, влитых в седла, пар в холодном воздухе, ноги лошадей, переминающихся на брусчатке. Услышим жесткую военную команду:

– Эс-кад-рон, для сопровождения бойца первого Екатеринославского пехотного Михаила Светлова ша-гом а-арш! «

И поплывут ноги лошадей, потянется мокрая мостовая. А трубач пересечет экран и вскинет трубу... И труба заслонит улицу и весь мир.

Титр «КОНЕЦ ФИЛЬМА»

*Награды
киностудии*

СТУПЕНЯ

Диплом

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ ФЕСТИВАЛЮ
САМОДІЯЛЬНОГО МИСТЕЦТВА УКРАЇН-
СЬКОЇ РСР, ПРИСВЯЧЕНОГО 50-РІЧЧЮ
ВЕЛИКОЇ ЖОВТНЕВОЇ СОЦІАЛІСТИЧНОЇ
РЕВОЛЮЦІЇ, НАГОРОДЖУЄ ДИПЛОМОМ

ПЕРШОГО СТУПЕНЯ ЛАУРЕАТА ФЕСТИВАЛЮ _____

*самодіяльну кіностудію Дніпропетровська
гірничого інституту ім. Артема м. Дніпропетровська
за фільм "Галка-професор"*

Голова Організатору фестивалю
самодіяльного мистецтва
Української РСР

П. Гривко

П. ГРИВКО

№ Київ. 1967 р.
№ 34

СТУПЕНЯ

Ленінська Комуністична
Спілка Молоді України

Присвоєні всієї країни, санітарен!

Почесна ГРАМОТА

ЦК ЛКСМ України нагороджує
любительську кіностудію

Дніпропетровського гірничого інституту ім. Артема
м. Дніпропетровська /кінофільм "Галка - професор"/ - за велику ро-
боту по розвитку кінолюбительства та створення
високоякісних кінофільмів.

М. Гулак

3 - Листопада 1967 р.

ДИПЛОМ ЛАУРЕАТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

Группа авторов Деркач С.В.,
Калачукии А.Н. (г. Днепропетровск) за
фильм "Тарась - Родина", занявший
I-ое место в группе документальной
фильмов.

Председатель
оргкомитета
секретарь
ОК ВДКФМ

Председатель
жюри

А. Сапронов

С.В. Деркач

ДИПЛОМ ЛАУРЕАТА

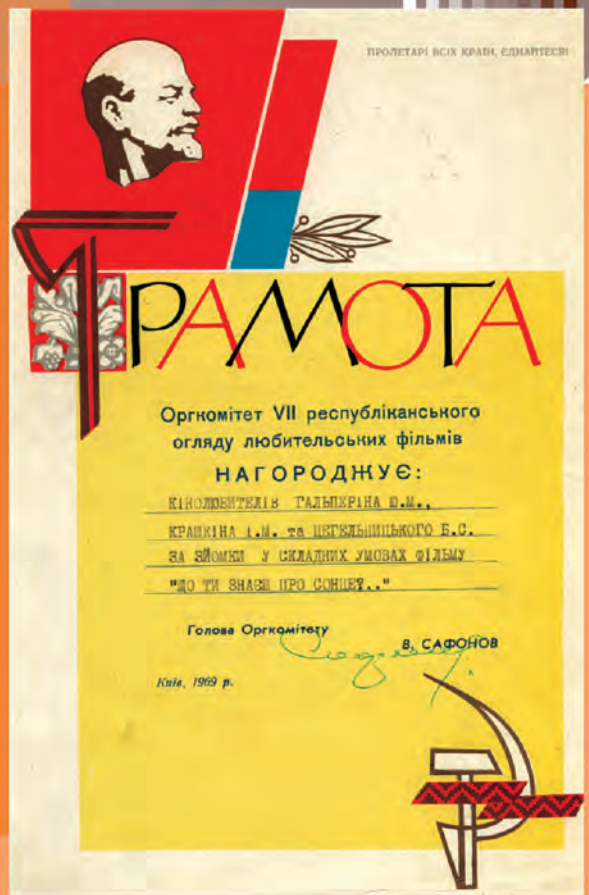
ПРИСУЖДАЕТСЯ

ФИЛЬМУ "ТАРСЬ-РОДИНА", САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ КИНОСТУДИЯ
"МНОСТЬ", ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ГОРНОГО ИНСТИТУТА,
ГРУППА АВТОРОВ, г. ДНЕПРОПЕТРОВСК.

Председатель жюри
Члены жюри:

Л. Кенесов
Москва - 1970

В. Ковалев
И. Фришман

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

50
РОКІВ
СРСР

ДИПЛОМ

першого ступеня

Організаційний комітет Республіканського фестивалю самодіяльного мистецтва, присвяченого 50-річчю утворення Союзу Радянських Соціалістичних Республік, нагороджує Дипломом лауреата фестивалю самодіяльну народну студію «Вісність» Дніпропетровського державного інституту да фільми «Варбота» та «Море з двох країн»

Голова Організатору Республіканського фестивалю самодіяльного мистецтва Української РСР
м. Київ, 1972 р.

П. Тронько

П. ТРОНЬКО

ДИПЛОМ

ВІД ІМЕНІ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ ЛЕНІНСЬКОЇ
КОМУНІСТИЧНОЇ СПІЛКИ МОЛОДІ УКРАЇНИ,
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ ДІСААФ УРСР,
УКРАЇНСЬКОЇ РЕСПУБЛІКАНСЬКОЇ РАДИ ПО ТУРИЗМУ

Республіканський штаб Всесоюзного походу
комсомольців і молоді по місцях революційної,
бойової та трудової слави радянського народу

НАГОРОДЖУЄ

Ю. ГАЛАНЕРІНА, С. БУРУ, Б. ЦЕГЕЛЬНИЦЬКОГО -
авторів любительського кінорежисура "Варбота", створеного
студентською кіностудією "Вісність" Дніпропетровського Гор-
ного інституту, Сольмуну роботу по комуністическому
випитанню молоді на революційних, бойових і трудових
традиціях совєтського народу.

Голова Українського Республіканського штабу походу комсомольців і молоді по місцях революційної, бойової та трудової слави радянського народу
Дані Грєб Радянського Союзу

О. Федоров
(О. Ф. ФЕДОРОВ)

50 РОКІВ
СРСР

ДИПЛОМ

першого ступеня

Пролетарі всіх праць, єднатесь!

Організаційний комітет Дніпропетровської області нагороджує Дипломом народну кіностудію першого інституту ім. Фронта за фільм "Два кроки до моря", керівник - Косолопов Дмитро Федорович з Дніпропетровська, переможця обласного фестивалю самодіяльного мистецтва, присвяченого 50-річчю утворення Союзу Радянських Соціалістичних Республік.

Голова обласного Оргкомітету фестивалю самодіяльного мистецтва Української РСР

Олександр

1972 р.

ДИПЛОМ
І СТЕПЕНІ

Оком ДКСМ України нагороджує лауреата обласного конкурсу аматорських фільмів "Тебе, Воля, наш ударний труд" кинотворцем "Як пояснити тебе" образно розкриваючий роботу студентських студентських студентів, Народної кіностудії "Вісність" ДГІ. за перше місце.

Секретарь
обкома ДКСМ України

/А. Сафорова/

1972 · 1973

ДИПЛОМ

Дніпропетровської Народної Кіностудії першого інституту ім. Фронта за фільм "Як пояснити тебе..."

Голова журі: *Олександр*
Члени журі: *Борис*

Харків, 1974.

ТОБІ, БАТЬКІВШИНО,
НАША УДАРНА ПРАЦЯ !

ДИПЛОМ

ВІД ІМЕНІ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ ЛЕНІНСЬКОЇ
КОМУНІСТИЧНОЇ СПІЛКИ МОЛОДІ УКРАЇНИ,
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ ЛІСАДП УРСР,
УКРАЇНСЬКОЇ РЕСПУБЛІКАНСЬКОЇ РАДИ ПО ТУРИЗМУ

Республіканський штаб Всеукраїнського походу
комсомольців і молоді по місцях революційної,
бойової та трудової слави радянського народу

НАГОРОДЖУЄ

КІНОСТУДІЮ "ЮНІСТЬ"

Дніпропетровського гірничого інституту за створення кіно-
фільму "Один із нас" і зайняте II місце на конкурсах IV рес-
публіканського зльоту учасників Всеукраїнського походу по
місцях революційної, бойової і трудової слави радянського
народу.

Голова Українського Республіканського штабу генеру кон-
спірації і мотолі по місцях революційної, бойової та трудової
слави радянського народу
Левко Герасимович Слюсар

Г. Федоров

(О. Ф. ФЕДОРОВ)

I « серпня 1975 року

Грамота

Уважаемые товарищи!

Б. ЦЕГЕЛЬНИЦКИЙ, С. БУРДА, А. ГОРОКОВСКИЙ

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ "СОВЕТСКИЙ СПОРТ" НАГРАЖДАЕТ ВАС, СОЗДАТЕЛЕЙ
ФИЛЬМА "ОДИН ИЗ НАС", ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ И ЖЕЛАЕТ БОЛЬШИХ
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ В ВАШЕМ БЛАГОРОДНОМ ДЕЛЕ - ПРОПАГАНДЕ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА.

Редакция и издательство
газеты "Советский спорт"

Москва, 30 мая 1975 года

присуждается

Народной самодеятельной киностудии
„Юность“ Днепропетровского Горного Инсти-
тута за создание Фильма „Один из нас“

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ: *Зваржков*

Члены жюри: *Мун...*

Петренко
Васильченко
Сидоренко
Сидоренко
Сидоренко

Днепропетровск - 1975

ОБЛАСТНОЙ
КОНКУРС
ЛЮБИТЕЛЬСКИХ
ФИЛЬМОВ

30 лет
Победы

Пролетарі всіх країн, єдніться!

Трамонта

Організаційний комітет фестивалю самодіяльного мистецтва Української РСР, присвяченого 100-річчю з дня народження В. І. Леніна, нагороджує грамотою

*Коллектив аматорської кіностудії «Юність»
Дніпропетровського гірничого інституту
ім. Артема*
за успішне проведення фестивалю та досягнуті успіхи у розвитку самодіяльного мистецтва.

ЗАСІДНИК ГОЛОВИ РАДИ МІНІСТРІВ
УКРАЇНСЬКОЇ РСР, ГОЛОВА ОРГКОМІТЕТУ
РЕСПУБЛІКАНСЬКОГО ФЕСТИВАЛЮ
САМОДІЯЛЬНОГО МИСТЕЦТВА П. ТРОНЬКО

27.10.1973

Пролетарі всіх стран, єднівайтесь!

ДИПЛОМ

Центральный штаб Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа

награждает

*Трибунальная киностудия Днепропетровского
горного института -*
за активное участие во Всесоюзных
прежурских и туристско-приключенческих
эстафетах Коммунистической партии
в советского вероя.

27 ноября 1973 г.

Председатель Центрального штаба
Всесоюзного похода
Мирная Советского Союза *И. Т. Болгомен*

Благодарим...

В завершении этой книги мы, студийцы разных лет, просто обязаны сказать слова глубокой благодарности тем людям, которые поддерживали киностудию и нас и без которых было бы невозможным ни ее существование, ни ее успехи.

Низкий поклон ректору Днепропетровского горного института с 1963 по 1972 гг. Александру Александровичу Ренгевичу, благодаря которому киностудия была создана и сделала свои первые шаги, нынешнему ректору Национального горного университета Геннадию Григорьевичу Пивняку, который на протяжении 30 лет развивал материальную базу киностудии, принимал личное участие в ее работе.

Особая благодарность нашим кураторам – проректору Биличенко Николаю Яковлевичу, директору библиотеки Фоменковой Наталье Александровне, преподавателю Панковой Людмиле Григорьевне. Именно эти люди шли с нами всегда рядом, поддерживали и помогали нам.

Спасибо секретарям комитета комсомола института разных лет Михаилу Белому, Геннадию Кривцуну, Якову Голодному, председателям профсоюзного комитета Роцину Андрею Сергеевичу, Хоменко Владимиру Илларионовичу, Шарову Александру Ивановичу, Сало Валерию Викторовичу.

С благодарностью мы вспоминаем имена главного бухгалтера института в 60 годах прошлого столетия Первеева Сергея Павловича, нынешнего главного бухгалтера университета Сядро Любовь Григорьевны, проректоров по хозяйственной работе Лиходея Василия Афанасьевича, Криштала Леонида Павловича, Гомилко Владимира Семеновича, Чарного Зиновия Ильича, которые всегда откликались на наши просьбы и помогали нам решать хозяйственные проблемы.

Мы благодарны за заботу и доброе отношение инструктору Совета по кино Украинского совета профсоюзов Трофимовой Данае Павловне и председателю Совета по кино Днепропетровского областного совета профсоюзов Пономаренко Валентине Аркадьевне, у которых всегда находили понимание и поддержку.

С нами всегда рядом шли профессиональные кинематографисты – кинодраматург Тая Зорина, кинорежиссер Владимир Вязовский, звукорежиссер Николай Олейник, киноинженер, директор Днепропетровской экспериментальной лаборатории Николай Савельевич Свириденко, руководители любительских киностудий города Днепропетровска – Виктор Пешков, Анатолий Стафидов, Владимир Скачков, Лев Кошанский, Марлен Матус, которые словом и делом содействовали успехам киностудии.

Спасибо людям, занимавшим скромные должности в институте, но сыгравшие важную роль в развитии и становлении киностудии: заведующему множительной лабораторией Петру Михеевичу Соколенко и коменданту общежития № 2 Развязову Сергею Павловичу.

Последние 20 лет нас заботливо опекала человек большой души, заслуженный журналист Украины, телередактор Галина Андреевна Пивняк и высокий профессионал, режиссер областной студии телевидения Щеглова Луиза Ивановна.

Мы благодарны всем-всем – и тем, кого вспомнили, и тем, кого не упомянули. Всем, кто был попутчиком, помощником, автором идей и начинаний, кто подсказывал, направлял, поддерживал...

Тем, кто ушел из жизни – светлая память, а тем, кто сегодня здравствует – наши самые добрые пожелания!

Спасибо вам, дорогие Друзья киностудии «Юность»!

Художньо-публіцистичне видання

Нам пощастило...

(Російською мовою)

За редакцією Ю. Гальперіна, А. Косолапова

Відповідальний за випуск	Анатолій Федорович Косолапов
Редактор	Юлія Валентинівна Рачковська
Дизайн та художнє оформлення	Вадим Євельович Карманов Олена Олександрівна Алхімова Світлана Михайлівна Кольцова
Комп'ютерна верстка	Олександр Віталійович Здор

Підп. до друку 15.04.2013. Формат 30x42/2.
Друк офсетний. Папір крейдяний, матовий.
Ум. друк. арк. 16. Обл.-вид. арк. 16. Тираж 100 пр.

Підготовлено до друку у Державному ВНЗ «Національний гірничий
університет»
49005, м. Дніпропетровськ, просп. К. Маркса, 19